

РОМАНЫ
УЖАСОВ

Кробоага Оумегз

КРОВАВАЯ ОБИТЕЛЬ

**Антология ужаса
и мистики**

ВЕЧЕ
Москва — 1993

ББК 84.7 США
К 89

К 89 **Кровавая обитель. Сборник романов ужаса. Пер. с**
англ., нем. — М.: Вече, АМЕХ, 1993. — 448 с.

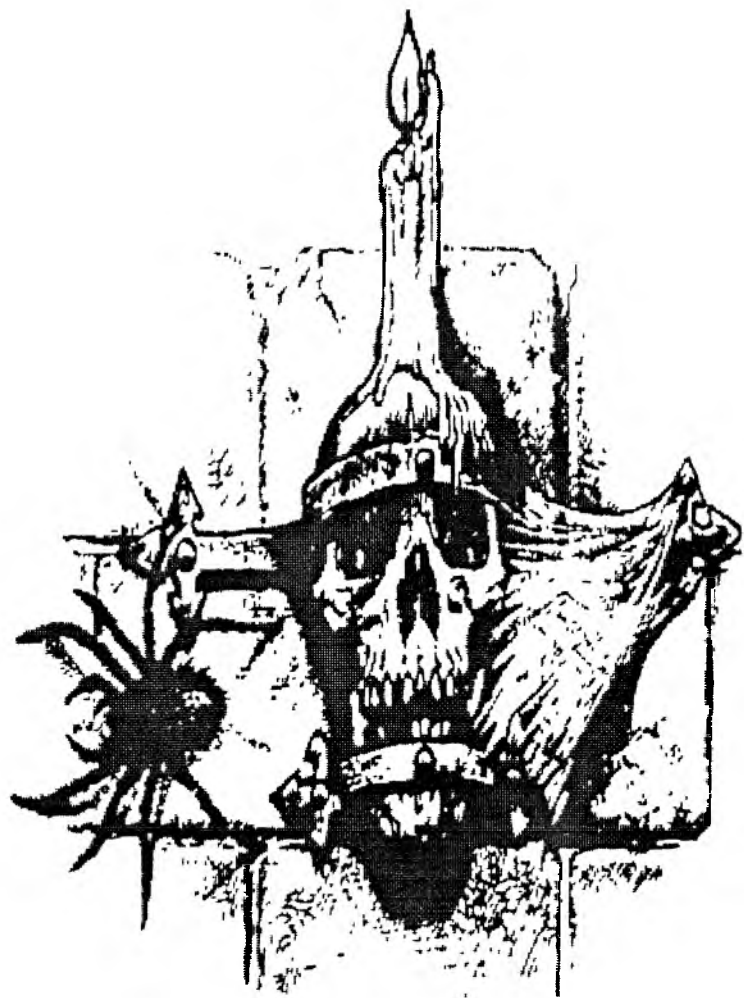
В этих произведениях, впервые переводящихся на русский язык, читатель соприкоснется с романами, новеллами и повестями, исполненными ужаса, мистики, тайны, пройдет по различным ответвлениям этого жанра — от новелл о Дракуле популярного английского мистика Брэма Стокера до детективной истории знаменитого Эдгара Уоллеса.

Перевод с английского

ISBN 5-7141-0010-7

© Перевод на русский язык,
составление серии. ИПП «АМЕХ
Ltd», 1993
© В. Сахаев, обложка, 1993

Брэм Стокер

**Навеки ваш,
Дракула...**

Девять «страшных» рассказов, один из которых писался как эпизод всемирной книги «Дракула», но никогда не публиковался.

От издателя¹

Этот сборник рассказов, написанных Брэмом Стокером, вышел в свет в 1914 году. Позднее, 14 сентября 1927 года, в ознаменование двадцать пятой ночи «Дракулы» на сцене лондонского театра Принца Уэльского вышло специальное издание книги количеством в тысячу экземпляров. Каждому зрителю был вручен «колдовской пакет», в котором он обнаруживал свой экземпляр. В тот самый момент, когда книга раскрывалась, из нее вдруг выпархивала летучая мышь, укрепленная пружиной под обложкой...

¹ Предисловие к лондонскому изданию 1966 г.

Предисловие

За несколько месяцев до того скорбного дня, когда скончался мой муж — я могу точно сказать, что все последнее время тень смерти витала над ним, — он задумал опубликовать три серии рассказов. Настоящая книга — одна из этих серий. К первоначальному списку в восемь рассказов я добавила также не публиковавшийся доселе эпизод из «Дракулы». Я надеюсь, что он представит интерес для публики, особенно для тех читателей, которые являются поклонниками самого замечательного произведения моего мужа. Остальные рассказы уже публиковались в английской и американской периодике. Проживи их автор дольше — и он, наверное, многие из них пересмотрел бы и переделал, ведь почти все они относятся к самому началу его творческой, наполненной трудом жизни. Но раз уж судьба позволила мне распорядиться этими произведениями, я нахожу их вполне достойными и выпускаю их в свет такими, какими они вышли из-под пера моего мужа.

ФЛОРЕНС БРЭМ СТОКЕР

В ГОСТЯХ У ДРАКУЛЫ

Когда я решил выехать на прогулку, яркое солнце заливало своими лучами весь Мюнхен. Воздух был чист и свеж, как всегда в начале лета, а между тем на дворе была зима. Настроение было отличное. Уже в момент отправления показался герр Дельброк, пожилой лысоватый метрдотель гостиницы «Времена года», где я остановился. Пожелав мне счастливой поездки, он обратился к кучеру, который не успел еще занять свое место на облучке и стоял у дверцы коляски:

— Не позабудь, что тебе нужно вернуться до ночи. Пока небо чисто, но северный ветер что-то усиливается — как бы не налетела буря. Впрочем, я знаю, что ты будешь вовремя. — Он улыбнулся и добавил: — Ведь тебе хорошо известно, что такое здешняя ночь.

Иоганн со всей серьезностью воспринял эти слова и кратко ответил:

— Да, мой господин.

Придерживая одной рукой шляпу, чтоб ее не сбросило ветром, он стегнул лошадей, и коляска резко взяла с места. Скоро мы выехали за пределы города, и я дал Иоганну знак притормозить. Там, у гостиницы, они говорили между собой на немецком, и моих скудных познаний в этом языке как раз хватило на то, чтобы уловить суть сказанного. Поэтому я спросил кучера, когда коляска остановилась:

— Скажи-ка, Иоганн, сегодня ожидается что-то неприятное?

— Walpurgis Nacht, — сказал он, торопливо перекрестившись. Потом он достал свои карманные часы — известной

немецкой марки, старомодные, размерами и формой напоминающие репу с грядки, посмотрел на циферблат нарочито озабоченно, сдвинув брови и передернув плечами, всем своим видом показывая, что очень бы желал поскорее завершить прогулку. Я и сам понял, что эта остановка в пути была не обязательна, и поэтому опять устроился в коляске, дав кучеру знак трогаться. Он погнал так, как будто мы куда-то опаздывали. То и дело я замечал, что лошади воротят морды в разные стороны и обеспокоенно вдыхают воздух расширенными ноздрями. Наконец, я и сам стал с подозрением и тревогой оглядывать окрестности.

Дорога в оба конца была пустынна и пробегала по высокому и открытому всем ветрам плато. Через некоторое время я увидел ответвляющуюся от нашей другую дорогу. Она вся поросла высокой травой и вообще имела сильно заброшенный вид. По ней когда-то люди спускались с плато в небольшую долину, зеленеющую аккуратным пятнышком вдали. Почему-то эта дорога очень притягивала меня и, отдавшись этой манящей силе, я, понимая, что рискую вконец обидеть Иоганна, попросил его остановиться. Когда он выполнил мою просьбу, я выразил желание, чтобы дальше мы ехали по этой дороге. Он на все мои слова только отрицательно качал головой и неистово крестился. Но всеми своими жестами он достиг прямо обратного результата: мое любопытство до крайности возбуждалось, и я стал буквально забрасывать его разными вопросами. Он отвечал чрезвычайно путано и поминутно косился на свои часы. Наконец я сказал:

— Как знаешь, Иоганн, а я иду по этой дороге. Я не обязываю тебя сопровождать меня, но скажи мне, пожалуйста, внятно: почему ты не хочешь идти? Это все, что мне хочется от тебя узнать.

Вместо ответа он спрыгнул со своего сиденья на землю и, умоляюще протянув ко мне руки и что-то отчаянно бормоча, старался, видимо, отвести меня от задуманного предприятия. Добраться до сути его объяснений сквозь невообразимую мешанину английских и немецких слов было практически невыполнимой для меня задачей. Ясно было, однако, что он пытается довести до моего сведения мысль, которая самого его повергла в крайний ужас. Но, увы, все его аргументы ограничивались крестными знамениями и словами:

— Walpurgis Nacht!!!!¹

Я попытался было помочь ему наводящими вопросами, но

¹ Вальпургиева ночь!!!! (нем.) (прим. ред.).

не так-то просто выспрашивать что-то у человека, языка которого практически не знаешь. Наконец он понял, что мы так не найдем общего языка и, напрягшись, перешел на английский. Впрочем, это мало помогло — такого ужасного акцента и таких изуверченных фраз мне не приходилось слышать нигде и никогда. Кроме того Иоганн очень волновался и постоянно перескакивал на свой родной язык и, наконец, беспрестанно отвлекался на свои часы. В довершение всего забеспокоились и забили копытами лошади. Он побледнел, как полотно, подскочил к ним и, сильно натягивая поводья, заставил отойти их с прежнего места футов на двадцать в сторону. Я подошел и спросил, зачем он это сделал. Тот бросил до смерти испуганный взгляд на то место, которое мы покинули и, осенив его крестом, белыми губами прошептал что-то на немецком, а потом — для меня — сказал на английском:

— Здесь закопан один из них! Один из тех, что покончили жизнь самоубийством!..

Уяснив сказанное, я тут же вспомнил старинный обычай — хоронить самоубийц на перекрестках дорог.

— Ага! Понимаю — самоубийцы! — воскликнул я. — Это же по-настоящему интересно!

Единственно, что мне было абсолютно непонятно, так это почему так разволновались лошади.

Во время нашего разговора издали послышался вдруг странный звук. Что-то между рычанием и воем. Из-за удаленности и поднявшегося ветерка слышно было плохо, но лошади просто обезумели, и Иоганн, как ни старался, все не мог их успокоить. Он повернул ко мне бледное лицо и прошептал:

— Похоже на волка... Но в такое время у нас не бывает волков!..

— Не бывает? — переспросил я. — А что, иногда все-таки волки подбираются так близко к городу?

— Да, — ответил он. — Весной и летом. Но со снегом они уходят... Обычно уходят, — поправился он, встревоженно прислушиваясь.

Пока он успокаивал лошадей, на небо надвинулись огромные темные тучи. Солнце ушло, зато задул сильный пронизывающий ветер. Отдельный слабый лучик света пробился было на секунду из-за хмурой завесы, но тут же исчез окончательно. Это было как будто предупреждение. Иоганн долго вглядывался в сторону северной части горизонта и потом сказал:

— Приближается снежная буря.

Он снова кинул взгляд на циферблат часов, все еще не отпуская натянутых поводьев, так как лошади до сих пор не

хотели стоять смирно, переступая копытами и потрясывая гривами. Затем он быстро взобрался на облучок, показывая этим, что мы слишком задержались с отправлением.

Я решил немного поупрямиться и не спешил занимать свое место в коляске.

— Скажи все-таки, куда ведет эта дорога, — попросил я настойчиво, махнув рукой в сторону долины.

Прежде чем что-либо ответить, он снова перекрестился и пробубнил молитву.

— Это страшное и злое место, — сказал он.

— Какое место?

— Деревня.

— Ага! Значит, там все-таки есть деревня?

— Нет, нет. Уже несколько веков там никто не живет.

Мое любопытство достигло высшей точки.

— Но ты сказал, что это деревня.

— Это была деревня.

— А что там есть сейчас? И куда подевалась эта деревня?

Он повел свой рассказ, густо перемешивая немецкие и английские слова, так что я едва-едва мог его понять. Но все-таки мне удалось выудить кое-что.

Давным-давно, несколько сотен лет назад, умерших хоронили прямо в деревне. Земля под могильными плитами шевелилась и из ее черных глубин до поверхности доносились стоны. Пришел час, и могилы отворились. Мертвые восстали из гробов, и на устах их была кровь. Некоторые, в поисках спасения своих душ (тут Иоганн несколько раз подряд осенил себя крестом) отправились туда, где жили живые. А другие остались в деревне мертвых и...

Он тяжело и прерывисто дышал, и страх петель сжимал его горло, не давая произнести последние слова. По мере продолжения его рассказа, он становился все более возбужденным. Казалось, он уже полностью утерял контроль над своим взывавшимся воображением. Закончил он, сотрясаясь в пароксизме ужаса: с бледным, словно полотно, лицом, весь покрытый испариной, дрожа и вглядываясь поминутно к себе за спину и по сторонам, словно ожидая появления около нас чего-то ужасного. Под конец, когда его отчаяние достигло высшей точки, он крикнул:

— Walpurgis Nacht!!!

Он нервно указал мне на коляску, настаивая на скорейшем отъезде. Когда меня начинают пугать, во мне закипает вся моя английская кровь. Поэтому я спокойно сказал ему:

— Ты трусоват, Иоганн, трусоват. Отправляйся домой, а я

вернусь позже один. Прогулка мне на пользу, и я не собираюсь ее прерывать.

Дверца коляски была распахнута. Я вытащил прогулочную дубовую трость, с которой никогда не расставался во время выходных моционов, махнул ею в сторону Мюнхена и повторил:

— Отправляйся домой, Иоганн. *Walpurgis Nacht* не принесет вреда истинному англичанину.

Лошади не стояли на месте, и Иоганн, прилагая все усилия к тому, чтобы сдержать их, одновременно умолял меня не совершать задуманной глупости. Мне было искренне жаль беднягу, но все же, глядя на то, как страх преобразил его, я не мог удержаться от смеха. От его корявого английского к той минуте уже не осталось и следа. В приступе ужаса и отчаяния он совсем позабыл о том, что рассчитывать на понимание с моей стороны можно только, говоря на моем языке. Но он даже для вида уже не вставлял в свою речь английских слов. Наконец все это начало утомлять меня. Я в последний раз кивнул ему в сторону Мюнхена и сказал:

— Ступай, — а сам стал спускаться по сбегавшей в долину запущенной дороге.

Видя, что ничего другого ему не остается, Иоганн безнадежно качнул головой и стал разворачивать лошадей в обратный путь. Я посмотрел ему вслед, опираясь на трость. Иоганн устроился на облучке и совсем почти не правил. Лошади, почувствовав, что возвращаются в спокойное тихое стойло, шли сами.

Вдруг на гребешке невысокого холма, что был недалеко от дороги, появился человек. Он был очень худощав и высокого роста. Мне было хорошо его видно. Он повернулся в сторону коляски, и в ту же секунду лошади словно взбесились. Стали лягаться и рваться в разные стороны. При этом они страдальчески ржали. Иоганн никак не мог справиться с ними, и наконец они сорвались с места и стрелой понеслись в сторону от дороги. Я провожал их взглядом, а потом попытался снова увидеть незнакомца. Однако мне это не удалось — он исчез.

Я опять повернул в том направлении, против которого так горячо протестовал Иоганн. Я даже не мог понять толком, почему ему не нравилась эта дорога и эта долина.

Часа два я шагал, совершенно не чувствуя ни времени, ни расстояния и не встречая на своем пути ни дома, ни человека. Места были действительно заброшенные и пустынные. Наконец дорога сделала изгиб, и я оказался на опушке редкого

леса. Мне даже нравилось, что я здесь совершенно один, наедине с природой.

Я присел отдохнуть и стал оглядываться окрест. Только сейчас я ощутил, как заметно похолодало. В воздухе над моей головой стоял приглушенный шум, словно бы кто-то тяжело вздыхал. Посмотрев вверх, я отметил быстрые передвижения грозовых облаков в направлении с севера на юг. Вообще не нужно было проявлять острую наблюдательность, чтобы понять, что надвигается буря. Я немного замерз и, решив, что это из-за моей остановки, возобновил движение по заросшей бурьяном дороге.

Вскоре окружавший меня ландшафт стал гораздо более живописным. Каких-то особенно ярких деталей, на которых останавливался бы глаз, не было, но общая, погруженная в молчание красота была несомненна.

Через некоторое время я вдруг неожиданно увидел, что на долину опускаются сумерки, и уже стал подумывать о том, как бы не заблудиться при возвращении. Дневная яркость и свет постепенно и незаметно растворились в воздухе и тучах, и вдруг мне пришлось отметить, что они исчезли совсем. Воздух стал очень холодный, и тучи, казалось, спустились ниже к земле. Приход вечера сопровождался отдаленным, но постоянным придыхательным шумом, сквозь который через определенные паузы прорывался мистический вой, который Иоганн отнес на счет волков. Я немного смутился. Но потом сказал себе, что непременно хотел увидеть заброшенную деревню и пошел дальше.

Скоро я оказался в широкой ложине, огороженной со всех сторон высокими холмами. Их склоны были покрыты деревьями, росшими большими группами в ложбинах. Я посмотрел, куда ведет моя дорога, и обнаружил, что она упирается в одну из таких рощиц и теряется в ней.

Пока я стоял и вглядывался вдаль, воздух заметно отяжелел, и вот уже повалил снег. Я подумал о том расстоянии, которое я преодолел, прежде чем добраться до этой ложины, и решил искать убежища от пурги где-нибудь поблизости. Думая так, я направился к густо растущим деревьям. Небо на глазах чернело, и снегопад усиливался. Скоро вся земля была покрыта плотным белым настилом по всей ложине. Дорога почти совсем исчезла под снегом, и мои ноги, глубоко проваливаясь, едва нащупывали ее. Ветер в течение какой-то минуты превратился в настоящий шквал, и это заставило меня пуститься бегом. Воздух леденил легкие, и, несмотря на то, что я был неплохой спортсмен, вскоре я стал задыхаться. Снег

валил такой плотный, что я едва мог разлепить глаза, чтобы не потерять направления. Удивительно, но небеса то и дело изрыгали самые настоящие молнии! При их неровном свете мне удавалось разглядеть впереди себя густую тень припорошенных снегом деревьев, — в основном это были кипарисы, а также гигантские тисовые кустарники.

Мне удалось наконец забежать под могучие кроны деревьев, и там, в относительной тишине, я мог слышать завывание ветра на открытом пространстве ложины и вверху, где облака едва не касались верхушек кипарисов. Мало-помалу хмурь и чернота пурги сменились хмурью и чернотой ночи. Буря утихла, и только злой ветер гулял еще порывами в темноте. В ту минуту я вновь обратил внимание на отдаленный вой, который, казалось, не прекращался ни на минуту во время всех последних часов.

То и дело в угрюмых облаках мелькала луна, и при ее свете я получал возможность оглядеться. Укрытый за кронами кипарисов и тисовых кустарников, я видел, что снегопад почти иссяк. Скоро я уже мог выйти на открытое пространство и обозреть преобразенные бурей окрестности.

Вот, кажется, началась и деревня. Я обходил один за другим разрушенные временем дома и думал найти среди них хоть какое-нибудь более или менее годное прибежище на ночь. Через несколько минут я уперся в низкую кирпичную стену, опоясывающую какую-то площадку. Немного походяв вокруг, я нашел вход. Здесь кипарисы образовали своими стволами почти правильной формы аллею, которая вела к темной квадратной громаде, являвшейся, по-видимому, каким-то зданием.

В тот самый момент, когда я уже собирался получше рассмотреть строение, тучи закрыли своей массой луну и мне пришлось продвигаться вперед в кромешной темноте. Ветер опять усилился и холодными струями обтекал меня со всех сторон. Я осторожно шел вперед и дрожал от холода. И надеялся, что это здание надежно укроет меня от всех причуд разгулявшейся природы, а потому не останавливался, даже, если приходилось прокладывать путь в темноте на ощупь.

Вдруг всякие звуки пропали, словно их и не было. Я остановился, прислушиваясь. Буря окончательно утихла. И только тогда я обратил внимание на то, как бешено у меня колотилось сердце. Впрочем, вместе с природой, начал успокаиваться и я.

Однако покой мой длился лишь минуту, пока из-за туч не выглянула луна и не осветила пространство передо мной. Я

стоял посреди старого заброшенного кладбища, где деревья были попеременно с могильными плитами и крестами. Прямо передо мной возвышалась та самая квадратная громадина, которую я вначале принял за дом. Это был огромный мраморный склеп, белый и сверкающий, как и снег вокруг него.

Буря, как оказалось, не ушла, а только притаилась до поры и теперь возобновилась с новой силой. Ветер с ноющим шумом носился меж могил. Опять донеслись звуки отдаленного рычания или воя. От потрясения я едва держался на ногах, холод сковал мои члены и добрался, казалось, до самого сердца. Я стоял перед скорбным памятником из чистого мрамора, а вокруг бушевала буря, завывал ветер и тускло светила луна...

Завороженно глядя на склеп, я приблизился к нему, чтобы рассмотреть все вблизи. Найдя массивную дорическую дверь, я прочел на ней немецкую надпись:

ГРАФИНЯ ДОЛИНГЕН ФОН ГРАТЦ
ИЗ СТИРИИ
ПОСЛЕ ПОИСКОВ ОБНАРУЖЕНА МЕРТВОЙ
1801 г.

На крыше склепа — он был сложен из нескольких огромных кусков мрамора — выделялся железный столб или просто острый выступ. На нем я разглядел фразу, начертанную русскими буквами:

«Движения мертвых быстры.»

Все это настолько жутко и сверхъестественно, что я почувствовал необыкновенную слабость в ногах. В ту минуту я впервые пожалел о том, что не послушался малопонятных, но искренних советов Иоганна. Внезапно меня пробила мысль, подводящая логический итог всей этой мистике и ужасу. Вот она, Вальпургиева ночь!

Вальпургиева ночь, когда — согласно преданиям миллионов людей — дьявол покинул свою преисподню и поднялся на землю, когда отворились гробы и могилы и мертвые вышли из них... Когда на пир сошлись и слетелись все злые силы земли, воды и атмосферы. Кучер до смерти боится именно этого места! Этой заброшенной неизвестно сколько лет назад деревни! Это здесь совершались самоубийства, и это здесь я — совершенно один. Беззащитен. Полузанесен снегом. Дрожу от нестерпимого холода. С тоской смотрю на вновь собирающиеся

тучи. Мне потребовалась вся моя философия, вся вера, все мужество, чтобы не потерять голову от ужаса.

Самый настоящий ураган обрушился на меня с неба. Земля дрожала так, как будто по ней прогоняли тысячные табуны лошадей. Однако на этот раз шквальный ледяной ветер сопровождался не снегом, а градом. Увесистые камни хлестали об землю, словно пущенные из пращи. Кипарисы уже не могли обеспечить человеку безопасность. Я попытался забежать под одну из крон, однако скоро вынужден был покинуть ее, увешанный сломанными градом ветвями. Камни хлестко бились о стены склепа и стволы деревьев и с воем проносились вокруг меня. Убежищем в моем положении мог послужить только... склеп. Только за его массивной бронзовой дверью я мог спастись от урагана.

Я подбежал к мраморной махине и изо всех сил толкнул дверь. Она тяжело подалась внутрь, и я смог протиснуться в щель. Определенно, даже могила показалась мне уютней ненадежных кипарисов! В последний раз я обернулся на бушевавшее небо, и как раз в тот момент его прорезала гигантская молния. Рассчитывая при ее свете рассмотреть внутренность склепа, я обернулся. В открытом гробу лежала красивая женщина с яркокрасными губами и бледным лицом. В следующее мгновение словно бы рукой гиганта я был выброшен обратно на улицу, где грохотал гром и сыпался град. Это произошло так быстро и так неожиданно, что я еще долго приходил в себя — телесно и духовно — прежде чем ощутил боль от падавших градин. В тот же момент у меня возникло странное чувство, что я на кладбище не один...

Я вновь обернулся к вскрытому мной склепу. Вновь сверкнула молния ужасающих размеров. Она ударила около меня. Я видел, как искра скользнула по железному столбу на крыше склепа — это был, как теперь стало ясно, громоотвод, мрамор затрещал и в мгновение весь изошел крупными трещинами. Вокруг стоял невообразимый грохот. Мертвая рывком поднялась из гроба, ее тело сотрясала ужасная агония. По ее савану поползли языки пламени, и скоро она вся превратилась в гигантский факел. Я услышал ее дикий вопль боли, который сразу же потонул в шуме бури. Мое сознание помутилось. Возле меня раздалось зловещее рычание. Меня как будто подхватил какой-то невидимый гигант и потащил прочь. Град, ни на минуту не прекращаясь, обрушивался на меня, причиняя сильную боль, воздух сотрясаясь от воя и рыка множества адовых существ.

Последнее, что я видел, это колыхавшаяся вокруг меня

белая пелена, словно бы могилы выпустили на свет покойников в саванах и они медленно обступали меня со всех сторон сквозь темную завесу градопада.

* * *

Постепенно сознание возвращалось. Вернее, какие-то проблески сознания. Затем чувство гиперусталости и разбитости во всех членах. Ощущение времени и пространства восстанавливалось крайне медленно, но восстанавливалось несомненно. Ноги горели адским пламенем боли, так что я не мог даже пошевелить ими. Казалось, что они околели и превратились в ни на что не годные культы. Леденящий холод цепко держал шею, позвоночник, кисти рук. Уши совершенно не чувствовались, словно их и не было. Наверно, они тоже околели, как и ноги. Только в области груди я ясно ощущал тепло, необычное, если вспомнить о других частях тела. Это был кошмар, кошмар физический, если так можно выразиться. Какая-то тяжелая масса давила мне на грудь и от этого мне было трудно дышать.

Этот полусонный, полубоморочный ужас продолжался довольно долго, а когда он ушел, появилась тошнота. Совсем как в море. Я ощущал необходимость избавиться от чего-то, но не мог толком сообразить — от чего. На меня навалилась гнетущая тишина. Казалось, мир вымер или уснул навеки. Через некоторое время, однако, слух возвратился ко мне и я явственно различил в общей гамме ночных звуков тяжелое хрипенье прямо возле меня, как будто приближалось какое-то животное. Я почувствовал горячее шершавое прикосновение к горлу, и в следующее мгновение истина открылась мне. Страшная истина! У меня защемило сердце и кровь застыла в жилах. На моей груди разлегся крупный зверь. То и дело он проводил своим языком по моему горлу. Я боялся открыть глаза, что-то подсказывало мне не показывать вида, что я жив и не сплю. Однако чудовище, кажется, поняло, что во мне произошла какая-то перемена, потому что оно подняло голову. Через ресницы я рассмотрел очертания огромного волка. Два больших горящих глаза, устремленные на меня, крупные клыки с капельками крови на желтой эмали, ощеренная пасть и тяжелое дыхание, которым он обдавал меня с расстояния всего нескольких дюймов.

Потом я некоторое время ничего не помнил и не ощущал: видимо, опять потерял сознание. Вдруг сквозь пелену забытья до меня донеслось свирепое рычание и потом почти не прекра-

щающийся визг. Затем до моего слуха донеслись крики нескольких человек, звучавшие в унисон.

— Гоу, гоу!

Повинуясь инстинкту, я поднял голову и стал вглядываться в том направлении, откуда раздавались эти голоса. Мой волк по-прежнему выл, высоко задрав пасть. В роще кипарисов, которая была поблизости, в ответ замелькали десятки красных огоньков. С приближением людей волк выл громче и отрывистей. Кладбище разносило эти ужасные звуки на большое расстояние. Я боялся пошевелиться. Белый покров, окружавший меня, вдруг расступился, и я увидел красное зарево. В следующее мгновение из-за деревьев рысью показались кавалеристы с факелами в руках. Волк резко соскочил с моей груди и устремился к высоким могилам. Я видел, как один из солдат поднимает карабин и прицеливается. Другой быстро подбил его руку, и пуля просвистела прямо над моей головой. Тот, что стрелял, очевидно, принял мое распластанное тело за тело волка. Наконец пару пуль выпустили по настоящей цели. Группа всадников разделилась надвое. Одни поскакали в мою сторону, другие — за волком, который только что скрылся в полузанесенных снегом кипарисах.

Как только я понял, что меня нашли, я попытался приподняться навстречу, но силы изменили мне и я не мог даже пошевелиться. Однако я хорошо слышал, что происходит вокруг меня. Двое или трое солдат спешили и склонились надо мной. Один из них приподнял меня за голову и положил свою руку мне на сердце.

— Мы вовремя, друзья! — воскликнул он. — Его сердце еще бьется!

Я почувствовал прикосновение к моему рту холодного горлышка фляги и в следующее мгновение проглотил хорошую порцию коньяка. Это придало мне сил, и я открыл глаза. По заснеженным ветвям деревьев гуляли отсветы факелов, что были в руках всадников, и тени могил. Я услышал, как перекликались те, что бросились в погоню за волком. Постепенно все собрались около меня, обмениваясь тихими фразами. По всему было видно, что они тоже не чужды страха. Те, что были с самого начала около меня, стали расспрашивать своих товарищей.

— Ну что, нашли его?

— Нет! — ответили спрашивающему довольно резко. — Уйдем отсюда! Как можно быстрее! Нам нельзя здесь больше оставаться!

— Но что это было?

Заговорили все сразу, но почти одновременно же запнулись. Страх был силен, и он делал их речь малопонятной, сбивчивой...

— Это было... Это было нечто... — бормотал один, пытаясь справиться с глубочайшим потрясением.

— Как будто волк... Но не волк — это точно! — дрожащим голосом проговорил второй.

— Охотиться за ним без заговоренной пули — бессмысленно! — сказал третий спокойнее, чем остальные.

— Да поможет нам Господь уберечься в эту ночь от зла! Мы уже заработали нашу тысячу марок! Пора убираться отсюда! — нервно говорил самый молодой из кавалеристов, сдерживая своего беспокойного коня.

— Там, на расколотом мраморе, кровь! — сказал еще кто-то. — Молния тут ни при чем! Осмотрите его — с ним все в порядке? Вы видите, что у него с шеей?! Это тот волк! Он пил его кровь!

Кавалерист с пышными усами внимательно оглядел меня и сказал:

— С ним все нормально — на коже ни царапины. Но что все это значит? Ведь если не вой того волка, мы бы его ни за что не нашли!

— Куда пропало это чудовище? — спросил тот, что держал мою голову. Он менее остальных поддался панике, так как руки его не дрожали. На его рукаве я разглядел шеврон младшего офицера.

— Он отправился к себе домой, — ответил солдат со смертельно бледным лицом, заикаясь и трясаясь от ужаса. — Здесь достаточно могил! Он может сейчас отдыхать в любой из них! Нам нельзя здесь оставаться! Уйдем, прошу вас, уйдем сейчас же! Это проклятое место!

Офицер посадил меня на земле, одновременно отдав короткую команду. Меня взгромоздили на коня, следом за мной сел и офицер. Одной рукой он взялся за уздечку, а другой крепко держал меня. Он дал знак своим подчиненным, и мы поехали в сторону от мрачных кипарисов.

Ко мне еще не вернулся дар речи и поэтому я был молчалив. Должно быть я заснул, так как, открыв глаза, обнаружил себя уже стоящим на земле. С обеих сторон меня поддерживали сильные руки спешившихся кавалеристов. Время было уже почти дневное на севере сверкало красное зарево солнца, словно кровавая тропа на снегу. Как я понял, мы сделали небольшой привал в пути. Офицер, показывая на меня, говорил своим солдатам, чтобы они забыли о том, что

видели, и всем потом отвечали только, что нашли в лесу человека, охраняемого большой собакой.

— Собакой?! — воскликнул тот, что на кладбище проявлял себя наиболее малодушно. — Уж я-то верно говорю, что это был волк! По меньшей мере, волк...

— Я сказал — собака, — твердо ответил на это офицер.

— Собака — это хорошо! — весело произнес другой солдат. С появлением солнца настроение у него заметно поднялось. Но тут он указал на меня: — Посмотрите на его горло! Это, по-вашему, сделала собака?

Инстинктивно я поднял руку и приложил ее к шее. Острая боль ударила мне в голову! Солдаты сгрудились вокруг меня, жадно рассматривали, что я делаю, и озабоченно шептались. Их голоса заглушил вновь голос офицера:

— Вы помните, мы осматривали его на кладбище? Раны не было! Так что я еще раз повторяю: собака. Если мы будем говорить что-либо другое, нас засмеют.

Меня опять посадили на коня, и мы тронулись в дорогу. Скоро уже можно было разглядеть вдаль окрестности Мюнхена. В городе меня усадили в коляску и отправили в гостиницу «Времена года». Офицер сопровождал меня домой, а остальные возвратились в казармы.

Когда мы подъезжали, я еще издали заметил, как герр Дельброк со всех ног несется навстречу коляске. Он помог мне выбраться из нее и со всей осторожностью проводил в комнату. Офицер немного постоял в сторонке, потом взял под козырек и уже повернулся было к выходу, как я угадал его намерения и попросил его зайти ко мне.

Мы посидели за графином хорошего вина, и я выразил сердечную благодарность ему и его солдатам за мое спасение. Тот отвечал просто и был, по-видимому, очень рад со мной побеседовать, а попутно и вкушать плоды гостеприимства герра Дельброка. Когда офицер ушел, метрдотель долго и с уважением смотрел ему вслед.

— Но, герр Дельброк, — спросил я. — Как получилось, что меня стали искать?

Он неопределенно пожал плечами, а потом ответил:

— Я служил в том полку и просто попросил командира набрать добровольцев.

— Но как вы узнали, что я пропал?

— Иоганн пришел домой с остатками коляски, на которой вы уехали... Лошади все разбежались...

— И вы посадили целое отделение солдат, основываясь только на этом факте?

— О, нет! — ответил он живо. — Еще до появления кучера я получил телеграмму от господина, в гостях у которого вы были. Вот она, — добавил он, достав из кармана жилета листок бумаги и протянул мне. Я прочитал:

«МОЛНИЯ. Из Бистрицы.

Позаботьтесь о моем госте — его безопасность для меня дороже всего. Если с ним что-нибудь случится или он пропадет — не теряйте времени и сразу же приступайте к розыскам. Он англичанин и поэтому не может жить без приключений. Ночью все возможно: снежная буря, волки... Еще раз прошу — не теряйте ни секунды и действуйте, как только что-нибудь заподозрите. Ваше рвение будет вознаграждено. *Дракула.*»

В течение того времени, пока я читал телеграмму, вся комната каруселью кружилась вокруг меня. В один момент, если бы не предупредительный метрдотель, я упал бы на пол. Все это было настолько странно и невозможно представить, что я просто не знал, куда деваться. Выходит, я нахожусь под защитой некой ужасной мистической силы?.. Из далекого города мне пришла телеграмма в тот самый момент, когда я спасся от жестокой смерти в ледяной снежной постели и от клыков огромного волка... И именно из этой телеграммы мне стало ясно, кому я обязан своим спасением...

ДОМ ПРОКУРОРА

Время сдачи экзамена приближалось, и Малколмсон решил уехать куда-нибудь, где можно было бы спокойно и тщательно подготовиться. Он сразу отверг мысли о морском побережье — слишком много соблазнов. Остерегся и сельской глубинки, так как в ней тоже был определенный шарм, а ему необходимы были условия для напряженного труда и ничего кроме этого. Поэтому он остановился на маленьких городках, тихих и бесцветных, в которых не на чем было бы задержать взгляд. Он не стал просить советов у друзей, так как те обязательно послали бы его в город к своим знакомым, а ему требовалось уединение и покой. Он стал было подыскивать место для занятий самостоятельно, но выбор был столь велик, что остановиться на чем-нибудь определенном было почти невозможно. Тогда он собрал свой чемодан, увязал заказанные в библиотеке книги, отправился на вокзал и взял билет до первого попавшегося города, название которого бросилось ему в глаза при беглом взгляде на расписание движения поездов. Разумеется, раньше он в этом городе никогда не был и даже не слышал о нем.

Сойдя после трех часов езды на платформе Бенчарча, Малколмсон с удовлетворением отметил про себя, что в этом отдаленном от бурной жизни местечке он без помех сможет поработать над учебниками. И прямо с вокзала направился в местную крохотную гостиницу, чтобы остановиться в ней на ночь.

Бенчарч — ярмарочный городок, раз в три недели до отказа заполнялся предприимчивой публикой, но в остальное время тише и покойнее места не сыскать было во всей Англии.

Наутро Малколмсон отправился в поисках частного дома, сдающегося на съем: гостиница «Добрый странник», в которой он провел ночь, не могла предложить ему необходимого уединения. Он скоро нашел такой дом, который удовлетворял всем его требованиям относительно тишины и покоя. Это было не просто самое глухое место в городке — мягко сказано!

Дом имел вид пещеры отшельника. Неправильные очертания; тяжеловесность яcobинского стиля; старые, поросшие зеленью стены; неожиданно высокий фундамент и в то же время — низкие потолки; громоздкие фронтоны и грубо вреzzанные окна... Дом был окружен массивной высокой стеной из крупного кирпича. Своими тяжелыми полукрепостными формами он заметно отличался от остальных жилищ горожан. А все-таки он пришелся студенту по душе. «Это, — думал он, — как раз то, что я искал. Буду счастлив, если мне удастся здесь поселиться.» Его радость стала еще больше, когда он узнал, что в настоящее время дом пустует.

На почте Малколмсон навел справки об агенте, в ведении которого находились бумаги на съем этого дома. Им оказался господин Карнфорд, местный адвокат. Он был несказанно удивлен тем, что нашелся человек, пожелавший занять часть старого дома.

— Я, как лицо, представляющее интересы хозяев дома, естественно, буду только рад, если вы пожелаете поселиться в нем, — говорил он при встрече с Малколмсоном. — Но, вы знаете... Дом довольно долго пустует, и по городку уже стали распространяться недобрые слухи о нем. Народ у нас здесь с предрассудками, знаете ли... Но, впрочем, — он быстро посмотрел на студента. — Если вы въедете в дом, это положит конец глупым басням.

Малколмсон подумал, что совсем не обязательно расспрашивать агента об этих «глупых баснях». В крайнем случае от других людей он узнает гораздо больше, если захочет. И не долго думая, отсчитал плату за три месяца, получил взамен квитанцию и адрес женщины, которая могла бы выполнять обязанности экономки и уборщицы. Затем он отправился к хозяйке гостиницы, которая была мила и обходительна с ним, чтобы договориться о необходимых товарах и продуктах, которые он собирался заказать у нее.

Как только он рассказал ей, где поселился, она в крайнем волнении всплеснула руками и воскликнула:

— Только не в Доме Прокурора!

Он сказал побледневшей женщине, что даже не знал и не

слышал этого названия прежде, что оно кажется ему немного странным.

— О, это самое точное название! — сказала она, все еще не успокоившись.

Он попросил ее рассказать об этом доме. Почему он так называется и что это за слухи о нем, которые ходят по городку.

Она сказала, что дом назван так, потому что, много лет назад, около ста или даже больше, как ей рассказывали, когда она приехала жить в этот городок, это было жилище прокурора, известного всей округе своей жестокостью и несправедливыми приговорами в отношении заключенных местной тюрьмы. Что касается дурных слухов о доме, то она тут ничего определенного сказать не могла. Она сама часто спрашивала у старожилов, но толком ничего не узнала. Но она — да и все другие горожане — ощущали почти физически, что в доме есть *нечто*... Она готова узнать, что банк, в котором ее последние сбережения, лопнул, но ни за что на свете не останется в этом доме больше часа, если ее кто-нибудь и заставит пойти туда под принуждением.

Потом она опомнилась и извинилась перед Малколмсоном за свою бессвязную речь.

— Вы уж простите меня за то, что я тут наболтала. Вы будете там жить совсем один, а я пугаю вас — нехорошо! Но, будь вы моим сыном — простите мне и это, — вы бы не остались в том доме и дня! Даже если бы мне для этого пришлось самой идти туда и изо всех сил бить в пожарный колокол, что подвешен к крыше!

Добрая женщина так искренне переживала за Малколмсона, что это его немало тронуло. Прежде чем попрощаться с ней, он сказал, что чрезвычайно ценит ее участие в нем, и добавил:

— Но, дорогая миссис Уитэм! Вам нет нужды беспокоиться обо мне! Человек, который твердо решил на «отлично» сдать «Математический анализ», будет слишком занят, чтобы поддаваться влиянию этого мистического *нечто*. Мой предмет настолько точен и прозаичен, что, боюсь, в моей голове не найдется места для тайн и мистики любого рода. Судите сами: геометрическая прогрессия, формулы и таблицы, эллиптические функции! До мистики ли тут?! Вот мои тайны! Я должен во что бы то ни стало постичь их к назначенному сроку.

Миссис Уитэм с удовольствием согласилась выполнить некоторые бытовые заказы студента. После этой встречи Малколмсон отправился по адресу старушки, которую ему рекомендовал адвокат в экономки. Когда он вместе с ней вернулся

к Дому Прокурора, он увидел там миссис Уитэм, руководившую работой нескольких человек, которые заносили в дом всевозможные коробки и узлы. Вскоре подъехал и обивщик мебели с кроватью. Миссис Уитэм объяснила студенту, что мебель в доме может оказаться и в относительно порядке, но молодому человеку вредно для здоровья лежать на кровати, которой не пользовались уже более полувека.

Ей пришлось-таки зачем-то зайти в дом. Она так демонстративно проявляла свой страх перед мистическим нечто, что при малейшем звуке, поскрипывании половиц или мебели, сильно прижималась к плечу Малколмсона и уж во всяком случае не отходила от него ни на шаг, пока они снова не вышли на улицу.

Осмотрев дом, Малколмсон решил избрать своей жилой частью большую столовую. На его взгляд, она почти идеально подходила для проживания и занятий.

Миссис Уитэм с помощью экономки и уборщицы миссис Дэмпстер заканчивала руководство внешним обустройством студента в старом доме. Когда в его новое жилище внесли последние пакеты и распечатали их, он с удовольствием отметил среди многих мелких полезных вещей продукты с гостиничного стола на несколько дней. Уходя, миссис Уитэм пожелала студенту приятного времяпрепровождения и успешных занятий и уже у самых дверей, обернувшись, добавила:

— Ваша комната очень большая и холодная, сэр, поэтому, может быть, было бы полезно задернуть кровать ширмой — сквозняк дело нешуточное! Хотя, если честно, я бы умерла от страха, видя, как ночью всякие твари лезут через ширму ко мне в постель!

Она была не на шутку взбуждена, и по рукам ее постоянно пробегала легкая дрожь.

Миссис Дэмпстер насмешливо фыркнула вслед уходящей хозяйке гостиницы, а затем заявила студенту, что она не боится ни привидений, ни домовых вместе взятых во всем королевстве.

— Я вам расскажу о них, сэр, — заверила она Малколмсона. — Домовые — это крысы и мыши, жуки и сверчки, скрипящие петли дверей и шатающиеся ступеньки лестницы на крыльце. Это разбитые стекла и треснувшие зеркала в уборной. Наконец, это неподатливые ручки ящиков стола и шкафов. Днем вы их не можете открыть, а ночью они шумно отодвигаются и задвигаются. Посмотрите на эти стены! Они обиты деревом. И вы думаете, что за сто лет крысы и жуки не прогрызли там свои норы?! Домовые — это прежде всего кры-

сы, а крысы — это прежде всего домовые, вот что я вам скажу! Это я знаю совершенно точно, и даже не пытайтесь в этом усомниться!

— Миссис Дэмпстер, — серьезно проговорил Малколмсон, вежливо перебивая старушку, — вы знаете больше любого выпускника-математика Кембриджа! Я высоко ценю и уважаю ваш ум и смекалку. И хотя мне будут надобны ваши услуги в течение первых четырех недель, и только, я предлагаю вам плату и за оставшиеся два месяца после этого, если вы сообразовите остаться со мной в этом доме.

— Сердечно благодарна вам, сэр, — ответила она. — Но я домоседка и не могу провести и одной ночи вне своей квартиры. Кроме того у нас строгие правила — ведь я живу в пансионе Гринхау — и, не явись я хоть раз на ночь, боюсь, мне откажут в жилье. Не хочу рисковать, сэр. Если бы не это, не сомневайтесь, я с удовольствием переехала бы сюда на время вашего пребывания.

— Что ж, — сказал Малколмсон. — Я сам желал уединения. Милая миссис Дэмпстер, я даже благодарен Гринхау за строгость и дисциплину, о которых вы мне рассказали. Сам святой Антоний не смог бы явить лучшей организации жизни в пансионе. Не буду вас дольше искушать.

Старушка скрипуче засмеялась.

— О, эта молодежь! Она ничего не боится! — воскликнула она. — Вы, сэр, найдете здесь то уединение, которое вам нужно, могу вас заверить. — С этими словами она тут же принялась за уборку дома, а Малколмсон отправился на прогулку. У него было такое правило — прочитывать несколько глав учебника на свежем воздухе. Когда он вернулся в дом, то увидел комнату прибранной, мебель начищенной, а окна протертыми влажной тканью. В старом камине весело потрескивали дрова, на столе стояла зажженная керосиновая лампа, а сам стол был накрыт ужином, приготовленным из отличных продуктов, принесенных миссис Уитэм.

— О, да здесь просто комфортно! — приглушенно воскликнул он, довольно потирая руки.

Покончив с едой, он, не откладывая дела в долгий ящик, перенес посуду на противоположный конец длинного дубового стола, достал свои книги, подбросил в камин новых дров, придвинул поближе ярко горевшую лампу и углубился в работу.

Около одиннадцати часов вечера он прервался, чтобы подержать в камине огонь и приготовить себе чашку чая. Еще со времен колледжа он был известен как большой любитель креп-

кого чая, так как часто был вынужден допоздна засиживаться за книгами и ему, конечно же, требовалось время от времени взбадривать себя каким-нибудь средством. За лучший из всех бодрящих напитков он почитал старый добрый чай. Любимое питье стоило довольно дорого для студента и поэтому каждый раз, сидя у камина за чашкой, он стремился получить двойное удовольствие.

Огонь, подпитанный парой свежих поленьев, разгорелся с новой силой, потрескивая и лопаясь в своем горниле. По старинным стенам комнаты побежали причудливые тени. Он, держа в руках горячую чашку, неподвижно смотрел на язычки пламени и во всей полноте ощущал свое уединение и отдаленность от внешнего мира.

И только через несколько минут он обратил внимание на глухой звук крысиной возни.

— Постой-ка! — удивился он. — Ведь не могли же они шуршать в продолжении тех часов, что я читал! Я бы обратил на это внимание!

Шум усилился, и студент понимающе хмыкнул. Ну, конечно! Поначалу они были напуганы присутствием незнакомца в комнате, а также светом керосинки и огня из камина. Ведь дом долго пустовал, и они уже отвыкли от человека, а, может быть, и вовсе никогда его не видели. Но время шло, и они становились все смелее, пока наконец не стали вести себя как обычно, словно студента и не было в комнате.

Крысы подняли такой шум, что, казалось, у всех у них неотложные дела сразу во всех концах комнаты. Вверх и вниз под деревянной обивкой стен, под потолком и под полом носились они, попискивая и шурша хвостами. Малколмсон, улыбаясь самому себе, вспомнил слова миссис Дэмпстер. «Домовые — это прежде всего крысы, а крысы — это прежде всего домовые.» Так, кажется?

Чай понемногу начал обнаруживать свое стимулирующее действие на нервы и мозг студента. Он с удовольствием отметил, что до утра вполне сможет еще выполнить большую часть учебной работы. А пока — отдых. Наслаждаясь тишиной и покоем — если, конечно, не считать крыс — он не удержался от небольшой экскурсии по комнате. Держа керосиновую лампу в руке, он пошел вдоль стен столовой, то и дело громко изумляясь тому факту, что такой удивительный и красивый — тяжелой красотой — особняк так долго оставался без жильцов. Дубовые доски, которыми были обиты стены, выглядели крепко, без признаков гниения. Довольно высоко, чуть ли не под самым потолком, висели несколько старых полотен. Правда,

они были покрыты таким слоем пыли и мушиного помета, что как ни приближал студент лампу, он не мог разобрать, что же все-таки на них изображено. Проходя мимо одного угла, он на секунду случайно осветил его и разглядел в досках небольшую щель. Не успел он пошевелиться, как в темноте, что царила в щели, появились два горящих крысиных глаза. Они неподвижно уставились на Малколмсона, и только он хотел приблизиться, как они исчезли и слышались только слабый шорох и тихое попискивание.

Он продолжил свое знакомство с комнатой, и скоро ему пришлось сильно удивиться. В углу, справа от камина, с потолка свешивался толстый веревочный шнур от пожарного колокола, который был установлен, как он уже знал, на крыше.

Он опять присел на дубовый стул с высокой спинкой, поближе к огню, чтобы выпить последнюю чашку чая. А через пять минут возвратился к столу, на котором его ожидали книги, устроился так, чтобы свет от лампы падал слева, и углубился в работу.

Первое время крысы своей возней досаждали ему, но скоро он привык к этим звукам, как привыкается человек к тиканью настенных часов или к шуму падающей воды. Наконец настал момент, когда все звуки и вообще весь внешний мир отошли на второй план перед упражнениями, над которыми он склонился, а затем и вовсе пропали.

Внезапно он поднял голову, оторвавшись от нерешенной задачи, напрягая все свои органы чувств. До рассвета оставалось не больше часа. Время глубокого сна для спящих и тревоги для бодрствующих. Звуки крысиной возни, сопровождавшие его занятия на протяжении всей ночи, исчезли. Тишина стояла гробовая. Он только было собрался поразмышлять на предмет этой перемены, как что-то заставило его инстинктивно вздрогнуть. Огонь в камине совсем ослабел к этому часу, но все еще тлел красным светлячком. Малколмсон — неожиданно для самого себя — обернулся к камину и обомлел, несмотря на все свое *sang froid*¹.

Там, на дубовом стуле с высокой спинкой, по правую сторону от огня, сидела огромных размеров крыса. Она буравила студента злобными глазками. Он сделал движение ей навстречу, рассчитывая спугнуть, но она даже не пошевелилась. Тогда он рукой имитировал бросок, как будто запустил в нее чем-нибудь. Она и в этот раз не сдвинулась с места, зато

¹ *sang froid* (с франц.) — хладнокровие.

обнажила большие бело-желтые клыки, зловеще скалясь, а в ее глазах, отражавших свет керосиновой лампы со стола, горела мстительность, совсем человеческая...

Малколмсон, подавив отвращение, схватил каминную кочергу и бросился к зверьку, чтобы покончить с ним. Но прежде чем он достиг стула, на котором сидела крыса, она с диким шипением, в котором, казалось, сконцентрировалась вся ее ненависть к студенту, прыгнула на пол, еще одним прыжком покрыла расстояние от стула до шнура пожарного колокола, вскарабкалась по нему и исчезла в темноте — керосиновая лампа освещала лишь малую часть комнаты. Сразу же после этого шуршанье десятков крыс возобновилось с большой силой.

Малколмсон уже не мог настроиться на работу, а кроме того он услышал, как прокричал на улице петух, возвестив наступление утра. Он встал из-за стола, сложил аккуратно книги в стопку и отправился спать.

Его сон был настолько глубок, что его не разбудила даже уборка миссис Дэмпстер, пришедшей из своего пансиона в Дом Прокурора в шестом часу. Лишь когда она уже закончила свою работу по комнате, приготовила завтрак и откинула ширму, закрывавшую его кровать, он проснулся. Чувствовал себя студент неважно, но приписал это вчерашней ночной работе. Впрочем, чашка крепкого чая освежила его и придала сил, поэтому, едва встав из-за стола, он взял один из учебников в одну руку, несколько сандвичей в другую — ровно столько, чтобы не проголодаться до обеда — и отправился на свою обычную прогулку. Он выбрался из города в живописную рощу вязов, где успешно одолел теорему Лапласа. Возвращаясь, он вспомнил вчерашний вкусный ужин и решил завернуть к миссис Уитэм, чтобы еще раз поблагодарить ее за заботу о нем. Она заметила его из окна и, выйдя навстречу, пригласила войти. Долго оглядывала его, озабоченно качая головой, а потом сказала:

— Уж вы не переутомляйтесь. Сегодня вы бледнее вчерашнего. Тяжелая ночная работа, сэр, не ко здоровью для любого человека! У вас ведь сейчас большая нагрузка на мозг? — Она немного помолчала, словно решаясь что-то спросить и наконец не выдержала: — Расскажите же, как вы провели эту ночь? Надеюсь, все обошлось? Скажу от чистого сердца, сэр, я была просто счастлива, когда сегодня утром миссис Дэмпстер сказала мне, что вы в порядке и очень крепко спите.

— О, со мной действительно все было в порядке, — сказал он, улыбаясь. — Это ваше мистическое *нечто* совсем не бес-

покойло меня. Только крысы. Они очень непоседливы и беспрестанно бегали по всем своим норкам и переходам, которыми они опоясали весь дом! А одна — суший дьявол — усе-лась прямо на моем стуле возле камина и не собиралась уби-раться, пока мне не пришлось взяться за кочергу. Кстати, она весьма проворно убежала по шнуру от пожарного колокола и скрылась то ли в стене, то ли в потолке — точно не разглядел, так как было темно.

— Спаси нас, Господи! — прошептала испуганно миссис Уитэм. — Крыса, похожая на самого Сатану, сидящая на сту-ле у камина! Берегитесь, сэр! Берегитесь! Слухи слухами, но не все в них ложь!

— Что вы имеете в виду? Простите, не совсем понимаю.

— Вы сказали: суший дьявол! Именно! Вы не должны сме-яться, сэр! — Она строго посмотрела на улыбавшегося студен-та. — Вы, молодые, находите возможным смеяться над тем, от чего пожилых людей бросает в дрожь! Ох, не смейтесь! Боже, он все никак не прекратит! — Добрая леди и сама заулыба-лась, глядя на хохочущего студента с оттенком упрека. Все ее страхи мигом прошли.

— Простите меня, прошу вас! — попросил уже успокоив-шийся Малколмсон. — Не подумайте, что я издеваюсь над вами, просто эта мысль мне показалась уж чересчур фан-тастичной — сам старик Сатана грелся у моего камина на моем стуле! — он засмеялся опять.

Они поговорили еще немного о его заказах, и потом он распрощался и поспешил домой к ужину.

В этот вечер крысы напомнили о себе раньше. Вероятно, они начали копошиться в своих норах еще до его прихода, а он спугнул их, и они на время затихли. После ужина он устро-ился у камина, чтобы выкурить сигару. Это были его пос-ледние минуты отдыха, и он использовал их вполне. Потом он убрал посуду и приступил к работе.

К ночи крысы подняли шум, который нельзя было даже сравнить со вчерашним; по стенам мелькали их хвостатые тени, не прекращался шорох и писк. То и дело студент подни-мал от учебников голову и при свете огня в камине видел в углах и щелях деревянной обивки стен горящие жадные глаз-ки. Некоторое время он наблюдал за ними. Вот самая смелая стремительно пронеслась мимо камина в другую нору, затем то же самое проделала другая, потом третья. Малколмсон цы-кал на них, намереваясь вспугнуть, стучал кулаком по столу, и его действия часто имели результаты.

— Кш! Кш! — шипел студент, и очередная крыса, затор-

мозив на полпути, несколько секунд в замешательстве решала, в какую щель ей будет быстрее спастись. — Кш! Кш! — не успокаивался он; крыса опрометью пускалась в темный угол комнаты, и затем оттуда слышался ее испуганный писк.

В этой борьбе прошел весь вечер. Впрочем, она не столько досаждала Малколмсону, сколько развлекала его в промежутках между очередными этапами работы. С течением времени он все больше погружался в содержание законов и теорем математики и все меньше стеснялся присутствием непрошенных серых гостей.

Но в самый разгар занятий, как и в прошлую ночь, он внезапно осознал, что всякая возня в темных углах и дубовой обивке стен прекратилась и наступила тишина. Ему даже казалось, что он слышит биение собственного сердца. Он вспомнил, чем ознаменовалась эта перемена вчера, и заставил себя обернуться к камину. В следующее мгновение он вздрогнул, словно по нему пропустили сильный ток. Там, на его дубовом стуле с высокой спинкой, где еще два часа назад он курил сигару, сидела та же самая огромная крыса и так же, как вчера, неподвижно и зло смотрела на него маленькими глазами!

Дрожащей рукой он схватил со стола первую попавшуюся книгу — ею оказались логарифмические таблицы — и с силой швырнул в зверька. Он кинул книгу не целясь и поэтому она пролетела в футах от крысы. Та не шелохнулась. Тогда ему ничего больше не оставалось, как повторить вчерашний прием с кочергой. Произошло то же самое: в самый последний момент крыса, злобно шипя, соскользнула со стула и скрылась в темноте по шнуру пожарного колокола. Странно, но с исчезновением этой крысы комната опять наполнилась громким шуршанием и писком. Совсем так же, как и вчера. Малколмсон не мог с точностью определить, куда скрылась дьявольская крыса. Лампа была установлена посреди завала книг на столе, и поэтому верхняя часть столовой оставалась во мраке, а огонь в камине освещал лишь пол.

Посмотрев на часы, он увидел, что время близится к полуночи. Отдавая дань своей привычке, он подбросил в огонь свежих щепок и стал готовить чай. К этому времени он уже хорошо поработал и считал, что заслужил еще одну сигару. Он сел на свой высокий дубовый стул перед огнем и позволил себе приятно расслабиться.

Пуская в камин колечки дыма, он задумался о происшедшем и скоро пришел все к тому же вопросу: где она спряталась? В его мозгу проносились разные мысли на этот счет, в

том числе и самые невероятные. Наконец он зажег еще одну керосинку и установил ее так, чтобы свет падал в тот угол столовой, что находился справа от камина. Затем он собрал все книги, которые имел, и уложил их так, чтобы всегда иметь под рукой в качестве оружия при возможном новом появлении неприятеля. Этого ему все же показалось недостаточно, он снова задумался, а потом встал и подошел к злосчастному шнуру. Конец его закрепил на столе так, чтобы он хорошо освещался его рабочей лампой. Делая это, он не мог не заметить его удивительной гибкости. Удивительной для такого толстого шнура, который к тому же привязан к пожарному колоколу и, следовательно, вряд ли когда использовался. «Такая эластичность впроку для виселицы,» — подумал он.

Когда все приготовления были закончены, он осмотрелся кругом и не отказал себе в удовольствии похвалить себя:

— Теперь, мой серый друг, мы сможем познакомиться поближе.

Он вновь приступил к книгам и учебникам, и хоть в первые минуты, уже по традиции, его беспокоила крысиная возня, с течением времени он перестал обращать на нее внимание и весь ушел в решение математических задач.

Но его все-таки не оставили в покое. В отличие от прошлых случаев на этот раз его насторожила не только внезапно наступившая тишина. Он ясно уловил слабое подергиванье шнура. Стараясь делать поменьше движений, он проверил стопку книг, предназначенных для метания во врага, и потом медленно поднял глаза на шнур. Впрочем, он немного опоздал: огромная крыса упала с веревки на дубовый стул у камина и — в который уже раз — с ненавистью уставилась на студента. Затаив дыхание, тот поудобнее зажал в руке одну из книг, тщательно прицелился и запустил в крысу. Та быстро отпрыгнула в сторону и увернулась от снаряда. Малколмсон взял другую книгу и метнул ее, затем третью, четвертую — все безуспешно! Наконец он вскочил из-за стола, приготовившись бросить последний фолиант, и увидел, что шипенье и писк крысы из злобных превратились в испуганные. Это придало студенту уверенности, и он с силой бросил книгу. Крыса сделала движение в сторону, но на этот раз не успела, и книга с громким стуком ударила в нее. Крыса просто взвыла — если так можно говорить о крысах — с испепеляющей ненавистью сверкнула глазками на обидчика, затем взобралась на спинку стула и оттуда сделала гигантский прыжок к шнуру, по которому в следующее мгновение молниеносно скрылась. Лампа,

которой был прижат конец шнура, сильно закачалась, но не упала, будучи довольно тяжелой у основания.

Малколмсон стал осматривать всю верхнюю часть комнаты при свете второй заранее подготовленной лампы и смог поймать момент, когда крыса скрывалась в норе, прогрызенной прямо в середине большой картины, висевшей высоко на стене. Трудно было что-нибудь на ней разобрать из-за толстого слоя пыли и копоты от камина.

— Утром надо не забыть посмотреть на жилище моего старого серого друга, — успокаивал студент себя дрожащим от ярости голосом. — Третья картина от камина. Отлично! — Он принялся собирать разбросанные книги. — Главное — не позабыть. — Он поднимал книги с пола одну за другой в том порядке, в каком бросал их, чтобы потом не запутаться в своих занятиях. «Конические сечения», «Циклические колебания», «Анализ», «Термодинамика»... А вот та, которая не миновала цели! Малколмсон поднял ее и поднес к огню, чтобы рассмотреть, как и остальные. Глянув при свете на обложку томика, он сильно побледнел, руки его чуть задрожали, он тихо и медленно проговорил:

— Библия, которую дала мне мать!.. Вот так совпадение!

Он немного походил по комнате, чтобы успокоиться, а потом сел опять за работу. Крысы, замолкшие на время сражения, вновь вовсю шуршали и пищали во всех углах. Но они уже нисколько не мешали ему и даже наоборот, с ними он чувствовал себя не таким одиноким, они составляли ему своего рода компанию.

И все-таки работа уже не шла: он сделал несколько подходов к хитрой теореме, но в конце концов был вынужден с грохотом захлопнуть книгу. Некоторое время он сидел, глядя на горящую лампу, и думал о происшедших событиях, но потом решительно встал и пошел в постель. С рассветом он уснул.

Его сон, не в пример вчерашнему, был тревожным, он часто полудремал и даже открывал глаза. Когда поздно утром его будудилась миссис Дэмпстер, то первая его просьба показалась ей странной. Он попросил:

— Миссис Дэмпстер, прошу вас, когда я буду сегодня гулять, протрите те картины на стене, особенно третью от камина. Я очень хотел бы посмотреть, что же на них такое изображено.

Примерно к полудню Малколмсон полностью восстановил свои силы после вчерашней ночи. Погода была хорошая, и он за время прогулки успел прочитать много полезного в своих

книгах. Довольно легко он расправился и с теми задачами и теоремами, которые так разозлили его вчера за столом. А стучась в дверь миссис Уитэм в «Добром Страннике», он уже относился с иронией к случившемуся с ним. В ее уютной гостиной он обнаружил незнакомца, которого хозяйка представила ему как доктора Торнхилла. Добрая женщина выглядела смущенной, а когда к тому же господин Торнхилл стал задавать студенту бесконечные вопросы, словно в медицинском кабинете, тот понял, что доктор здесь появился не случайно, и без долгих вступлений сразу же обратился к нему:

— Доктор Торнхилл! Я с огромным удовольствием отвечу на любые ваши вопросы, если только сначала вы ответите на мой вопрос.

Доктор несколько помедлил, бросив взгляд на миссис Уитэм, потом улыбнулся и сказал:

— Ну что ж. Давайте ваш вопрос.

— Случайно не миссис ли Уитэм попросила вас прийти сюда и дать обо мне заключение?

Доктор на секунду смутился, а хозяйка покраснела и отвернулась. Малколмсон, улыбаясь, ждал. Наконец, Торнхилл, будучи человеком открытым, рассмеялся и, виновато качая головой, сказал:

— Ваша правда! Но она хотела, чтобы вы ничего не заметили. Моя торопливость вас спугнула. Я узнал от нее, что вы слишком увлекаетесь крепким чаем. Кроме того ей не нравится, что вы живете в том доме, да к тому же совершенно один. Она хотела, чтобы я вам посоветовал бросить позднюю работу и крепкий чай. Я сам был студентом и поэтому понимаю вас лучше, чем другие. Учитывая это, надеюсь на то, что вы воспримете меня и мои советы правильно.

Малколмсон с широкой улыбкой пожал ему руку.

— Йи-пп-п-пи-и! Как говорят американские студенты! — воскликнул он. — Благодарю вас за вашу доброту. И вас, миссис Уитэм. А ваша доброта, как я понял, предполагает адекватный ответ? Ну что ж, торжественно обещаю вам не пить крепкого чая до тех пор, пока вы мне не разрешите, и сегодня я ложусь спать в час ночи самое позднее! Пойдет?

— Великолепно! — воскликнул доктор. — Ну, а теперь расскажите нам обо всем, с чем вы столкнулись в старом Доме Прокурора.

Малколмсон в немногих словах обрисовал две свои последние ночи, проведенные в этом городке. То и дело его рассказ прерывался вздохами и восклицаниями миссис Уитэм, а когда он дошел в своем повествовании до эпизода с Библией,

ее волнение достигло апогея, она едва не потеряла сознание. Доктор предложил ей стакан коньяка, разбавленного водой. Это привело ее в чувство.

Торнхилл слушал со вниманием и на всем протяжении рассказа был серьезен и ни разу не улыбнулся. Когда же студент закончил, он спросил:

— Скажите, эта крыса... Она всегда скрывалась от вашей кочерги посредством того шнура?

— Всегда.

— Полагаю, вы знаете, — продолжил доктор, — что это за шнур?

— Нет! — удивился Малколмсон.

— Поздравляю! Этим самым шнуром прокурор посредством палача вершил расправу с заключенными на виселице, что во дворе местной тюрьмы!

Его слова были прерваны истошным вскриком миссис Уитэм. Бедная женщина упала в обморок. Доктор поспешил оказать ей помощь.

Потом Малколмсон взглянул на часы и обнаружил, что близок час обеда. Он попрощался с еще не вполне пришедшей в себя хозяйкой гостиницы и доктором и ушел к себе.

Едва за ним закрылась дверь, как миссис Уитэм стала упрекать Торнхилла за то, что он наговорил бедному молодому человеку насчет шнура.

— Вы видели, он и без этого был бледный! Что же с ним станет сейчас, когда он узнал эту страшную вещь?!

Доктор Торнхилл ответил на это:

— Добрейшая миссис Уитэм! Я нарочно стремился обратить его внимание на этот шнур! Все-таки, несмотря на то, что я редко видел столь здорового телесно и душевно человека, он очень много занимается и от этого его психика может подвергнуться срыву. Вы помните: эти его крысы, которых он уподобляет порождениям самого дьявола? — Доктор покачал головой и продолжал: — Конечно, нужно было не оставлять его одного с самой первой ночи, и даже сейчас я бы очень хотел пойти с ним. Но, вы сами понимаете, он воспринял бы это как обиду. Предстоящей ночью у него могут случиться галлюцинации и различного рода миражи, поэтому я очень желал бы, чтобы он помнил о шнуре и в самую трудную минуту — вольно или невольно — дернул за него. Это будет нам знаком, и мы можем тотчас же прибыть на место для оказания необходимой помощи. Я сегодня не засну и буду держать ухо востро. Так что, не удивляйтесь, если сегодня ночью старый добрый Бенчарч будет разбужен.

— О, доктор, ради бога, что вы имеете в виду?!

— Я имею в виду, что не исключено, а вернее, очень даже возможно, что этой ночью мы услышим с вами звон пожарного колокола, что висит на крыше Дома Прокурора. — С этими словами доктор надел шляпу и вышел.

На этот раз Малколмсон пришел домой позже обычного и уже не застал миссис Дэмпстер: правила пансиона Гринхау были не из тех, которыми можно было пренебрегать.

Он с удовольствием отметил, что его комната чисто прибрана, настольная лампа была протерта от копоти и смотрелась, как новенькая, в камине потрескивали свежие дрова. Вечер был холоднее чем обычно в апреле, ветер порывами бился в окна и по всему было видно, что ночью следует ожидать настоящей бури.

Едва он вошел в дом, крысиная возня прекратилась, но минут через двадцать — крысы привыкли к присутствию студента — шум возобновился. Он был этому даже рад; этот шум стал частью его домашнего уюта. Мысленно он возвратился к тому странному явлению, когда крысы замолкали, едва на стуле показывалась самая огромная из них, и вновь начинали бегать и копошиться, как только он прогонял неприятеля кочергой. Его рабочая лампа освещала только стол и пол, верхняя же часть комнаты вместе с потолком была погружена во мрак. Это придавало столовой интимность, что нравилось студенту. Он приступил к ужину с большим аппетитом.

Поев и выкурив сигару, Малколмсон решил засесть поскорее за работу и — раз уж он обещал доктору не работать до рассвета — употребить оставшееся до часа ночи время с наибольшей пользой. Он дал себе клятву не отвлекаться ни на какие провокации со стороны крыс или чего бы то ни было другого.

Примерно около часа он работал весьма плодотворно, но потом его мысли стали все больше отдаляться от науки. Он чувствовал, как внутри его поднимается тревога. Ветер, как он и подозревал, постепенно перерос в настоящий шквал, завывал в трубах старого дома и с щемящим душу свистом гулял по его пустым комнатам и коридорам, подбираясь мало-помалу к столовой. Даже тяжеленный пожарный колокол на крыше покачивался, и Малколмсон наблюдал за все более заметными колебаниями шнура, который спускался в его комнату. Скоро шнур уже с глухим стуком стал ударять об пол при своих маятниковых качаниях.

Студент заворуженно смотрел на это и вспоминал слова, сказанные днем доктором:

— Поздравляю! Этим самым шнуром прокурор вершил расправу с заключенными на виселице...

Малколмсон наконец не выдержал, вышел из-за стола и, поймав конец шнура в руки, стал его рассматривать. Орудие убийства или пытки всегда вызывает болезненный интерес обывателя, и скоро студент поймал себя на том, что думает о жертвах этого шнура, о том, кто они были, о прокуроре и о его нездоровой выдумке — держать веревку с виселицы постоянно у себя перед глазами. Шнур выскальзывал из его рук под воздействием качающегося колокола, но кроме этого Малколмсону показалось, что это происходит еще от того, что что-то двигается по нему...

Подняв глаза наверх, он увидел, как к нему медленно по шнуру подбирается огромная крыса, не спуская с него горящих ненавидящих глаз.

Он выпустил шнур из рук и отскочил назад, хрипло произнося проклятия. Крыса тоже остереглась, она повернула обратно наверх и скрылась. В ту же секунду студент услышал возобновившийся шорох сотен лапок и хвостов и громкий, в унисон, писк.

Постояв в задумчивости некоторое время у камина, Малколмсон вдруг вспомнил, что он не видел еще вымытых миссис Дэмпстер картин, как намеревался вчера. Он зажег вторую лампу и, держа ее в руке, подошел к третьей справа от камина картине, в которой или за которой, как он помнил, скрылась огромная крыса в прошлую ночь.

Едва взглянув на изображение, он страшно побледнел и резко отступил назад, чуть не уронив на пол лампу. В ногах обнаружилась сильная слабость, пот крупными каплями стекал со лба, и весь он дрожал, словно после приступа лихорадки. Все-таки он был молод и здоров, поэтому нашел в себе силы собраться и вновь подойти к картине. Собравшись с духом, он направил на нее свет лампы и стал внимательно рассматривать. Картина была чисто протерта, и поэтому на ней были видны даже мелкие детали.

Центром полотна был сам прокурор в своей темнокрасной мантии. В его лице — квадратном и волевом — отражались коварство, злоба, мстительность и беспощадность. У него был чувственный рот, красноватый крючковатый нос, словно клюв стервятника. Остальная часть лица имела мертвенно-бледный цвет. Глаза были на редкость пронзительны и излучали зло. Глянув на них, Малколмсон опять был вынужден в ужасе отшатнуться: это были глаза той огромной крысы!..

В следующее мгновение лампа едва не вывалилась из его

руки: из угла картины на него смотрела огромная крыса, полувысунувшись из своей норы. Остальные крысы в доме притихли. Студент, однако, смог взять себя в руки и не ушел от картины. Крыса опять исчезла, а он продолжил осмотр полотна.

Прокурор сидел на стуле из дуба с высокой спинкой справа от большого каменного камина, а в углу был виден свисавший с потолка шнур, конец его касался пола. Не в силах пошевелиться, Малколмсон смотрел на полотно и узнавал свою столовую все больше и больше. Он стал сравнивать реальность с тем, что было изображено кистью художника, взгляд его скользнул по углу столовой и... он дико вскрикнул и уронил лампу на пол.

Там, на прокурорском стуле у камина, прижав лапой конец шнура, сидела огромная крыса и неподвижно смотрела на студента прокурорскими дьявольскими глазами. Если не считать завывания бури за окном, то в самом доме стояла мертвая тишина.

Непроизвольно коснувшись ногой упавшей лампы, Малколмсон пришел в себя. К счастью керосин не успел пролиться. Студент поднял ее и привел в порядок, не спуская глаз с крысы, затем сказал вслух:

— Это у тебя не пройдет! Если мне все принимать близко к сердцу, то утром меня можно будет уже везти в психиатрический госпиталь. Пора с этим покончить! Я обещал доктору не пить крепкого чая. Он был прав! Я пил его слишком много, и у меня возбуждены нервы. Я даже и не замечал этого раньше! Наоборот, мне казалось, что я еще никогда в жизни не чувствовал себя так хорошо... Но сейчас уже все в порядке, и никому не удастся сделать из меня сумасшедшего!

Он решительными шагами направился к своему столу, выпил коньяка с водой и сел работать.

Где-то через час он поднял голову от книг, так как внезапно стало тихо. В трубах выл ветер, который стал еще злее; в окна стучал дождь; градопада не было, но появилось ощущение, что стекла вот-вот рассыпятся на мелкие осколки; некоторые капли попали на стол, тем самым лишний раз напоминая, что дом уже обветшал. Огонь под внезапно ворвавшимся порывом ветра угас и тлел теперь красным светлячком. Малколмсон весь превратился в слух, положив стиснутые кулаки на стол и напрягшись всем телом. Несколько времени в комнате стояла тишина, а потом он уловил едва слышный скрип.

Скрип определенно исходил из того конца комнаты, где

свисал с потолка шнур. Студент подумал, что это звук самого шнура, который шевелился от качающегося колокола. Уверив себя в этом, он для перестраховки поднял глаза в плумрак потолка и... О, ужас! Огромная крыса, все та же огромная крыса медленно спускалась, как ему показалось, по шнуру к стулу! В темноте было плохо видно, но он не смел подойти ближе.

Прошло несколько секунд, и Малколмсон с изумлением отметил, что его первое предположение не оправдалось. Крыса, несомненно, была, но она не спускалась по шнуру, а грызла его! Скоро студент уже видел, что тот остаток шнура, что свешивался в комнату, болтается на нескольких тонких нитях. Когда работа была закончена, конец шнура тяжело шлепнулся на пол, а сама крыса осталась висеть на другом конце под самым потолком. Малколмсон осознал, что последняя возможность связи с внешним миром посредством пожарного колокола теперь была утеряна. Ему, может быть, впервые стало по-настоящему страшно. Подавив в себе это чувство или по крайней мере приглушив его, он весь затрясся от гнева, схватил приготовленную заранее книгу и с силой метнул ее в крысу. Бросок был произведен великолепно, но прежде чем снаряд успел поразить цель, крыса отпустила шнур и шлепнулась на пол с неприятным всхлипом. Студент с криком бросился к ней, но она опередила его и скрылась в закоулках полупогруженной в темноту комнаты. Он понял, что больше в эту ночь ему поработать не удастся, и поэтому твердо решил употребить все силы на охоту за крысой. Он увеличил свет керосинки, насколько это было возможно. Благодаря этому верхняя часть комнаты впервые за три последние ночи осветилась и из тени выступили картины, что были укреплены высоко на стенах. Прямо перед собой Малколмсон увидел третью справа от камина картину. Что-то привлекло его внимание в ней, он прищурил глаза, вглядываясь в темный холст, и вдруг его глаза округлились и ужас стальными обручами охватил все его члены...

В центре картины была наклеплена бесформенная заплатка из коричневой холстины. Она имела такой вид, будто была приделана в одно время с созданием самой картины. Она воспроизводила почти такое же изображение, что студент видел вчера на основном полотне: высокий дубовый стул, камин, шнур, свисавший с потолка, но... Но исчез прокурор!..

Малколмсон, боясь дышать, медленно повернулся в сторону от картины и в следующую секунду стал дрожать всем телом, словно разбитый параличом человек, которого пос-

тавили на ноги и отпустили. Вся его молодая энергия покинула его, он не мог сделать и шага, не мог двинуть ни рукой, ни головой. Единственное, что осталось ему, это видеть и слышать.

Там, на дубовом стуле с высокой спинкой, справа от камина, сидел сам прокурор в своей красной мантии. Его глаза излучали дьявольскую ненависть и жажду мщения, на губах его гуляла улыбка триумфа, в руках он держал черный судейский колпак. Малколмсон почувствовал, как кровь отливает от сердца. В ушах поднялся нудный свист. Сквозь него в его сознание врвался звон колокольчиков, раскачиваемых бурей на торговой площади. Примерно с минуту — ему она показалась вечностью — он стоял не в силах пошевелиться с широко раскрытыми и наполненными ужасом глазами, боясь дышать. Часы стали бить полночь.

При первом ударе лицо прокурора отвердело, улыбка исчезла с его тонких губ, а при последнем — он водрузил колпак себе на голову и, встав со стула, поднял с пола отгрызенную часть шнура. Было видно, что ему приятна его тяжесть.

Натянув шнур несколько раз руками, прокурор убедился, что кусок достаточно прочен, и неторопливо стал делать на одном его конце петлю. Потом он долго проверял, насколько легко она затягивается. Наконец покончил и с этим и, кажется, остался доволен результатом. Без всякой паузы он медленными шагами направился вокруг стола к Малколмсону, не спуская с него своих остановившихся горящих глаз.

Студент не смел пошевелиться и только взглядом наблюдал за движениями прокурора. А тот прошел мимо Малколмсона, едва не задев его плечом, и остановился перед дверью. Студент понял, что он оказался в ловушке, и стал думать, что можно предпринять.

Прокурор не спускал с него глаз, и Малколмсон поневоле тоже следил за ним, чтобы не пропустить момент нападения. Прокурор стал медленно приближаться к нему. Подойдя на несколько шагов, он резко выбросил руку со шнуром в сторону Малколмсона. Преодолев себя, тот насколько мог быстро отклонился в сторону и только услышал, как петля гулко стукнулась об пол позади него. Не спуская зловещего взгляда со своей жертвы, прокурор не спеша подтянул петлю обратно к себе и, размахнувшись, бросил во второй раз. Студент снова увернулся.

Так продолжалось много раз. И раз за разом Малколмсон, находясь в почти бессознательном состоянии от шока, все-таки избегал смерти. А прокурор продолжал свое дело с завид-

ным терпением. Со стороны это походило на то, как кошка забавляется с мышью прежде чем сожрать ее. Наконец, в отчаянии, которое достигло высшей точки, студент стал осматриваться вокруг себя в поисках спасения, хотя бы надежды на спасение!

Лампа светила необычно ярко, и почти вся комната выступила из мрака. Из бесчисленного множества норок и щелей в полу, стенах и потолке, на него неподвижно уставились десятки горящих глаз. Странно, но это придало ему бодрости — все-таки не один!.. Он посмотрел на остаток шнура, болтавшийся под потолком, и увидел, что он превратился в толстый серый копошащийся ком: крысы так густо усеяли его, что не было видно ни дюйма веревки. Под тяжестью зверьков шнур, а за ним и колокол стали раскачиваться.

Бонн-н! Густо прозвучал голос колокола. Звук был хорошо слышен только в доме, но был еще слаб для того, чтобы разбудить людей в близлежащих домах. За первым ударом колокола вскоре последовал второй. Этот раздался уже громче. Затем третий, четвертый...

При этих ударах лицо прокурора искажалось звериным гневом. При особенно сильном ударе он издал хриплый крик, глаза его сверкнули дьявольским огнем, и он топнул ногой по полу так, что, казалось, закачался весь дом.

Колокол прозвонил еще раз, и петля, пущенная рукой прокурора, вновь взвилась в воздух. Крысы лихорадочно перебирали лапками, чтобы удержаться на маленьком клочке шнура и не упасть с большой высоты на пол, при этом колокол раскачивался еще больше. Студент опять увернулся и с мольбой во взгляде оглянулся на шнур, облепленный крысами. В ту же секунду прокурор, по лицу которого разлилась мертвенная бледность, приблизился к жертве, крепко сжимая в руках петлю. Их взгляды встретились. Малколмсон почувствовал, что все члены сразу отказали ему, и остался на месте, не в силах отвести отчаянного взгляда от прокурора. Он стоял, словно статуя, и ощущал ледяные прикосновения пальцев прокурора к своему горлу. Петля была наброшена и теперь медленно затягивалась. Затем прокурор, обхватив двумя руками безвольного полузадушенного студента, потащил его по комнате. Он поставил его ногами на высокий дубовый стул, что стоял у камина, обошел сзади и, поймав болтающийся под потолком остаток шнура, согнал оттуда крыс и привязал к тому куску, что держал в руке. Потом он отпустил застывшего бедного юношу и выбил из-под него стул.

В ту же секунду изо всех нор и щелей в комнату полезли серые тени...

* * *

На звон колокола, доносившийся от Дома Прокурора, стали сбегаться люди, и скоро образовалась порядочная толпа. Мужчины держали в руках большие факелы. В дом стали стучать, но ответа не было. Затем доктор выбрал нескольких здоровяков, и они сделали пролом в двери, которая тут же развалилась на щепы. Все бросились, как указывал доктор, в столовую.

Там, на конце шнура от пожарного колокола, покачивалось тело студента. Керосиновая лампа бросала свет на третью справа от камина картину. На стуле сидел прокурор, и лицо его кривилось удовлетворенной усмешкой.

СКВО¹

В то время Нюрнберг еще не был так известен, как сейчас. Ирвинг еще не сыграл своего *Фауста*, а само название старинного города мало о чем говорило многочисленным любителям путешествий.

Наш с женой медовый месяц длился уже вторую неделю, и нам очень хотелось, чтобы к нашим странствиям по историческим местам присоединился еще кто-нибудь. Тут-то нам и повстречался этот иностранец, который поразил нас, людей в общем-то довольно жизнерадостных, какой-то особой энергией и бодростью. Элиас П. Хатчисон был родом из города Истмейн, что находится в благодатной, но истерзанной войной белых и индейцев Стране Кленового Листа. Он приехал в Европу — мы познакомились с ним во Франкфурте, на вокзале, — дабы насладиться красотами древних городов. Мы бы не осмелились подступить к нему с нашей просьбой, если бы он сам не обронил как-то фразу о том, что путешествие в одиночку превращает даже самого живого и активного человека в мрачного меланхолика, которому самое место в психиатрической лечебнице.

Мы с женой задумали подвести его к сути дела исподволь, потихоньку, поэтому сначала сильно скромничали и тушевались, боясь спугнуть его. Наконец, заговорили одновременно и с горячностью перебивая друг друга. Смешались, замолчали. Потом я решил продолжить, думая, что жена уже не

¹ squaw (англ.) — индианка (жительница Северной Америки)

заговорит, но — вот как бывает без репетиции — мой голос опять был перекрыт ее голосом!

Как бы то ни было, а уговаривать Элиаса П. Хатчисона долго не пришлось. Он стал нашим спутником, и выгоды этого события для нас обнаружились весьма скоро. Если, будучи предоставленным самим себе, мы частенько ссорились, то с появлением сдерживающего момента в лице американца мы, наоборот, стали использовать малейшую возможность, чтобы украдкой полюбезничать. Амелия говорила тогда, что впредь она будет советовать всем знакомым молодоженам брать с собой в свадебное путешествие третьего.

Итак, мы вместе отправились в Нюрнберг, по достоинству оценивая путевые заметки нашего нового друга и изумляясь его вкусу к приключениям, благодаря которому он казался нам порой выходцем из авантюрных романов. Кроме того нас забавлял его североамериканский вариант английского языка. Иногда нам приходилось по душе то или иное нововведение, но в другой раз мы просто поражались тому, с какой легкостью он уродовал дивный язык Шекспира.

В своем плане осмотра достопримечательностей Нюрнберга мы оставили напоследок самый любопытный объект — старый город, окруженный крепостными сооружениями. В день, назначенный для знакомства с ним, мы встретились на восточной стороне внешней стены и оттуда начали свой путь.

Старая крепость находилась на скале и возвышалась над городом, защищенная с севера глубокими искусственными рвами. Нюрнбергу посчастливилось — как, кстати, мало какому еще европейскому городу — ни разу не стать добычей вражеских орд. Его никогда никому не отдавали на разграбление и никогда не предавали огню. Поэтому он имел такой чистый первозданный вид. Фортификационные сооружения на протяжении столетий почти не использовались, рвы со временем заросли чайными и фруктовыми садами, причем некоторые деревья достигли уже весьма внушительной высоты.

Жарясь под немилосердным июльским солнцем, мы прохаживались вдоль крепостной стены и часто останавливались, чтобы полюбоваться на восхитительный ландшафт, который с такой высоты весь открывался нашим взорам. Особенно поэтично смотрелась зеленая равнина с голубыми пятнами холмов, на которой тут и там были живописно разбросаны деревеньки со вспаханными полями и выгонами окрест. Совсем как на пейзажах Клода Лорэна.

Удивительно привлекательным выглядел с крепостной стены и сам город с его причудливыми старинными фронтонами,

красными крышами шириной в акр, с расположенными по ярусам мансардными окнами. Справа от нас виднелись башни старого города, в ближе всего возвышалась мрачная Башня Пыток, которая считалась самым волнующим среди памятников города. Из века в век переходили рассказы о знаменитой нюрнбергской Железной Деве, как примере наиболее утонченной жестокости, на которую только способен человек. Мы с самого первого дня здесь наводили справки об этом ужасе, и вот — дом Девы перед нами.

На одном из наших коротеньких привалов мы перегнулись через перила и заглянули в глубину рва. Перед нами раскрылась пропасть в пятьдесят-шестьдесят футов, на дне которой залитый солнцем цвел сад. Жара была, как в духовке, воздух плавился и от этого сад словно плыл перед нами. По ту сторону рва в небо поднималась мрачная высоченная стена из серого камня. Справа и слева на поворотах она упиралась в бастиионы. Там же, соперничая в высоте с вековыми деревьями, возвышались и старинные дома, которых безжалостное обычное время только еще более облагородило.

Нас разморило, и мы уже не хотели никуда уходить с этого места. Мы неподвижно застыли, перегнувшись вниз через земляную стену, на краю рва. Нам доставляло удовольствие смотреть на умирительную картинку: внизу, нежась на солнце, лежала огромная черная кошка, а вокруг нее, играясь, прыгал крохотный и очень симпатичный котенок. Мать вертела в воздухе хвостом, а котенок пытался поймать его лапками; когда ему это удавалось, она отталкивала его, и все начиналось сначала. С высоты наших пятидесяти футов это смотрелось на редкость забавно. Чтобы разнообразить игру котенка Элиас П. Хатчисон взял в руку небольшой камень.

— Смотрите! — сказал он весело. — Я кину камешек, и они будут думать: уж не с луны ли он свалился? Вот увидите: будет потеха!

— Осторожней! — предупредила его моя жена. — Вы можете угодить прямо в малышку!

— Только не я, мэм, — уверенно ответил Элиас П. — В меткости мне позавидовал бы сам Робин Гуд. Клянусь, малыш даже не заметит. Хотите пари? Нет? Ладно, смотрите. — Несколькими секундами прицелившись, взвешивая камень на руке, и потом, сильно размахнувшись, послал его вниз. Кошка с котенком в тот момент были у самого подножия стены рва, и поэтому мы не могли видеть точку приземления камня, так как для этого пришлось бы слишком рискованно перегибаться вниз. Мы не видели места падения камня, но по хлюпающему

звуку, долетавшему до нас, с ужасом поняли, что снаряд попал прямо котенку в голову!.. Под ударом череп малыша раскололся, как орех, и из его глубин на свет брызнули его маленькие мозги... Черная кошка прыжком выскочила на место, откуда можно было посмотреть наверх, и сверкнула на Элиаса П. Хатчисона огнем своих зеленых глаз. Затем она бросилась к котенку, который лежал на земле неподвижно, если не считать подрагивания его маленьких лапок. Из огромной раны струей растекалась кровь. С пронзительным вскриком — так кричат люди — кошка стала вылизывать рану. Нам было слышно, как ужасно она стонет. Поняв, наконец, что котенок умер, она, вся измазанная мозгами и кровью, опять подняла на нас свои наполненные болью и ненавистью глаза. Я никогда не забуду этих глаз и этих взглядов — столько в них было чувства!.. Неподвижно глядя на нас, она то и дело оскаливала белые зубы, на которых была кровь убитого котенка. До нас долетел неприятный звук — она царапала землю длинными когтями. Вдруг она совершила отчаянный прыжок вверх по стене рва — видимо, с целью достать до нас, — но высота была большая и, на миг зависнув в воздухе, кошка упала вниз. К ее ужасному облику добавилось еще и то, что она упала прямо на котенка и измазалась еще больше.

Амелия едва не падала в обморок, и я был вынужден подхватить ее за плечи и отвести от стены. Поблизости, под сенью раскидистого платана, была поставлена скамейка, и я усадил жену на нее, чтобы она пришла в себя. Затем я вернулся к Хатчисону, который стоял, не двигаясь, на краю рва и не мог оторвать глаз от заворазивающего вида разъяренной кошки.

Когда я подошел, он, не глядя в мою сторону, заговорил:

— Вряд ли я когда-либо еще видел столь свирепое существо. Может быть, только... — Он поморщился и продолжил, нисколько не заботясь и не уважая чистоту истинного английского языка: — У апачей была скво, а у меня был приятель. Индейцы звали его — Заноза. Он был полукровка, хоть внешне выглядел совсем как белый. Однажды во время набега он выкрал у этой скво ее ребенка. Ее саму пытали на огне, а ублюдка он... Он убил его. На ее глазах. Она тогда еще как-то странно на него посмотрела. Нет, она не вышла от горя! Она только посмотрела на него... Всего один взгляд!.. Ведьма три года охотилась за Занозой, а когда воины сграбастали его и передали ей... Знаете, никто так ловко не пытается, как апачи... Человек умирает долго... Я видел ее лицо, когда убивали ее сына — вот точно такое же, как и у этой кошки. А потом я видел, как она улыбалась. Я поспел в их лагерь как раз в тот

момент, когда Заноза выпускал дух. Она стояла рядом и улыбалась!

Я его не оправдываю. То, что он сделал с ее ребенком... После этого я ни разу не сел с ним за один стол. Но в когтях той скво он искупил свою вину на тысячу процентов! Я взял на память кусочек его кожи... Там их много валялось. Вот он! — С последними словами он запустил руку внутрь своего жилета и извлек оттуда небольшой бумажник из темной высушенной кожи.

Пока он говорил, кошка все не оставляла своих попыток добраться до нас. Но стена для нее была слишком высока, и она каждый раз, на миг повиснув в воздухе, падала вниз. Поначалу она прыгала с места, но потом стала разбегаться несколько футов по ровной поверхности и пытаться вскарабкаться по стене. Ей было, наверно, больно падать, но она после каждой неудачи с удвоенной силой повторяла прыжок. Скоро на нее уже невыносимо было смотреть — так ужасен был ее вид.

Хатчисон был в общем-то добрым человеком. Мы с женой несколько раз имели случай убедиться в этом. Он всегда помогал людям и животным. Ему тоже тяжело было переживать случившееся. Он сочувствовал кошке, если так можно говорить об убийце ее котенка.

— Эй! — крикнул он. — Ты обезумела, бедняжка! Пойми — это произошло случайно! Твоего малыша все равно уже не вернуть, сколько бы ты ни бесилась! Я не хотел, как ты не понимаешь! Я и за тысячу не сделал бы этого нарочно! — Он повернул свое лицо ко мне и обронил: — Этот случай лишний раз доказывает, до каких глупостей можно дойти, когда человек решает поиграть. Будь я проклят, что взял тот камень! Послушайте, полковник, — сказал он, глядя на меня. Он постоянно надеял меня какими-то высокими титулами, каких я не имел. Наверно, у них в Америке все так делают. — Я надеюсь, ваша жена не обиделась на меня за это? Я не хотел, ведь вы понимаете.

Он подошел к Амелии и стал извиняться, смущенно переминаясь с ноги на ногу. Моя жена была женщина очень добрая, поэтому она заверила Элиаса П. Хатчисона, что понимает, что он совершил это случайно. Затем мы все вместе снова подошли к краю рва.

Кошка сидела готовая к очередному прыжку и, видимо, поджидала, пока Элиас П. опять покажется в поле ее зрения. И действительно: как только мы показались на краю рва, она тут же высоко прыгнула, издав при этом ужасающий звук. Ее

ненависть казалась бы смешной в силу своей гротескности, если бы не была искренней. Она уже не пыталась взобраться вверх по стене, а только прыгала, рассчитывая, видно, что ее крыльями будет ненависть к людям. Амелия некоторое время широко раскрытыми от ужаса глазами неподвижно смотрела на кошку, а потом сказала, обращаясь к Элиасу П.:

— О! Остерегайтесь! Это существо непременно убило бы вас, окажись оно здесь. Посмотрите на его глаза — это глаза убийцы!..

Он заставил себя рассмеяться, и мы уловили в его смехе эту принужденность.

— Простите меня, конечно, мэм, — сказал он, — но я не мог удержаться от смеха при ваших словах. Человек, который за свою жизнь завалил не одного медведя и прикончил не одного краснокожего, должен остерегаться кошки!

Как только кошка услышала, как Элиас П. смеется, поведение ее изменилось. Она перестала пытаться достать нас своими отчаянными прыжками, отошла к неподвижно лежавшему котенку и стала вылизывать и ласкать его, словно он был еще жив.

— Смотрите, — сказал я. — Стоило нашему другу показать себя настоящим мужчиной, и кошка, несмотря на всю свою звериную злобу, подчинилась ему и поняла бесплодность своих устремлений!

— Как та скво, — был ответ Элиаса П. Хатчисона, когда мы наконец тронулись дальше вдоль внешней крепостной стены. — Когда я пришел отомстить за Занозу, она смирилась со своей судьбой.

Время от времени я подходил к краю рва и видел, что кошка следует за нами. Поначалу она постоянно возвращалась к мертвому котенку, но мы удалялись от того печального места и кошке пришлось время выбирать между нами и котенком. Тогда она взяла его в зубы и потом уже не отставала от нас. Некоторое время мы не обращали на нее внимания, а потом вдруг увидели, что котенка больше с ней нет. Видимо, она спрятала его в какой-нибудь норке, каких было множество в стене рва.

Тревога Амелии росла с каждой минутой, упорство кошки приводило ее в отчаяние, и она еще не раз предупреждала Элиаса П. Но тот все смеялся и наконец сказал:

— Я скажу вам так, мэм! Нечего беспокоиться об этой кошке. Меня не так-то просто взять! — С этими словами он выхватил из жилета пистолет. — Если она вам мешает, я пристрелю ее прямо здесь! Прямо сейчас! Полиция не посмеет

косо взглянуть на гражданина Соединенных Штатов! — Он перегнулся через край стены рва, но кошка, заметив, что в руках он что-то держит, тут же отступила подальше, скалясь и тихо рыча, а потом и вовсе скрылась в огромной клумбе с пышными цветами. Он обернулся к нам. — Если эта кошка не поймет наконец, в какую кашу она лезет, я клянусь, что солнце для нее сегодня погаснет навсегда! Самое лучшее для нее сейчас, это вернуться к своему мертвому малышу и отпеть его, как это полагается!

Амелия больше не разговаривала с Элиасом П. о кошке, неприятно пораженная его угрозами убить ее из-за нее. Мы продолжали наш путь и вскоре перешли ров по маленькому деревянному мостику, сразу за которым начиналась неровная мощеная дорога, ведущая напрямик к пятиугольной Башне Пыток.

Переходя по мосту, мы не могли не посмотреть вниз и, если откровенно, очень надеялись, что кошка больше не преследует нас... Увы! Она шла за нами по пятам. Увидев, что мы смотрим на нее, она вновь показала зубы и несколько раз попыталась достать нас прыжками на мосту, так как он был несколько ниже, чем стена рва. Однако ей это не удалось, а Хатчисон, глядя на нее, все смеялся.

— До свиданья, девочка, — говорил он, махнув ей рукой. — Прости мне, что я так разозлил тебя сегодня, но ничего! Скоро ты придешь в себя. Всего!

Через минуту мы прошли под сводами высокой арки и вступили через массивные ворота на территорию старого города.

Когда мы оказались в этом сказочно красивом, дышащем историей месте — правда там находились и совсем новые постройки, которые, впрочем, не заслоняли старой доброй готики, — мы почти забыли о неприятном утреннем происшествии. Чего стоила одна только древняя липа, стоявшая у ворот. Ее возраст по самым скромным подсчетам был равен девяти столетиям. Этот грубый и огромный ствол знавал не один десяток поколений жителей Нюрнберга. Вид, который открывался отсюда на город, его разнообразные звуки и разноликие образы, заставлял преисполниться особым чувством причастности к красоте и совсем позабыть о бедной кошке и ее котенке. Каждые четверть часа жаркий воздух сотрясался боем курантов. Эти стены видели сотни пленников, которым Железная Дева навсегда заслоняла собой жизненный свет...

Мы были первыми туристами в тот день, которые пожелали осмотреть Башню Пыток. Во всяком случае так нам ска-

зал хранитель этого музея. Поэтому мы имели в своем распоряжении кучу времени, чтобы насладиться осмотром этого диковинного и легендарного места. Никто нас не подгонял и не торопил, как было бы непременно, пойдя мы в Башню в составе туристической группы. Старик-хранитель рассматривал нас как источник единственного своего дохода на сегодня и поэтому всячески предупреждал все наши желания.

Башня Пыток действительно выглядела на редкость угрюмо, несмотря на то, что к тому времени в ней побывали уже тысячи людей в качестве мирных туристов, наслаждающихся жизнью, а не несчастных заключенных, единственной мыслью которых было вымолить у бога легкую смерть и не попасть в объятия Железной Девы. На всем лежала пыль веков, а в темных уголках таились тайны жестокостей и зверств, которые творились здесь.

Первая комната на самом нижнем ярусе Башни, куда мы сначала зашли, не производила в общем жуткого впечатления, как ожидалось. Она была почти полностью погружена в темноту. Даже солнце, ворвавшееся было туда через открытую дверь, потерялось в толщине стен и монументальности потолка, и осветило лишь грубый каменный пол и огромную деревянную тумбу посередине, всю покрытую пылью и смутными бурыми пятнами. Если бы стены умели говорить, они многое смогли бы рассказать о появлении этих пятен, о воплях ужаса и боли, раздававшихся здесь на протяжении столетий.

Мы были рады покинуть эту комнату и подняться вверх по узкой деревянной лестнице. Впереди шел хранитель. Он скоро открыл перед нами какую-то дверь, и оттуда показался довольно тусклый свет. Мы прошли мимо зловонного факела, воткнутого в специальную подставку в стене, и через арочный вход оказались в другой комнате. Амелия прижалась ко мне настолько сильно, что, казалось, я мог ощущать биение ее сердца. Я не удивился тому, что она так испугалась — комната располагала к таким чувствам. Здесь света было несколько больше, чем внизу, и мы смогли рассмотреть всю ужасную обстановку средневековой жестокости. Пожалуй, единственными людьми, которые могли радоваться этой комнате, были ее строители. Они потрудились на славу, и ни один палач не мог бы пожаловаться на то, что ему чего-то не хватает здесь. Окна были высокие и очень узкие, наподобие бойниц — такие были и во всей крепости. Мы, хоть и знали, что это было характерно для средневековья, все же подивились, как жили люди при таком освещении. Впрочем, в этой башне не жили — в ней умирали. Щели-бойницы были прорублены настолько

высоко и в таких толстых стенах, что как бы мы ни старались, не смогли бы увидеть и клочка неба. На подставках и просто на полу в относительном беспорядке размещались всевозможные подручные средства палача. Короткие мечи, в том числе и двуручные с широкими лезвиями. Рядом располагались блоки — на них подвешивали несчастных. Специальное приспособление, куда валили осужденного, связывали его, а через отверстия в деревянной крышке прокалывали его тело иглами или спицами. По стенам лежали такие инструменты, что при одном их виде уже становилось жутко. Стулья с шипами, на которых заключенные медленно умирали от невыносимой боли. А на стульях и кушетках с тупыми выпуклостями пытка продолжалась еще дольше: боль не была острой и нарастала в истерзанном теле постепенно, сводя человека с ума. Пыточные блоки, пояса, башмаки, перчатки, воротники — все рассчитывалось на утонченные истязания. Стальные шлемы, половинки которых имели возможность сжиматься, миллиметр за миллиметром раздавливая череп. Огромные шестерни, наподобие часовых, с противоположным ходом, между которых ставился несчастный; гильотинные ножи, цепи, колодки, железные обручи и так далее. При помощи всех этих приспособлений нюрнбергская власть подавляла уголовные и политические кризисы.

Амелия была бледнее смерти, но, к счастью, еще держалась на ногах. Немного забывшись, она присела было на пыточный табурет, чтобы передохнуть, но сразу же с диким вскриком вскочила. Мы с Хатчисоном притворно погоревали о том, что пытка удалась в отношении платья моей жены — оно было испачкано пылью. Американец подкрепил шутку звонким смехом.

Наконец мы прошли в главную комнату — жилище Железной Девы. Там мы и увидели этот пыточный станок. Он был установлен в центре комнаты, и больше в ней ничего не было.

Это была грубо сработанная женская фигура, похожая формами на виолончель. Чтобы стало понятней, я сравнил бы эту фигуру с фигурой жены знаменитого Ноя, что пережил потоп на своем ковчеге. Правда, Железная Дева не могла похвастаться — в этом было неоспоримое преимущество миссис Ной — ни тонкой талией, ни *rondeur*¹ бедер. Мастер, отливавший Деву, видно, не очень-то старался придать ей привлекательность. Особенно это можно отнести к лицу фигуры,

¹ *rondeur* (франц.) — округлость

которое весьма отдаленно напоминало женское. Станок снаружи был густо покрыт ржавчиной и пылью. На передней стороне туловища было укреплено кольцо, от которого тянулся шнур к блоку, а тот в свою очередь был прикреплен к деревянному столбу, удерживавшему всю фигуру в положении стоя. Натянув шнур, хранитель продемонстрировал, что передняя часть туловища Девы может открываться, как дверь. Он открыл ее, и мы заглянули внутрь. Металлические стенки оказались весьма толстыми, и в чреве Девы оставалось еще достаточно места, чтобы поместить туда пытаемого. Сама дверь также была очень массивна, и хранителю пришлось приложить все силы для того, чтобы открыть ее. Дверь, видно, и была задумана тяжелой, чтобы, как только натяжение шнура ослабнет, она сама собой — под давлением своего веса — захлопнулась.

Внутренность была сильно изъедена ржавчиной, но мы не поверили, что такие дыры появились сами собой. И мы оказались правы! Со слов хранителя мы узнали, что эти отверстия тоже были частью дьявольской жестокости, которую олицетворяла эта машина. Предполагалось, что, закрываясь, дверь увлечет за собой установленные там же острые толстые иглы, которые, пройдя сквозь эти отверстия, проколят жертве глаза, а затем сердце и внутренние органы! Последних объяснений хватило моей бедной жене, и она упала в обморок. Я едва успел подхватить ее на руки и отнес вниз на скамейку. Она была крайне потрясена, а когда вскорости у нас родился сын, то мы обнаружили у него на груди большое и неправильной формы родимое пятно. Мы были уверены, что это след того дня, когда мы познакомились с нюрнбергской Железной Девой.

Жена моя скоро пришла в себя, и мы вернулись в комнату Железной Девы. Там стоял наш друг Хатчисон, с философическим видом глядя на пыточный станок. Он обернулся на нас и выдал плод своих размышлений, снабдив его витиеватым вступлением.

— Я тут думал, пока мадам приходила в себя от испуга, — заговорил он. — Люди привыкли выпивать, и от этого их чувства сильно притупились. Мы уже перестали переживать сильные ощущения. Даже стоя у позорного столба в лагере апачей и зная, что сейчас придет конец, мы перестаем бояться. Это неинтересно. У Занозы была возможность проверить свои эмоции, когда он попал в лапы той скво. Я видел это из кустов. Я даже где-то завидовал ему. Сейчас вот вы, мадам, тоже показали нам, что такое нервы. А терять чувствитель-

ность нервов человеку непозволительно, ведь во многом от этого он и человек, а? Так вот. Я, пожалуй, залезу на пару минут в эту красавицу... Только чтобы испытать на себе, что чувствовали те, кто окончил в ней свои денечки.

— О, нет! Нет! — вскрикнула Амелия. — Ни в коем случае! Это ужасно!

— На самом деле, мэм, для пытливого ума в этом нет ничего ужасного. В свое время я побывал в различных переделках. Однажды в Монтане я провалялся целую ночь, придавленный убитой лошадью, а вокруг меня бушевал пожар. Пожар в прериях, когда вы вынуждены жариться в его пекле — это, скажу я вам, испытание! В другой раз я заблудился на земле команчей; они тогда как раз вышли с белыми на тропу войны. Меня заваливало в туннеле Билли Бронхо на золотых приисках в Нью-Мексико. Я и еще трое ребят ремонтировали фундамент моста Буффало и кессон, в котором мы сидели, порвал канаты и уплыл, куда захотел — еле нашли. Так что я не боюсь острых ощущений, а что касается этой дамочки, так она мне даже нравится.

Мы видели, что он настроен решительно и отговаривать его было бы бесполезно, поэтому я сказал:

— Хорошо, но поспешите с вашим экспериментом.

— Отлично, генерал! — воскликнул он. — Но, думаю, не все еще готово. Те джентльмены, которых подводили к этой девочке, шли вероятно в ее объятия не по своей воле, а? И, я думаю, их связывали перед потехой? Я хочу sobлюсти все в точности, так что, может, этот старикан обмотает меня веревкой, как это положено?

Эти слова были сказаны вопросительным тоном, а последние из них явно адресовались старику-хранителю. Он понял основное из того, о чем говорил американец, хотя скорее всего не оценил всей прелести его акцента и выбранной лексики, и покачал головой. Впрочем, его несогласие было чисто формальным, и его можно было без большого труда сломить. Американец достал из кармана золотую монету и сказал, протягивая ее хранителю:

— Возьми, приятель, и не бойся ничего. Слава богу, тебя здесь никто не заставляет никого вешать.

Не говоря ни слова, старик достал сильно протертый шнур и связал им нашего американского друга с неожиданной крепостью. Когда старик приступил к связыванию ног американца, тот сказал:

— Минуточку, прокурор. Сдается мне, что я буду тяжел для тебя. Давай-ка я сам в нее войду.

С этими словами он протиснулся в дверцу Девы. Размеры внутренней камеры подошли к нему как нельзя лучше. Амелия наблюдала за процедурой со страхом, однако, предпочитала больше не вступать в разговор. Потом хранитель нагнулся и связал вместе ноги американца, так что тот стал совершенно беспомощным в своей добровольной тюрьме. Видимо, он наслаждался своим состоянием, так как с его лица не сходила улыбка, к которой мы уже привыкли с женой. Он оживленно говорил:

— Не правда ли, я смахиваю на зародыша? Не скажу, что здесь достаточно места для гражданина Соединенных Штатов, чтобы развернуться как следует. Мы гробы себе делаем и то просторнее. Теперь слушай, прокурор. Ты будешь задвигать дверь на меня медленно, очень медленно. Я хочу продлить удовольствие и хорошенько прочувствовать ощущение, когда эти ржавые иглы лезут тебе в глаза.

— О, нет, нет! — истерично выкрикнула Амелия. — Это ужасно! Я не могу на это смотреть! Не могу!!!

Американец прервал ее спокойно, но одновременно твердо и с оттенком раздражения:

— Полковник, — обратился он ко мне, однако, глядя на Амелию. — Почему бы мадам не прогуляться? Я очень дорожу ее спокойствием, но я проделал восемь тысяч миль и не желаю упускать возможность посидеть внутри Девы! Я хочу знать, что ощущают лососи, когда их запечатывают в консервные банки, и я это, черт побери, узнаю! А когда вы вернетесь, мы с мадам посмеемся вместе.

Американца было не переспорить, и Амелия, подрагивая всем телом и сильно стиснув мою руку, молча смотрела на то, как хранитель медленно, дюйм за дюймом, ослаблял натяжение веревки, державшей дверь станка открытой. Лицо Хатчисона просто засияло, когда он заметил первое движение шипов и игл ему навстречу.

— Смотрите! — вскрикнул он. — Клянусь, у меня не было ощущения сильнее с тех пор, как я покинул Нью-Йорк! Последний раз, когда я был в таком состоянии, я дрался с французским матросом в одном баре, но я не думал, что на этом чертовом континенте, где нет ни баров, ни краснокожих, возможны настоящие наслаждения! Эй, прокурор, помедленнее! Не гони лошадей! Я хочу хорошенько порезвиться за мои денежки!

Было такое впечатление, что, подойдя к станку, хранитель почерпнул в ржавом железе и прогнивших веревках умение и знания тех, что служили в этой Гашне многие столетия пала-

чами. В течение целых пяти минут он чрезвычайно медленно и в то же время неумолимо ослаблял веревку, сдерживающую дверь. Амелия с ужасом смотрела на его действия, и губы ее белели все больше, а пальцы сжимали мою руку все судорожней. Я стал оглядываться в поисках места, куда бы я смог подвести жену, если она опять начнет терять сознание. Потом я посмотрел на нее и заметил, что она что-то увидела в темном углу комнаты вблизи от станка. Это что-то настолько поразило ее, что она едва держалась на ногах и не могла произнести ни слова. Я последовал за ее взглядом и увидел огромную черную кошку, выгнувшую свою длинную спину. Ее зеленые глаза зловеще и неподвижно светили из темноты. На миг она выступила из мрака, и я увидел, что она вся измазана кровью своего котенка, которая местами засохла и вздыбила ее шерсть клочками, что придавало ей еще более ужасный вид. Я вскрикнул:

— Кошка! Смотрите сюда! Кошка!

При моих словах зверь вновь скрылся в темноте. Я успел заметить торжество в ее зеленых демонических глазах. Шерсть на спине торчала в разные стороны, всклокоченная, и от этого кошка казалась крупнее раза в два, чем была на самом деле. Хвост стоял торчком, а спина хищно выгнута. Элиас П. Хатчисон, увидев ее, изумился, но она не испугала его, а наоборот он воскликнул со смехом:

— Пусть она не воображает себя той скво! Тресните ее по загривку, если она попытается выкинуть какую-нибудь штуку! Старик превратил меня в куколку жука, и я не могу, наверно, даже плюнуть в нее! Помедленней, прокурор! И смотри не выпусти шнурок из рук, а то мне не поздоровится!

В ту минуту Амелия тихо вскрикнула, и я был вынужден подхватить ее на руки, иначе она упала бы на пол. Занимаясь женой, я бросил взгляд в тот угол, где пряталась кошка, и увидел ее изготавившейся к прыжку. В следующую секунду она прыгнула.

Однако, как оказалось, ее целью был не Хатчисон, а старик-хранитель. Я видел все, словно в замедленном темпе. Ее когти вышли из-под шерсти на всю длину и были обращены вперед, прямо как у сказочных драконов на китайских картинах. Она упала хранителю на грудь и один из ее ужасных когтей ударил ему в глаз, пробил его насквозь и вышел наружу через щеку. По лицу несчастного заструились густые потоки крови, с ужасным криком — еще, верно, не успев почувствовать боль, — он отшатнулся назад и выпустил из рук шнур, который сдерживал тяжесть двери пыточного станка. Я

прыгнул к станку, чтобы подхватить упавший шнур, но было уже поздно: уже более ничем не удерживаемая дверь всей своей тяжестью стала надвигаться на связанного американца, ощерясь шипами и иглами.

Во всем этом кошмаре передо мной на секунду промелькнуло лицо бедного Хатчисона. Оно помертвело от ужаса. Глаза его были широко раскрыты и неподвижно уставились на надвигающуюся смерть. Ни одного звука не донеслось до нас из его плотно сжатых губ.

А потом шипы и иглы сделали свое дело. К счастью, конец наступил быстро. Когда я открыл дверь, то, оказалось, что иглы пробили тело Хатчисона очень глубоко и застряли в костях. Поэтому труп американца «приклеился» к двери, и когда я открыл ее, он был ею выволочен наконец из своей ужасной тюрьмы. Немного повисев на иглах и шипах, он мягко сполз на холодный пол, издав последний тихий хрип. Это, видимо, уже был не голос его, а звук падающего истерзанного тела и хруст разрываемых тканей.

Я увидел, что моя жена без движения лежит на полу, я взял ее на руки и вынес на воздух. Я боялся, что она придет в себя и увидит эту ужасную сцену. На лестнице, возвращаясь обратно, я увидел хранителя, который прикладывал к зияющей ране на лице окровавленный платок и стонал от ужасной боли. Перед тем, как оказать ему помощь, я заглянул в комнату, где стоял страшный станок. На голове мертвого американца сидела кошка; она громко мяукала и вылизывала изуродованные глаза трупа.

Я думаю, никто не назовет меня жестоким за то, что я схватил первый попавшийся тесак, каких здесь было много, и одним ударом разрубил черную тварь пополам.

ТАЙНА ЗОЛОТИСТЫХ ПРЯДЕЙ

Стоило Маргарет Диландэр переехать жить в Брэнт-Рок, как соседи начали довольно потирать руки, и вообще вся округа оживилась в предвкушении нового скандала. Распри между Диландэрами и Брэнтами возникали часто и славились остротой развития. И если кто-нибудь взялся бы написать полную историю графства, он был бы вынужден посвятить отдельную главу отношениям между этими двумя семействами. Между тем по своим социальным статусам они так далеко отстояли друг от друга, что, казалось, принадлежали к двум разным мирам, к тому же находящимся в противоположных концах Вселенной. Брэнты по своему происхождению вправе были относить себя к высшей касте общества. Собственно, они так и делали, и держались по отношению к фермерскому сословию, к которому принадлежала Маргарет Диландэр, так же примерно, как высокородные испанские идальго к обычным крестьянам, постоянно копавшимся в земле.

Диландэры помнили предков своих во многих коленах и гордились стариной рода не меньше Брэнтов. Увы, фермерами они были всегда и ступить на более высокую ступень социальной лестницы не имели средств. Впрочем, во времена протекционизма и внешних войн их дела стали было поправляться... К сожалению, ненадолго. Политика свободной торговли нанесла по их благосостоянию первый жестокий удар, а воцарение мира добило окончательно. Старики говорили, что их

«словно гвоздями к земле прибили». И это было действительно так: фермерскому труду Диландэры отдавались полностью, душой и телом. Других перспектив в жизни им господь не дал. Они сами были, словно те овощи, что росли в их хозяйстве: цвели и распускались в хорошую погоду, чахли — в плохую. Однако с каждым новым годом становилось все более очевидно, что их ферма Дандеркрофт уже обветшала и истощила свои возможности. Впрочем, зная о доходах Диландэров, никто этому не удивлялся.

Эта семья хирела вместе со своим домом, из года в год, из поколения в поколение. Многие ее члены, разочаровавшись в крестьянском труде, уходили в армию и на флот. Как правило, их образование заканчивалось в школе минеров, а гибли они до смешного глупо. Один — из-за неумной и неоправданной храбрости в бою, другие — из-за того, что по небрежности не насыпали бруствер уставной высоты или по мальчишеской привычке к озорству и похвальбе высовывали свои головы из окопов в моменты наиболее сильного огня.

Так, мало-помалу Диландэры опускались все ниже. Мужчины проживали всю жизнь в тяжких заботах и раздражении и в конце концов спивались. Женщины загибались на работе по хозяйству, вступали в неравные браки, а некоторые из них — и того хуже...

И вот настал час, когда все Диландэры, один за другим, сошли в могилу, и жить в Дандеркрофте остались только двое: Уайхэм Диландэр и его сестра Маргарет. Эти осколки некогда большого семейства, казалось, унаследовали по мужской и женской линиям все мрачные признаки своего рода, начиная со склонности к дерзким отчаянным поступкам и заканчивая угрюмой страстностью и сластолюбием. Брат и сестра широко применяли в жизни этот своеобразный генетический багаж, правда, каждый на свой лад.

История рода Брэнтов была во многом такой же, однако нельзя забывать той огромной кастовой и имущественной дистанции, которая была между ними и Диландэрами. Если последние были бедняками и плебеями и в отношении них можно сказать, что они хирели и угасали, расшвыривали без всякой пользы и отдачи свою жизненную энергию, то к аристократам Брэнт-Рока лучше всего подошло бы слово «упадок» или даже «декаданс». Военная служба и их не обошла стороной, но Диландэры были солдатами, а Брэнты — офицерами. Многие из них снискали себе боевую славу и были награждены за доблесть, прежде чем растратили свое здоровье и душевные силы в распутстве и кутежах.

Нынешним главой семьи — если вообще это еще можно было назвать семьей — оставался единственный представитель прямой линии Брэнтов — Джеффри Брэнт. Он, отпрыск почти истощившегося рода, в одних случаях был способен проявить наиблагороднейшие качества, унаследованные от предков, в других — являл собой живой пример аристократического упадка и деградации. Его вполне можно было сравнивать с увековеченными кистью художника представителями средневековой итальянской знати. То же мужество и та же неразборчивость в средствах, выраженные в тяжелых чертах лиц. Утонченное сластолюбие и коварство, скользящие во взглядах. Жестокость во взлете бровей... Он был, бесспорно, красив. Красив той суровой орлиной красотой, которая дает ее обладателю право приказывать и перед которой так преклоняются женщины.

С мужчинами он был холоден, в общении держал их от себя на расстоянии. Другое дело — женщины. С ними он вел себя абсолютно иначе. Впрочем, законы отношений человеческих полов загадочны, и даже самая робкая и застенчивая женщина не боится высокомерного или неистового поклонника. Так что все без исключения женщины, жившие вблизи Брэнт-Рока — молодые и пожилые, бедные и обеспеченные, полные и худощавые, — каждая на свой манер, преклонялись перед красивым хозяином этого поместья, несмотря на то, что он был венцом упадка в своем роде. А женщин там было много, так как Брэнт-Рок всей своей машиной высился посередине огромной равнины, и на сто миль вокруг можно было увидеть на горизонте его величественные древние башни и строения, которым леса и окрестные деревеньки служили лишь фоном.

Пока Джеффри Брэнт кутил и гулял в Лондоне, Париже или Вене, то есть вдали от дома, общественное мнение молчало. Всегда легче не наблюдать лично те или иные поступки, а слушать, что доносит о них эхо. Так удобней. Можно заклеить эхо насмешкой, можно ему не поверить, наконец, можно сделать вид, что это вас совсем не касается и что вам по большому счету на это наплевать. Существуют тысячи способов, как относиться к слухам, которые, к тому же, содержат нелепные известия о вашем аристократе-соседе. Но когда скандал подбирается поближе к дому — дело другое. Тут уж приговор должен быть произнесен: люди любят выносить приговоры одним, чтобы было неповадно другим. Однако Брэнта никто не смел обвинять, так как уехать-то он уехал, но осталась Маргарет Диландэр. А в последнее время она так благожелательно отзывалась о своих с ним отношениях, да и со стороны

это было так заметно, что никто не рисковал подолгу судачить на предмет похождения аристократа, чтобы не заполучить Маргарет во враги. Единственно, что позволялось людям, так это шептаться о том, что, наверно, Маргарет и Джеффри состоят в тайном браке.

Единственный человек, который мог бы на равных вмешаться во все это дело, не боясь ничего, в силу некоторых обстоятельств, был лишен права вмешиваться. Дело в том, что Уайхэм Диландэр постоянно ссорился и ругался с сестрой — а, впрочем, может, правильней было бы сказать, что сестра постоянно ссорилась и ругалась с братом, — и их взаимоотношения никогда даже не приближались к состоянию вооруженного нейтралитета, выражаясь языком военных учебников. Диландэры всегда были в состоянии острейшей взаимной ненависти. Последняя их распря между собой как раз предшествовала переезду Маргарет в Брэнт-Рок. В тот раз она с Уайхэмом чуть не подралась на ножах. Они долго обменивались оскорблениями и угрозами, наконец Уайхэм, чувствуя, что скоро уже не сдержится, приказал сестре убираться из дома. Она сразу же вскочила с дивана, на котором сидела, и не захватив даже с собой свои вещи, ушла. Уайхэм видел через окно, как она остановилась у ворот и, обернув к нему разъяренное лицо, крикнула, что он будет жалеть о том, что случилось, до последней своей «поганой минуты».

С того дня прошло несколько недель, и в округе пронеслась весть, что Маргарет видели в Лондоне вместе с Джеффри Брэнтом. А еще через несколько дней уже все знали, что она переезжает жить в Брэнт-Рок.

Никто не удивился внезапному приезду Джеффри, ибо такова была его привычка — появляться дома вдруг, никого заранее не уведомляя. Даже его собственные слуги никогда не знали, когда ожидать своего господина. У Джеффри в доме была дверь, ключи от которой были сделаны в единственном экземпляре. Для него, разумеется. Так что очень часто его домашние, полагая, что хозяин сейчас где-то между Парижем и Льежем, сталкивались с ним нос к носу в самом доме. Причем для него это не было забавой. Таков был образ жизни аристократа из Брэнт-Рока.

Уайхэм Диландэр пришел в бешенство, узнав о новом месте жительства своей сестры. Он замыслил месть, а чтобы легче думалось — запил крепче обычного. Несколько раз он предпринимал попытки увидеться с Маргарет, но та категорически отказывалась от встреч. Тогда он стал подстергать Джеффри на дороге и однажды попытался его остановить. Но владелец

Брэнт-Рока был не из тех, кого можно к чему-либо принудить. Между мужчинами произошло несколько столкновений. О постоянных угрозах и оскорблениях и речи не идет. Наконец Уайхэм Диландэр понял, что в задуманном успеха ему не добиться и замкнулся в угрюмом одиночестве.

Нет нужды говорить долго и о характере Маргарет — достаточно вспомнить ее предков. А что касается Джеффри, то у него нрав был тоже не легкий. Поэтому неудивительно, что скоро разгорелись ссоры и в древних стенах Брэнт-Рока. Разногласия насаивались одно на другое. Стычки с каждым днем становились одна другой ожесточеннее, угрозы произносились так оглушительно громко и такими словами, что домашние по-настоящему пугались. Но почти всегда ссоры заканчивались примирением, так как становилось ясно, что силы соперников примерно равны и никому из них нечего и думать перекричать другого. Они ссорились тем не менее и в следующий раз, ибо так уж принято у таких людей, живущих под одной крышей.

Довольно часто Джеффри и Маргарет покидали Брэнт-Рок. Сразу же после их отъезда уезжал и Диландэр из своего Дандеркрофта. К сожалению, перемены обстановки никак не отражались на нем, и он возвращался из отлучки, будучи настроен еще мрачнее прежнего.

В последний раз Брэнт-Рок жил без хозяина и Маргарет больше обычного. Накануне отъезда между ними произошла ссора, превосходившая по накалу страстей все предыдущие. Но, видимо, она как и всегда закончилась примирением, и слугам было объявлено о поездке хозяина на континент.

Через несколько дней уехал со своей фермы и Диландэр. Около двух месяцев прошло, прежде чем он вернулся. Соседи заметили в нем перемену. Казалось, он был чем-то удовлетворен, и то, чем он был удовлетворен, волновало его. Прямо с дороги, не заезжая к себе, он повернул в Брэнт-Рок и потребовал свидания с Джеффри. Когда же слуга уведомил его о том, что хозяин в отъезде, он заметно помрачнел, но тут же взял себя в руки и сказал с хмурой решительностью во взгляде:

— Я приду еще. Новости, которые я ему привез, таковы, что могут и подождать. С этими словами он круто развернулся на каблуках и удалился.

Неделя проходила за неделей, месяц за месяцем... Все было по-прежнему, пока, наконец, не долетели слухи о том — впоследствии они несколько раз уточнялись, — что в Церматской долине произошло несчастье. Во время движения по узкому участку пути, прямо вдоль края высокого и крутого бе-

рега Роны, экипаж занесло на заледенелой дороге, и он опрокинулся в пропасть. Погибли английская леди и кучер. Третий невольный участник катастрофы, господин Джеффри Брэнт, чудом уцелел, так как не находился в экипаже, а шел рядом, подбадривая лошадей на этом опасном участке. О происшедшем он заявил в полицию, и было проведено компетентное расследование. Сломанная изгородь у края обрыва, глубокие вмятины от колес экипажа, следы лошадиных копыт: было совершенно ясно, что несчастные животные до конца боролись за свою жизнь, вытягивая накренившийся экипаж... Все говорило за то, что здесь действительно разыгралась ужасная драма.

В то время таяли снега, и Рона, ломая лед, стремительным и шумным потоком неслась на дне пропасти. После тщательных поисков были найдены отдельные части экипажа и труп одной из лошадей. Позднее рыбаки в Тоше извлекли из воды труп кучера. Течение реки в период половодья было очень сильное, и этим объясняется тот факт, что беднягу отнесло так далеко от места катастрофы. К сожалению, разыскать погибшую англичанку и труп второй лошади не удалось до сих пор. Вероятно, их останки и сейчас еще несут стремительные воды Роны в Женевское озеро.

Уайхэм Диландэр со своей стороны предпринял все возможные розыски, но узнать что-либо о пропавшей женщине ему не удалось. Единственное, чем он располагал, это регистрационные записи в отелях: «Мистер и миссис Джеффри Брэнт». В Цермате ему показали камень, установленный у края пропасти в память о его сестре, а в Бреттене, в церкви прихода, в который входили Брэнт-Рок и Дандеркрофт, он увидел табличку с вырезанной на ней фамилией своей сестры по мужу.

Прошло около года, пока вся округа успокоилась. Соседи перестали поминать в своих разговорах о случившемся на берегах Роны несчастье и вернулись к своему обычному, тихому образу жизни. Брэнт еще не возвратился, а Диландэр все больше пил, мрачнел, в его мозгу витали мстительные замыслы один кровожаднее другого.

А потом пришла еще одна новость, взбудоражившая всю округу. Брэнт-Рок готовился к приему в свои стены новой хозяйки. Об этом сообщил сам Джеффри в письме к викарию. Он писал, что несколько месяцев назад женился на итальянке и теперь направляется с женой домой. А через несколько дней после письма в Брэнт-Рок заявила бригада рабочих. Из старинного дома с утра до вечера доносились звуки молотков и рубанков, в воздухе пахло краской. Одно крыло дома — юж-

ное — было полностью переделано. После этого основная часть рабочих получила расчет — их дело было завершено, если не считать старинного холла. Они оставили там материалы и отложили работы до приезда Джеффри согласно его распоряжению о том, что отделка холла должна осуществляться в его присутствии. Он говорил, что везет с собой портрет своего отца и другие картины, и вообще он хочет, чтобы его жене было приятно посмотреть на весь дом и холл в частности.

Сюда были подвезены стропила и доски для лесов, в углу стоял чан для замешивания в нем извести, а сама известь была тут же в больших мешках.

Когда новая хозяйка подъезжала к Брэнт-Року, звонили все колокола приходской церкви и вообще было общее ликование. Она была очень красива, полна поэзии, огня и южной страсти. Ее английский ограничивался пока лишь несколькими словами, но это не мешало ей завоевать сердца всех мужчин в округе. Они были потрясены ее удивительно мягким голосом, произносившим английские слова, не меньше, чем томной красотой ее карих глаз.

Сам Джеффри Брэнт выглядел заметно свежее обычного, его счастье так бросалось в глаза!.. Однако временами он вдруг начинал тревожно оглядываться по сторонам, вздрагивать, словно от какого-то тихого стука, который не был слышен никому, кроме него. Определенно, его что-то тяготило.

Шло время, и скоро поползли слухи о том, что в Брэнт-Роке ожидают появления на свет наследника. Джеффри очень нежно относился к своей жене, а ее беременность сблизила их еще больше. Ему трудно было скрыть свою радость. Впервые он проявил интерес к жизни своих слуг, стал уделять им знаки внимания. Дошло даже до того, что он и его молодая жена начали оказывать им различные благотворительные услуги. Когда он думал о ребенке, с которым были связаны все его надежды, печаль, иногда делавшаяся особенно глубокой, исчезала вовсе.

Все это время Уайхэм Диландэр вынашивал планы своей мести. Его ненависть затаилась возле сердца, и нужен был только предлог для того, чтобы она вылилась наружу в ужасном преступлении. Его мысли были главным образом о жене Брэнта, так как он чувствовал, что удар по тем, кого Джеффри так любит, придется ему больнее всего. Он только ждал удобного случая, хотя перед страхом неудачи все же оттягивал свою акцию.

Однажды Уайхэм засиделся в гостиной своего дома до поздней ночи. Когда-то эта комната была красивой, но время и

пыль сделали свое дело, и теперь она больше походила на старые развалины, лишенные всякого лоска и просто пристойности. В последнее время владелец старой фермы пил больше обычного и теперь тоже склонился над кружкой в пьяной полудреме. Вдруг он приподнял голову: ему почудился какой-то шорох за дверью. На его громкий окрик и удар кулака по столу никто не ответил. Чертыхаясь вполголоса, он продолжил свое нехитрое занятие. Через минуту машинально бросил взгляд назад через плечо и... обомлел: дрожь пробила все его тело, и он застыл в обернувшейся позе, не смея отвести ошеломленного взгляда от существа, стоявшего перед ним. Оно выглядело как страшное мертвенно-бледное подобие его погибшей сестры. Ужас начал сковывать его, и неудивительно: женщина, возникшая перед ним, вообще мало была похожа на человека. Горящие воспаленные глаза... Перекошенное лицо... Единственно, что указывало ему на то, что уродливое привидение — его сестра, это пышные золотистые волосы, спускавшиеся по тощим плечам.

Маргарет тоже не отрывала глаз от брата. И взгляд ее дышал ненавистью.

Когда Уайхэм Диландэр пришел в себя от шока, вызванного столь мистическим появлением, то почувствовал, как в его сердце также поднимается бывшая вражда к сестре. Губы его задрожали и, не скрывая злобы и насмешки, он спросил:

— Какого черта ты здесь делаешь? Ты погибла и похоронена вонючим речным илом!

— Я здесь, Уайхэм, вовсе не из большой любви к тебе. Я здесь потому, что ненавижу одного ублюдка еще больше, чем тебя. — Ее глаза грозно сверкнули.

— Его? — прошептал он с такой ненавистью в голосе, что даже она содрогнулась при этом слове.

— Да, его! — крикнула она. — Но не тешь себя надеждой насчет своей жалкой мести ему! Мстить буду я! А тебя я только использую в этом!

Уайхэм быстро спросил:

— Он тогда женился на тебе?

Ее лицо исказилось при этих словах подобием улыбки. Это была отвратительная гримаса. Свет падал на нее косо и от этого она казалась исчадием ада. На лбу собрались глубокие складки, а левая половина лица была покрыта шрамами и рубцами. Они побелели и, казалось, что ее лицо исполосовано множеством бледных линий.

— А! Так тебе хочется знать это! Чтобы потешить свое самолюбие? Как же! Его сестра — и вдруг замужем за насто-

ящим аристократом! Ну так вот: ты ничего об этом не узнаешь! Никогда! И это будет моя маленькая месть за все! Я пришла сюда сейчас только для того, чтоб ты знал: я жива и иду туда.

— Зачем? — быстро спросил он.

— Это мое дело! У меня нет ни малейшего желания рассказывать тебе об этом!

Уайхэм треснул кулаком по столу и резко встал. Кровь бросилась ему в голову, в глазах поплыли круги, он зашатался и тяжело повалился на пол. Он делал неудачные попытки подняться и хрипло кричал, что пойдет вместе с ней. Она мрачно усмехнулась при мысли, что, пожалуй, он и впрямь найдет дорогу в темноте, ориентируясь на ее отливающие золотом волосы — жалкие остатки былой красоты. Еще она подумала, что кое-кому сегодня придется вспомнить, что она была когда-то красивой...

— Он увидит мои волосы, — прошептала она. — Они всегда ему будут напоминать о том, что у него была я! Они всегда будут стоять у него перед глазами! Когда он толкнул меня в пропасть, он мало думал о моей красоте. Она бесследно исчезла после того, как я провела целую неделю на непрерывно ломающемся льду Роны! Его красота тоже исчезнет! Я устрою ему такие же ощущения! Близится его время!

С этими словами она резким движением распахнула дверь и вышла наружу, в непроглядную тьму ночи...

* * *

Той же ночью миссис Брэнт долго не могла заснуть. Вдруг она встревоженно подняла голову и зашептала:

— Джеффри! Кажется, звякнул замок под окном?..

Но муж, несмотря на то, что она как будто заметила, что он тоже встрепнулся при странном звуке, глаз не открывал и вообще делал вид, что спит крепким сном. Правда, он не мог скрыть учащенного дыхания.

Прошло около часа, и миссис Брэнт встревожилась вновь. На сей раз оттого, что увидела, как ее муж поднялся и стал одеваться. Он был смертельно бледен, а когда повернулся так, что свет лампы упал ему на лицо, она ужаснулась выражению его глаз.

— Что случилось, Джеффри?! — спросила она испуганно. — Что ты делаешь?!

— Тс-с! Тихо, малышка! — ответил он каким-то странным

хриплым шепотом. — Спи, а мне что-то не хочется. Я пойду поработаю немного... Днем не все успел...

— Принеси свою работу сюда, дорогой, — попросила она. — Мне будет одиноко. Я боюсь. Не уходи...

Вместо ответа он поцеловал ее и быстро ушел из спальни, плотно притворив за собой дверь.

Несколько минут она лежала, вся насторожившись, но затем природа взяла свое и она наконец уснула.

Внезапно она решительно откинула одеяло и, боясь пошевелиться, стала вглядываться в темноту спальни. Ей послышался далекий сдавленный вскрик. Она вскочила с кровати и, подойдя на цыпочках к двери, прислушалась. Однако больше никаких звуков не раздавалось. Она испытала тревогу за мужа и громко позвала:

— Джеффри! Джеффри!

Она вышла из спальни и стала ждать. Через несколько минут дверь холла открылась и в ней показался ее муж. Правда, без лампы.

— Тс-с! — прошептал он, прикладывая палец к губам. Она еще раз подивилась перемене в его голосе. — Тс-с! Иди в кровать! Я работаю и не хочу, чтобы мне мешали. Иди спать и не буди дом!

Сердитый тон мужа кольнул ее в самое сердце. Так он с ней до этой ночи никогда не разговаривал. Она молча вернулась в спальню, легла и, дрожа и не разжимая напряженных губ, стала прислушиваться к малейшему звуку в доме. Довольно долго стояла полная тишина, но вдруг она с ужасом расслышала: словно чем-то скрежуще провели по железной поверхности, и затем раздался глухой удар! Через минуту что-то обрушилось с грохотом и послышались приглушенные проклятия. Потом словно что-то тяжелое протащили по полу и стали заваливать камнями. Звуки слышались отчетливо и нетрудно было догадаться, чем они создаются. Все это время она лежала в кровати, не шевелясь, скованная страхом, ее сердце бешено колотилось. Последнее, что она слышала, был странный звук, как будто что-то откуда-то с усердием соскребали.

Потом наступила тишина, а вскоре дверь тихо отворилась и показался Джеффри. Жена притворилась спящей, но сквозь ресницы она видела, как он вытирает полотенцем с рук что-то белое, похожее на известь...

Утром он вел себя как ни в чем не бывало и ни словом не упомянул о событиях вчерашней ночи, а она боялась тревожить или, боже упаси, сердить своими расспросами.

С того времени Джеффри сильно изменился. Его постоян-

но мучили какие-то мысли, настроение у него было плохое, он почти всегда был мрачен и угрюм. У него резко ухудшились сон и аппетит, а давняя привычка неожиданно оборачиваться назад, словно бы кто-нибудь за ним стоял, опять вернулась. Старый холл как-то дурно воздействовал на него. И тем не менее он заходил туда по несколько раз в день и раздражался, если кто-то еще хотел заглянуть туда же.

Вскоре в Брэнт-Роке появился бригадир тех рабочих, что делали в доме ремонт. Он собирался испросить у хозяина разрешение на отделку холла, но того не было дома. Тогда бригадир направился к месту работы, попросив слугу передать хозяину, как только тот вернется с прогулки, что он, бригадир, просит разрешения продолжить работы, и сообщить, где он сейчас. Слуга исполнил просьбу и был изумлен выражением лица Джеффри, когда он говорил ему о том, куда пошел бригадир. Тот оттолкнул беднягу в сторону и бегом устремился в холл. Он опоздал, потому что когда подбежал к нужной двери, она отворилась, и оттуда вышел озадаченный бригадир.

— Прошу прощения, сэр... Я только хотел спросить... Я посылал вам дюжину мешков извести, а здесь увидел только десять...

— К черту ваши десять мешков! И дюжину — туда же! — был ответ разгневанного хозяина.

Бригадир удивленно посмотрел на него и постарался изменить тему разговора.

— Я понимаю вас, сэр. Просто нам осталось совсем немного, и поскольку уж мы начинали это дело...

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу сказать, сэр: сами видите, что происходит, когда вы доверяете начатое нами другим. Какой-то идиот разлил известь. Да бог с ней с известью! Но ведь здесь мрамор, ценный материал. Что, если он расколошматит его?..

Джеффри слушал бригадира и выражение его лица смягчалось. Потом он сказал уже нормальным тоном:

— Скажите своим людям, что в настоящее время я не нуждаюсь в ремонте холла. Пусть там все останется как есть. Пока.

— Отлично, сэр. Я пошлю пару ребят забрать доски и известь. Потом, надо бы почистить там немного...

— Нет! — мгновенно прервал его Джеффри. — Оставьте там все, как есть. Я пошлю за вами, когда решу продолжить работы.

Бригадир ушел.

Диландэр вновь стал ловить Брэнта на дороге и наконец, когда их коляски столкнулись, он крикнул:

— Эй, что случилось с моей сестрой и твоей женой?

Джеффри быстро расцепил коляски и, не глядя на испуганную жену, затаившуюся в самом темном углу экипажа, изо всех сил стал нахлестывать лошадей. Вслед ему неслись злой хохот.

Той ночью Джеффри как обычно зашел в холл. Он подошел было к камину... и вдруг отскочил назад со сдавленным возгласом. Взяв себя в руки, он вернулся к тому месту, но уже с лампой. Он решил проверить, уж не ввел ли его в заблуждение лунный свет, и наклонился над сломанной каминной плитой. В следующее мгновение он вскрикнул, словно от внезапной боли, и упал на колени.

Там, сквозь трещину в расколотой плите, желтым ручейком пробивались несколько прядей золотистых волос! Приглядевшись, он заметил несколько тонких седых локонов.

От ужасного зрелища его отвлек звук открываемой двери. Он оглянулся и увидел входящую жену. Стремясь к тому, чтобы она не заметила ничего подозрительного, он опрокинул на каминную плиту свою лампу и сжег проросшие сквозь камень золотистые волосы. Затем он поднялся с колен и изобразил удивление появлением жены.

Всю следующую неделю Джеффри Брэнт как никогда был мрачен, так как никак не мог выгадать хотя бы полчаса уединения для того, чтобы без помех побыть в холле. Все же, когда ему удавалось забежать туда, он со страхом убеждался в том, что волосы растут и растут сквозь трещины в камине. Он боялся подойти к ним или, не дай бог, постараться приподнять плиту — а вдруг откроется страшная тайна растущих волос?..

Это было в минуты полузабытья.

В остальное же время он лихорадочно размышлял над тем, куда спрятать тело убитой. Конечно, это нужно было сделать вне дома, так как по непонятной причине ее волосы росли и после смерти. Но ему все время кто-нибудь мешал вынести труп. Однажды, когда он входил в свою личную дверь, вблизи показалась жена и выразила удивление тем, что он что-то скрывает от нее. Он весьма неохотно показал ей единственный ключ от этой двери. Джеффри нежно любил свою жену и исключал всякую возможность того, чтобы она узнала его жуткие тайны или даже просто начала подозревать его. А через пару дней он, к ужасу своему, догадался, что ей все-таки что-то известно.

В тот вечер, вернувшись с прогулки, она прошла сразу же

в холл, где и застала мужа сидящим неподвижно с мрачным выражением лица перед расколотым камином. Она решительно приблизилась к нему и твердым голосом заговорила:

— Джеффри, я разговаривала с этим Диландэр. Он рассказывает ужасные вещи! Он сказал, например, что неделю назад его сестра вернулась домой. Она была в ужасном состоянии и страшно грозилась. Диландэр пытался выпытать у меня, где она! Джеффри! Она же мертва! Мертва! Он говорил, что она выглядела как привидение и только золотистые волосы не дали ему сойти с ума от страха! Но скажи мне, как она могла вернуться?!.. Ты понимаешь, что я не нахожу себе места от этих рассказов?!

Вместо ответа Джеффри разразился ужасными проклятиями. Она вся задрожала. А он все не останавливался, изрыгая ругательства по адресу Диландэра и его сестры. А особенно он честил ее золотистые волосы.

— Хватит! Хватит! — закричала она и тут же осеклась. Взгляды, которые метал то на нее, то на камин ее муж, были ужасны!

Уже почти не контролируя себя, он вскочил и направился было к выходу из холла, но тут же остановился, увидев, как внезапно испугалась его жена. Он посмотрел туда же, куда и она, то есть на каминную плиту и содрогнулся: сквозь трещины в камне упорно лезли на свет золотистые волосы...

— Смотри! Смотри! — шептала она побелевшими губами. — Это мертвая! Это ее призрак! Уйдем отсюда, господи, я прошу тебя! — С этими словами она схватила мужа за руку и потащила его из холла прочь, ее лицо было искажено величайшим страхом.

В ту ночь ей стало плохо, она металась по кровати и временами ее речь теряла связность и осмысленность. Брэнт-Рок навел местный доктор и оказал кое-какую помощь. Понимая все-таки ограниченность своих возможностей, он рекомендовал Джеффри телеграфировать медикам в Лондон. Брэнт был в отчаянии и в тревоге о жене почти полностью забыл о своем преступлении и его последствиях. Скоро доктор вынужден был уйти, так как его ждали другие пациенты. Он оставил Джеффри сиделкой у кровати жены. Его последние слова были:

— Запомните, вам нельзя отходить от ее кровати, пока не приду утром я или пока не придет доктор из Лондона. Настаиваю на том, чтобы ей был обеспечен полный покой. Не дай бог, произойдет еще один взрыв эмоций! Сейчас она лежит в

тепле, и больше ей ничего пока не потребуется. Но не лишайте ее этого!

Поздно вечером, когда дом опустел — Джеффри отпуская на ночь слуг, — его жена неожиданно поднялась с постели и позвала мужа.

— Пойдем! — торжественно сказала она, когда он пришел. — Пойдем в старый холл! Я знаю, откуда тянутся эти золотистые локоны! Я хочу посмотреть еще раз, как они растут!

Джеффри сначала попытался было отговорить ее от этой затеи, так как очень боялся за нее. А потом он увидел, что останавливать ее попросту бесполезно. Он шел за ней, завернутой в махровое покрывало, и не смел даже слова сказать, боясь, что горяча она выскажет вслух все свои подозрения. Когда они зашли в холл, она сразу же повернулась к двери, плотно притворила ее и закрыла на ключ.

— Лучше будет, если нам троим никто не помешает, — сказала она с улыбкой, обернув к мужу смертельно-бледное лицо.

— Нам троим?! Но ведь мы только двое... — прошептал Джеффри, пытаясь унять дрожь в теле и не осмеливаясь говорить дальше.

— Сядь там, — сказала она, выключив свет, который он было включил. — Сядь у камина и смотри на этот золотой ручеек! Серебряный лунный свет завидует ему! Смотри, он стелется по полу к этому ослепительному золоту! Нашему золоту!

Джеффри с ужасом стал смотреть туда, куда ему указывала жена, и убедился в том, что за те часы, что он не был здесь, золотистые локоны опять проросли сквозь камень, и их уже при всем желании невозможно было скрыть от постороннего глаза. И все же он попытался это сделать, поставив на них ноги. Его жена придвинула другой стул поближе, села и положила голову на плечо мужу.

— Не шевелись теперь, милый, — прошептала она. — Давай просто сидеть и смотреть. Мы разгадаем тайну золотистых прядей!

Он обнял ее за талию одной рукой и полностью расслабился. Когда весь пол был залит лунным светом, она заснула.

Он боялся убрать руку, чтобы не потревожить ее сон, и сидел неподвижно возле нее. Время шло, и печаль все больше овладевала им.

Он скосил глаза на каминную плиту и весь содрогнулся от ужаса: золотистые волосы росли прямо на глазах. Он смотрел на них широко раскрытыми застывшими глазами, не в силах

оторваться. Волосы росли с каждой минутой все больше и больше, а его сердце с каждой минутой становилось все холоднее и холоднее, пока в его взгляде не погасла наконец последняя искра жизни и не остался лишь мертвый ужас.

* * *

Наутро явился доктор из Лондона, но ни Джеффри, ни его жены никак не могли разыскать. Слуги осмотрели все комнаты без исключения, но безуспешно! Наконец, их внимание привлекла массивная дверь старого холла. Они выломали ее, вошли внутрь и их взорам предстала печальная и страшная картина. Там, у самого камина, сидели на стульях Брэнт и его молодая жена. Окоченевшие. Сидели как будто спящие, но на самом деле — мертвые... Ее лицо было совершенно спокойно, и, казалось, она продолжает видеть какой-то интересный сон. Но выражение лица ее мужа было таково, что заставило всех вошедших невольно содрогнуться. В его неподвижных, широко раскрытых глазах застыл предсмертный ужас, непередаваемый и безотчетный страх... Его ноги купались в золотистых кружевах женских волос, подернутых сединой. Волосы нежными ручейками вытекали из трещины в каминной плите.

Они росли.

ЦЫГАНСКОЕ ПРОРОЧЕСТВО

— Я решительно предлагаю, — говорил доктор, — одному из нас проверить на себе: обман все это или же нет?

— Отлично! — ответил бодро Консидайн. — Сразу же после обеда приготовим сигары и наведаемся в табор.

Как и было условлено, едва отложив в сторону обеденные приборы и покончив с бутылкой французского *La Tour*, Джошуа Консидайн и его друг доктор Бэли, вышли к пустоши и направились на восток, в ту сторону, где располагался цыганский табор. Мэри Консидайн подошла к калитке, за которой заканчивался сад и начиналась тропинка к пустоши, и напутствовала мужа:

— Не трать на них деньги, Джошуа, они нагадают тебе бог знает что. И не вздумай приударить за какой-нибудь смазливой цыганочкой, я все равно узнаю! Да не давай воли Джеральду — он тебе такое предложит, что до беды недолго! Следи за ним!

Джошуа поднял руку, показывая, что он все слышал и обещает следовать советам жены, и громко запел старую веселую песенку «Цыганская принцесса». Джеральд сразу же подхватил несложную мелодию, и, оборачиваясь время от времени, чтобы отвесить Мэри шутливый поклон, они зашагали дальше. Она смотрела им вслед, облокотившись на калитку. Был уже вечер и небо потемнело. А в воздухе еще сохранилась

дневная свежесть и пряность. Одним словом, идиллическая обстановка. Особенно для молодых супружеских пар.

Консидайн был молод, но прожил уже достаточно, чтобы порой с неудовольствием констатировать, что его жизнь не богата большими и интересными событиями. Единственное, из-за чего он волновался так, как об этом пишут в книгах, это терпеливое ухаживание за Мэри Уинстон и многочисленные отказы ее амбициозных родителей, которые были согласны выдать свою единственную дочь только за сказочного принца. Поэтому едва мистеру и миссис Уинстон стали известны намерения молодого адвоката, они постарались развести его с дочерью, отправив ее к родственникам в другой город и взяв с нее обещание не предпринимать попыток связаться с любимым. Но любовь молодых людей выдержала это испытание. Ни разлука, ни отношения с родителями Мэри не охладили страсти Джошуа, а чувство ревности ему, человеку на редкость жизнерадостному, вообще не было знакомо. Таким образом после долгого ожидания со стороны молодого человека и столь же долгих отказов со стороны родителей девушки, последние признали свое поражение, и Джошуа и Мэри поженились.

В этом доме они успели прожить пока только несколько месяцев, но уже почти привыкли к нему и считали своим. Супруги пригласили к себе погостить Джеральда Бэли, старого товарища Джошуа еще по колледжу и безответного воздыхателя по красоте его жены. Он приехал неделю тому назад и решил устроиться здесь довольно основательно, так как дела звали его обратно в Лондон еще не скоро.

Как только Джошуа и Джеральд окончательно скрылись из виду, Мэри вернулась в дом, села за пианино и решила следующий час уделить музыке Мендельсона, которую она боготворила.

Прогулка до табора оказалась приятной и весьма недолгой, так что не успели Джошуа и его друг выкурить по сигаре, как перед ними цыганские шатры раскинулись во всем своем экзотическом великолепии. У большого костра в центре табора стояли несколько человек. Они предлагали цыганам деньги на гадание. Гораздо больше людей стояло поодаль, но не настолько далеко, чтобы не видеть сам процесс появления на свет удивительных предсказаний. Это были те люди, которые не могли позволить себе расходувать деньги на колдовство, — одни по бедности, другие из-за скупости. Но никто не мог запретить им стоять в сторонке и внимательно наблюдать за всем происходящим у костра...

Как только двое джентльменов приблизились к общей группе и их поприветствовали те, кто знал Джошуа как соседа, к ним тут же подбежала молоденькая большеглазая цыганка и предложила погадать им на счастье. Джошуа с улыбкой протянул ей руку, как это делали остальные, но она проигнорировала его движение и продолжала невинно смотреть на него. Джеральд нагнулся к другу и прошептал ему на ухо:

— Киньте ей несколько монет. Это едва ли не самая важная часть гадания. Во всяком случае для самих гадалок.

Джошуа достал из кошелька два шиллинга и протянул цыганке. Она едва скосила взгляд на монеты и сказала:

— Что ты мне даешь, красавец писанный? Я не нищая. Ты позолоти мне ручку, всю правду скажу.

Джеральд расхохотался.

— Ничего не поделаешь, дружище! Придется быть пощедрей.

Джошуа был скромен, в некоторых ситуациях просто удивительно скромен и даже стеснителен. Во всяком случае он не мог с бесстрастным видом долго выдерживать лукавый взгляд красивой цыганки и поэтому сказал:

— Ну хорошо. Вот держи, милая девочка. Но прошу: за такие деньги я нуждаюсь в большом счастье! — И, улыбаясь, он подал ей монету в полсоверена. Она ловко подхватила ее и быстро заговорила:

— Я не могу сама давать людям счастье. Ни большое, ни маленькое. Я могу только читать его по звездам. — С этими словами она развернула правую руку Джошуа ладонью вверх. Но стоило ей бросить взгляд на характерные бороздки на коже, по которым гадают все цыганки, как глаза ее наполнились испугом, и она, выпустив руку испытуемого, убежала прочь. Юная ворожея остановилась у порога самой крупной палатки во всем таборе, подняла покрывало, закрывавшее вход, и юркнула внутрь.

— Надули! — с притворным гневом вскрикнул Джеральд и хлопнул в ладоши. А Джошуа стоял рядом с ним и все не мог прийти в себя от удивления, к которому примешивалась изрядная доля раздражения. Оба они не спускали глаз с той большой палатки. И их ожидание было вознаграждено: покрывало вновь откинулось, но на этот раз они увидели не девочку, что убежала от них, а статную, с величавой осанкой цыганку средних лет. Она начальственным взглядом оглядела весь табор. Всякий шум в ту минуту, как она только появилась из палатки, полностью прекратился. Разговоры, смех, даже гадания на какие-то секунды словно испарились в воздухе, и

все, кто сидел или лежал на траве у костра, как по команде, встали, приветствуя свою королеву.

— Это их Величество, — прошептал Джеральд, улыбаясь. — Нам повезло сегодня.

Цыганская королева вновь окинула табор изучающим взглядом и потом, не колеблясь, сразу направилась в сторону двух последних прибывших джентльменов и остановилась напротив Джошуа, как бы показывая этим, что именно он ей и нужен.

— Протяни мне свою руку, — потребовала она в приказном тоне.

Джеральд, скосившись на друга, пропел *sotto voce*¹:

— Последний раз лично со мной так разговаривали еще в школе. Боюсь, вам придется выложить еще полсоверена.

Джошуа протянул цыганке монету. Она развернула его ладонь и мельком посмотрела на них. Потом она сказала:

— Тебя любят, и в глазах того человека ты — верх совершенства. Ты тот, кому он безгранично и слепо доверяет.

— Надеюсь, что это именно так, — произнес Джошуа. — Но скромность не позволяет мне это утверждать с уверенностью.

— Слушай, всю правду тебе скажу. Я вижу в твоём лице все. Все, ты слышишь? Это горе, которое предначертано тебе судьбой, и этого уже не изменить. У тебя есть жена. Ты ее любишь.

— Да, — проговорил он спокойно, давая понять своим тоном, что об этом не так-то трудно было догадаться.

— Тогда тебе нужно уйти от нее немедленно! Тебе больше нельзя видеться с ней! Уйди от нее сейчас, пока в тебе горит любовь к ней и еще не народились черные мысли! Покинь ее навсегда!

Джошуа, не дослушав цыганку до конца, выдернул свою руку и сказал:

— Спасибо за интересные советы. — Затем он, сдерживая свое негодование, круто развернулся и пошел прочь.

— Эй! — крикнул Джеральд. — Подождите! Не принимайте близко к сердцу, дружище! Смешно обижаться на звезды, ну в самом деле! По крайней мере дослушайте до конца!

— Замолчи! — приказала доктору цыганка. — Пусть идет. Пусть он ничего не знает; не надо его предостерегать.

Джошуа тем не менее быстро вернулся.

— Так или иначе, но я дослушаю этот бред, — сказал он. —

¹ *sotto voce* — (итал.) — муз. вполголоса

Кстати, мадам. Вы тут дали мне совет, а между тем я платил вам деньги за гадание на счастье. На счастье, улавливаете?

— Я предостерегу тебя, — сказала та, проигнорировав слова Джошуа. — Звезды долго молчали. Не проси меня снимать завесу, покрывающую их тайну. Пусть все останется, как было.

— Мадам, — ответил Джошуа. — Образ моей жизни таков, что я мало имею дела с тайнами и весьма об этом сожалею. Я к вам и пришел, чтобы, наконец, приобщиться к тайнам. Я заплатил деньги и хочу уйти отсюда обогащенным знанием, которым через вас соизволят снабдить меня звезды. Или вы хотите, чтобы я ушел отсюда с тем, с чем и пришел, только без денег? Нет уж, увольте.

Джеральд похвалил его.

— А вот и я не уйду, пока мой друг не узнает правды! — весело сказал он.

Цыганская королева сурово оглядела обоих и сказала:

— Как хочешь. Ты сам выбрал. Только отбрось свои насмешки и легкомыслие. Грядет печальная судьба, и злой рок витает у тебя над головой.

— Аминь, — сказал Джеральд, весело поглядывая на внимательно слушавшего цыганку Джошуа.

Она вновь взяла руку Джошуа в свои и повернула ладонью к своему лицу.

— Я вижу хлынувшую кровь, — начала она. — Она течет уже давно. Я вижу ее, катящуюся быстрыми ручейками. Она льется через сломанный ободок кольца!

— Дальше, — сказал, улыбаясь, Джошуа. Джеральд молчал.

— Тебе не достаточно? Ты хочешь, чтоб я говорила откровенней?

— Конечно. Мы, простые смертные, хотим, чтобы нам пояснили туманные речи. Звезды от нас очень далеко, и я вижу, что на пути ко мне их пророчество теряет ясность.

Цыганка вздрогнула от этих слов и затем продолжала с чувством:

— Твоя рука — рука убийцы. Убийцы своей жены! — Сказав это, она отпустила руку Джошуа и уже повернулась, чтобы уйти.

Джошуа засмеялся.

— Знаете, — со смехом говорил он. — Будь я цыганкой-гадалкой, я все-таки привнес бы в свою систему немного юриспруденции. Вот вы сказали: «Твоя рука — рука убийцы.» Ну что ж... Мы сейчас не будем говорить о будущем. Но пока я

свою жену не убил. А ведь вы так употребляете слова, будто убийство уже имеет место. Вам следовало бы сказать... ну хотя бы так: «Твоя рука *будет* рукой убийцы» или: «Рука того, кто *будет* убийцей своей жены». Как видно, звезды не очень-то заботятся о точности изложения.

Цыганка на это только покачала головой. Выражение ее лица было печально. Она направилась к своему шатру и скрылась в нем.

Делать в таборе Джошуа и доктору больше было нечего, поэтому они молча развернулись и стали возвращаться через пустошь домой. Некоторое время они хранили молчание, но потом Джеральд подал голос:

— Послушайте, дружище. Все это, конечно, было шуткой. Мрачной, согласен, но тем не менее шуткой. Я... Знаете, не лучше ли было бы все-таки сделать так, чтобы это осталось между нами?

— Что вы имеете в виду?

— Ничего не рассказывать вашей жене. Это может ее встревожить.

— Встревожить ее? Мой дорогой Джеральд, о чем вы, право? Да она не встревожится и не испугается, даже если сюда из Богемии заявятся все без исключения гадалки и прорицательницы бродячего племени и объявят ей, что я убью ее! Она прекрасно знает, что я даже подумать о таком не в состоянии!

Джеральд возразил:

— И вы никогда не слыхали о том, насколько глубоко распространено среди женщин суеверие? Суеверность мужчин вошла в пословицы, а у женщин ее еще больше! Они все поголовно подвержены нервным расстройствам на этой почве, а нам это незнакомо. Я слишком часто встречался с этим в своей врачебной практике, чтобы закрывать на это глаза. Последуйте моему совету и не проговоритесь ей о гадании, иначе вы просто напугаете ее.

Лицо Джошуа напряглось и губы чуть побелели. Он сказал:

— Дорогой мой друг, я не имею секретов от жены и не желаю их иметь. К чему вводить новшества в наши отношения? Если бы у нас было заведено скрывать друг от друга некоторые вещи, то вы первый сказали бы, что для супругов это по меньшей мере странно.

— И все же, — не унимался Джеральд. — Во избежание нежелательных осложнений, я повторюсь: не рассказывайте ей об этом. Я просто остерегаю вас...

— Вы заговорили прямо как та цыганская королева, — прервал его Джошуа. — Вообще такое впечатление, что вы

договорились с ней напугать меня. Может это розыгрыш? Признайтесь! Ведь вы же меня пригласили в табор? А до того перебросились парой слов с Ее Величеством? — Слова эти были произнесены тоном доброй шутки.

Джеральд стал уверять друга, что о самом существовании табора он услышал только сегодня утром, но Джошуа не переставал подшучивать над ним, и, развлекаясь таким образом, они проделали весь путь и подошли к дому, где их ждала жена адвоката.

Мэри сидела за пианино, но не играла. Хороший тихий вечер и мягкие сумерки навесили ей лирическое настроение. В глазах ее стояли слезы. Как только она увидела входящих мужчин, она поднялась со своего места, подошла к мужу и поцеловала его. Джошуа изобразил трагизм на лице и глухим низким голосом сказал:

— Мэри, прежде чем показывать свою ко мне нежность, выслушай приговор Судьбы! Звезды сказали свое слово и скрепили его мрачной печатью.

— Что такое, милый? Говори, что у тебя на уме, только не пугай меня.

— Не буду, дорогая. Но то, что я тебе собираюсь сказать эту ужасную правду, ты должна знать. Только приготовься сначала: тебе тяжело будет это выслушивать.

— Говори, милый, я готова.

— Вам не позавидуешь, Мэри Консидайн, — заговорил он торжественным голосом. — Малоискушенные в тонкостях употребления языка, звезды сообщили свою жестокую новость. Посмотрите на мою руку. На ней кровь. Ваша кровь!.. Мэри! Мэри, что с тобой, боже! — Он бросился к ней, но не успел ее подхватить, и она упала на пол без сознания.

— Ведь я предупреждал вас, — укоризненно сказал Джеральд. — Вы не знаете женщин так, как их знаю я.

Через несколько минут Мэри пришла в чувство, но, как оказалось, только для того, чтобы сразу же впасть в истерику. Она то рыдала, то смеялась, то бредила...

— Уберите его от меня! Уберите! Джошуа! Убери его, Джошуа, муж мой! — кричала она, то складывая в мольбе руки на груди, то отшатываясь в безотчетном страхе.

Джошуа Консидайн был в отчаянии и не знал, что делать. Когда наконец его жена успокоилась, он упал перед ней на колени, стал целовать ее ноги, руки, волосы, произносил самые нежные слова, которые только мог изобрести в те минуты. Всю ночь он просидел возле нее, не выпуская ее рук из своих. Ближе к утру она проснулась и долго кричала и плакала в

страхе, пока не убедились, что с ней ее муж, который не даст ее никому в обиду.

Завтрак состоялся непривычно поздно. Джошуа принесли телеграмму, в которой его просили приехать в Уайтэринг, что лежал в двадцати милях от его дома. Он не хотел ехать, но Мэри чувствовала себя уже хорошо и просила его не беспокоиться за нее. Таким образом, еще до полудня он запряг лошадь в свой двухколесный легкий экипаж и отбыл в указанном телеграммой направлении.

Когда он уехал, Мэри, проводившая его до калитки, вернулась в свою комнату. К ланчу она не вышла, но когда пришло время пить дневной чай — чаепитие происходило всегда на живописной лужайке у ручья, под плакучей ивой, — она присоединилась к доктору, чтобы ему не было скучно. Выглядела она отлично, от вчерашней болезни не осталось и следа. После нескольких обычных фраз, она сказала Джеральду:

— Конечно, со стороны это все, наверное, выглядело глупо. Я имею в виду вчерашнее. Но, знаете, я действительно чуть с ума не сошла от страха! Я даже сейчас не могу об этом думать равнодушно! Мне... Я не хочу это так оставлять, поймите. Я должна убедиться, что предсказание — не более чем фальшивка. Я сама проверю все. Это ведь все неправда?.. — спросила она с мольбой в голосе у Джеральда. Тот еще раз имел случай подивиться легковёрности женщин и их суевериям.

— Каков ваш план? — спросил он.

— Я сама пойду в табор и попрошу ту цыганку погадать мне.

— Великолепно! Решено. Я, конечно, пойду с вами?

— О, нет! Это испортит все дело. Она узнает вас и расскажет мне ту же чепуху, что и мужу. Я пойду одна. Сейчас.

И действительно, вскоре она собралась и ушла по пустоши к табору. Джеральд проводил ее немного, затем вернулся в дом и стал ждать.

Не прошло и двух часов, как Мэри вернулась. Она нашла Джеральда в гостиной, где тот читал, лежа на софе. Молодая женщина была смертельно бледна и находилась в состоянии крайнего возбуждения. Едва переступив порог комнаты, она в изнеможении опустилась прямо на ковер, и, закрыв лицо руками, только тихонько постанывала. Джеральд сразу же вскочил и пришел к ней на помощь. Ему потребовалось приложить огромные усилия для того, чтобы хоть как-то успокоить ее. Но она была еще не в состоянии говорить, и поэтому он вернулся к софе и стал терпеливо ждать. Прошло несколько минут, и стало видно, что Мэри наконец-то более или менее оправи-

лась от своих переживаний. Она присела рядом с ним и стала рассказывать, что с ней произошло.

— Когда я пришла в табор, — начала она тихим голосом, — мне показалось, что там нет ни души — так было тихо. Я вышла к самому центру лагеря и вдруг увидела высокую женщину, не слышно подошедшую ко мне сбоку. «Звезды подсказали мне, что я вам потребуюсь,» — сказала она. Я протянула ей свою руку и не забыла вложить в нее серебряную монетку. Она сняла с шеи какую-то позолоченную безделушку и положила ее рядом с монетой. Потом взяла ту и другую и выбросила их в ручей, вы видели его? Опять взяла мою руку и сказала: «Не вижу ничего, кроме крови, пролитой в результате злодейского преступления.» Она захотела сразу же уйти, но я догнала ее и умолила сказать мне больше. Она несколько времени думала и потом продолжила: «Увы! Увы! Я вижу, как ты лежишь в ногах своего мужа и его руки обгарены кровью!»

Джеральду после этих слов стало сильно не по себе, но все же он попытался рассмеяться.

— Да уж, — сказал он, неестественно улыбаясь. — Эта женщина помешалась на убийствах.

— Не смейтесь, — печально сказала Мэри. — Я не могу вот так просто сидеть сложа руки. — С этими словами она вдруг решительно поднялась с софы и вышла из комнаты.

Вскоре после этого разговора вернулся из своей поездки Джошуа. Он сделал свои дела и поэтому был весел и бодр. Ко всему прочему он проголодался, словно охотник после долгой засады на звериной тропе. Его настроение передалось жене, и она ни словом не упомянула о своем визите в табор. Джеральд также решил ничего не говорить. Словно по какому-то молчаливому договору они вообще не поднимали эту тему вплоть до вечера. Мэри, как уже было сказано, заметно приободрилась после возвращения мужа, но от Джеральда все-таки не ускользнуло временами появлявшееся на ее лице печальное выражение.

Наутро Джошуа проснулся необычно поздно и спустился к завтраку, когда у стола уже находились Мэри и Джеральд. Мэри встала рано и все утро работала по дому. Ее что-то волновало, и она то и дело бросала по сторонам тревожные взгляды.

Джеральд не мог не отметить, что за завтраком все немного нервничали. И дело вовсе не в том, что мясо было жесткое, а в том, что все ножи почему-то оказались совсем тупыми. Доктор был гостем в доме и потому считал нескромным говорить об этом вслух, но заметил, как и сам Джошуа с недоумением

провел кончиком пальца по лезвию своего ножа. При этом его движения Мэри так побледнела, что, казалось, готова была упасть в обморок.

После завтрака все вышли на лужайку. Мэри задумала сделать красивый букет и попросила мужа:

— Нарви мне несколько чайных роз, милый.

Джошуа подошел к ближайшему кусту, который рос прямо у дома. Он попробовал сорвать цветок, но стебель был слишком упруг, и ему это не удалось. Он опустил руку в карман, где всегда лежал перочинный нож, но к своему удивлению его там не обнаружил.

— Дайте мне ваш нож, Джеральд, — попросил он. Но у его друга не было при себе ножа, и поэтому Джошуа вошел в дом и взял тот нож, что лежал неубранным после завтрака на столе в столовой. Джеральд наблюдал за Мэри, а та со страхом ожидала возвращения мужа из дома. Наконец тот появился на крыльце, раздраженно проводя лезвием столового ножа по ладони.

— Да что в самом деле приключилось со всеми нашими ножами?! Они все никуда не годятся!

Мэри быстро проскользнула мимо него в дом.

Джошуа стал пытаться срезать ветку с розой, как это делают деревенские повара с головами дичи, как школьники обрезают бечевку на куски. С большим трудом он все-таки справился со своей задачей, но только наполовину. Самые красивые розы цвели на прочных толстых стеблях и он никак не мог тупым лезвием взять их.

Чертыхаясь и проклиная вполголоса розовые кусты, он опять стал искать острый нож по дому. Безуспешные поиски вскоре надоели ему, и он позвал Мэри, а когда та пришла, объяснил суть проблемы. Вдруг он увидел, что с ней опять делается плохо, и неожиданная мысль появилась у него в голове.

— Ты хочешь сказать, что это *ты* сделала?.. — спросил он взволнованно.

Она не выдержала и вскрикнула в отчаянии:

— О, Джошуа! Я так боялась!..

Он побледнел и некоторое время стоял на месте, устремив на жену неподвижный недоуменный взгляд.

— Мэри! — воскликнул он наконец. — И это так ты мне доверяешь, мне?! Не могу представить себе...

— О, Джошуа, Джошуа! — вскрикнула она с отчаянием в голосе. — Прости меня!..

Джошуа снова некоторое время молчал и затем сказал:

— Я тебя понимаю, Мэри. Давай покончим с этим сразу, а то мы скоро все сойдем с ума.

Он быстро ушел в гостиную.

— Куда ты?! — почти взвизгнула Мэри.

Джеральд знал, что Джошуа не верит ни на грош в суеверия жены и не может понять ее поступка с ножами, поэтому он не удивился, увидев, как Джошуа появился в дверях с огромным тесаком, который обычно лежал на столе у камина и который был прислан ему его братом из Северной Индии. Это был великолепный образчик холодного охотничьего оружия. Пакистанцы нередко пускали его в ход во время своих внутренних мятежей и бунтов. Разрушительная сила тесака была ужасной. Лезвие — бритва. Рукоять сделана большим мастером, так что при общей массивности оружие казалось легким в руке и удобным в бою. Умелый владелец с одного удара сносил им голову взрослой овце.

Едва увидев появившегося в дверях дома мужа, вооруженного ножом, Мэри страшно закричала и снова вернулась к состоянию почти истерики.

Джошуа бросился к ней на помощь, а увидев, что она падает, бросил свое оружие на землю и протянул к ней руки.

...Он опоздал всего лишь на секунду. Оба мужчины в ужасе вскрикнули, увидев, что Мэри, уже потерявшая сознание, упала прямо на открытое и страшное лезвие.

Подойдя ближе, Джеральд увидел, что, падая, Мэри инстинктивно все-таки закрыла свое тело от ножа, выставив вперед левую руку. Видимо, была задета вена, потому что кровь хлестала из раны свободным потоком. Перевязывая руку женщины, Джеральд обратил внимание все еще не пришедшего в себя Джошуа на то, что кроме разреза на руке от удара о лезвие сломалось обручальное кольцо.

Мэри сильно ослабела от потери крови и переживаний, и ее аккуратно перенесли в дом. Через некоторое время она встала и, оберегая перевязанную руку, вышла к мужчинам. Она улыбалась, и видно было, что все тревоги наконец-то покинули ее. Она подошла к мужу и сказала:

— Цыганка была необычайно близка к правде! Я бы никогда не поверила, если бы не испытала на себе!

Джошуа обнял ее и прикоснулся губами к перевязке на ее руке.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АБЕЛЯ БЕГЕННЫ

Маленькая корнуоллская гавань Пенкасла вся сверкала под раннеапрельским солнцем, которое, казалось, теперь навсегда останется на небосклоне, оправдываясь за постоянный полумрак прошедшей зимы. Над туманной синевой неба и моря черной обрывистой махиной возвышалась скала. Вдали едва-едва виднелась полоска горизонта, разделявшая воду и атмосферу. Море было настоящего корнуоллского цвета: голубой сапфир, переходящий постепенно в синие тона, а под утесами, в смутно угадываемых бездонных глубинах — в изумрудные. Там, из крутых обрывов, каменными пастями очерились пещеры и выбоины в скалах.

На склонах — пожухлая трава грязно-коричневого цвета. Кусты дрока с желтыми светляками цветов отливают пепельно-серым оттенком. Зеленъ густым ковром покрывает склоны холмов, утесы и скалы. На тех участках склона, где свободно гуляет штормовой ветер, кусты подрезаны словно ножницами садовника. Вообще эта местность, скалы, склон холма — темно-серая масса с желтыми пятнами — похожа на огромное доисторическое животное, спящее у моря вечным сном.

Маленькая гавань открывается на море заливом, зажатом между высокими утесами. В глубине его высится одинокая скала, изрытая пещерками и норками, продуваемая ветрами. Это здесь море в штормовое время с грохотом выбрасывает фонтаны пены. Это здесь страшно воет ветер.

Неподалеку начинается река, вход в которую защищен справа и слева изгибающимися волнорезами. Они грубо сработаны из заросших водорослями плит, глубоко врезавшихся в море. Во время отлива вода здесь резко понижается, и со дна выступают обломки скалы, усеянные трещинами и норками, в которых прячутся крабы и омары.

На утесах и окрестных скалах установлены крепкие столбы, указывающие дорогу в гавань тем небольшим кораблям, которым приходится заходить сюда.

На глубине четверти мили внутрь суши поток реки слабел, и даже во время прилива, который достигал все-таки и этих мест, ничем нельзя было скрыть поднимающиеся со дна обломки скал. Здесь-то и были сооружены причалы для рыбацких баркасов.

По берегам реки на уровне высшей точки прилива выстроились дома местных жителей. Прочно и надолго поставленные коттеджи были окружены аккуратными и красивыми садами с редкими растениями, цветущей смородиной и красочным первоцветом. По стенам вьется плющ. Рамы окон и двери выкрашены в белое, к крыльцу ведут узенькие дорожки, мощенные светлым камнем. Перед входом стоят простоватые скамейки, вырезанные из местной породы деревьев, или просто бочки. Почти все окна заставлены горшочками и коробочками с декоративными цветами и луком.

По разные стороны речки, в домах, стоящих друг против друга, жили двое молодых людей. Двое молодых, привлекательных, с небольшим достатком людей, которые с самого детства десятки раз были друзьями и врагами. Абель Бегенна был по-цыгански смуглым, в чертах его лица проглядывались приметы древней финикийской нации. Эрик Сансон был полной противоположностью своему другу — светловолос и румян, отпрыск скандинавских кровей. С детства они всегда были вместе, во всех переделках и потасовках стояли друг за друга, работа, если они делали ее сообща, спорилась у них в руках.

Но большая трещина прошла между ними, когда оба они полюбили одну девушку. Сара Трэфьюзис, и верно, могла внушить к себе большие чувства: первая красавица во всем Пенкасле, руки которой мучительно жаждали и все же не рисковали добиваться все без исключения молодые люди в округе. Ведь ее любили Абель и Эрик — самые заметные и достойные женихи, равным которым не было. Одним словом, соперников у них не было... кроме них самих.

По всем законам человеческих отношений Саре нелегко

должно было бы жить, ведь все окрестные девушки, не обладающие ее достоинствами, всегда смотрели ей вслед недружелюбно и завидуя. Двум молодым людям тоже пришлось много пострадать и потерзаться, ведь процесс ухаживания — даже если он по-деревенски простоват — дело долгое.

Прошел год, и обнаружилось, что два друга в равной степени сблизилась с Сарой. Теперь их всегда можно было встретить на прогулке втроем. Саре это нравилось, так как она была тщеславна и очень легкомысленна. Она очень любила мстить своим недоброжелательницам следующим образом: выходить на прогулку, опершись справа на руку Абеля, слева — на руку Эрика. Проходящие мимо них парочки смотрелись бледно. Девушки готовы были сгореть от досады, видя, как их кавалеры вовсю смотрят на красавицу, шествующую в сопровождении сразу двух обожателей, да еще самых достойных во всей округе.

Наконец настала минута, которой Сара больше всего боялась и которую оттягивала до последнего — минута, когда она должна была все-таки сделать окончательный выбор между своими двумя обожателями. Они нравились ей оба, и могли составить счастье и более взыскательной девушке. Но она имела такой характер, что больше жалела о потерях, чем оценивала приобретения. Она мучилась необходимостью выбрать из них кого-то одного. Когда она думала о том, что расстанется с одним из них ради другого, тот сразу представлялся перед ней в совершенно новом свете: его многочисленные достоинства так и бросались в глаза. Она обещала каждому отдельно, что ответ даст в день своего рождения.

Наконец день этот, одиннадцатое апреля, настал. Обещания давались каждому в отдельности и задолго до срока, но они давались людям, которые имели хорошую память и одиннадцатое апреля считали решающим днем в своей жизни. Так что ранним утром в день рождения она заметила обоих, нетерпеливо прогуливающих перед дверью. Они не разговаривали между собой и не доверяли друг другу свои надежды, а только каждый выгадывал момент получить ответ раньше другого, а при необходимости и поскорее устроить все приготовления к свадьбе. Когда началась любовь, дружба закончилась. Это был тот редкий момент, когда друзья страстно желали друг другу неудачи. Они смотрели друг на друга с явным недоброжелательством. Сара имела все основания быть счастливой, что ее так любят, но на деле ее даже раздражало, что оба они так неугомонны и настойчивы. Единственным ее утешением в те минуты было то, что она видела сквозь туманные

насмешливые взгляды проходящих мимо девушек острую ревность, которая наполняла их сердца при виде крыльца дома Сары, охраняемого двумя самыми желанными молодыми людьми во всем Пенкасле для любой невесты.

Мать Сары по-своему смотрела на успех дочери у молодых людей. Это была самая обычная обывательница, исповедующая старые как мир корыстные идеи и цели. Свои выводы, которые она извлекала из ухаживаний за Сарой и которые высказывала ей при любом удобном случае в самых откровенных выражениях, заключались в следующем: Сара должна получить максимальную выгоду от обоих поклонников, при том, что выйдет замуж она, естественно, за кого-то одного из них. До поры до времени мать Сары держалась в тени, и ее планы были неизвестны женихам. Сама ее дочь вначале была возмущена замыслами и планами матери, однако Сара была девушкой хоть и своенравной, но безвольной и слабой, поэтому через некоторое время она согласилась с тем, что предлагала ее родительница. Она не удивилась, когда услышала за своей спиной шепот матери:

— Пойди прогуляйся к берегу пока. Я хочу поговорить с этими двумя. Они без ума от тебя, и теперь пришло время уладить дело!

Сара стала было возражать, но мать резко ее прервала:

— Я тебе вот что скажу, моя девочка: как решила, так и будет! Они оба хотят вести тебя в церковь, но поведет только один из них! И прежде чем ты его выберешь, я сделаю так, что мы заполучим их обоих, а вернее то, что лежит у них в кошельках! Не спорь со мной, моя девочка! Иди погуляй на склоне того холма, а когда ты вернешься, все уже будет сделано, как надо! Я уже все продумала.

Сара ушла по узенькой тропинке между кустами дрока, а миссис Трэфьюзис присоединилась к молодым людям, томящимся в гостиной в ожидании появления любимой. Она сразу пошла в атаку, как делают все матери, когда дело касается их детей.

— Вы двое! Вы любите мою Сару!

Их молчание было подтверждением ее реплики и она устремилась дальше:

— Вы оба не можете похвастаться большим состоянием.

И опять они тактично промолчали, что означало согласие со справедливостью слов миссис Трэфьюзис.

— Не уверена, что кто-нибудь из вас двоих сможет содержать жену!

Хотя молодые люди и на сей раз не подали голоса, их взгляды

выражали явное недовольство замечанием миссис Трэфьюзис, а та тем временем продолжала:

— Но если вы сложите все, что имеете, в одно целое, то как раз и можно будет поговорить о свадьбе Сары с одним из вас! — Говоря эти удивительные вещи, она, хитро прищурившись, не спускала глаз с обоих кавалеров. Не заметив в первую минуту явных возражений и желая предотвратить их впредь, она быстро повела свое наступление дальше:

— Девчонка говорит, что вы ей оба по душе и ей трудно выбрать. Почему бы вам не бросить на нее жребий? Но для начала сложите ваши денежки вместе, я думаю, у вас у каждого наберется немного, а? Тот, кто вытянет выигрыш, возьмет это добро и отправится с ним торговать, а когда как следует подзаработает, вернется и женится на Саре. Что же вы молчите? Боитесь? Ну! Я думаю, вы славные молодые люди и не из робкого десятка, а? Вы ведь не откажетесь сложить свое добро в кучу? Это же для Сары, которую вы без памяти любите оба!

Абель наконец сказал:

— Мне кажется, нечестно кидать фишки на женитьбу. Нечестно по отношению к Саре. Ей это не понравится. Это же неуважительно...

— Боишься — скажи сразу! — прервал его Эрик. Он подозревал, что в случае свободного выбора между ними, Абель будет иметь перед ним ряд преимуществ.

— Ничуть! — резко ответил Абель.

Трэфьюзис, убедившись, что ее идея начинает работать, поспешила закрепить свою удачу:

— Главное мы уже решили: вы складываете свои состояния вместе, чтоб Саре и ее мужу жилось хорошо. А остальное — ваше дело. Ну так что вы решаете: дать ей право выбора или бросить жребий?

— Бросить жребий, — быстро произнес Эрик. Абель неохотно кивнул головой в знак согласия. Маленькие глазки миссис Трэфьюзис сверкнули довольством. Она услышала звук шагов возвращавшейся с прогулки Сары и сказала:

— Ну что ж, вот она идет, одну проблему мы решили, а теперь решайте с ней другую. — С этими словами она быстро вышла из комнаты.

Во время прогулки Сара — в который уже раз — пыталась принять решение в отношении кандидатуры будущего мужа. Она была почти зла на бедняг из-за того, что они явились причиной ее затруднений, и поэтому, едва войдя к ним в комнату, быстро сказала:

— Мне надо поговорить с вами обоими. Пойдемте на скалу, там нам никто не помешает. — С этими словами она взяла шляпку и по узкой мощеной дорожке, продуваемой всеми морскими ветрами, повела ухажеров к высокой скале, на которой был установлен флагшток и где два года назад горел костер потерпевших кораблекрушение рыбаков. Эта скала с севера замыкала гавань Пенкасла. На дорожке хватало места только двоим, и по какому-то молчаливому уговору Сара пошла впереди, а женихи плечом к плечу, мрачно поглядывая друг на друга, шли вслед. К той минуте сердца обоих мужчин бежено колотились, изнывая от ревности.

Когда они взобрались на самый верх скалы, Сара встала у высокого и крепкого флагштока, а молодые люди остановились напротив нее. Она смотрела на них, они — на нее. Девушка так выбрала свое место у флагштока, что никто другой не уместился бы рядом с ней. Женихи подавленно молчали: строгость возлюбленной поколебала их страстные надежды и мечты. Наконец, она засмеялась и стала говорить:

— Я обещала вам обоим, что сегодня дам окончательный ответ. Я думала, думала, думала... Я только и делала, что думала. Под конец меня стало злить, что вы задали мне такую работу! И вот сейчас я могу сказать, что нахожусь не ближе к ответу, чем месяц или два назад.

Эрик сказал нервно:

— Дай нам бросить жребий, любимая.

Сара не выразила и тени возмущения при этом предложении. Ее мать каждое утро говорила ей об этом, и постепенно Сара свыклась с мыслью о жребии. Ее слабая натура требовала только одного — найти поскорее выход из затруднения. Каким образом — неважно. Она стояла у флагштока, полузакрыв глаза и спрятав их за длинными ресницами, всем своим видом выражая согласие на предложение Эрика. Тот сразу же достал из кармана монету, высоко подбросил ее в воздухе и, поймав в ладонь, закрыл ее сверху другой. Оба выжидательно смотрели на свою любимую, затем Абель, как человек, вначале отнесшийся скептически к такому методу выбора мужа, спросил ее:

— Сара, ты этого хотела?

Эрик медленно открыл ладонь, посмотрел на монету и потом положил ее обратно в карман. Сара явно нервничала.

— Этого, не этого!.. — воскликнула она. — По-другому не получается! Бросайте, а не хотите, так не бросайте, мне все равно!

На это Абель ответил:

— Ну что ты, любимая! Все, что касается тебя, мне не безразлично! Я просто думал, что это тебе будет неприятно... Я думал так: если ты любишь Эрика больше, чем меня, то у меня хватит мужества не роптать. Но если монета выпадет ему, а ты любишь меня, то мы обрекаем себя на вечные муки, пойми!

На лице Сары отразилось отчаяние, она закрыла его руками и, заплакав, дрожащим голосом произнесла:

— Это моя мать! Это она мне внушила!

На некоторое время воцарилась тишина, но скоро ее прервал взволнованный голос Эрика, обращавшегося к Абелю:

— Оставь ее в покое! Если она хочет, чтобы мы бросили монету, мы ее бросим! Меня лично это устраивает, да и тебя тоже! Хватит тянуть время!

Сара резко обернулась к нему и вскрикнула:

— Придержи свой язык! Как ты вообще можешь!?. — И снова ударила в слезы.

Эрик так был напуган этой немилостью любимой, что весь так и застыл с открытым ртом и раскинутыми в разные стороны руками.

Прошло еще несколько минут в таком затруднительном положении и наконец Сара отняла руки от заплаканного лица и, почти истерично смеясь, сказала:

— Поскольку вы оба так ничего и не решили, я иду домой. — Она гневно встряхнула головой и направилась было вниз по тропинке.

— Стоп! — тоном приказа остановил ее Абель. — Эрик, доставай монету, а я загадаю. Но прежде чем кинуть жребий, нужно до конца понять, что после этого произойдет. Тот, кто выигрывает, берет все деньги, которые есть у нас обоих, едет с ними в Бристоль, фрахтует там корабль и отправляется торговать. Так? Затем он возвращается, женится на Саре, и они живут на все, что он смог заработать в путешествии. Так?

— Да, — коротко сказал Эрик.

— Я выйду за него замуж в мой следующий день рождения, — сказала успокоившаяся Сара. Она отвернулась к морю, как бы давая этим знак к началу. В глазах обоих молодых людей загорелись азартные огоньки. Эрик сказал:

— Значит — через год. Пусть будет так! Человек, который вытянет удачу, будет иметь год!

— Монету! — крикнул Абель, и в следующую минуту в воздухе блеснул серебряный кружочек. Эрик поймал его и тут же закрыл сверху ладонью.

— Решка! — крикнул Абель. Страшная бледность разли-

лась по его лицу. Он наклонился поближе, чтобы видеть, и Сара, не выдержав, наклонилась тоже. Их головы почти соприкоснулись. Он почувствовал прикосновение к своей щеке одного ее локона, и это наполнило его огнем страсти. Эрик сдвинул ладонь. Монета лежала вверх решкой!

Абель вскрикнул, подбежал к Саре и заключил ее в свои объятия. Сильно размахнувшись, Эрик выбросил монету далеко в море. Затем он облокотился на флагшток и неподвижно уставился на счастливую пару, засунув руки глубоко в карманы. Абель, не переставая, шептал слова любви Саре на ухо. Она слушала, и ей стало казаться, что фортуна правильно поняла ее чувства, в которых она сама была не в силах разобраться, и правильно определила мужа. Ей стало казаться, что именно Абель она любила больше. Больше всех на свете.

Абель посмотрел на Эрика, лицо которого осветилось вышедшим из-за облаков солнцем. Природный красноватый оттенок его скул стал еще заметней, и создалось впечатление, как будто кровь бросилась ему в голову. Абель спокойно выдержал его свирепый взгляд — радость переполняла его сердце, но он не мог до конца забыть, что для его друга это печальный день в жизни. Абель выступил вперед, дружески протянул Эрику руку и сказал:

— Мне повезло, старик. Не злись. Я постараюсь сделать так, чтобы Сара была счастлива. Ты будешь нам братом...

— К черту! К черту брата! — вскрикнул тот резко. Он развернулся и пошел прочь. Абель смотрел ему вслед сочувственным взглядом. Эрик уже спустился немного по тропе, но вдруг оглянулся и быстро вернулся к флагштоку, у которого обнявшись стояли Абель и Сара. Остановившись напротив них, широко расставив ноги, он твердо сказал:

— У тебя есть ровно год. Тебе предстоит сделать за это время очень много. Вернувшись по окончании срока, ты сможешь заполучить свою жену. Но прежде чем одиннадцатого апреля обменяться обручальными кольцами и сыграть свадьбу, не забывай, ты должен объявить в церкви твое имя и имя твоей невесты. Я тебя предупреждаю: если ты не поспеешь, то в церкви объявят мое имя вместо твоего. Не опоздай!

— Что ты хочешь этим сказать, Эрик? Ты с ума сошел!

— Не больше, чем ты, Абель Бегенна! Ты уезжаешь торговать — это твой шанс. Я остаюсь — это мой! Я не собираюсь сидеть здесь сложа руки. Пять минут назад Сара питала к тебе чувства не сильнее, чем ко мне, и она может отсчитать это время назад, как только ты уедешь! Ты выиграл первый раунд, но вся игра еще впереди!

— Никакой игры впереди нет! — крикнул Абель. — Сара, ты ведь будешь верна мне? Ты не выйдешь замуж до моего возвращения?

— А ты вернешься через год! — быстро добавил Эрик. — Таковы условия сделки!

— Я обещаю ждать год, — сказала Сара.

При этих ее расчетливых словах лицо Абеля покрылось красными пятнами, он уже хотел что-то сказать, но потом передумал и улыбнулся.

— Мне не стоит огорчаться сегодня из-за чего бы то ни было! Послушай, Эрик. Мы сыграли свою игру. Я ее выиграл честно. Когда мы только ухаживали за Сарой, я тоже все делал честно! Тебе это известно не хуже, чем мне. И теперь, когда я уезжаю, я прошу у тебя, своего старого друга, помощи. Если кто-нибудь будет подходить к Саре...

— Никакой помощи тебе от меня не будет, — резко сказал Эрик. — Это мне нужна помощь. Помощь бога.

— Мы кинули жребий, и бог помог мне, — кротко сказал Абель.

— Хорошо. Пусть он помогает тебе и дальше! — в раздражении вскрикнул Эрик. — А я буду надеяться на дьявола! — С этими словами он круто развернулся и быстро пошел прочь от Абеля и Сары по узкой тропинке, спускавшейся со скалы.

Едва он скрылся за уступами скалы, Абель снова обернулся было с выражениями страсти к Саре, но первая же ее реплика остудила его:

— Как скучно и одиноко стало без Эрика!

Эту фразу она повторила еще в тот день не раз.

На следующее утро Абель услышал какой-то звук под своей дверью. Выйдя на крыльцо, он увидел быстро удалявшегося Эрика. На пороге лежала оставленная им полотняная сумка с золотом и серебром. Записка, приколотая к ней, гласила:

«Забирай деньги и уезжай. Тебе опорой — бог, мне — дьявол! Помни — одиннадцатое апреля. ЭРИК САНСОН.»

В тот же день Абель отправился в Бристоль, а спустя неделю отплыл оттуда на судне «Морская Звезда» к берегам Паганга. Его деньги — включая и деньги Эрика — находились на борту в виде дешевых безделушек, которые так нравятся туземцам. Обратив золото в такой рискованный и сомнительный товар ему предложил его знакомый моряк из Бристоля. Он пообещал Абелю, что каждое пенни, вложенное в те побрякушки, обернется шиллингом, а каждый шиллинг — фунтом.

Время шло, и Сару все больше мучили раздумья относи-

тельно того вечера у флагштока на скале, когда из-за нее бросали жребий. Эрик всегда находился под рукой и не оставлял своих ухаживаний, на которые был прирожденный мастер и от которых избалованной девушке невозможно было отказаться. От Абеля пришло всего одно письмо, в котором он сообщал, что его предприятие продвигается весьма успешно и что он уже отослал двести фунтов в банк Бристоля и сейчас торгует оставшимися товарами, пока «Морская Звезда» готовится к обратному плаванию. Он писал также, что было бы честно вернуть Эрику его деньги да впридачу еще и ту долю прибыли, что была за них выручена. Это предложение вызвало у Эрика лютый гнев и у матери Сары.

Больше полугода прошло со времени получения этого письма, но других не было. Надежды Эрика, затуманившиеся было при виде той весточки из далекого Паганга, вновь стали проясняться и приобретать весомость. Он просто не отставал от Сары со своими «А если?...» А если Абель не вернется, то она согласится выйти замуж за него, Эрика? А если наступит одиннадцатое апреля, а судно Абеля не будет стоять на причале в гавани Пенкасла, она бросит его? А если Абель полюбит и женится за это время на другой, то она выйдет замуж за него, Эрика, как только новость дойдет до Пенкасла? И так далее, с неистощимым запасом вариантов. Сильная воля и направленное воздействие на слабую натуру изо дня в день стали наконец приносить свои плоды. Сара начала чувствовать, что от долгой разлуки с Абелем она постепенно охладевает к нему и временами видит Эрика уже в роли ее будущего мужа. А человек, которого девушка начинает рассматривать как своего будущего или хотя бы возможного мужа, становится в ее глазах лучше всех остальных. Вот и общение с Эриком стало доставлять Саре новые переживания, при встречах с ним ее сердце начинало учащенно биться, грудь вздымалась. А его ухаживания, не прекращавшиеся со времени отъезда Абеля ни на один день, усугубляли перемены, происходившие в душе девушки. Вскоре воспоминания об Абеле стали воспоминаниями о препятствии, неожиданно вставшем на пути ее счастья. И если бы не мать, которая постоянно твердила о деньгах, которые он уже перевел в бристольский банк, Сара вообще закрыла бы глаза на существование Абеля.

Одиннадцатое апреля было субботой и таким образом для того, чтобы свадьба состоялась в этот день, совершенно необходимо было, чтобы жених и невеста объявили свои имена в церкви в воскресенье двадцать второго марта. С первых же чисел этого месяца в разговорах с Сарой Эрик неизменно на-

поминал ей об отсутствии Абеля, и мысль о том, что он, наверно, умер или женился на другой, постепенно проникала в ее сознание и утверждалась в нем. Дни истекали один за другим, и за неделю до срока, пятнадцатого марта, после церкви ликующий Эрик пригласил любимую на скалу с флагштоком, где когда-то он с Абелем бросал роковой жребий. В словах он был напорист с девушкой:

— Я говорил тогда Абелю и ты слышала, что если он не успеет заявить свое имя так, чтобы свадьба состоялась одиннадцатого апреля, я заявлю свое так, чтобы она состоялась двенадцатого! И теперь, по-моему, настает время выполнить задуманное. Он не держит свое слово!

Сара в ту секунду переборола в себе неуверенность и слабость духа и резко заявила Эрику:

— Но он еще его и не нарушил!

Тот при ее словах стиснул кулаки и скрипнул зубами.

— Ты защищаешь его! — вскрикнул он, так резко ухватившись руками за флагшток, что тот закачался. — Хорошо! Отлично! Со своей стороны я не нарушу условия игры! Но в воскресенье двадцать второго числа я объявлю в церкви свое имя, а если ты хочешь, ты можешь отвергнуть мою заявку. Если одиннадцатого апреля в Пенкасле объявится Абель, он будет иметь полное право вычеркнуть мое имя и вставить свое. Но до этих пор я веду игру и не пощажу всякого, кто станет у меня на пути! — С этими словами он бегом бросился вниз со скалы по узкой тропинке, а Саре ничего не оставалось, как любоваться силой и духом этого викинга. Она видела, что ее второй жених пересек холм и, минуя утес за утесом, направился к Бьюду.

Всю неделю об Абеле ничего не было слышно, и поэтому в воскресенье в церкви были объявлены имена Сары и Эрика. Священник воспротивился было этому, так как будучи соседом Абелю, знал о том, что на мисс Саре намеревался жениться он, но Эрик был неодолим.

— Это и для меня самого очень болезненный вопрос, сэр, — говорил он с такой твердостью, что это не могло не тронуть святого отца, тем более, что он сам был молод и энергичен. — Между мной и Сарой нет никого и ничего. Так почему бы нам не объявить наши имена?

Священник больше ничего не сказал, но когда на следующий день он огласил перед прихожанами имена молодых людей, в церкви был ясно слышен недовольный гул и ропот. Против обычая Сара присутствовала на церемонии, и хоть она сильно покраснела при зачитывании имен, все-таки это был

ее триумф. Триумф перед десятками девушек, имена которых еще не объявлялись женихами. Сразу же после церемонии она стала готовить себе свадебное одеяние. Эрик часто приходил посмотреть, как она работает, и румянец ликования заливал ему лицо. Он шептал ей на ухо самые нежные слова, какие только мог придумать, их встречи всегда теперь проходили под знаком выражения неистового чувства молодого человека.

Вторично имена жениха и невесты были оглашены двадцать девятого числа, и надежда, скрытая в сердце Эрика, стала еще видимей. Правда, иногда на него находило самое настоящее отчаяние при мысли о том, что в любой момент его мечта может быть растоптана появлением соперника. В такие минуты он приходил в бешенство, почти терял рассудок, кулаки его судорожно сжимались и разжимались, зубы скрежетали и, казалось, что в нем просыпается дух и воинственность свирепых предков-варягов.

В четверг он как обычно пришел к своей возлюбленной и застал ее у широко распахнутого окна, через которое вливалось живое весеннее солнце, с почти готовой белой фатой на коленях. В тот день его не покидало чувство радости, а мысль о том, что эта девушка скоро станет его женой, переполняла его счастьем и едва не мутила сознание. В такие минуты он даже чувствовал некоторую слабость в себе. Наклонившись к невесте, он поцеловал ее в губы и прошептал в ее розовое ушко:

— Твое свадебное платье, Сара! Для меня!

Едва он отклонился, чтобы вдоволь налюбоваться фатой, она повернула к нему спокойное лицо и резко сказала:

— Может быть, и не для тебя. У Абеля в запасе еще целая неделя!.. — Она прервалась и в страхе вскрикнула, так как после ее слов Эрик, взревев по-звериному, выбежал из комнаты, с треском захлопнув за собой и без того слабенькую дверь.

Это происшествие сильно взволновало Сару и всколыхнуло все ее былые сомнения и нерешительность. Она немного поплакала, а потом, чтобы прийти в себя окончательно, решила посидеть на скале у флагштока в одиночестве, наедине с солнцем и морем. Придя к скале, она обнаружила там группу людей, озабоченно обсуждавших погоду. Море было совершенно спокойно, а солнце светило ровно и ярко, но было видно, что по морю пробегают какие-то полосы — темные и светлые, а прибрежные скалы покрыты хлопьями пены, приносимыми сюда небольшими волнами. Ветерок посвежел и обдавал тело уже довольно холодными струйками. Было видно, как

под скалой проходят косяки рыб, удаляясь из гавани; над входом в порт летали чайки, и по их крикам можно было догадаться, что они сильно обеспокоены.

— Плохие признаки, — услышала она, как какой-то старик-рыбак говорил солдату из береговой охраны. — Я видел такое только однажды. Тогда еще здесь разбился «Коромандель» из Индии.

Сара не стала слушать дальше. Она не была любительницей острых ощущений и не выносила, когда при ней рассказывали о крушениях и бедствиях. Она вернулась домой и продолжила работу со свадебным нарядом. Сара сильно переживала сегодняшний инцидент с Эриком и поэтому теперь работала так, чтобы порадовать его своим платьем. У нее уже оставалось очень мало сомнений в том, что он станет ее законным мужем.

Опасения старого рыбака насчет погоды полностью подтвердились. Когда сумерки опустились на Пенкасл, на море и гавань навалился шторм. Море вздыбилось и бросилось на западные берега Великобритании от островов Силли до Ская и везде шторм принес много зла. В Пенкасле все скалы и утесы были усеяны моряками и рыбаками, которые наблюдали за развитием бури и оживленно обменивались мнениями. Вдруг все вскрикнули: всего в полумиле от берега по неярким проблескам в тучах и волнах бортовых огней был замечен какой-то двухмачтовик. Все глаза и бинокли напряженно шарили по темнеющей морской дали, ожидая каждого нового появления судна. Блеснула молния, и все ахнули: несомненно, это была «Красотка Элис»! Эта посудина торговала между Бристолем и Пензансом, включая все порты и стоянки на своем пути.

— Да поможет им господь! — воскликнул кто-то из администрации гавани. — Ибо кроме этого уже ничто не спасет их на всем промежутке от Бьюда и Тинтэйгела, когда ветер дует на берег...

Солдаты из береговой охраны, напрягая все силы, взгромодили на скалу с флагштоком ракетное устройство. Они запустили голубые ракеты, рассчитывая на то, что при их свете с судна разглядят вход в гавань, если конечно еще была возможность управлять кораблем. При вспышках молний было ясно видно, что моряки на судне изо всех сил пытаются бороться со штормом, но, казалось, никакая человеческая сила тут уже поделать ничего не может. На глазах у всех, кто наблюдал за драмой с берега, «Красотка Элис» врезалась носовой частью в огромную скалу, что венчала гавань с севера. Шум бури заглушал истошные крики тех, кто был на борту.

Многие из них — в последний надежде спастись — прыгали в пенящуюся бурунами воду. Ракеты пускать не прекращали, надеясь на то, что из мутных глубин покажется на поверхности хоть одна голова. Уже были приготовлены канаты для того, чтобы кидать их в воду. Но как ни вглядывались — никого не было видно, руки с готовыми для броска канатами немели.

Среди собравшихся был и Эрик. Его горячая натура викинга требовала присутствия там, где есть риск для жизни. Поэтому он томился, стоя на одном месте. Наконец, он не выдержал и крикнул хозяину гавани:

— Я пойду вниз! К той скале, в которой есть пещеры! Сейчас прилив, и, может, кому-то удалось зацепиться!

— Остановись, парень! — ответили ему. — Ты, верно, с ума сошел? Хватит одной волны, чтобы смыть тебя с той скалы в море. Никому не по силам устоять на такой поверхности, да еще в такую погоду!

— Пустяки! — ответил Эрик, уже удаляясь. — Ты помнишь, как меня спас там Абель Бегенна? Когда моя лодка разбилась у скалы Чаек? Тогда была такая же погода. Он высунулся наполовину из пещеры и выловил меня из воды, как котенка! Я тоже хочу спасти так кого-нибудь! — С этими словами Эрик скрылся в темноте. Ракеты освещали только узкую полоску моря, но он был уверен, что не заблудится на пути к выбранной скале. Наконец он достиг цели и выбрал себе позицию, где мог считать себя в относительной безопасности. Козырек скалы, нависший над ним, обламывал волны, как самый настоящий волнорез, и они доходили до Эрика в основном в виде крупных брызг. Он свесился вниз к воде, бурлившей как лава во время землетрясения, и стал вглядываться в ее пенную поверхность. Скала заглушала рев шторма, а там, где находился Эрик, было относительно спокойно. Он стоял теперь с оттянутой назад для броска рукой, сжимавшей прочный канат, и слушал. Вдруг ему показалось, что сквозь шум ревущей воды донесся слабый человеческий крик. Эрик, еще не будучи уверенным в том, что крик действительно был, сам закричал в темные несущиеся воды. Он подождал, пока блеснет молния, и при ее свете увидел лицо, то показывающееся над пенными потоками, то скрывающееся в них. Не долго думая Эрик бросил утопающему веревку. Канат был пойман, так как Эрик ощутил, что он резко натянулся. Сердце наполнилось гордостью и радостью, и он во всю мощь своего сильного голоса крикнул утопающему:

— Обвяжись вокруг пояса и я тебя вытащу!

Как только он почувствовал, что его указание выполнено, Эрик стал продвигаться вместе с сильно натянувшимся канатом в глубь пещеры, стараясь сделать так, чтобы утопающий попал в небольшой вход, своего рода гавань в пещере, где вода была заметно спокойнее. Потом он стал тянуть канат из воды. Утопающий был тяжел, а кроме того его постоянно кидало в бушующих потоках, поэтому тянуть было очень трудно. Наконец Эрик собрал силы для последнего рывка и уже наполовину сделал его, как вдруг блеснула молния, и оба мужчины — спаситель и спасаемый — взглянули друг на друга.

Эрик Сансон и Абель Бегенна не могли оторвать друг от друга глаз и об этом их свидании не знал никто, кроме них самих. И господа бога...

На секунду сердце Эрика сжалось от острой боли. Все его надежды и мечты рушились, в его взгляде не было ничего, кроме лютой ненависти, он не контролировал себя. В глазах же Абеля он увидел огромную признательность и радость от того, что именно он, Эрик, ближайший друг, спасает его. Это усугубило злость последнего. Он отступил назад, и канат, быстро раскручиваясь, побежал из его рук. Момент помешательства сменился пробуждением совести, и он попытался исправить дело, но было уже поздно.

Прежде чем он сумел прийти в себя, в воздухе мелькнули руки потерявшего опору Абеля, и с ужасным криком он опять скрылся в бушующих волнах.

Эрик побежал от того места прочь, не думая о том, что в любую минуту может сорваться в пучину вслед за Абелем. В его ушах стоял ужасный крик погибающего друга. Едва он добрал до скалы с флагштоком, как был окружен людьми. Перекрывая грохот бури, хозяин гавани кричал ему в ухо:

— Мы подумали, что ты погиб, когда услышали тот страшный крик! Как ты бледен! Где твоя веревка? Ты кого-нибудь вытащил?

— Нет! — хрипло прокричал он в ответ. Он почувствовал, что никогда и никому не сможет объяснить, почему он позволил своему старому другу упасть обратно в свирепые волны, выпустив из рук канат. И главное: ведь он, Эрик, по сути утопил Абеля именно в том месте и при тех же обстоятельствах, при которых два года назад Абель спас его, Эрика... Он надеялся, что одной смелой ложью положит конец всем расспросам, покончит с этим делом раз и навсегда. Свидетелей его преступления не было, и если уж ему суждено до конца дней своих видеть перед глазами то бледное, измученное лицо и

слышать в ушах тот предсмертный крик, по крайней мере никто другой об этом никогда не узнает.

— Нет! — повторил он еще громче, чем в первый раз. — Когда я карабкался на скалу, канат выскользнул у меня из рук и упал в море! — Он поднялся и, шатаясь, устремился вниз со скалы по тропинке к своему дому, где заперся до следующего утра.

Оставшуюся часть ночи он провел, лежа на кровати, во всей одежде, боясь пошевелиться, глядя в потолок. Ему казалось, что в темноте комнаты взблескивают молнии и при их неровном свете он видит бледное мокрое лицо... Сначала Абель радуется, что его спасают и что спасает его друг, но радость тут же исчезает, и на лице на мгновение появляется отчаяние. Потом лицо исчезает, но долго еще слышится ужасный крик... Он не умирает, но всегда будет эхом жить в глубинах его души.

Наутро шторм прекратился, и погода на берегу установилась спокойная и даже мягкая. Только по морю еще бегали карликовые, но все еще злые волны. К берегу не переставало прибывать остатки кораблекрушения. На причалы в гавани море выбросило два трупа — хозяина судна, потерпевшего крушение, и моряка, которого в Пенкасле никто не смог опознать.

Сара в тот день не видела Эрика до самого вечера, а в сумерках он пришел сам. Окно на ночь было распахнуто, и Эрик не стал входить в дом, а разговаривал со своей невестой, облокотившись на подоконник и перегнувшись передней частью тела из сада в комнату.

— Ну что, Сара, — громко позвал он ее. Почему-то голос его прозвучал необычно тихо и хрипло. — Готово ли свадебное платье? В воскресенье двенадцатого апреля, не забудь! В воскресенье, двенадцатого!

Сара была рада, что их маленькая ссора так быстро прошла, но как всякая женщина, которая видит, что все ее страхи были напрасны и что пришло примирение, она тут же повторила то, чем так оскорбился Эрик накануне:

— В воскресенье так в воскресенье, — сказала она, не глядя на него. — Если только в субботу не явится Абель!

Она взглянула на окно испуганно, уже раскаиваясь в том, что сказала, и тая надежду на то, что на этот раз ее гордый возлюбленный не обидится. Но Эрика уже не было в окне. Со вздохом она вновь принялась за работу.

Сара не видела Эрика до самого воскресенья, когда их имена были зачитаны в церкви в третий раз. Он явился к ней во

главе большой процессии людей с видом собственника, который наполовину обрадовал ее, наполовину разозлил.

— Не торопитесь, сэр! — сказала она, отталкивая его под общее хихиканье всех присутствовавших девушек. — До двенадцатого апреля еще целая неделя! Имей терпение! Воскресенье двенадцатого, если ты забыл, наступает после субботы одиннадцатого! Имей терпение!

При этих словах девушки опять захихикали, а молодые люди, никого не стесняясь, заржали, словно лошади, перекрывая своим хохотом все на свете. Через минуту, однако, все замолчали, удивленно глядя на Эрика. Его обычно румяное лицо в одну секунду побледнело словно полотно. Он круто развернулся и зашагал прочь. Сара не так испугалась, как остальные, и она даже сумела разглядеть на этой смертельно-бледной маске признаки триумфа. Она засмеялась.

Вся неделя прошла спокойно, без событий. В субботу Сара несколько раз испытывала приступы тревоги, к вечеру усилившиеся. Эрик был мрачен, но спокоен. Всю неделю, по ночам, он ходил к скалам и кричал там что-то. Казалось, у него на сердце была какая-то тяжесть и он пытался облегчить ее таким способом. В субботу он весь день не выходил из дому. Соседи знали, что на следующий день у него свадьба, и, думая, что он готовится к этому важному шагу в жизни, не беспокоили его. Только один раз его потревожили. Пришел старик-лодочник и сказал Эрику:

— Эрик, вчера я ездил в Бристоль. Был у канатного мастера и заказал ему веревку взамен той, что ты потерял в ту ночь. Так вот, повстречался мне там Майкл Хивенс, тамошний торговец. Он сказал, что неделю назад на «Морской Звезде» прибыл из плавания Абель Бегенна. Он положил в бристольский банк кучу денег на имя Сары Бегенна. Об этом Майкл узнал из его собственных уст. Вот. А потом Абель пересел в «Красотку Элис», идущую в Пенкасл. Мужайся, парень. — Последние слова лодочник сказал при виде того, как Эрик со стоном закрыл голову руками. — Он был твоим старинным товарищем, я знаю. Но ему уже не поможешь. Всего вероятней, он пошел ко дну вместе с остальными в ту проклятую ночь. Я думал, что будет правильной сказать тебе все. А то как бы это все иначе не вышло. Ты успокой Сару. Он был ей тоже большим другом, а женщины, ты знаешь, всегда принимают такое близко к сердцу. Будет очень плохо, если она узнает об этом в самый день свадьбы.

Сказав все, он поднялся со стула и вышел из дома, оставив Эрика в позе отчаяния, с закрытым ладонями лицом.

— Бедняга! — пробормотал лодочник, спускаясь по крыльцу. — Он все принял близко к сердцу. Да что тут говорить! Ведь они были такими друзьями-приятелями! А кроме того Абель как-то спас его от верной смерти!

В тот день школьники освободились раньше от занятий и, как обычно в такие дни, все скопом помчались к пристани и ближайшим утесам, чтобы вдоволь порезвиться там.

В гавани несколько мужчин разгружали двухмачтовик с углем, а огромная толпа зевак давала им начальственные указания. Вдруг кто-то из мальчишек крикнул в большом волнении:

— Смотрите! Там, на входе в гавань! Бешеный дельфин! Мы видели с ребятами, как он выплывал из-под скалы! У него такой хвост!..

— Нет, парень! Это был не дельфин, — сказал рабочий. — Это обыкновенный тюлень. Но у него и вправду здоровенный хвостик!

После этих слов ребят словно прорвало: перебывая друг друга, они стали выдавать свои свидетельства по поводу животного, одно вероятнее другого. Но в двух вещах они все, как один, сходились: кто бы это ни был, но он вынырнул из-под скалы и имел огромный хвост. Мальчишек с удовольствием поддразнивали рабочие, а потом смеялись. Но поскольку никто не сомневался, что они действительно что-то видели, то мало-помалу многие из слушателей, молодые и пожилые, мужчины и женщины, потянулись по берегу ко входу в гавань, чтобы своими собственными глазами увидеть животное, ставшее судя по всему дополнением к местной фауне. Начинался прилив. Поддувал довольно свежий бриз, и поверхность воды исходила рябью, так что было довольно трудно рассмотреть что-нибудь в глубине. Все напряженно и молча вглядывались в темные воды, и вдруг одна женщина пронзительно вскрикнула. Когда к ней подбежали люди, она стала уверять, что видела что-то длинное и темное, проскользнувшее в воде прямо около того места, где она стояла. Все, как один, стремглав бросились к тому месту, на которое она показывала, но, как только собралась толпа, ветер резко посвежел, и стало невозможно увидеть под непрерывающейся рябью признаки какого-либо тела. Женщину стали расспрашивать, и наконец она попыталась описать то, что видела. Но, к сожалению, она говорила столь бессвязно, что многие сочли, что ей все привиделось. Но ей поверили мальчишки, которые увидели животное первыми. Она — полуистеричным и срывающимся голосом — говорила вот что:

— ...как будто свинья с выпущенными кишками!

Кроме ребят ее словами заинтересовался один пожилой солдат из береговой охраны. В тот день его постоянно видели торчащим у того места. Он долго смотрел в воду и порой даже вздрагивал, словно видел что-то, но в следующую минуту разочарованно качал головой.

Эрик встал в воскресенье с рассветом. Всю ночь он не сомкнул глаз, но вместе с солнцем пришло облегчение. Он побрился и с удовольствием отметил, что руки не дрожат. Надел свадебный костюм. У него был измученный вид и круги под глазами. Казалось, что за последние дни для него прошли годы. А все же то и дело по губам пробегала улыбка триумфа, и он все бормотал вполголоса для себя:

— Это мой день и моя свадьба! Абелью теперь не вести ее под венец... Живому или мертвому. Живому или мертвому! Живому или мертвому!

Он сел в кресло осторожно, чтобы не измять костюма, и стал ждать назначенного часа, одновременно пытаясь найти душевное равновесие. Когда в церкви пробил колокол, он поднялся, вышел из дома и плотно притворил за собой дверь. Он посмотрел на реку и увидел, что прилив только что кончился. В церкви он сидел рядом с Сарой и ее матерью, не выпуская из своих рук ладонь невесты, словно боясь потерять ее в самую последнюю минуту. По окончании церемонии они поднялись со своих мест, и священник перед всеми прихожанами объявил их мужем и женой. Эрик вел себя вызывающе, как будто хотел кому-то невидимому что-то доказать. Из церкви они шли под руку. Парни и девушки слегка похлопывали их по плечам в качестве поздравлений.

Вся процессия направлялась к дому Эрика. Когда все шли уже по тропинке между его коттеджем и соседским, люди были остановлены диким вскриком, вырвавшимся из уст новобрачной. Все расступились и увидели ее у двери дома Эрика. Наполненными ужасом глазами она неподвижно глядела на неглубокое дно реки.

Отлив обнажил обломки скал и застрявшее меж них тело Абеля Бегенны. Канат, одним концом завязанный на его поясе, другим обвился вокруг причальной стойки. Правый локоть был полностью скрыт в узкой щели между двумя скальными обломками, и рука была зафиксирована в удивительном положении: она тянулась к Саре с обращенной вверх ладонью. Словно Абель хотел, чтобы она подала ему свою руку. Пальцы трупа, застывшие в судороге, были широко растопырены.

Все, что случилось вслед за этим, Сара Сансон помнила

плохо. Она делала усердные попытки прийти в себя, но в ушах поднимался ужасный свист, в глазах темнело, невыносимо кружилась голова. Единственное, что она запомнила — и это осталось с ней на всю жизнь, — это тяжелое хриплое дыхание Эрика за ее спиной, крик кого-то из толпы: «Муж-то бледнее мертвеца!» и его бормотанье у нее над ухом:

— Это дьявол! Его помощь! Его цена!

КРЫСЫ-МОГИЛЬЩИКИ

Если вы выедете из Парижа по орлеанской дороге, пересечете Энсент, а затем повернете направо, то окажетесь в очень запущенном и крайне неприятном местечке французской земли. Справа и слева от вас, впереди и сзади будут подниматься гигантские холмы мусора и всевозможных отходов, спрессованных с течением времени в одну липкую массу.

У Парижа, как и у всякого другого города, есть жизнь не только дневная, но и ночная. Если путешественник поздним вечером будет искать себе пристанище на улице Дэ Риволи или на улице Сент-Оноре, или ранним утром будет проходить вблизи Монтруж, то ему нетрудно будет догадаться о назначении больших фургонов, похожих на паровые котлы на колесах, которые останавливаются тут и там на еще пустынных или уже опустевших мостовых.

У каждого города имеются свои особенные службы, которые он создает ради удовлетворения своих городских нужд. В Париже одной из таких служб являются команда мусорщиков и примыкающая к ней команда городских тряпичников и старьевщиков. С самого утра — а парижская жизнь начинается очень рано — на многих улицах, в проулках, во дворах и аллеях, у черных ходов домов можно увидеть — кстати, это сохранилось и доныне в некоторых городах Америки, даже в Нью-Йорке — большие деревянные фургоны и тележки, куда слуги и владельцы доходных домов сваливают накопившийся за прошедший день мусор. Возле фургонов постоянно шатаются весьма потрепанные, с голодным блеском в глазах мужчины и женщины. Все их состояние — дорожная сумка или

пакет, перекинутый через плечо, и небольшая крючковатая палка, которой они выволакивают из фургонов и осматривают всякую дрянь. Теми же палками они засовывают понравившуюся вещь к себе в сумку и делают это так ловко, что, пожалуй, не уступают китайцам с их привычкой есть рис маленькими тростинками.

Париж — это город, в котором сосредотачивается и классифицируется очень многое. Можно сказать, что сбор и сортировка — это символы французской столицы. Все, что имеет сходство между собой, соединяется и группируется. Этот процесс не бесконечен, так как венцом группирования является рождение отдельного целого. Если представить это все абстрактно, то получится некий фантазмагорический организм, состоящий из множества рук, тянущихся бесчисленными пальцами в разные стороны, а венчает все гигантская голова с острыми глазами, чтобы далеко видеть, тонкими ушами, чтобы чутко слышать, и огромным ртом, чтобы все пожирать.

Другие города напоминают тех птиц, животных или рыб, аппетиты которых умеренны или нормальны. Париж же — это настоящий сказочный ненасытный спрут. Париж — это свалка вещей, дьявольская склонность к пожиранию всего и вся, доведенная до абсурда.

Интеллигентные — а значит, слабохарактерные — туристы в первую же свою минуту пребывания в Париже отдаются на съедение многочисленным хозяевам ресторанов и бюро гидов-путеводителей. «Обязательная программа» знакомства с Парижем занимает обычно не больше трех дней, и иностранцы, главным образом англичане, уезжая, изумляются: как это может быть, чтобы обед в Лондоне стоил около шести шиллингов, а в Париже, в кафе Пале-Рояля, всего три франка? Им не интересна такая особенность парижской жизни, как всеобщая сортировка вещей и предметов. Им не интересно, откуда пошло слово «шифоньер». Это — «шкаф для белья», но также и — «тряпичник».

Париж 1850 года был совсем не похож на Париж сегодняшний, так же как и на Париж времен Наполеона и барона Османа.

Кое-что за полвека осталось совсем таким же и ничуть не изменилось. В первую очередь — те места, куда испокон веку сваливали городской мусор. Свалка есть свалка, при всех королях и республиках она остается свалкой, а кучи мусора девятнадцатого века вряд ли уж очень отличаются от куч мусора восемнадцатого. Поэтому путешественник, минуя

Монтруж, сегодня, без труда сможет мысленно перенестись на несколько десятилетий назад, в Париж 1850 года.

В тот год я как раз надолго остановился в этом замечательном городе. Дело в том, что мною овладело большое чувство к молоденькой леди, которая хоть и отвечала мне взаимностью, но настолько слушалась своих родителей, что обещала им не видаться и никак не сноситься со мной в течение года. Это был испытательный срок нашим чувствам. Мне тоже ничего не оставалось, как принять эти тяжкие условия, храня надежду на то, что родители любимой вскоре смягчатся. Я им также дал обещание, что удалюсь на установленный срок из страны и не буду писать их дочери любовных да и просто никаких писем.

Время для меня шло ужасно медленно. Со мной не было никого из моей семьи или дружеского круга, кто мог бы дать мне весточку о милой Элис. Неудобно делать упрямки, но из ее родственников также ни один человек не удостоился уведомить меня даже о ее здоровье. Полгода я блуждал по Европе, и, надо признаться сразу, путешествие мне не понравилось. Я вообще не любитель долгих поездок, поэтому оставшееся время решил провести в Париже, где я по крайней мере буду в относительной близости от дома и смогу, в случае чего, быстро вернуться. «Несбывшиеся надежды повергают в уныние.» Увы! Никто меня в Лондон не звал, и я страшно терзался тем, что не имею права увидеть лицо, которое я любил больше всего на свете. Я боялся, что с ней может случиться какое-нибудь несчастье, и я даже не узнаю об этом. Я боялся, что что-нибудь помешает мне увидеться с ней и по истечении срока. В том, что наша любовь без большого труда выдержит год разлуки, я не сомневался. Тем не менее я не мог отказать себе в таком удовольствии, как приключения. Наоборот, ввергаясь в них, я испытывал даже больше переживаний, чем если бы у меня не было Элис и предстоящей встречи с ней.

Как и все путешественники, я осмотрел все достопримечательности Парижа довольно быстро. После этого мне уже пришлось находить развлечения самому. Я нанес визиты в известные всему миру предместья и вскоре обнаружил, что даже в пределах территории, охватываемой путеводителем, есть настоящая *terra incognita*, дикие, плохо обжитые места, привлекательные как раз своей дикостью и необжитостью. Я стал исследовать эти места с педантичностью ученого, каждый день начиная свой путь с того места, где остановился накануне.

Странствуя таким образом, в один прекрасный день я добрался до окрестностей Монтруж, этого «края света» цивили-

зации — области настолько же мало исследованной, как и Белый Нил. Здесь обитали все парижские мусорщики, старьевщики и тряпичники. Я решил философским взглядом окинуть образ их жизни, жилища и прочее в том же роде.

Работа, затеянная мною, прямо сказать была не из приятных и не из благородных. Но мое упрямство широко известно, и оно победило все. Я приступил к задуманному изучению с решительностью, которая была гораздо заметней, чем при моих предыдущих изысканиях.

И вот однажды, солнечным днем, в конце сентября, я переступил порог святого царства мусора. Здесь несомненно проживало довольно много мусорщиков, так как между высокими холмами мусора и отходов я заметил протоптанную тропинку и даже что-то вроде низких лачуг. Я медленно шел среди мусорных куч, которые возвышались тут и там, словно часовые.

Проходя по этой мрачной местности, я вскоре стал замечать за собой слежку — неясные тени перемещались за мусорными кучами, проявляя заметный интерес к чужаку, вторгнувшемуся в их владения. Это место было подобно крошечной Швейцарии, где налицо перенаселение; я шел по извилистой тропинке вперед, а за мной тропинка уже занималась здешними обитателями.

Наконец, я вступил в пределы, если можно так выразиться, города тряпичников. Тут и там виднелись хижинки и лачуги. Совсем такие, какие можно встретить в отдаленных уголках Аллановых болот: запущенные строения с плетеными стенами, обляпанными грязью, крыши, покрытые соломой, украденной из конюшен и хлевов. Это были дома, в которые не было никакого желания войти, и даже на картинах, изображенные в ярких акварелях, они не производили бы положительного впечатления. Посреди этой убогости стояла конструкция — у меня язык не поворачивается назвать сие жилищем, — ничего похожего на которую мне видеть ранее не приходилось. Это был огромный дряхлый, платяной шкаф, может быть, вынесенный в свое время из будуара Шарля Седьмого или Генриха Второго. И в этой развалюхе жили! Дверцы его были распахнуты, и внутренняя «обстановка» просматривалась очень отчетливо. В левой половине шкафа была устроена своего рода гостиная. Четыре фута в глубину, шесть в ширину. И в этой конуре, сидя вокруг угольной жаровни, попыхивали трубками шестеро стариков, одетых в заношенные мундиры солдат Первой Республики! С первого взгляда было видно, что все они принадлежали к классу никудышных

людей, а проще — оборванцев. Мутные глаза и трясущиеся головы указывали на их пристрастие к полынной водке. В их изможденных блестящих взглядах застыла дремлющая злоба и жестокость, часто возникающая в похмельном состоянии. Во второй половине шкафа полки для одежды и белья сохранились еще с тех времен, когда шкаф использовался по прямому назначению. Правда, они были подпилены по ширине ровно наполовину. На них было набросано всякое тряпье и солома, и отметив под конец, что их было тоже шесть, как и стариков-солдат, можно было смело предполагать, что они служили здесь постелями. Старики — все шестеро — с любопытством наблюдали за мной, пока я подходил. А приблизившись, я заметил, что они склонили головы друг к другу и шепчутся о чем-то. Впрочем, ясно было о чем. Мне это не понравилось: местность была пустынная, а смотрели на меня ветераны зловеще. Впрочем, оснований для страха явно неоставало, и поэтому я бодро зашагал дальше по тропе, постепенно углубляясь в эту помойную Сахару. Дорога была очень извилистая, и я в буквальном смысле слова петлял. Меня поймут те, кто катался на коньках на голландских катках. Скоро мне это стало надоедать.

Я завернул за недостроенный холм мусора и лицом к лицу столкнулся с еще одним солдатом времен юного Наполеона, сидящим на небольшом стожке из прошлогодней соломы в оборванном во многих местах пальто.

— Здравствуйте! Приехали! — подшучивал я над собой вслух. — Да здесь, как я погляжу, квартируется армия Первой Республики! Вот так музей!

Проходя мимо старика, я отметил, что он даже не смотрит на меня. Его взгляд был устремлен на землю в футах от его ног. Я снова сказал вслух для себя:

— Да... Не позавидуешь их жизни. Даже любопытство уже угасло в их сердцах!

Однако пройдя несколько шагов вперед, я обернулся и убедился, что ветеран смотрит мне вслед и довольно подозрительным взглядом. Он мне не понравился так же, как и те солдаты, что сидели в шкафу. Как только я посмотрел на него, он тут же опять уронил голову и вперил мутный взгляд на свои ноги. Я, не задерживаясь там дольше, пошел вперед, думая о том, что все эти старики так похожи между собой.

Скоро я натолкнулся еще на одного старика в форме солдата революции. Он, как и все предыдущие, сделал вид, что не заметил меня.

Тут я обратил внимание на то, что солнце потихоньку

начало клониться к закату, и стал размышлять о возвращении. Наконец, я повернулся, чтобы идти назад, но увидел впереди себя множество тропок, бегущих между совершенно одинаковыми курганами мусора. Я долго думал, по какой из тропок идти, но никак не мог выбрать правильный путь. Я стоял посреди этой необъятной свалки, в смущении оглядываясь по сторонам и гадая, куда двинуться. Хорошо бы, конечно, было встретить кого-нибудь, кто бы подсказал дорогу. Но я больше никого не видел. В конце концов я решил продолжить путь вперед, вдоль высоких холмов отбросов, пока не найду кого-нибудь. Кроме ветеранов...

Через две сотни ярдов мне, кажется, удалось отыскать кое-что. Это была одиноко стоявшая хибара, наподобие тех, что я уже видел здесь, но с тем, однако же, различием, что в строении этом — крыша да три стены вместо четырех — жить было ни при каких условиях невозможно, и исходя из того, что я находился на свалке, я решил, что это место для сортировки мусора. В этой хибаре я и увидел древнюю старуху. «Вот кто мне укажет дорогу!» — радостно подумал я.

Старуха сидела на каком-то тюфяке неопределенных очертаний, но при моем приближении поднялась. Я спросил ее о дороге. Она сразу же затеяла разговор, и мне пришлось в голову, что здесь, в самом центре царства мусора, была сосредоточена вся история парижских тряпичников и мусорщиков. Шепелявившая старуха, выглядевшая самым старым жителем этого «города», своим бормотанием подтверждала мои догадки.

Я стал расспрашивать ее о молодости, и она поведала мне интереснейшие вещи из жизни Парижа полувековой давности. Например, о том, как во времена революции она каждый день проводила у гильотины, на которой совершались казни, и вообще была активной участницей самых изощренных зверств, имевших место в то смутное время. Я слушал ее с большим интересом, и вдруг она спросила:

— Месье, верно, устали стоять? — С этими словами она пододвинула ко мне низкую расшатанную табуретку, чтобы я мог присесть. Я не хотел этого делать по многим причинам, но старуха казалась такой вежливой, что я не посмел оскорбить ее отказом. Я сел и продолжал слушать рассказы человека, который присутствовал при взятии Бастилии.

Пока мы разговаривали, из хибары показался старик. Он был еще больше покрыт морщинами и, казалось, еще больше согбен годами, чем старуха.

— Это Пьер, — сказала она. — Если месье угодно, он может послушать еще много удивительных историй, так как

Пьер был свидетелем всего, начиная со взятия Бастилии и заканчивая Ватерлоо.

По моей просьбе старик взял другой табурет и мы углубились в перипетии революционной Франции начала века. Пожилой джентльмен был одет, словно пугало на огороде, и мало чем отличался от ветеранов, которых я видел в шкафу.

Я сидел в середине единственной комнатки этой хибары. Хозяйка была от меня слева, а хозяин справа. Помещение, не имеющее фасадной стены, было завалено всевозможной рухлядью и тряпьем. Некоторые вещи неприятно поразили меня, и я искренне желал бы, чтобы их здесь не было. В одном из углов лежала куча тряпья, которая, казалось, шевелилась из-за переполнявших ее блох и клопов. В другом углу высилась горка костей, от которой шел нестерпимо гадкий запах. То и дело бросая взгляды на эти «достопримечательности», я с отвращением замечал огоньки крысиных глаз. Серые твари кишели во всех темных углах.

Все это было неприятно, отвратительно, но и только. А вот к стене, что была справа от меня, был прислонен огромный мясницкий топор с железной ручкой и следами крови на лезвии. Его вид заставил меня вздрогнуть и насторожиться. Я сказал себе, что все эти вещи не имеют ко мне ни малейшего отношения и я не должен обращать на них внимания. Кажется, вскоре мне это удалось, так как рассказы обоих стариков были настолько увлекательными, что я все никак не мог попрощаться с ними и двинуться в обратный путь.

Наступил вечер, и горы мусора и отходов стали отбрасывать повсюду огромные и зловещие тени.

Неожиданно для себя я обнаружил, что мне что-то не по себе. Не могу сказать, чем это было вызвано конкретно, но чувство тревоги и неудовлетворенности с каждой минутой становилось все ощутимей. Неудовлетворенность — это инстинкт и, как всякий инстинкт, означает предупреждение. Психика — часовой ума, и когда она встревожена, ум начинает лихорадочно действовать. Хотя и не всегда осознанно.

Так было и со мной. Я вспомнил, где нахожусь и кем окружен. Я задумался над тем, как вести себя, если вдруг будет предпринята попытка нападения. Я вдруг ясно осознал — хотя для этого были весьма смутные основания, — что я в опасности. Осторожный внутренний голос подсказывал: «Не делай резких движений и не показывай ни о чем вида.» Я не делал резких движений и старался не показывать ни о чем вида, так как знал, что старики не спускают с меня хитрых глаз. «И только ли старики?» — подумалось мне. Господи, какая страш-

ная мысль! Откуда мне знать, что за этими тремя стенами не прячутся десятки негодяев?! Может быть, я нахожусь в самом логове банды таких головорезов, каких могла произвести на свет и взрастить только революция?!

Вместе с чувством опасности резко обострилась работа мозга. Я стал гораздо более чувствителен и наблюдателен, чем обычно. В частности, я отметил про себя, что старуха не отрывает глаз от моих рук. Мне даже не потребовалось самому опустить на них взгляд, ясно и без того — мои кольца. На мизинце левой руки у меня была большая печатка, на правой руке — красивый алмаз.

Я понял, что самое разумное сейчас — если подозрения мои имеют под собой реальную почву — отвести возможную угрозу, самому сделать первый ход и тем разрядить обстановку. Я завел разговор о профессии старьевщика, о канализационных трубах и о том, какие красивые и удивительные вещицы там иногда находят. Все это я делал для того, чтобы незаметно подойти к теме драгоценностей. Улучив благоприятный момент, я спросил у старухи, знает ли она что-нибудь о находках дорогих камней в самых неожиданных местах. Она ответила, что немного знает. Тогда я протянул к ней свою правую руку и, указывая на алмаз, попросил сказать, что она о нем думает. Она ответила, что глаза у нее с возрастом стали совсем слабые, и оттолкнула мою руку. Тогда я предложил ей самым безразличным тоном, на который был только способен:

— Пардон! Вот! Так вам, вероятно, лучше будет рассмотреть его. — С этими словами я снял кольцо с пальца и подал ей. Страшный мимолетный румянец появился на иссушенном старческом лице, едва она взяла в руки кольцо. При этом она бросила на меня быстрый взгляд, сверкающий и острый, как молния.

На минуту она поднесла кольцо к самому своему лицу, делая вид, что изучает его. Старик стоял на том месте, где должна была бы быть четвертая стена лачуги. Он шарил у себя в карманах, пока наконец не извлек оттуда грубой работы трубку. И сразу же стал набивать ее табаком, который также выуживал щепотками из кармана.

Я получил небольшую передышку, так как старуха все что-то выглядывала в моем камне, а старик был занят трубкой. Они наконец-то не смотрели на меня своими злыми глазами, и я осторожно стал оглядываться вокруг. Солнце уже зашло, и в сумерках все казалось мрачным и зловещим. Во всех углах все так же темными теньями застыли груды вонючих отходов, к одной из стен был прислонен все тот же

ужасный окровавленный топор, и всюду крысы, крысы!.. Их горящие глазки не давали покоя. Я видел их даже через широкие трещины между гнилыми досками, которые служили здесь полом. Казалось даже, что твари, взиравшие на меня своими красноватыми глазками из-под пола, были крупнее своих сородичей, сновавших меж куч костей и тряпья в самой лачуге!

На миг сердце мое остановилось, стало совсем жутко. Все эти мерзкие запахи вдруг обострились, сумерки опустились еще ниже, старики затряслись мелкой предсмертной дрожью... От обморока меня удержало только сознание того, что это, скорее всего, было бы для меня погибелью. Я взял себя в руки и понял, что все ужасы мне привиделись. Стало холодно, но это было даже хорошо, ибо скрывало то волнение, что бурлило внутри меня, просясь наружу. Все чувства мои обострились, мышцы напряглись, я сидел на табурете, готовый ко всем неожиданностям.

Я понял, насколько велика была реальная опасность: за мной следили, окружив лачугу плотным кольцом, все эти негодяи, весь местный сброд! Я не имел представления о том, сколько их сейчас залегло вокруг стариковской хибары в ожидании мига атаки. Я знал, что я молод и силен. Они это тоже знали. Они не могли не знать и того, что я англичанин и, следовательно, буду защищаться до конца. Я выжидал. Выжидали и они. Мне казалось, что у меня уже есть некоторое преимущество перед ними: ведь я осознаю меру опасности и уже начинаю делать выводы. Теперь наступает время моего испытания на терпение. Испытание на мои бойцовские качества, вполне вероятно, также будет иметь место...

Старуха подняла глаза на меня и сказала удовлетворенно:

— Очень хорошее кольцо. Правда. Очень красивое. О! Когда-то у меня было много таких колец! И браслетов, и сережек! В те славные дни я преподавала в городе танцы. Но сейчас Париж обо мне забыл! Забыли меня! Нынешние? Они же никогда не слышали обо мне! Меня помнят, наверно, только их деды и прадеды!.. — Тут она скрипуче и очень неприятно засмеялась. А потом заставила меня изумиться, протянув обратно кольцо с такой старомодной жеманностью, что впору было забыть о том, где находишься и кем окружен.

Старик посмотрел на нее с внезапной злостью, приподнявшись с табурета, на котором набивал свою трубку, а потом обернулся ко мне и неожиданно грубо сказал:

— Дай его мне... посмотреть!

Я уже собрался было передать ему кольцо, как старуха остановила меня:

— Нет! Не вздумай дать его Пьеру! Он чужак и растеряха. А у тебя такое кольцо!

— Замолчи ты! — крикнул старик злобно.

Вдруг старуха сказала — громче, чем это требовалось:

— Подожди! Я расскажу тебе кое-что о кольце.

Меня почему-то очень насторожили ее слова. Может быть, тут давала о себе знать моя обострившаяся психика, но мне показалось, что первая часть фразы была адресована не мне... Я огляделся и тотчас же увидел в углу хибары около груды костей десятки горящих глаз. Едва же я бросил взгляд на самую свалку сквозь огромную дыру — там, где должна была стоять четвертая стена — я увидел десятки теней, передвигающихся около хибары. Это ее «подожди» отсрочило мою гибель и тени успокоились, залегли поблизости от нас.

— Однажды я было потеряла кольцо... Великолепное колечко с бриллиантом! Оно принадлежало королеве, а мне было подарено налоговым чиновником, который потом вспорол себе горло из-за того, что я бросила его. Я думала, что кольцо украли у меня и продали, но никаких следов найти не могла. Полиция, которая прибыла вскоре после того, как я обнаружила пропажу, предположила, что оно ушло через водосливные трубы в канализацию. Мы спустились туда. Я — прямо в своем великолепном платье, потому что не верила полиции ни на грош! Ведь дело касалось такого чудесного колечка!.. С тех пор я имею очень ясное представление о канализации! И о крысах — тоже! Я никогда не забуду этого ужаса!.. Все было облеплено этими тварями! Стенки шевелились и буравили нас мерзкими глазками!.. Они боялись наших факелов, но мы не могли осветить там многое! Света не хватало, а везде, где его не было... стены шевелились!.. Мы искали в трубе прямо под моим домом. Стали шарить в стоке и там-то, в навозе и всякой мерзости, отыскивали мое кольцо. Потом мы ушли оттуда... Ах да, забыла! Прежде чем уйти, мы нашли там еще кое-что! Пока мы продвигались к выходу из трубы, к нам подобралось очень много «канализационных крыс!»! На этот раз я имею в виду рабочих канализации. Они сообщили полиции, что один из них ушел ремонтировать что-то далеко в трубы и до сих пор не вернулся. Это было недавно, и он едва ли мог потеряться. Они очень просили нас помочь им найти его, и мы повернули назад. Сначала они хотели, чтобы я не ходила с ними, ведь кольцо мое нашли, но я настояла! Я любила приключения. Мы отошли от выхода не так далеко,

как я почувствовала по шедшим впереди полицейским, что мы на что-то набрали. Там была вода, и мы перескакивали с кирпича на кирпич, которые были там специально положены, чтобы не замочить ног. Мы увидели, что в воде валяется факел пропавшего. Он боролся, это тоже было видно. Но тварей было слишком много на него одного! Им не пришлось с ним долго возиться. Кости были еще теплые, но на них не было уже ни клочка мяса! Я уже говорила, что он боролся за свою жизнь до последнего и успел укокошить немало тварей. Так вот, их тоже съели: маленькие косточки, дочиста обглоданные, валялись повсюду. А те рабочие, которые нас завели туда, — они даже смеялись над своим беднягой-товарищем! Сами они — крысы паршивые! Я тогда много думала о жизни и смерти...

— И вы совсем не испугались тогда? — спросил я.

— Испугалась?! — переспросила она со смехом. — Я испугалась?! Спроси, Пьера! Да, я была тогда моложе и когда шла вдоль тех шевелящихся вонючих стен канализации, по которым скользил тусклый свет факелов, мне было не по себе! Но больше половины пути я прошла впереди всех! Впереди мужчин! Я всегда была такая! Я не позволяла мужчинам обгонять меня хоть в чем-нибудь! Все, что мне нужно было, — это острые ощущения! Они сожрали беднягу и не оставили от него ни следа, если не считать сухих теплых косточек! И никто не узнал этого, потому что он не успел издать и звука! — Тут она сорвалась на мелкий истеричный смех, а лицо ее при этом было, словно у призрака! Никогда мне не приходилось слышать и видеть такое!.. Одна поэтесса писала о своей героине: «Слышать ли, видеть ли ее пение! Никто не скажет, что удивительней!»

То же было и со мной. Едва ли я мог определить, что ужасней было в старухе: ее хриплый, злобный и ужасный смех или коварный оскал, страшная морщинистая улыбка, искривившийся рот — беззубая черная дыра... Трагичная маска юродивого... По этому смеху, по этой улыбочке и по этому хрипу я понял так же ясно, как если бы мне кто-нибудь сказал об этом, что моя смерть — дело решенное. Просто убийцы ждут момента для нападения... Я чувствовал, что в ее страшных рассказах незаметно для меня проскальзывали слова команды тем негодьям, что залегли в мусорных кучах вокруг лачуги. «Подождите! — словно говорила она им. — Еще не время. Первый удар я нанесу сама. Дайте мне оружие, и я не упущу своего шанса! Ему не убежать! Вы примете его после меня и кинете им! Он не успеет и пикнуть! Крысы делают свое дело моментально!..»

Становилось все темнее и темнее; опускалась ночь. Я окинул взглядом хибару: все то же! Окровавленный топор у стены, кучи мусора и костей по углам, горящие глазки серых тварей около них и под настилом пола...

Пьер наконец закончил набивать трубку. Он высек огонь и через несколько мгновений с довольной гримасой пускал в потолок дым. Старуха сказала мне:

— Сердечко мое! Тебе темно? Пьер, будь хорошим мальчиком, зажги лампу.

Пьер встал с табурета и с зажженной спичкой направился к лампе, что висела у самого входа в лачугу. Он едва дотянулся до фитиля, и лампа вспыхнула, осветив всю округу и спины головорезов, лежащих тут и там.

— Стой, дурак! Не эту! Фонарь, я сказала! — хрипло прокричала она.

Загасив лампу, старик пробормотал угрюмо:

— Хорошо, мама. Но его надо поискать. — Он ушел куда-то в левый угол комнаты, а старуха из темноты сказала:

— Фонарь! Фонарь, я сказала! О! Фонарь, это все, что мы можем себе позволить, милочек. — Эти слова адресовались несомненно мне. — Свет фонаря нам очень подходит. Фонарь — друг революции! Это и друг тряпичника! Он помогает нам, когда все средства уже использованы.

Едва она произнесла последние слова, как раздался громкий скрип и затем такой звук, как будто что-то протащили по крыше. И опять мне показалось, что ее слова были сказаны не для меня, а для ее подручных.

— Кто-то из ваших залез на крышу, да, видно, сам попался в капкан, который готовил другому.

Я выглянул наружу и увидел обрывок веревки, спускавшейся с крыши. Ночное небо чернело. Итак, я в осаде!

Старик что-то очень уж долго возился с поисками фонаря. Я не спускал глаз со старухи. Пьер чиркнул где-то в углу спичкой, фонарь осветил убогую комнату, и я увидел при его свете, что старуха быстро подняла с пола неизвестно как появившийся там длинный острый нож или тесак и спрятала его в свои лохмотья. «Да здесь какая-то мясницкая!»

Фонарь горел неровно, чадил.

— Принеси фонарь сюда, поближе, Пьер, — приказала старуха. — Поставь его между нами и выходом; вот так! Сморти-ка, он отделяет нас от ночи на дворе! Хорошо!

Хорошо для нее и для ее мерзких замыслов! Свет теперь бил мне в лицо и оставлял в тени лица двух стариков и все, что было на улице перед хибарой.

Я чувствовал, что близится время действовать, но я также знал, что сигнал к атаке будет исходить от старухи и поэтому внимательно следил за ней, стремясь не упустить ни одного ее движения.

Я был безоружен, но умирать без боя не собирался и лихо-радочно соображал, как поступить. Первым же моим действием, как я решил, будет захват мясницкого топора у стены. С ним будет легче пробивать себе дорогу отсюда. По крайней мере смогу дорого продать свою жизнь. Я еще раз посмотрел в ту сторону, где он был прислонен к стене, чтобы не ошибиться и сразу завладеть им... Боже! Он исчез! Весь ужас ситуации только сейчас, кажется, дошел до меня. Я подумал о том, что если мне не удастся спастись, бедная Элис будет очень страдать, а она такая хрупкая... А если она поверит в то, что я забыл ее ради другой?!. Каждый человек, кто хоть раз в жизни любил, знает, насколько страшно и разрушающе такое подозрение... Или того хуже: она будет продолжать любить меня и после того, как я буду потерян для нее и для всего мира, от этого всю жизнь ей придется терзаться и страдать, ее отчаянию не будет предела, и оно будет сопровождать ее все время, до самой последней минуты...

Меня скрутили жестокая душевная боль и тревога, я даже на минуту забыл о заговорщиках и их гнусных планах против меня.

Все же у меня хватило воли не выдавать себя. Старуха смотрела на меня, как кошка смотрит на мышь. Ее правая рука, сжимавшая рукоять ножа, до половины была скрыта под лохмотьями. Но я уже знал об этом источнике опасности. Главное, не теряться. Если она увидит на моем лице малейшие признаки смущения или неуверенности, она тут же набросится на меня, как тигрица.

Я глянул на выход, где чернела ночь, и увидел новую опасность. Впрочем, и об этих негодях я уже знал. Они лежали неподвижно, и мне были видны лишь смутные очертания их корявых фигур, но я чувствовал, что они напряжены и только ждут сигнала к драке. Трудновато будет пробиваться через них...

И снова — в который уж раз — я окинул взглядом все вокруг меня. В минуты крайней опасности и возбуждения, которое порождается этой опасностью, мозг работает быстро и четко, все чувства обостряются и человек становится чутким, словно зверь. Я почувствовал это на себе. За какие-то секунды я проанализировал обстановку и стал разрабатывать план побега. Я понял, что топор был утащен сквозь дыру в прогнив-

шей доске стены. И ведь сделано все было без шума. Насколько же гнилыми были доски, если в них можно было за короткое время и совершенно бесшумно проделать довольно большую дыру?!

Лачуга была превращена незаметно в ловушку и со всех сторон снаружи охранялась. Висельник сидел на крыше и был готов в любую минуту захлестнуть мне горло своей петлей, пока я буду возиться со старой ведьмой, отнимая у нее кинжал. Четвертой стены в доме не было, и оттуда внутрь заглядывало черное небо, но я знал, что выход охраняется лучше всего. Одному богу было известно, сколько там залегло головорезов! И, как оказалось, под полом за мной следили глаза не крыс, а все тех же мерзавцев. После сигнала им ничего не будет стоить сломать гнилые доски пола и вылезти из низкого подвала наверх.

С самым безразличным видом, на который я сейчас был способен, я повернулся слегка на своем табурете так, чтобы в нужную минуту сразу вскочить. В следующую секунду я мгновенно встал на ноги, прикрыл голову руками, по старинному обычаю прошептал имя дамы моего сердца и бросился всем телом прямо на заднюю стену лачуги.

Несмотря на бдительность, которую проявляли последние минуты старуха и старик, мое движение застало их врасплох. Выламывая гнилые доски стены, я успел заметить, что старуха тоже вскочила со своего места, размахивает руками и хрипит в безудержном гневе. Наконец я оказался под открытым небом и сразу же наступил на что-то живое и шевелившееся. Я отпрыгнул назад, и оказалось, что это был один из тех мерзавцев, что поджидали меня около лачуги. Я весь был утыкан занозами и оцарапан, но в общем не очень пострадал в результате осуществления первого этапа моего побега из этого гиблого места. На моем пути стоял высокий мусорный курган, и я бросился по нему наверх. Позади отчетливо слышался хруст и треск: старуха и Пьер ломились наружу.

Это было кошмарное восхождение! Холм был не очень скользкий, но крутой, и поэтому каждый шаг давался с неимоверным трудом — нога вместе с мусором и тряпками неуклонно соскальзывала вниз, и меня спасала только скорость. В воздухе стоял отвратительнейший запах, мне было нестерпимо гадко лезть вверх по этой помойной куче, но я понимал, что речь идет о жизни и смерти и поэтому лез, лез, лез... Боролся! Секунды казались часами. Я был молод, силен, и это сразу же дало мне огромное преимущество перед врагами. Они преследовали меня, карабкаясь по кургану вслед за мной.

Тишина стояла мертвая. Они не кричали, не ругались... Ползли вверх молча, и это было страшнее всего!

Скоро я достиг вершины кургана. Теперь, когда прошло уже много лет с того времени, всякий раз, когда мне приходится куда-нибудь подниматься, в моей памяти оживают ужасные образы той ночи близ Монтруж, и мне становится не по себе...

Курган, на вершину которого я взобрался, был одним из самых высоких на всей свалке. Я пытался сдержать тяжелое дыхание и успокоиться — сердце колотилось, словно кузнечный молот. Я стал оглядываться по сторонам и увидел по левую руку от себя в багрово-черной плазме неба множество огней. Слава богу! теперь я знал, где примерно нахожусь и где дорога на Париж!

Для того чтобы прийти в себя, мне понадобилось всего несколько секунд. Я посмотрел вниз. Преследователи были еще далеко от вершины холма, но они отчаянно лезли и лезли вверх, соблюдая эту свою страшную тишину. Та хибара, из которой мне посчастливилось чудом вырваться, была разрушена, и даже в тот момент, когда я смотрел на нее, из-под груды гнилых досок еще выбирались мерзавцы, подстерегавшие меня в засаде под полом. Мне было все отлично видно, так как фонарь, видимо, опрокинулся и разлившееся горящее масло достигло куч тряпья. Начался пожар. И надо всем этим — тишина! Мертвая тишина! Ни окрика, ни шепота!.. На некоторых горели их жалкие лохмотья, но они не звали никого на помощь, не кричали!..

У меня не было времени любоваться этим зрелищем, так как, бросив взгляд на противоположный скат кургана в поисках удобного спуска, я заметил внизу метавшиеся тени врагов, желающих отрезать мне этот путь. Мне предстояла жестокая и отчаянная борьба за жизнь! Они пытались пресечь мою попытку добраться до дороги на Париж, я это понял и, повинуясь инстинктивному чувству, бросился вниз с правой стороны кургана. Я успел скатиться как раз вовремя, так как за мной сразу же раздался топот ног. Я вскочил и бросился в проход между двумя другими курганами мусора, и сзади, прямо около моего уха, просвистел в воздухе тот самый окровавленный мясницкий топор, который я видел в лачуге у той ведьмы. Я на бегу обернулся и увидел, что за мной гонятся несколько ветеранов в грязных и оборвавшихся мундирах солдат времен Первой французской Революции.

Затем началась самая настоящая охота на меня. Я легко бежал впереди этих седых стариков и даже когда к погоне

присоединилось несколько солдат помоложе и женщины, я без особого труда сохранил дистанцию и с ними. Но я не знал этих мест и даже не мог сориентироваться по огням города, так как они теперь были позади и я вынужден был убежать от них.

Говорят, что все охотники, помимо своей воли и незаметно для самих себя, все время держат немного влево. Теперь я убедился в этом на себе. Думаю, об этом догадывались и мои преследователи, ибо это были больше звери, нежели люди. Они-то и придумали сыграть со мной на этом злую шутку. Когда я хотел уже немного сбавить темп, чтобы отдышаться, из-за ближайшего мусорного холма выскочили три преследователя! Оказывается, я невольно бежал по дуге, каждый шаг делая чуть левее предыдущего. Они воспользовались этим и срезали свой путь.

Меня загнали, как волка! Но вместе с осознанием этой новой опасности ко мне пришла на помощь вся моя изобретательность, и я устремился в первый же поворот направо, пытаюсь оторваться сразу и от тех, что неслись за мной по пятам сзади, и от тех, что хотели перехватить меня сбоку. Я бежал в этом направлении несколько сот ярдов, а потом свернул налево и понял, что во всяком случае мое окружение им не удалось, а там — поглядим.

И все же я слышал за собой топот ног целой толпы. Непрекращающийся, незатихающий, упорный, неумолимый. И все это в полной тишине!

В опустившейся темноте горы мусора казались несколько меньше своих действительных размеров, но мне это мало помогало, так же как и то, что ночь близилась к концу, но тьма не расступалась. Преследователи были далеко позади, и поэтому я позволил себе устремиться на вершину одного из курганов. Я мчался, как молния, и поэтому без особого труда, на высокой скорости взлетел наверх.

О, боже! Слава тебе! С высоты кургана я рассмотрел, что мне удалось добежать наконец до границы этой гнусной свалки! Позади меня сверкал в ночи Париж, высились крыши Монмартра, неясный свет городских огней, таких недосягаемых!..

Осознание того, что свалка вся почти позади, прибавило мне сил, и я на одном дыхании, бегом преодолел несколько оставшихся мусорных куч и оказался на ровной пустынной местности. Увы, пейзаж был не намного веселей и безопасней, чем позади. Впереди меня стояла тьма и мрак безмолвия. Без всякого сомнения я оказался на одной из тех сырых, низменных территорий, которых в достатке вокруг любого большого

города. Влажная и унылая равнина, где воздух вреден для здоровья, а земля настолько бедна и непригодна, что невозможно и думать о том, чтобы заселить эти места. Глядя вперед на открытые просторы, я мог видеть гораздо больше и легче, чем на узких тропках между теми ужасными и гниющими мусорными кучами. В стороне горизонт светился огнями, и можно было предположить, что это какое-то предместье Парижа, хотя до самого города было очень далеко. Во всяком случае мне придало уверенности то обстоятельство, что теперь мне под силу разглядеть моих молчаливых преследователей за несколько десятков ярдов от меня.

Впереди открывалась лишенная крупной растительности, плоская пустошь с тут и там мерцавшими в ночи стоячими водоемами. По правую руку на большой удаленности среди целого роя огней возвышалась гигантская масса крепости Монтруж, а слева, на неясном расстоянии, смутными лунными бликами на окнах домов открывался Бисетр. После краткого раздумья я решил попробовать повернуть вправо и достичь Монтруж. Там по крайней мере есть надежда обрести надежное убежище и безопасность, а кроме того я бывал там на туристической экскурсии и запомнил подходы к крепости. Кстати, именно там должна пролегать большая дорога, соединяющая всю цепь крепостных сооружений Монтруж с Парижем.

Я оглянулся назад. По последним мусорным кучам свалки передвигались четко обозначенные на фоне огней Парижа черные силуэты, несколько теней метнулись также вправо, туда, куда намеревался идти я, явно с целью перерезать мне путь. Это заставило меня изменить свои планы. Оставалось два выхода: прямо или влево. Я лег на землю так, чтобы мне было лучше разглядеть фигуры врагов на фоне горизонта. Впереди их быть, естественно, не могло, но не было и слева. Я понял, что раз они не потрудились отрезать от меня тот путь — даже не пытались этого делать, — значит там существовала для меня опасность и без них. Поэтому я решился продолжать путь к спасению прямо — по чавкающей под ногами земле.

Дороги не было никакой, а почва была просто ужасной и становилась хуже и ненадежней с каждым моим шагом. Жижга, хлюпающая под сапогами, вызывала отвращение. Вскоре я почувствовал, что уровень почвы стал понижаться, словно я спускался по очень пологому склону. Ориентиры становились все выше и выше и вместе с ними поднимался горизонт. Я огляделся — преследователей не было ни сзади, ни с боков. Мне это показалось странным, так как до сих пор они продвигались по моим следам сквозь кромешную тьму, словно

ярким солнечным днем. Сколько раз уже за последние полчаса я корил себя за то, что надел сегодня свой светлый твидовый костюм! Мной овладел ужас, когда я понял, что не вижу своих врагов, которые, притаившись в своей мертвой тишине, спокойно наблюдают за мной. В надежде, что я буду услышан кем-нибудь, исключая этих призраков, я несколько раз высил свой голос, призывая на помощь. Ответом мне была только тишина, которая давно стала союзником моих недругов. Даже эхо, что могло обмануть меня и поощрить усилия к спасению, не раздалось. Несколько времени я стоял на месте, не двигаясь и всматриваясь в одном направлении. Сначала смутно, а потом довольно отчетливо я разглядел какой-то силуэт, двигавшийся влево от меня. Скоро к нему присоединилось еще несколько смутных фигур. Не было сомнения: меня вновь пытаются отсечь от верного пути!

Я был уверен, что и теперь смогу избежать западни и обыграть противника. Собравшись с силами, я рванулся вперед...

Шш-у-ххх!!!

Ноги подскользнулись на какой-то ерунде и я головой вперед полетел в дымящийся зловонными парами стоячий водоем. Я ушел под теплую воду по локти и не смог удержаться от вскрика ужаса. Никогда не забуду те мгновения, что я стоял в отвратительной жиже, теряя сознание от мерзкого запаха и задыхаясь в белом тумане испарений. Но самое ужасное было то — теперь мне легко войти в положение загнанного зверя, у которого не остается почти никакой надежды, — что я увидел зловещие тени моих врагов, мелькающие не так далеко и обходящие меня со всех сторон.

Удивительно все-таки, как мобилизуется человеческий мозг на работу, когда все тело и нервы парализованы предсмертными инстинктами и паникой. Но не менее удивительно то, что порой в самых безнадежных ситуациях человеку приходят на ум мысли, абсолютно не связанные с его спасением. Так было со мной. Я понимал, что моя жизнь висит на волоске и все зависит от быстроты предпринятых мной действий. Я видел, что с приближением врагов шансов у меня остается все меньше. И тем не менее я почти с восторгом думал о неумолимости противника. Ведь это все почти сплошь старики! Их молчаливое упорство даже заслуживало некоторого уважения. Каковы же они были в молодости!? И каковы же были Веллингтон и Блюхер, если им удалось поразить этих наполеоновских гвардейцев при Ватерлоо?!

Произвольная работа мысли иногда полезна даже в таких

ситуациях. И, к счастью, она не помешала одновременно взвесить и шансы на мое спасение.

Мне хватило мужества признаться самому себе, что пока что я поражен, а мои противники в выигрыше. Они успешно продолжали окружать меня с трех сторон и тем самым склоняли меня к движению налево, где они не поставили засады и где значит мне угрожало что-то и помимо них. Я, к этому времени уже почти освободившийся от пут трясины, принял невысказанное предложение и устремился налево. Я бежал по более низкому месту, чем мои противники. Почва под ногами была липкая и скользкая, но я знал, что им приходится не легче, и это придавало мне сил. А молодость и крепость организма дополняли мои усилия. Так что мне не только удалось снова избежать неминуемой гибели, но и создать между собой и ветеранами приличную дистанцию. Это придало мне духу и сил, я с радостью ощущал свой тренированный организм, и в те же минуты ко мне пришло второе дыхание: работа легких стала ровной и мощной и бег заметно ускорился. Теперь уровень почвы постепенно повышался. Я стремительно взбежал по этому склону и оказался на плоской местности с болотистой почвой. Впереди темной тенью возвышалась то ли дамба, то ли насыпь. Я понял, что если мне удастся беспрепятственно достичь этого сооружения, я буду почти в безопасности, так как за ним наверняка начиналась твердая земля и, может быть, даже какая-нибудь дорога. Я на бегу посмотрел по сторонам, но никого не увидел. По болоту пришлось бежать несколько минут, но я старался. Прежде чем я добрался наконец до насыпи, я сильно устал — топкая земля под ногами безжалостно отнимала у меня силы, которые были еще так нужны! Я взобрался на насыпь, помогая себе руками... Увы, там, где я ожидал увидеть спасение или хотя бы ниточку к спасению, меня ждало новое испытание. Прямо передо мной с земли поднялись несколько темных фигур! Справа и слева они бросились на меня. У каждого негодя в руке раскачивался канат с петлей.

Я был почти в полном окружении. Мне некуда было бежать, и конец мой был близок.

К спасению открывался всего лишь один шанс и я воспользовался им. За насыпью был еще один стоячий водоем, а вовсе не твердая земля с дорогой. Мне ничего не оставалось, как, увертываясь от веревок, пробежать вперед оставшиеся до воды ярды и броситься в нее головой вперед.

В другое время я бы очень страдал от грязи и вони, что окружила меня в воде, но теперь я погрузился в болото так,

словно это был кристально чистый горный ручей. Путь к спасению — это главное!

Мои преследователи, не долго думая, бросились за мной. Если бы хоть один из них не оставил на берегу свою петлю, мне быстро пришел бы конец: веревка настигла бы меня после первых же двух-трех взмахов. Но они кинули в меня свои канаты с берега, прежде чем броситься за мной, и я услышал всплески воды далеко позади.

Несколько минут отчаянной работы рук и ног — и вот я перебрался через этот водоем. На насыпь противоположного берега я вылезал уже в относительно бодром расположении духа.

Я оглянулся назад. Преследователи неуклонно приближались. Значит, охота не завершена! Мне вновь пришлось лихорадочно соображать, какой путь выбрать. За насыпью открывалась туманная болотистая местность, очень похожая на ту, что я только что пересек. Я решил впредь остерегаться и избегать подобных мест. Пока я раздумывал, расхаживая по насыпи взад-вперед, я вдруг услышал далекий плеск весел о воду. Я прислушался, а когда убедился в том, что не ошибся, закричал и стал размахивать руками.

Ответа не последовало, да и звуки прекратились. Понятно! Моим врагам удалось раздобыть лодку! Едва они показались вблизи слева, я побежал вправо. Я бежал вдоль насыпи и вдруг услышал характерные всплески воды, как будто крысы плюхнулись в воду. Правда, эти всплески были гораздо громче. Вслед за ними вновь послышались удары весел. Итак, ясно: меня преследуют по воде. Я прибавил шаг. Через некоторое время, оглянувшись, увидел, как погоня причалила к той насыпи, вдоль которой я бежал.

Поднялся сильный ветер, вода быстро взволновалась и стала обрушиваться небольшими волнами на насыпь. Я не смотрел никуда, как только перед собой, ибо подскользнуться для меня значило погибнуть. Через несколько минут я оглянулся. Вдоль насыпи бежало всего несколько человек, гораздо больше их выбралось на болотистую почву, которую я отвергнул. Какую новую опасность это таило для меня, я не знал. Мог только догадываться.

На бегу я обратил внимание на то, что насыпь слегка, поворачивает вправо. Кроме того, водоем, через который я недавно перебрался, вышел из берегов и превратился в бурный поток. Насыпь теперь часто захлестывало. С ее противоположной стороны бушевал другой поток, к которому тоже

уже подбирались мои преследователи. Итак, я оказался на своего рода острове.

Положение мое было самым отчаянным, так как я опять оказался в кольце окруживших со всех сторон врагов. Судя по звукам весел, лодка стремительно нагоняла меня. Как будто негодяи знали, что мой конец близок. Впереди не было никакой надежды: ни крыши, ни света в окне. Далеко с правой стороны в ночном небе возвышалась какая-то махина, но я не имел понятия о том, что это может быть. На минуту остановился, чтобы обдумать дальнейшие действия. Но враги не ждали, они быстро приближались. Наконец, мне показалось, что я придумал выход. Я соскользнул по насыпи вниз и вошел в воду. Быстро загребая руками, я стал приближаться к течению, которое, как я предполагал, окажется настолько сильным, что сможет отнести меня куда-нибудь. Тучи наконец закрыли собой луну, и все в округе погрузилось в полнейшую тьму. Я снял с себя шляпу и бросил ее плыть по течению, а сам устремился в обратную сторону, приложив все свои силы и крепость духа. Сначала я глубоко поднырнул и постарался проплыть под водой как можно больше. Показавшись снова на поверхности, я оглянулся назад. Моя шляпа преспокойно уносила течением все дальше и дальше. Ее быстро нагоняла неустойчивая старенькая лодка, управляемая мощными взмахами двух весел. Из-за туч показался серп луны, и при его свете я увидел на носу лодки стоящего мужчину. В руках у него был тот самый мясницкий топор, удара которого я избегал еще на свалке. Мерзавец стоял наготове, занеся свое оружие для удара. Лодка все приближалась к моей шляпе и наконец я увидел, как топор с размаху опустился на нее. Шляпа потонула; убийца по инерции наклонился вперед и вниз, едва не перевернув лодку. Сообщники удержали его, но топор канул на дно потока. Я изо всех сил поплыл к уже видневшейся очередной насыпи и услышал позади себя вскрик гнева и досады и хриплое ругательство:

— *Sacre!!!*

Это был первый человеческий звук, который мне довелось пока услышать в продолжение всей этой охоты. Несмотря на то, что это был крик угрозы в мой адрес, я воспринял его с благодарностью, потому что он наконец вспорол страшную тишину, которая окружала меня в эту ночь. По крайней мере я теперь не сомневался, что передо мной не призраки, а живые люди. Против людей, даже если их много, я еще мог как-то бороться.

Но раз уж тишина нарушилась, они не стали больше при-

держиваться своей молчаливой тактики. С лодки на берег и с берега на лодку обменялись несколькими быстрыми репликами, произнесенными хриплым приглушенным голосом. Я обернулся опять назад, — какая ошибка! — один из них поймал блик лунного света на моем лице и вскрикнул. Он стал показывать в мою сторону руками, и через несколько секунд лодку развернули и погнали за мной. До берега мне оставалось совсем немного, но лодка неслась ко мне гораздо быстрее, чем я плыл к земле. Еще несколько взмахов рук — и я был бы на берегу, но тут я почувствовал, как на меня накатывается нос лодки, и уже ожидал, когда на мою голову обрушится тяжелое весло или какое-нибудь другое орудие. Но несколькими минутами раньше я собственными глазами видел, как канул в воду топор, и это несказанно взбодрило меня. Теперь я отчетливо услышал тяжелое дыхание гребцов и хриплый гомон остальных. Неимоверным усилием я достиг берега раньше лодки и сразу же выскочил из воды. У меня не было ни секунды на промедление, так как вслед за мной в берег тяжело врезался нос лодки и оттуда высыпали преследователи. Я вскарабкался на насыпь и бросился бегом влево. В лодке осталось еще двое или трое. Высадив «десант», они отчалили от берега и поплыли в том же направлении, в каком спасался я, — вдоль насыпи. Увидев это, я решил изменить курс, сбегал вниз по насыпи, на противоположную ее сторону, преодолел несколько ярдов топкой почвы и наконец оказался на твердой земле. Передо мной раскинулась равнина и я бросился по ней вперед.

Вскоре через насыпь перебрались и преследователи; они никак не желали отставать. Вдали высилась все та же темная громадина, только сейчас она казалась больше и ближе. Мое сердце радостно забилося: теперь я понял, что это скорее всего крепость Бисетр. С новыми силами я устремился к возвышавшимся в ночном небе башням. Я слышал, что все крепостные укрепления вокруг Парижа соединены стратегическими дорогами, предназначенными для передвижения войск в войну и затопленными в обычное время, чтобы их не обнаружил противник. Я понимал: выйди я на одну из таких дорог — и я спасен. Но, к сожалению, я не знал местности, и ни один ориентир не указывал мне на наличие дороги. Кроме того стояла кромешная тьма. Мне оставалось только бежать вперед по направлению к крепости, и я бежал.

Вдруг я оказался на краю рва. Внизу пролегалa дорога, с обеих сторон защищенная канавами с водой и довольно высокими кирпичными стенами.

Собрав последние силы, я опять бросился бежать. На этот

раз — вниз по склону. Земля под ногами стала неровной, и я то и дело спотыкался, падал, но каждый раз поднимался и продолжал бежать. Трезвый расчет уже покинул меня, и я руководствовался лишь слепым инстинктом самосохранения. Среди роя бессвязных мыслей выделялась одна — об Элис. Я не погибну — и она не будет страдать, я буду бороться за жизнь до последнего! Я сбежал на дно рва и, подпрыгнув, уцепился за край стены. Карабкаясь, словно дикая кошка, я взобрался на самый верх. Внизу кто-то ухватил меня за ногу, но я вырвался. Впереди я увидел тусклый свет. Обессиленный и изможденный, покрытый грязью, царапинами и кровью, я из последних сил устремился вперед.

— Стой! — крикнули из темноты по-французски.

Эти слова показались мне гласом Божиим! Луч света от фонаря брызнул мне в лицо, и я не смог удержаться от вскрика радости.

— Кто идет? — требовательно спросил тот же голос. Я услышал, как прямо около меня щелкнул затвор мушкета и холодный ствол уперся мне в грудь. Я остановился, хотя и не знал, остановятся ли те, кто гнался за мной.

В следующую минуту я, отвыкшими от света глазами, увидел, как распахнулись ворота и оттуда посыпались фигуры в красно-синих мундирах. Все вокруг меня закипело жизнью и блеском: оружие, лезвия клинков, щелканье затворов и звон холодного оружия, громкие отрывистые команды. А я стал падать, ибо силы оставили меня, и один из солдат еле успел поддержать меня. Я бросил взгляд к стене, за которой были враги, и потерял сознание.

Пришел в себя я в комнате охраны. Меня угостили коньяком, а некоторое время спустя я уже мог рассказать то, что произошло со мной в эту ночь. Затем внезапно я увидел перед собой комиссара полиции. Он появился неожиданно, как будто из воздуха. Впрочем, это стиль парижских полицейских. Он меня внимательно выслушал, а потом перекинулся несколькими словами с офицером, что был начальником охраны крепости. Они быстро договорились между собой и спросили меня, смогу ли я идти вместе с ними.

— Куда? — спросил я их в свою очередь, приподнимаясь.

— На свалку. Может, нам удастся поймать их там.

— Согласен!

Они сочувственно оглядели меня, а потом комиссар спросил меня:

— Не хотите подождать до утра, смелый англичанин?

Эти слова задели меня за живое, и я бодро вскочил с кушетки, куда они меня уложили.

— Идем сейчас! — сказал я. — Сейчас! Это мой долг, а англичанин всегда готов к исполнению долга!

Комиссар был добр настолько же, насколько и умен. Он потрепал меня по плечу.

— *Brave garçon!* — сказал он. — Простите. Я знал, что вы так скажете. Солдаты ждут. Идем!

Из комнаты охраны мы завернули в длинный коридор и, пройдя по нему, вышли на улицу. Вокруг царила еще глухая ночь. У солдат, что пошли с нами, в руках были мощные фонари. Мы прошли высокую арку и оказались на широкой дороге, проходящей во рву, той самой, которую я заметил за несколько минут до своего спасения. По приказу солдаты построились в колонну по двое и короткими перебежками, быстро двинулись в путь. Я почувствовал новый прилив сил — такова разница между положением охотника и дичи. Мы скоро дошли до понтонного моста через разлившийся водный поток. Час назад я переплывал его несколько выше по течению и моста не заметил. Здесь нам пришлось на некоторое время задержаться, так как канаты были перерезаны все до единого и кроме того сломана одна из цепей. Я услышал слова офицера, обращенные к комиссару:

— Мы как раз вовремя. Еще немного — и им удалось бы окончательно вывести мост из строя. Вперед, быстрее!

Мы переправились, перебежали насыпь и вновь оказались у понтонов. На другом берегу раздавался звон цепей — негодяи пытались сломать и второй мост. Раздалась команда, и солдаты подняли свои ружья.

— Огонь!

Раздался залп. На том берегу кто-то сдавленно вскрикнул и темные фигуры исчезли. Но зло уже было не поправить: цепи, крепившие мост, были сломаны, и дальний от нас конец понтона уплывал вниз по течению. Это была уже основательная задержка, и нам потребовалось никак не меньше часа, чтобы привести мост в порядок, по крайней мере, на время переправы.

Мы возобновили погоню. Скоро вдали показались мусорные курганы, а это значило, что мы почти у цели.

Я уже свободно ориентировался, так как пошел знакомые места. Мы наткнулись на остатки костра. Небольшая кучка углей и дотлевающих досок. Я понял, что это все, что осталось от лачуги, в которой я провел прошедший вечер. Крысы и до сих пор бегали по обгоревшим доскам и бросали на нас злоб-

ные взгляды. Комиссар что-то шепнул офицеру и тот крикнул:

— Стой!

Солдатам был отдан приказ растянуться в цепь, и после этого мы стали исследовать руины. Комиссар расшвыривал ногами в разные стороны гнилое дерево и тряпье. Солдаты складывали их в сторонке в одну кучу. Вдруг комиссар остановился, отступил назад в волнении, затем оглянулся и кивнул мне, чтобы я подошел.

— Глядите! — сказал он мне.

Это было мрачное зрелище. Я увидел останки человека. Чистый скелет. Повернутый лицом вниз. Судя по линиям — женщина; по изношенности костей — старуха. Между позвонками торчал огромный мясницкий нож.

— Посмотрите, — сказал комиссар мне и офицеру, доставая из кармана свой блокнот. — Видимо, она неосторожно упала на нож. Здесь много крыс — вон как они сверкают своими глазками на нас из-за груды костей! — Он нагнулся и руками стал исследовать скелет. Я содрогнулся от этого зрелища. — И еще заметьте, — продолжал комиссар. — Кости еще теплые! Так что крысы работают здесь на совесть! У них было не так уж много времени...

Поблизости мы не видели больше ни живого, ни мертвого, поэтому солдаты опять построились в цепь, и мы пошли по гигантской свалке дальше. Через некоторое время мы дошли до жилища, сделанного из старинного бельевого шкафа. Осмотрелись. Всего было шесть спальных полок, как я имел возможность убедиться еще прошлым днем. Но теперь заняты были только пять. Старики-ветераны спали так крепко, что их не разбудил даже ослепительный свет фонарей. Старые, обрюзгшие, мрачные. Серо-бронзовые лица да седые усы.

Офицер рывкнул во все горло команду, и через несколько секунд все ветераны стояли перед ним в линию по стойке «смирно».

— Что вы здесь делаете?

— Спим, — был ответ.

— Где остальные? — спросил комиссар.

— Ушли на работу.

— А вы?

— Мы охраняем.

— *Peste!* — захохотал офицер мрачно. Он оглядел всех стариков по очереди с ног до головы и потом медленно и безжалостно заявил: — Дрыхнуть в охранении! И это Старая

Гвардия?! Теперь понятно, почему нам надавали под Ватерлоо!

При свете фонаря я рассмотрел, что после слов офицера лица ветеранов покрылись мертвенной бледностью, а когда солдаты, сопровождавшие нас, весело загоготали шутке своего командира, по лицам стариков прошла судорога.

В ту минуту я подумал, что в какой-то мере отомщен за все переживания.

С минуту старики смотрели на нас так, словно едва сдерживались, чтобы не наброситься на насмешников, но жизньному научила их и они не двинулись с места.

— Вас только пятеро, — сказал комиссар. — А где шестой?

Скрипуче посмеиваясь, ветераны ответили:

— А он там! — И показали на днище шкафа. — Он умер в прошлую ночь. Вы мало чего найдете. Крысы хоронят быстро!

Комиссар нагнулся и стал вглядываться, куда ему показывали. Затем он повернулся к офицеру и спокойно сказал:

— Ну что ж, мы можем возвращаться. Здесь почти ничего не осталось. Во всяком случае уже не установить, этот ли мужчина был ранен у моста вашими солдатами. Допускаю, что это они, — он кивнул в сторону стариков, — и убили его, чтобы скрыть следы. Глядите. — Он снова нагнулся и дотронулся рукой до скелета. — Крысы работают быстро, а кроме того их здесь много. Кости еще теплые.

Я невольно вздрогнул. И то же самое произошло со многими солдатами.

— Стройся! — крикнул офицер, и спустя несколько минут мы двинулись в обратный путь: фонари у головных солдат, чтобы освещать дорогу, в середине процессии — ветераны в наручниках. Вскоре мы вышли за пределы свалки и взяли направление на Бисетр.

* * *

Мой годичный испытательный срок давно окончился, и Элис стала моей женой. Но когда я начинаю вспоминать те наполненные событиями двенадцать месяцев, память в первую очередь подсказывает мне все, что связано с моим визитом в Город Мусора.

ОКРОВАВЛЕННЫЕ РУКИ

Первое мнение относительно личности Джакоба Сэттла, которое я услышал, было коротким описательным штрихом: «Это погруженный в себя, унылый малый.» Эти слова я услышал от его товарищей по работе, и хоть, по-видимому, в них действительно воплощались их мысли, мне такое мнение показалось субъективным. Уж слишком мало в нем было терпимости, отсутствовал малейший положительный намек, я уж не говорю об исчерпывающей обрисовке личности сослуживца, которая обычно четко устанавливает ту нишу, которую человек занимает в общественном мнении. Кроме того я увидел заметное несоответствие между полученной лаконичной характеристикой и внешностью Джакоба. Я много думал об этом человеке, а постепенно, ближе знакомясь с его окружением и образом жизни, по-настоящему заинтересовался им. Он был очень добр, жил крайне скромно и не позволял себе больших денежных расходов сверх своих небольших потребностей. Его отличали такие благодетели, как неприхотливость в жизненных средствах, расчетливость, экономность и спокойствие, по крайней мере внешнее. Дети и женщины доверяли ему без малейших колебаний, но, странно, — он избегал их всегда, кроме тех случаев, когда речь шла о болезни. Если он чувствовал, что может помочь, он всегда приходил. Он был несколько неуклюж, но это не вредило ему. Жизнь его протекала вдали от всех, в крохотном коттедже, — скорее даже в хибарке, — состоявшем всего из одной комнаты и выходившем окнами на мрачные заросшие вереском торфяники. Образ его жизни казался мне таким одиноким и безрадостным, что я

захотел непременно оживить его. Однажды, когда мы сидели с ним у кровати ребенка, который случайно пострадал из-за меня, я предложил ему взять у меня из книг что-нибудь почитать. Он с радостью принял мое предложение, а когда мы возвращались на заре по домам, я почувствовал, что между нами установилось взаимное доверие.

Книги возвращались всегда в целостности и аккуратно в сроки, и через некоторое время мы с Джекобом Сэттлем стали настоящими друзьями. Раз или два в воскресенье я пересекал торфяники и заглядывал к нему домой. Правда, в таких случаях он был на удивление скован и смущен, так что я даже стал сомневаться в правильности того, что я его навещаю. Зайти ко мне он неизменно и под разными предлогами отказывался.

Однажды в воскресенье я возвращался с долгой прогулки по торфяникам и, проходя мимо дома Джакоба, решил посмотреть, как у него идут дела. Дверь была заперта, и я уже подумал было, что хозяина нет дома. Все-таки я постучал. Чисто формально, по привычке, не ожидая услышать никакого ответа. К своему удивлению, я услышал-таки из-за двери слабый голос. К сожалению, звук был настолько неясен, что мне не удалось разобрать смысл произнесенных слов. Я открыл дверь ключом, выданным мне как-то самим хозяином, и вошел в дом. Я нашел Джакоба лежащим на кровати полураздетым. Он был мертвенно-бледен, и со лба его ручьями стекал пот. Его руки беспрестанно тянули куда-то простыни, совсем как утопающий тянет за собой вниз все, что ни ухватит. Едва я вошел, он вскинулся на кровати, глядя в мою сторону дикими загнанными глазами. С первого взгляда было ясно, что с ним происходит что-то ужасное. Узнав меня, он бессильно повалился обратно на подушки, закрыл глаза и только тихонько постанывал. Я постоял у изголовья его кровати несколько минут, пока он приходил в себя и восстанавливал дыхание. Затем он открыл глаза и посмотрел на меня. В его взгляде застыли такое отчаяние и скорбь, каких я, будучи человеком бывалым, признаюсь, никогда не видел. Я присел рядом с ним на кровати и спросил его о том, как он себя чувствует. Он несколько раз повторил мне, что не болен, но потом, изучив меня долгим внимательным взглядом, он приподнялся на локте и сказал:

— Благодарю вас за вашу доброту, сэр. Поверьте, я говорю вам правду. Я не болен с той точки зрения, с какой это принято рассматривать. Но только богу ведомо, не является ли мое состояние ужасной порчей, о которой врачи даже не слышали никогда. Я скажу вам, сэр, но, доверяясь вам, требую, чтобы

вы не рассказывали об этом ни одной живой душе, так как это может только усугубить мои страдания. Итак, я говорю: меня преследует дурной сон.

— Дурной сон? — переспросил я с улыбкой, надеясь этим ободрить его. — Но сны испаряются с первым лучом солнца. Даже больше того — с пробуждением. — Тут я замолчал, так как еще прежде, чем он заговорил, я увидел ответ на его скорбном лице.

— Нет! Нет! Все это так лишь для тех людей, которые окружены комфортом и близкими, которые любят их. Но нестерпимой пыткой это становится для тех, кто живет в одиночестве и, главное: вынужден жить в одиночестве! Какое облегчение принесет мне пробуждение здесь, в ночной тишине, на торфяниках, полных голосами и тенями, которые наводят на меня ужас, еще больший, чем во сне?!. О, юноша! У вас нет прошлого, которое бы насылало на тихий мрак ночи рои звуков и на пустое пространство — десятки зловещих силуэтов! Дай вам бог не иметь такого прошлого! — В его голосе слышалась такая убежденность, что мне ничего не оставалось, как только снять свои возражения по поводу его отшельнического образа жизни. Мне казалось, что я присутствую при действии какой-то загадочной силы, которую я не могу ни постичь, ни измерить. Я не знал, что говорить, и почувствовал облегчение, когда он продолжил сам:

— Мне снится это две последние ночи. В первую ночь было очень тяжело, но я выдержал. А вчера само ожидание повторения сна было ужасней, чем сам сон. Во всяком случае мне так казалось. Но я заснул — и опять явился тот злой сон. И все страдания, которые я пережил вечером в ожидании его, показались мне развлечением! Я проснулся и крепился, чтобы не заснуть до самого рассвета, а потом не вытерпел и снова забился. Сон навалился на меня с новой силой, и, я уверен, те ощущения, которые мне пришлось претерпеть, сравнимы разве что с предсмертной агонией. И вот сейчас опять вечер...

Я выслушал его до конца и постарался впредь говорить с ним легким беззаботным тоном.

— Попробуйте заснуть сегодня пораньше. Пока на дворе еще вечер. Сон освежит вас, и, смею надеяться, дурные видения отныне вас посещать не будут.

На это он только обреченно покачал головой. Я еще посидел у него несколько времени, а потом распрощался.

Придя домой, я тут же стал делать приготовления к тому, чтобы провести ночь вне своей спальни. Дело в том, что я решил разделить вместе с Джакобом Сэттлом его ночные тре-

воги в маленьком домике на торфяниках. Я рассудил, что если он последовал моему совету и заснул до захода солнца, то около полуночи можно ожидать его пробуждения. Поэтому, едва городские куранты пробили одиннадцать, я стоял перед его дверью с сумкой в руках, в которой был мой ужин, огромная фляга с вином, пара свечей и книга. Лунный свет в тот раз был необычайно ярок и заливал всю округу. Но от горизонта уже ползли черные гигантские тучи, и вскоре почти дневной свет, который давала луна, сменился плотнейшим мраком. Я вошел в дом, решив не будить Джакоба, который лежал на кровати все с тем же бледным лицом. Он лежал неподвижно, и с него градом катился пот. Я попытался представить, что же за видения проносятся перед этими закрытыми глазами, которые приносят с собой только горе и страдания, отраженные на лице Джакоба. У меня ничего не получилось, воображение изменило мне, и я стал ждать пробуждения друга. Оно пришло внезапно, поразив меня своими признаками. Джакоб со страдальческим стоном резко приподнялся на кровати и тут же бессильно упал назад. Губы, побелевшие, словно мел, что-то беззвучно шептали, в глазах стоял неприкрытый ужас.

— Если таковы сны, — пробормотал я вполголоса, — значит, они основаны на страшной реальности. О каком прошлом он говорил?..

В ту минуту он увидел и узнал меня. Меня удивило, что он воспринял мое появление как должное. Обычно только что проснувшиеся люди еще витают в грезах сновидений и не сразу различают реальность. Он издал радостный вскрик и пожал мне руку своими влажными дрожащими руками. Этот наивно-искренний, почти детский жест, тронул меня. Я принял попытки успокоить его:

— Будет, будет. Все хорошо. Я пришел, чтобы провести ночь вместе с вами, и, уверен, сообща мы победим ваш злой сон.

Он выпустил мою руку неожиданно и резко, откинулся на подушки и закрыл себе лицо руками.

— Победим? Злой сон?! О, нет! Нет, сэр, нет! Человеку не под силу справиться с этим кошмаром, ибо он идет от господ! Он является и весь выгорает вот здесь! — С этими словами он несколько раз ударил себя ладонью по лбу. Затем он продолжал: — Это все тот же сон! Тот же самый! С каждым разом он становится все страшней!

— Что это за сон все-таки? — спросил я, рассчитывая на то, что рассказ принесет моему другу облегчение. Но он резко отпрянул от меня и после долгой паузы сказал:

— Нет, лучше не говорить о нем! Может, он больше не будет меня мучить... Было ясно, что у него есть, что скрывать от меня. Что-то помимо самого сна... Я сказал:

— Хорошо. Надеюсь, вы видели ваш кошмар в последний раз. Но если вдруг он явится вновь, вы мне все расскажете? Ведь расскажете? Я прошу не из любопытства, но потому, что думаю, что это принесет вам облегчение.

Он ответил мне, как показалось, даже торжественно:

— Если он явится снова, я все расскажу вам.

Затем я попытался отвлечь его внимание от этого страшного сна на более мирные предметы. Я достал ужин и пригласил его разделить со мной еду, включая и содержимое фляги. ПИЩА взбудрила его. Я предложил ему сигару, и мы целый час пускали в потолок клубы дыма, беседуя на отвлеченные темы. Мало-помалу его разморило и стало клонить в сон. Он понял это и сказал мне, что теперь чувствует себя прекрасно и я могу идти к себе домой. Но я возразил на это, — уж не знаю теперь: правильно или нет, — сказав, что хочу посмотреть на восход солнца. Я зажег свечу и к тому времени, как он заснул, уже погрузился в чтение.

Книга захватила меня, но человек есть человек, и я... едва успел подхватить ее, когда она стала выскальзывать из моих рук. Это пробудило меня от дремы. Я посмотрел на Джакоба — он спал. Я с удовольствием отметил, что выражение лица его было безмятежное, если не счастливое, губы едва шевелились, произнося какие-то невнятные слова. Я снова вернулся к книге и снова стал дремать, как вдруг был приведен в чувство голосом, раздававшимся со стороны кровати Джакоба:

— Нельзя с окровавленными руками!!! Никогда! Никогда!

Посмотрев на него, я убедился в том, что он не просыпался. Однако не минуло и минуты, как пришло пробуждение. Он не выразил удивления, увидев меня. Как и в прошлый раз, мне показалось, что при выходе из спящего состояния им овладевает сильная апатия ко всему его окружающему. Я сказал:

— Сэттл. Расскажите же мне ваш сон. Вы можете ничего не опасаться и говорить совершенно свободно, так как я сохраняю конфиденциальность нашего разговора. Пока мы оба живы, я ни словом не упомяну при посторонних обо всем, что вы мне пожелаете доверить.

Он ответил:

— Я сделаю, как обещал. Но прежде вам нужно узнать кое-что помимо сна. Так вам будет легче понять сон. В молодости я был школьным учителем. Это была церковно-приходская школа в небольшом городке в западной части страны. Не

буду называть имен: к чему это? Я был помолвлен с одной девушкой. Я ее не просто любил... Боготворил! Ну это старая история. И вот, пока мы ждали часа, чтобы соединить наши оба дома в один, появился другой... Он был примерно одних со мной лет. Красив. Джентльмен. Одним словом, обладал всеми качествами, которые притягивают девушек среднего сословия. Моя невеста познакомилась с ним, когда я был на работе в школе. Я часто говорил с ней о нем, умолял бросить его. Я предлагал пожениться как можно скорее, уехать и начинать жизнь в другой стране. Но она не слушала меня, что бы я ни говорил ей! Для меня стало очевидно, что она увлечена им сверх меры. И тогда я решил познакомиться с ним сам и уговорить его обращаться с девушкой великодушно. Я думал, что у него к ней серьезные намерения. Я пришел туда, где его можно было застать, и мы познакомились!

На этом месте своего рассказа Джакоб Сэттл был вынужден прерваться, так как видно было, что у него поднялся ком к горлу, дыхание участилось, стало прерывистым. Немного успокоившись, он продолжал:

— Сэр, бог свидетель, в тот день я не думал о себе! Я любил мою Мэйбл! И я уже смирился с тем, что она любит его! Я уже смирился и желал ей только счастья! Но этот человек вел себя со мной нагло, оскорбительно! Вам, сэр, как джентльмену, вероятно, не понять, каково это — терпеть оскорбительное отношение к себе со стороны человека, который занимает более высокое положение в обществе. Но я снес это. Я умолял его относиться к девушке бережно, так как понимал, что то, что может быть для него часом развлечения, ей сломает всю жизнь. Ее разбитое сердце пугало меня больше всего, ничего другого я не боялся! Но когда я спросил его о времени его женитьбы на ней, он так расхохотался, что я потерял всю свою вежливость и терпение и заявил, что я не намерен стоять в стороне и смотреть на то, как ее делают несчастной. Он пришел в бешенство при моих словах и стал оскорблять бедную девушку. И тогда я поклялся, что... он больше не принесет ей вреда... Бог знает, как это все произошло дальше!... Очень трудно потом вспоминать те минуты и... вряд ли кому дано четко зафиксировать тот момент, когда прозвучало последнее слово и последовал удар... Одним словом, когда я пришел в себя, он был уже мертв и его бездыханное тело лежало у моих ног. Руки у меня были обрызганы кровью, которая была из его растерзанного горла. Мы были одни, да к тому же он был пришлым, и никто из его близких не наводил никаких справок. Одним словом, убийство сошло мне с рук. Его кости, может быть, и до

сих пор белеют на дне реки, куда я сбросил его тело. Никто никогда не интересовался его исчезновением. Никто, кроме моей бедной Мэйбл. Но она не смела никому рассказывать. Оказалось, все было напрасно! Вскоре после случившегося я уехал на несколько месяцев, так как мне невыносимо было там оставаться! А когда вернулся, то узнал, что бесчестье ее открылось и, не вынеся его тяжести, Мэйбл умерла. Мне долго не давала покоя мысль о том, что не соверши я своего злого дела — и она была бы жива! Но теперь, когда я узнал, что это убийство было бесполезно, так как он опозорил ее еще раньше, оно легло на меня еще большим бременем! Ах, сэр! Вы, человек, который не совершал ничего подобного в жизни, не можете себе представить, как тяжело нести такой грех в душе! Вы, наверно, думаете, что я привык уже к этой ноше. Ничего подобного! Этот грех с каждой минутой все растет и растет! А вместе с этим растет и осознание того, что тебе навсегда закрыт путь на Небо! От вас это так далеко, что вы даже не можете это понять, и я молю бога, чтобы никогда не оказались в моем положении. Обычно люди не задумываются об этих вещах, потому что у них нет серьезных грехов за душой. Небо для них — всего лишь слово. Они рады бесконечно ждать и пустить ход событий их жизни на самотек. Но вы не можете даже представить себе всю величину страстного желания других увидеть врата Неба и присоединиться к тем, кто в белых одеждах переступает их порог! Под «другими» я имею в виду тех, кто обречен вечно остаться за этим порогом! Тех, для кого врата Неба будут вечно закрыты! И все это воплотилось в моем сне. Передо мной — главный вход небесных врат. Два столба, от которых в разные стороны отходят стены из закаленной стали. А сами они настолько высоки, что попирают облака. Между ними проем очень мал: мне виден только отблеск хрустального грота, что открывается по ту сторону ворот. Сверкают прозрачные стены грота, и у них — люди в белых одеждах. Они прошли через врата Неба — и их лица светятся улыбками радости! Я стою у самых ворот, мое сердце восторженно бьется, дух захватывает от нетерпения дожидаться своей очереди и от страстного желания пройти!.. В воротах два ангела с раскинутыми крыльями... О, боже, как суровы выражения их лиц! У каждого из них в одной руке по огненному мечу, в другой — ключи от врат Неба. Рядом стоят фигуры во всем черном, одежды покрывают их почти полностью — видны только глаза. Каждому жаждущему пройти через ворота они подают белые одежды. Совсем такие, в которые одеты ангелы! В воздухе носится тихий шепот, словно шелест листвы, кото-

рый говорит, что люди должны быть одеты в свою одежду и чтобы она была чиста. В противном случае ангелы не пропустят их в ворота, но поразят огненными мечами! Я набрасываю на себя свою одежду и выхожу вперед, ко входу... Но... Ангелы прячут за спинами ключи от врат Неба! Они сурово смотрят на мою одежду! Я сам опускаю на нее взгляд... Боже! Все мое платье запачкано кровью!!! С моих рук кровь стекает совсем также, как она стекала там, на берегу реки!.. В воздухе сверкают огненные мечи, все готово для того, чтобы низвергнуть меня, мой ужас безграничен!.. Тут я просыпаюсь. Этот страшный сон приходит ко мне снова и снова! В нем нет ужаса зла, в нем благородный гнев. Я знаю! Этот сон навещает меня не из тьмы, где живут все сновидения. Он послан мне Господом как наказание! Никогда, никогда не суждено мне пройти в ворота! Потому что и белые ангельские одеяния покроются мерзкими пятнами, едва до них дотронутся мои окровавленные руки!

Я внимательно слушал все, что рассказывал Джакоб Сэттл, но, признаюсь, временами с трудом понимал сказанное. В его голосе было столько потустороннего, грезящего; в его глазах было столько мистического, — порой мне казалось, что он смотрит сквозь меня, как сквозь пустое место, — в самой его манере произносить слова было столько величественного и так это все контрастировало с его поношенной рабочей одеждой и убогой обстановкой комнаты, что я уж даже подумал: «А не сон ли все это?..»

Мы довольно долго сидели молча. Я смотрел на этого человека со все возрастающим изумлением. Теперь его исповедь была сделана, его дух, казалось, навечно низвергнувшийся, воспрял вновь, словно молодой стройный стебель. Я должен был бы ужаснуться его рассказом и им самим после него, но, странно, этого не произошло! Конечно, мало приятного оказаться в роли доверительного лица убийцы, но бедняга пошел на свое кровавое дело, будучи спровоцирован и с такими самоотверженными целями, что я считал себя не вправе осуждать его в чем-либо. Я должен был успокоить его и поэтому заговорил с максимальным спокойствием, на которое был способен, несмотря на то, что сердце мое сжималось под тяжестью услышанного:

— Вам не следует отчаиваться, Джакоб Сэттл. Господь милосерден, и его добрая воля безгранична. Живите и работайте с надеждой, что наступит день, когда вы ощутите, что грех прошлого искупили. — Здесь я сделал паузу, поскольку увидел, как его сморил сон. Обыкновенный сон. — Что ж,

спите, — сказал я. — Я буду возле вас, и дурные сны на сей раз обойдут вас стороной.

Он сделал усилие над собой, чтобы не заснуть сразу и ответил:

— Не знаю, как и благодарить вас за вашу доброту сегодня. Но, я думаю, вам будет лучше возвратиться сейчас домой. Я постараюсь уснуть спокойно. У меня такая гора с души свалилась, как только я вам все рассказал!.. Если во мне еще осталось что-нибудь от мужчины, то я должен попытаться бороться за жизнь самостоятельно.

— Я ухажу, раз вам этого хочется, — ответил я. — Но послушайтесь моего совета и выходите в люди из своей берлоги. Живите среди людей! Делите с ними все их радости и печали и это поможет вам забыть наконец вашу собственную беду. Одиночество превратит вас в меланхолика или того хуже — в сумасшедшего.

— Я все сделаю. — сказал он, находясь уже в полузабытии, ибо сон уже прочно овладел им.

Я повернулся, чтобы идти, и он, с трудом разлепив веки, посмотрел мне вслед. Я уже взялся было за ручку двери, но быстро вернулся к нему и протянул свою руку. Он пожал ее крепко двумя своими, присев на кровати. Я пожелал ему доброй ночи самым веселым тоном, на который был способен в тот вечер.

— Мужайтесь, мужайтесь! В мире людей у вас найдется много работы, Джакоб Сэтл! Вы еще наденете белые одежды и непременно пройдете в те ворота!

Я ушел.

Через неделю я обнаружил его дом пустующим. На мои расспросы по его месту работы мне ответили, что он «уехал куда-то на север». Никто не мог сказать точно куда именно.

С того времени прошло два года. Я гостил в Глазго у своего друга доктора Монро. Это был очень занятой человек и при всем желании он не мог уделить мне много времени для того, чтобы показать город. Поэтому я проводил дни в самостоятельных экскурсиях: в Троссакс, на озеро Екатерины, вниз по течению Клайда. В предпоследний вечер моего пребывания в городе я вернулся домой позднее обычного, но обнаружил, что мой хозяин тоже опаздывает. Служанка сказала мне, что его вызвали в госпиталь — несчастный случай на газовом заводе. Ужин был отсрочен ровно на час. Я сказал служанке, что пойду навстречу хозяину и к ужину мы придем вместе. Я направился в госпиталь. Я как раз застал его моющим руки в операционной перед уходом домой. Мне захотелось узнать,

что это был за случай, с которым ему пришлось иметь дело на сей раз.

— О, обычная вещь! Прогнивший трос — и жизни людей уже не стоят ни гроша! Двое рабочих чинили газометр, как вдруг трос, что поддерживал леса, на которых они стояли, оборвался! Время было к ужину, и никто их первое время не искал. В газометре около семи футов воды, так что весь ужин бедняги отчаянно боролись за жизнь. В живых остался только один. Ну и потрудились же мы, доставая его! Похоже он был обязан своей жизнью своему приятелю. Мне не приходилось еще встречаться с таким героизмом! Они держались на поверхности воды, покуда хватало сил. Но в конце концов они так изнемогли, что их не могли поддержать уже ни свет фонарей сверху, ни рабочие, обвязанные веревками и спускавшиеся им на помощь. Тогда один из них встал на дно — вода покрыла его с головой — и дал своему товарищу взобраться к нему на плечи. Вот эти несколько глотков воздуха и решили, кто остался жить, а кто погиб. Когда их вытащили, у них был ужасный вид! Вода ведь от времени перемешалась с газOLIном и дегтем и стала яркокрасного цвета! Тот, что был наверху, на плечах товарища, оказался, словно кровью весь вымазанным! Ужасно!

— А другой?

— О, тот еще хуже! Но это, скажу я вам, редкий человек! Эта борьба за жизнь под водой, без капли воздуха!.. Ужасно, должно быть. Хотя бы по тому сужу, что у него из конечностей в воде хлестала кровь! Смахивает на кровотечения статуи святых и Христа на местах стигматов! Вывод невероятен, но, кто знает?.. Образно выражаясь, бедняге открыты врата Рая! Посмотрите на него; конечно, это не очень приятная приправа к ужину, но вы ведь писатель, вам должно быть интересно. Поверьте мне, это воистину что-то такое, чего бы вам не хотелось упустить. При всем разнообразии человеческой природы, я уверен, вам такого раньше видеть не доводилось! — Говоря это, он отвел меня в мертвецкую госпитали.

На столе лежал человек, обернутый белой простыней.

— Слово куколка, не правда ли? Если бы в каком-нибудь древнем мифе души людей уподоблялись бабочкам, то я бы сказал, что эта куколка была одной из самых красивых, собравшей весь солнечный свет на своих крылышках! Смотрите! — С этими словами доктор открыл умершему лицо. Оно было страшно искажено предсмертной судорогой и покрыто кровью, но я узнал сразу же! Джакоб Сэттл!

Доктор откинул простыню и дальше, обнажив тело умер-

шего. Руки были сложены на груди. Едва я посмотрел на них, как мое сердце вздрогнуло! В ту минуту я вспомнил ужасный сон, преследовавший бедного Джакоба! Теперь на руках не было ни кровинки. Эти руки мужественного человека были белы, как снег!

Я понял, глядя на них, что злой сон больше не властен над беднягой. Эта возвышенная душа наконец пробила себе путь в ворота Неба! Белые одежды теперь не будут запачканы от рук, коснувшихся их.

КРУКЕНСКИЕ ПЕСКИ

Мистер Артур Фэнли Мэкам, уроженец лондонского Ист-Энда, выросший впоследствии в преуспевающего торговца, собрался провести летний отдых в Шотландии, для чего он снял имение близ городка Мэйнс-Крукен, известное в округе как Красный Дом. Перед отъездом он посчитал необходимым заказать полный наряд вождя шотландских горцев. Совсем такой же, как на многочисленных хромофотографиях или на сценах мюзик-холлов. Как-то ему довелось посетить «Империю Великого Принца». Давали «МакСлогана из Слогана». Зрителям понравился весь спектакль, но главные аплодисменты были сорваны на шотландской песенке: «Нам глотку заткнет только хэггиса¹ кусок!» С тех времен он живо сохранил в памяти правдивый образ шотландского горца. Обилие красок! Воинственность!

Почему мистер Мэкам выбрал именно Эбердиншир? Да просто потому, что на его фоне изображение эксцентричного лондонца наиболее ярко рисовало себе многокрасочную фигуру МакСлогана из Слогана. Конечно, при своем выборе он также руководствовался реальным положением вещей, в частности, внешней красотой места своего будущего отдыха. И вот он окончательно остановился на Крукенской бухте. Поистине это было райское местечко! Находится между Эбердином и Питерхэдом. Очаровательный каменистый мыс, скалы, длинные ряды опасных рифов, прозванных в народе Шпорами, Северное море... Между мысом и Мэйнс-Крукеном — городок,

¹ haggis (шотл.) — телячий рубец с потрохами и приправой.

защищенный с севера от штормов высокими скалами и утесами, — лежит глубокая бухта, заросшая по берегам густыми дюнами, в которых тысячами шныряют кролики. Здесь же небольшой каменный мыс, невысокие скалы из красного сиенита.

Закаты и восходы в этой бухте — великолепнейшее зрелище! Берега низки и образуют песчаные пляжи, прилив разливается на большие площади, а когда сходит, то оставляет в напоминание о себе ровную гладь тяжелого, жесткого песка, на которой тут и там виднеются развешанные на стойках сети местных рыбаков. Здесь ловят семгу. Немного в стороне — группа невысоких скал и утесов, которые во время прилива обычно едва возвышаются над поверхностью воды. Кроме тех случаев, когда плохая погода, — тогда даже не очень высокие волны захлестывают их. Порой же, при малом приливе эти скалы обнажаются полностью. Расстояние между ними небольшое, футов пятьдесят, и устлано легким песком. Опасное место для прогулок по берегу бухты. Особенно во время прилива. Песок становится зыбучим. Он совсем не похож на тот, на котором рыбаки развешивают сети.

Сразу же за дюнами возвышается холм, и там, между Шпорами слева и Крукенским портом справа, стоит Красный Дом. С трех сторон его обступают мощные пихты, и только вид на море остается открытым. Аккуратный, но старомодный сад тянется вдоль дороги, спускающейся по склону холма. Дорогу пересекает заросшая травой тропинка, достаточно широкая, однако, для того, чтобы ехать по ней в легкой коляске. Она ведет к берегу через песчаные барханы, нанесенные сюда ветром и штормами.

Семья Мэкам на пути сюда перенесла тридцатичасовую морскую болезнь на борту эбердинского парохода «Бэн Рай», отплывшего из Блэкволла, последующий переезд в Йеллон на поезде и наконец десяток миль по плохой дороге в тряске экипажа. Но когда Мэкамы добрались-таки до места назначения, они не могли не признать, что раньше видеть им такое восхитительное местечко не приходилось.

Общее удовольствие усугублялось еще и тем, что никто в семье и не надеялся найти что-нибудь приятное для себя в шотландских пределах. Несмотря на то, что семья была многочисленна, успехи в торговых сделках отца позволяли ей жить в роскоши. В частности, каждый член семьи мог похвастаться отменным гардеробом. Частота, с которой дочери Мэкама меняли свои платья, была предметом радости с их сторо-

ны, во-первых, и предметом лютой зависти со стороны знакомых семьи, во-вторых.

Артур Фэнли Мэкам не ставил свою семью в известность о своей задумке приобрести новый костюм. Он не был уверен, что первое время будет избавлен от насмешек или по крайней мере от саркастических ухмылок, а поскольку он был очень чувствителен к этим вопросам, то и решил дожидаться благоприятного случая и обстановки, чтобы, облачившись во всю эту красоту, поразить всех сразу и наповал. Он приложил немало трудов, чтобы выяснить все детали, касающиеся одеяния шотландского горца. Для этого он нанес не один визит в «Торговый салон. Одежда. Шотландки чистошерстяные.» — предприятие, недавно учрежденное в Копт-холл-Корте господами МакКаллумом Мором и Родериком МакДу. Мэкам имел несколько волнительных и долгожданных консультаций с главой фирмы МакКаллумом. Сам он предпочитал называть себя просто по фамилии, с негодованием отвергая всякие приставки, типа: «мистер» или «эсквайр». Критическому и детальному обсуждению подвергнулись пряжки, пуговицы, пояса, броши и украшения всех видов и всех оттенков. И наконец, когда господин Мэкам самолично выбрал себе на шляпу огромных размеров орлиное перо, можно было считать, что костюм составлен окончательно. Он окинул его придиричвым взглядом, особенно любясь многокрасочностью и брошками из дымчатого топаза, и после этого заявил, что полностью удовлетворен. Вначале он хотел выбрать для себя костюм типа «Ройял Стюарт», но его отговорил МакКаллум. Он сказал, что если господину Мэкаму доведется случайно посетить в этом костюме окрестности Балморала, то могут возникнуть осложнения. МакКаллум стал предлагать другие типы, но раз уж заговорили об «осложнениях», господин Мэкам всерьез подумал о том, что случится, если он окажется вдруг на отдыхе в месте проживания как раз того шотландского клана, цвета которого он узурпировал для костюма... Под конец МакКаллум обязался пошить такой костюм, который не походил бы в точности ни на один из реально существующих в шотландских кланах, но имел бы достоинства многих из них. Он был задуман на основе «Ройял Стюарт», но упрощен по пути традиций кланов Макалестера и Огилви, нейтрален в красках, как у кланов Буханана, Макбета, Чиф-Макинтоша и Маклойда.

Когда пошитое платье было представлено взорам Мэкама, он поначалу немного испугался: а не сочтут ли его семейные насмешники вычурным и цветастым? Но Родерик МакДу заверил его, что он просто в экстазе от его нового наряда, и после

этого Мэкам подавил в зародыше все свои возражения. Он думал — и думал справедливо, — что если такой истый шотландец, каким был Родерик МакДу, восхищается его костюмом — значит, он заслуживает того. Оценка МакДу была важна еще и тем, что он сам любил приодеться и знал в этом толк.

Получая от клиента чек на весьма кругленькую сумму, МакКаллум заметил:

— Я работал с тем расчетом, чтобы остался еще материал. Так что если вы или кто-нибудь из ваших друзей пожелаете...

Мэкам был признателен и сказал в ответ, что очень надеется на этот костюм, который они в кропотливых трудах создавали вместе, и думает, что в скором времени клетчатая шотландка станет его любимым материалом и он всегда будет заказывать из него одежду у МакКаллума и МакДу.

Однажды на работе, когда все служащие разошлись уже по домам, Мэкам впервые примерил костюм. Показавшись в зеркале, он не смог удержать довольной улыбки, хотя одновременно и немного испугался. МакКаллум работал на совесть и ничего не пропустил из того, что можно было бы добавить к bravому и воинственному облику горца.

— Конечно, в обычных случаях я не буду носить палаш и пистолеты, — сказал Мэкам своему отражению в зеркале и стал переодеваться обратно в свое обычное одеяние.

Он дал себе слово, что наденет новое платье, как только пересечет границу Шотландии. И вот, согласно данному самому себе обещанию, едва только «Бэн Рай» отвалил от маяка Гэдл-Несс, где он дожидался прилива, чтобы спокойно войти в эбердинский порт, Мэкам появился из своей каюты во всем разноцветном величии нового костюма. Первый отзыв он услышал от одного из своих сыновей, который даже не узнал его в первую минуту:

— Вот это парень! Большой шотландец! Хозяин!!! — С этими словами мальчик бросился стремглав в салон, где, зарывшись в подушки, раскиданные на диване, дал волю своему смеху.

Мэкам был прирожденным мореплавателем и несколько не страдал от качки, поэтому его от природы румяное лицо стало еще румяней — краска так и играла на щеках, — когда он понял, что на него обращены все взгляды. Правда, он корил себя за то, что слишком браво захлестнул шотландскую шапочку на бок. Холодный ветер немилосердно трепал его наполовину открытую голову. Несмотря на это неудобство, он со смелым взглядом встретил гуляющих по палубе пассажиров.

Он даже внешне не оскорбился, когда некоторые из реплик стали долетать до его ушей.

— Эта краснорожая башка что-то вяжется с одеянием, — проговорил лондонец, кутаясь от ветра в огромный плед.

— Какой дурак! Боже, какой же он дурак! — шептал долговязый и худой янки, смертельно бледный от качки. Он по делам направлялся в Балморал.

— Давайте-ка выпьем по этому случаю! — предложил веселый студент из Оксфорда, плывущий на каникулы домой в Инвернесс.

Тут господин Мэкам услышал голос своей старшей дочери:

— Где он? Да где же он?!

Она бегала по всей палубе, и ленточки ее шляпки трепались ветром в разные стороны за ее спиной. На ее лице было написано крайнее возбуждение: только что она узнала от матери, в каком виде появился сегодня отец. Наконец она увидела его, и не успел он как следует повернуться, чтобы показать ей все достоинства костюма, как она зашлась в диком смехе, который через минуту уже напоминал истерику. Примерно так же отреагировали на новый отцовский костюм и остальные дети. Когда Мэкам выслушал издевательские излияния последнего из них, он спустился к себе в каюту и просил служанку жены передать всем членам семьи, что он желает их видеть, и немедленно. Через несколько минут они явились, подавляя свои чувства, кто как умел. Отец дождался, пока все усядутся, и очень спокойно заговорил:

— Дорогие мои! Обеспечил ли я вас всем, что вы ни пожелаете?

— Да, отец! — хором ответили дети. — Никто бы не смог проявить подобные щедрости!

— Позволил ли я вам одеваться так, как вам нравится?

— Да, отец, — робко ответили они.

— В таком случае, мои дорогие, не думаете ли вы, что с вашей стороны лучше было бы терпимее и с большей добротой относиться ко мне? Пусть даже я допускаю в своей одежде что-то, что вызывает у вас смех, но что, кстати, в порядке вещей в той стране, где мы собираемся провести отдых!

Ответом было молчание. Дети, все как один, потупились. Мэкам был хорошим отцом, и они знали это. Он удовлетворился достигнутым и закончил:

— А теперь бегите наверх и развлекайтесь, как вам захочется! Больше мы не вернемся к этой теме.

После этого разговора он снова вышел на палубу и смело

стоял под градом насмешек, из которых, впрочем, ни одна не достигла его слуха.

Изумление и восторг, вызванные костюмом Мэкама на борту «Бэн Рай», превратились в бледные тени в сравнении с изумлением и восторгами в самом Эбердине. Дети, женщины с грудными младенцами и просто зеваки, слонявшиеся по пристани, все дружно стали сопровождать семью Мэкама по их дороге к железнодорожной станции. Даже носильщики с их старомодными бантами и новейших конструкций тележками, поджидавшие клиентов, бросили все и, не скрывая своих чувств, присоединились к общей процессии. К счастью питэрхэдский поезд был уже готов к отправлению и мучения жены и дочерей Мэкама продолжались недолго.

От Йеллона, куда прибыл состав, до места назначения было еще около десятка миль, и Мэкамы взяли экипаж. Слава богу, в нем костюм главы семьи был скрыт от любопытных глаз, и те немногие, что были на станции Йеллона, не получили удовольствия, которое обещало им одеяние англичанина. Когда же экипаж проезжал по Мэйнс-Крукен, местные рыбаки вышли посмотреть, кто это едет. Вот тут общее возбуждение перешло все границы! Дети, все как один, повинуясь единому импульсу веселья, размахивая над головами панамками и во всю крича, бегом преследовали экипаж. Не отставали и рыбацки, прижимая к груди маленьких. Даже мужчины отложили ремонт сетей и насаживание наживок.

Лошади устали, ведь им пришлось бежать сначала в Йеллон на станцию, а теперь — обратно. Кроме того экипаж поднимался по довольно крутому холму. Так что любопытствующие могли не только без труда сопровождать медленно катящийся экипаж, но и даже обгонять его.

Миссис Мэкам и ее дочери очень хотели бы выразить свой протест или хотя бы сделать что-нибудь, что бы уменьшило их печаль по поводу широких улыбок и вульгарного смеха, окружавшего их экипаж всю дорогу. Но на лице «горца» было выражение такой непреклонности, что они молчали.

Орлиное перо, возвышавшееся над плешивой головой... Брошь из дымчатого топаза, приколотая к мясистому плечу... Палаш, кинжал и пистолеты, болтавшиеся на поясе или вылезавшие рукоятками из кожаных гольфов... Все это должно было придавать обладателю костюма неприступный и воинственный вид.

У ворот Красного Дома, к которому, наконец, подъехала карета, ее ожидала целая толпа крукенских обитателей. Шапки были сняты и все немного склонилось в уважительном привет-

ствии. Некоторые, желая насладиться зрелищем во всей его полноте, сдирая кожу на ладонях, карабкались вверх по склону холма. В общей тишине вдруг раздался грубоватый голос:

— Ба! Да ему только волюнки не хватает!

Слуги прибыли на место на несколько дней раньше хозяев, и поэтому к приезду последних все в доме было готово. Великолепный обед заставил позабыть обо всех тяготах, связанных с путешествием и привыканием к необычному костюму.

В тот же день Мэкам, все еще при полном параде, вышел на прогулку по Мэйнс-Крукен. Он шагал в одиночестве, так как по странному стечению обстоятельств его жена и обе дочери мучились головной болью и, как ему сказали, лежали в своих спальнях, приходя в себя после трудного переезда. Старший сын, красивый юноша, еще раньше ушел из дому на разведку окрестностей. Так что его было не дозваться. Второй сын, едва узнав от слуги о том, что отец вызывает его с ним на прогулку, умудрился — случайно, конечно, — упасть в бочку с водой и теперь сушился. Ему нужна была новая одежда, а она была еще не распакована. На распаковку требовалось время, и поэтому о прогулке не могло быть и речи.

Мистер Мэкам остался несколько не удовлетворенным прогулкой. Он никак не мог встретить никого из своих новых соседей. И это вместе с тем, что все окрестные дома, казалось, были полны народа. Да, он замечал людей. Но либо они передвигались в полумраке своих домов, либо возникали на той же дороге, по которой он шел, но только на приличном расстоянии.

Шагая по дороге, он, скосив взгляд по сторонам, то и дело ловил встречные взоры из окон или из-за приотворенных дверей. Только один-единственный разговор удалось ему провести за время этой прогулки, да и то его никак нельзя было назвать приятным. Это был довольно странного вида старик, от которого никто и никогда не слышал и одного произнесенного слова, кроме молитв в церкви. Работой его было сидеть у окна почтового отделения с восьми утра в ожидании корреспонденции, которая обычно поступала к часу дня. Тогда он брал сумку с письмами и относил их в замок одного барона, стоявший по соседству. Остальную часть дня он обычно проводил, сидя в самом неприглядном уголке побережья, там, куда выбрасывают рыбу требуху и остатки от наживок и где по вечерам пьянствуют местные молодцы.

Заметив Мэкама, Сафт Тамми, так звали старика, вскинул перед собой руки, словно ему в глаза, обычно неподвижно остановленные на несколько футов перед собой, брызнуло солн-

це. Одну руку он оставил у лица, наподобие козырька, а другую вознес над головой. Поза у него была такая, словно он собрался обличать Мэкама во всех смертных грехах. Хриплым голосом, на шотландском диалекте, он стал выкрикивать оставившемуся Мэкаму:

— Суета, сует, говорит святой причетник! Все в этом мире суета и тщеславие! Человек! Да будь предостережен! Узрите эти лилии, эти краски! Он не работал тяжело и не ткал их, но даже Соломон во времена своей высшей славы не был так наряжен! Человек! Человек! Твое тщеславие — зыбучий песок, который пожирает все, что ни попадется к нему в лапы! Остерегайся тщеславия! Остерегайся зыбучего песка, что ждет тебя! Он пожрет тебя! Посмотри на себя! Узи свое тщеславие! Да встретиться тебе с самим собой и да узнать всю пагубную силу тщеславия! Да познать тебе ее и да раскаться! А песку — да пожрать тебя!

Разговор этот происходил вечером, как раз на том месте, где проводил вторую половину дня старик. Сказав весь этот бред, он молча вернулся к своему стулу и утвердился на нем неподвижно. Лицо его изгладилось и на нем уже нельзя было прочесть ни одного оттенка чувства.

Мэкама эта тирада сбила с толку. С одной стороны, правда, она была произнесена по внешнему виду сумасшедшим. С другой стороны, он склонен был отнести все это к разновидности шотландского юмора и наглости. И все же он не смог просто так забыть это послание — а выглядело оно именно как послание — из-за серьезности его содержания. Он не стал смеяться про себя над всем этим. Думая уже о другом, он вдруг отметил про себя, что не видел еще на местных жителях ни одной шотландской юбки.

— А костюм я носить буду! — сказал он вслух твердо и повернул к дому. Вернувшись — дорога отняла у него полтора часа, — он обнаружил, что, несмотря на головную боль, все члены его семьи отсутствовали на прогулке. Воспользовавшись тем, что ему некому помешать, он заперся в гардеробной, стянул с себя неудобное одеяние горца, надел домашний фланелевый костюм, зажег сигару и погрузился в легкую дремоту. Он был разбужен шумом, который подняли в доме возвратившиеся с прогулки дети. Мгновенно напав на себя юбку и прочие регалии, он появился в гостиной, где был накрыт стол для чая.

Днем он больше не выходил из дому, но после ужина он вновь надел костюм горца — на ужине он был в своем обычном — и вышел на короткую прогулку по берегу. Он решил

сначала приноровиться к новому костюму вдали от людей, а потом, когда он станет для него как обычный — показываться при всех. Луна светила ярко, и он без труда спустился по тропинке, лавировавшей меж песчаных барханов, а через некоторое время уже вышел на берег. Был отлив, и обнажившийся пляж был тверд, как камень. Мэкам направился к южной стороне побережья бухты. Там он залюбовался двумя скалами, одиноко стоявшими неподалеку от зарослей дюн. Подойдя к ближайшей, он не удержался от желания взобраться на нее, благо она была невысока. Сидя на вершине, занесенной песком, он любовался вечерним морским пейзажем.

Луна, заслоненная отсюда холмом, только показалась, освещив далекий мыс Пеннифолд и вершину самой удаленной от бухты скалы Шпор — где-то около трех четвертей мили расстояния. Другие скалы были пока скрыты в тени. Прошло совсем немного времени, и луна, выкатившись высоко в небо, залила светом и скалы Шпор, и большую часть побережья.

Мэкаму некуда было спешить, и он с удовольствием наблюдал восхождение ночного светила и то, как под действием его света из тьмы выступают все новые участки пляжа. Он повернулся к морской глади и, поставив руку у лба наподобие козырька, стал обозревать окрестные дали, любуясь покоем, красотой и свободой шотландской природы. Шум, вечерний туманный мрак, раздоры и скука Лондона, казалось, исчезли из его жизни навсегда. В эти минуты он переживал духовный и физический подъем. Дух его раскрепостился, и им овладел возвышенный настрой. Он, не отрываясь, смотрел, на поблескивающую водную гладь, постепенно, ярд за ярдом, накапывавшуюся на пески пляжа — начался прилив. Его слух уловил далекий почти рассеявшийся в атмосфере крик.

— Рыбаки перекликаются, — сказал он вслух и огляделся по сторонам. В то же мгновение он вздрогнул, взгляда его остекленел. Несмотря на то, что тучи почти закрыли луну и на побережье и бухту опустилась тьма, он сумел увидеть... самого себя! Всего лишь несколько секунд, широко раскрытыми, неподвижными глазами он наблюдал на вершине соседней скалы плешивый затылок, лихо заломленную набок шотландскую шапочку с огромным орлиным пером, которое он так старательно подбирал в торговом салоне... Он инстинктивно подался назад, но ноги подскользнулись на гладком песке — и он стал медленно сползать в песчаную впадину между скалой, на которой стоял он, и той, на которой стояло... Он не обеспокоился тем, что может упасть, так как скала была низка и песчаное дно открывалось всего в нескольких футах внизу.

Его мысли были о двойнике, который к тому времени уже успел скрыться. Чтобы побыстрее достичь *terra firma*, он решил просто спрыгнуть вниз. Это решение отняло у него всего секунду, но мозг работает быстро, и поэтому, уже приготовившись к прыжку, он заметил, что песок, ровным полотном раскинувшийся под скалой, как-то подозрительно шевелится и перекачивается. Внезапный страх охватил его, ноги подкосились и вместо прыжка, он неуклюже сполз со скалы вниз, ободрав в кровь колени, незащищенные брюками. Юбка же некрасиво задралась. Едва коснувшись поверхности песка, его ноги плавно прошли сквозь него, как нож сквозь масло, и не прошло и десяти секунд, как он стоял в песке, погрузившись уже больше чем по колени. Продолжая медленно проваливаться, он с ужасом осознал, что это зыбучие пески. Он стал лихорадочно шарить руками по неровной поверхности скалы, отчаянно пытаясь отыскать что-нибудь, за что можно было бы ухватиться. На счастье, рука нащупала какой-то острый выступ и инстинктивно вцепилась в него. Он попытался подать голос, но в горле засел ком. Наконец, преодолев сопротивление парализованного в страхе организма, он дико вскрикнул. Через мгновение вскрикнул вновь, на этот раз уверенней и громче. Звук собственного голоса, казалось, придал ему сил, так как ему удалось продержаться за выступ в камне дольше, чем это ему самому казалось возможным. Слепое отчаяние правило им и его действиями. Вскоре, однако, он почувствовал, что, несмотря ни на какие усилия, хватка его слабеет. И в ту минуту — о, радость — на его крик раздался ответ. Кто-то грубовато по-шотландски крикнул:

— Слава Господу! Я вовремя!

Это был рыбак в высоченных, до бедер, сапогах. Он взобрался на скалу, с которой несколько минут назад скатился Мэкам, и в одну секунду оценил всю опасность ситуации.

— Держись, парень! Я иду! — ободряюще крикнул он и попытался спуститься пониже к Мэкаму, нащупывая твердый камень под ногами. Затем он нагнулся всем телом вниз и, одной рукой крепко держась за скалу, другой стал ловить кисть Мэкама. Ему это удалось и он крикнул опять: — Держись за меня, парень! Держись за мою лапу!

Он поднатужился и очень медленно, но уверенно стал вытаскивать погибающего из объятий прожорливого песка. Минута — и Мэкам, распластавшись, лежит на холодном камне. Не дав ему прийти в себя, рыбак стал тормошить его за плечи и поскорее стащил его со скалы на безопасный пляжный песок. Мэкам дрожал всем телом, все еще переживая весь ужас свер-

шившегося с ним. А его спаситель между тем говорил на непривычном для англичанина шотландском диалекте:

— Вот что, парень! Я поспел вовремя. Я побежал сразу, как ты только провалился. Вулли Бигри думал, что ты — привидение, а Том Макфейл клялся, что ты что-то вроде гоблина. «Нет! — сказал я им. — Это просто помешанный англичанин! Сбежал из паноптикума!» Я подумал: «И что это его понесло на зыбучий песок?» Мы видели с ребятами, как ты карабкался на эту скалу. Я крикнул, чтобы предупредить тебя, но и побежал на всякий случай. Слава Господу! Не знаю уж, полный ты дурачина или только помешанный из-за своего тщеславия, но я поспел вовремя! — С этими словами он почтительно снял перед спасенным шляпу.

Мистер Мэкам был очень тронут и полон благодарности за то, что его избавили от ужасной смерти, но упоминание о тщеславии — второе за сегодняшний день — затронуло его за живое. Он уже готовил гневный ответ, как вдруг страшное воспоминание пробило его. Те слова!.. Те слова, что наболтал ему на дороге старик-разносчик! «Да встретиться тебе с самим собой!.. Да раскаяться! А песку — да пожрать тебя!»

И он припомнил своего двойника, которого увидел на соседней скале. А потом — как провалился в зыбучий песок... Ужасная смерть... Он долго молчал и потом сказал:

— Дружище! Я обязан тебе жизнью!

— Нет! Нет! — ответил рыбак с почтением в голосе. — Ты обязан жизнью Господу. А что до меня, я был рад служить простым инструментом Его Благодати!

— Но ты позволишь мне отблагодарить тебя? — С этими словами Мэкам взял огромные руки своего спасителя в свои и крепко стиснул их. — Мое сердце все еще сильно колотится, да и нервам пока нет покою, так что я не могу сказать больше. Но поверь мне: я очень и очень признателен!

Совершенно очевидно, что рыбак был до крайности тронут этим, так как в глазах у него даже появились слезы.

Он сказал с грубоватой, но искренней почтительностью:

— О, сэр, вы благодарите меня и продолжайте в том же духе, если это на пользу вашему бедному сердцу. Но я вам так скажу: будь я на вашем месте — я бы тоже благодарил! Но, сэр, мне не нужны благодарности. Я рад и тем, что я есть.

То, что Артур Фэнли Мэкам был искренен в своих излияниях благодарности, проявилось позже. Прошла неделя, и в крукенский порт зашел рыболовный одномачтовик. Такого отличного судна никто и никогда еще не видел в гавани Питэрхэда. Посудина была вся забита парусами и горами такела-

жа, не говоря уж о рыбацких сетях всевозможного калибра. Не прошло и получаса, как нашли жену спасителя Мэкама и, не долго думая, подписали бумаги на вступление ее мужа во владение судном и всем его товаром.

А в то же самое время сам рыбак гулял с Мэкамом по берегу. Последний просил своего нового товарища и спасителя не упоминать нигде о случае, участниками которого поневоле они оказались оба. Мэкам обещал, что сам расскажет все семье и предупредит ее насчет опасного места на побережье. Он подробно расспрашивал рыбака об этих песках, чтобы больше не попасться самому и чтобы знали его домашние. Потом он как бы невзначай спросил, не видел ли рыбак на соседней скале случайно еще и второго человека, одетого так же, как Мэкам? В те самые минуты, когда сам Мэкам погибал в песке?

— Нет! Нет! — отвечал рыбак. — Другого такого дурака в наших местах не найдешь, я извиняюсь. Со времен Джимми Флимана. Он был шутком у одного помещика из Адни. Эй, парень! Такого языческого наряда, который ты носишь, не знали в наших местах несколько веков! И я думаю, что в этой одежде предки не сидели на холодных скалах, как это сделал ты. Послушай! А ты не боишься прихватить ревматизм или прострел? Мы с тобой вдоволь навалялись на холодных камнях! Я сразу понял, что ты немного ни в себе, как только увидел тебя в то первое утро в гавани...

Мэкам не стал спорить с человеком, который спас ему жизнь. Они подошли к Красному Дому, и хозяин пригласил рыбака на стаканчик виски. Тот не отказался, а после угощения распрощался.

Мэкам тщательно подготовился и рассказал семье об опасностях, которые их могут подстеречь вzybучих песках. Он даже признался, что и сам попал в небольшую передрыгу.

В ту ночь он не спал. Он слышал, как часы в гостинной бьют час за часом, но, несмотря на все усилия, заснуть не мог. Снова и снова перед его глазами возникал тот эпизод у зыбучих песков и Сафт Тамми, который нарушил свой обет молчания ради того, чтобы настращать Мэкама на дороге и предостеречь его. Не отступал вопрос: «Неужели я так одержим собственным тщеславием, что прослыл уже дураком?!» Ответ на этот вопрос звучал в его ушах хрипловатым вскриком полумного разносчика писем: «Суета сует!... Все в этом мире суета... Да встретиться тебе с самим собой... Да раскаяться! А песку — да пожрать тебя!»

Ему стало страшно, едва он только подумал о том, что

встреча с самим собой состоялась и теперь нужно ждать, пока песок все-таки пожрет его!..

К утру он задремал. Было очевидно, что в его голове продолжают носиться мысли о зыбучих песках. Окончательно он был разбужен женой, которая говорила:

— Неужели так трудно на отдыхе спать спокойно? Это все твой шотландский костюм! Можно по крайней мере не кричать во сне?

Мэкам раскрыв глаза, увидел свой дом, жену — и какое-то смутно-радостное чувство охватило его. Он чувствовал, словно с его плеч свалилась ужасная тяжесть, но не мог уяснить причину своих ощущений. Он стал расспрашивать жену о том, что он болтал во сне, и она отвечала:

— Ты говорил постоянно одно и то же, точно урок зубрил: «Только не с самим собой! Я видел у него орлиное перо на шапочке. Шапочка у него была на голове, а у меня в руках! Есть еще надежда! Только не с самим собой!» Вот что говорил, а теперь давай спать. Спать!

После разговора с женой он легко уснул, так как понял, что предсказание старика насчет встречи с самим собой осуществилось не вполне. Он не встретился с самим собой — между ним и его двойником были различия!

Он был разбужен служанкой, которая передала ему, что пришел рыбак и ждет его в дверях. Он одевался как мог быстро, но шотландский костюм был ему еще непривычен, и он провозился довольно долго. Бегом он спустился вниз, так как не хотел заставлять ждать своего спасителя. Каково же было его изумление и досада, когда он увидел вместо рыбака Сафта Тамми! Старик с ходу открыл огонь по хозяину Красного Дома:

— Мне нужно идти на мой пост, но я не пожалел часа повидать тебя. Я думал: «Неужели и сегодня он оденется таким же тщеславным олухом, как вчера? И это после прошедшей-то ночи!» И я теперь вижу, что тебе урок не пошел на пользу. Хорошо! Время приближается! Это я тебе говорю! Все утро я на работе и очень устаю, но все равно я приду посмотреть, как ты подыхаешь в песках! Ухожу! Работа не ждет!

Он развернулся и, не говоря больше ни слова, ушел из Красного Дома, оставив за спиной разгневанного Мэкама. Тот был сердит, кроме прочего еще и от хихиканья служанок, которые стояли под дверью и подслушивали весь разговор.

Вставая с постели, он решил уж было надеть обычный костюм, но визит старика Тамми заставил изменить решение. Он

покажет всем им, что не трус! И он опять наденет юбку и шляпу с орлиным пером — и будь что будет!

Он вышел к завтраку при полном параде и доспехах, не оставив в гардеробной даже палаша. Как только он появился в столовой, все дети, один за другим, опустили носы к самым тарелкам, и видно было, что они едва сдерживаются. Все же он не мог их ни в чем упрекнуть, так как никто не смеялся. Правда, Титьюс, самый младший в семье, подавился куском тоста и издал какой-то истеричный вскрик. Его тут же выгнали из-за стола. Все как будто было хорошо, но вот когда миссис Мэкам подавала мужу чашку с чаем, одна из пуговиц на его средневековых размеров рукаве зацепилась за шнурок на ее утреннем платье и в результате весь обжигающе-горячий напиток оказался на его голых коленях. Он не сдержался и с досады отпустил крепкое словечко. Уязвленная жена встала в позу и стала выговаривать:

— Послушай, Артур! Если тебе нравится делать из себя последнего идиота, то делай! Но непонятно, на что ты рассердился, ведь на тебе этот смехотворный наряд — что тебе еще ждать от него? Ты не привык к нему и ни-ког-да не привыкнешь!

Вотчет Мэкам заготовил пылкую речь, но едва он произнес с уничтожающей вежливостью: «Мадам...» — как его прервали. Начался крупный семейный разговор. Миссис Мэкам теперь ничто не могло удержать от того, чтобы высказать все, что она думает о шотландских горцах. Это была не очень вежливая тема, и освещалась она, сказать прямо, куда как не изысканно. Вообще трудно ожидать от жены корректности, когда ей вдруг взбредет в голову высказать своему мужу все то, что она считает «правдой». В результате миссис Мэкам, трясась от ярости, заявил, что пока он находится в Шотландии, он будет носить именно тот костюм, который она так ругает и оскорбляет. И все-таки последнее слово всегда в таких случаях остается за женщиной. Миссис Мэкам, демонстрируя свои слезы, проговорила:

— Очень хорошо, Артур! Конечно, тебе никто не мешает носить то, что ты захочешь! Тебе никто не мешает наслаждаться тем, как надо мной все смеются! Тебе никто не мешает лишить будущего наших дочерей! Кому же из молодых людей захочется, чтобы тесть у них был полным идиотом?! Но я должна предупредить тебя! Твое тщеславие рано или поздно приведет тебя к плохому концу! Если, конечно, раньше ты не окажешься в сумасшедшем доме!

Конечным результатом этого разговора стало то, что мис-

теру Мэкаму отныне нечего было надеяться на то, что жена или кто-нибудь из детей пожелают сопровождать его в его прогулках по окрестностям в светлое время дня. Дочери охотно гуляли с ним на заре или когда на землю опускались непроглядные сумерки. В лучшем случае в дождливую погоду, когда даже собаку хозяин на улицу не выгонит. На словах они обещали сопровождать отца в любое время, но всякий раз, когда доходило до дела, что-то непременно мешало им. Сыновей никогда нельзя было поймать, а что касается миссис Мэкам, то она прямо заявила мужу, что не выйдет с ним за порог, пока он не кончит валять дурака.

В воскресенье он надел свой обычный коричневый костюм, так как считал, что церковь — это не то место, где нужно доказывать всем, что он не трус. Но не успела его жена порадоваться этому событию, как наступил понедельник — и ее муж опять стал греметь по дому палашом. Много раз ему приходила в голову мысль бросить эту комедию с костюмом, но он был англичанином, а следовательно упрямым, как осел, и поэтому неизменно натягивал на себя клетчатую юбку.

Сафт Тамми повадился к Красному Дому каждое утро. Не имея возможности добиться встречи с хозяином или передать ему свое сообщение, он стал приходить сюда и днем, когда все письма были уже разнесены им по адресам, и подстерегал каждый выход мистера Мэкама. Когда ему удавалось зажать англичанина у ворот или где-нибудь на тропинке, он никогда не упускал этой возможности, чтобы еще раз предостеречь того от тщеславия. И причем в тех же самых словах, что он употребил при самой первой их встрече.

Неделя проходила в частичном одиночестве, постоянной печали и непрекращающихся размышлениях. Все это вкупе привело к тому, что мистер Мэкам почувствовал себя нездоровым. Он был слишком горд, чтобы поставить об этом в известность семью. К тому же они все над ним потихоньку смеялись. Он не спал ночами, а если и спал, то его донимали дурные сны.

Только для того, чтобы уверить себя в том, что происшедший с ним драматичный случай — чепуха, он взял себе в привычку по крайней мере раз в день посещать зыбучие пески. Последние дни он навещал их поздно вечером. Дело в том, что во сне ему всегда снилось, что он ходит к пескам именно ночью. Сны создавали столь живые образы, что порой, просыпаясь, он с трудом верил в то, что лежит в кровати, а не тонет в белой смерти. Временами ему казалось, что независимо от

своей воли и сознания он встает по ночам и будто бы ходит на берег.

Однажды видения были столь живы, что, проснувшись, он никак не мог поверить, что это было всего лишь сновидение. Едва он начинал закрывать глаза, как перед ним с пугающей правдивостью разворачивался все тот же сюжет. Луна светила ярко, и направляемый ее лучами он приближался к ужасной впадине с зыбучим песком. Ровная песочная гладь, ярко освещенная, волновалась и шевелилась, затихая лишь на краткие мгновения. Он подходил к этой мраморной чаше, а с противоположной стороны к ней приближался еще кто-то, в точности повторяя его собственные шаги и движения. Мэкам видел в этом человеке самого себя и, поддавшись неведомым чарам, словно птичка, замороженная змеей, стал подходить еще ближе, желая непременно достичь двойника. Песок уже накатывался на носки его сапог, заставляя сердце вырываться из груди, а нервы — парализовывать все тело ужасом. В ушах раздавался хриплый крик сумасшедшего старика: «Суета сует!.. Все в этом мире суета!.. Да встретиться тебе с самим собой!.. Да раскаться! А песку — да пожрать тебя!»

В ту ночь, не смея сомневаться в том, что это был не сон, Мэкам поднялся затемно и, не беспокоя спящую жену, оделся и выбрался по тропинке на берег.

Его сердце едва не остановилось, когда он наткнулся взглядом на следы человеческих ног, а вернее, сапог на пляже. Ему не нужно было долго в них всматриваться — сразу стало ясно, что это его следы. Та же крупная задняя часть с каблуком, та же квадратная кромка носка. Он перестал сомневаться, что уже был здесь этой ночью. Затаив от страха дыхание и находясь в дремотном оцепенении, он пошел по следам вперед и скоро обнаружил, что они теряются во впадине с зыбучим песком. Но больше всего ужаснуло его то, что следы не возвращались из этой чаши смерти! Он почувствовал, что во всем этом есть какая-то страшная тайна, в которую невозможно проникнуть. Да он и не пытался этого сделать, так как понимал, что это может погубить его окончательно.

После этого случая он совершил две ошибки. Во-первых, он так и не поставил в известность семью о своих переживаниях, а хранил их глубоко в себе. Жена и дети, ни о чем не догадываясь, порой самым невинным словом или даже выражением лица поневоле подливали масла в огонь его возбужденного воображения. Во-вторых, он стал читать книги, специально посвященные вопросам трактования мистических снов и прочим феноменам человеческого сознания. Результат был

тот, что Мэкам со своим и так уже никуда не годным спокойствием стал принимать за чистую монету дикие предположения чудаковатых или просто помешанных философов; семена бредовых «толкований» падали в хорошо удобренную почву растревоженного сознания англичанина. Не последнюю роль во всем этом сыграл Сафт Тамми, который превратился в последнее время в форменного часового у ворот Красного Дома. Заинтересовавшись этой личностью всерьез, Мэкам навел справки о нем, и вот что узнал.

В народе говорили, что Сафт Тамми — сын одного из помещиков соседнего графства. Его прочили в духовное звание и соответствующим образом воспитывали. И вот вдруг без какой-либо ясной причины он бросил все и отправился в Питэрхэд, который в то время богател от китобойного промысла. Он нанялся как раз на такое судно. Там оставался в течение нескольких лет, постепенно проявляясь как человек нелюдимый и мрачный. Так бы все шло и дальше, но скоро китобои восстали против такого ненадежного товарища и ему пришлось искать работу в другом месте. Он нашел ее в северной рыболовной флотилии, где и ходил в плавания в продолжении многих лет и снискал себе репутацию «слегка чокнутого». Со временем он перебрался в Крукен, где местный помещик — наверняка наслышанный о прошлом этого человека и главным образом о его происхождении — устроил его на работу почтальона, что делало его почти готовым пенсионером. Человек, который рассказал обо всем этом Мэкаму, закончил так:

— Все это очень странно, но, кажется, у старика есть некий необычный дар. Может, это так называемое «второе зрение», в которое мы, шотландцы, так свято верим, или какая-нибудь другая окулътная форма знания, я боюсь судить об этом с определенностью. Но доведись у нас случиться какой-нибудь беде, те рыбаки, что живут по соседству с ним, могут пересказать некоторые его изречения, которые, как ни крути, предсказывали это событие. Он... Когда дыхание смерти носится в воздухе, выбирая жертву, он как-то беспокоен, возбужден, просыпается от вечного своего полудремотного существования.

Конечно, этот разговор не способствовал уменьшению тревог мистера Мэкама, и даже наоборот: мрачное предсказание о тщеславии и песках засело в его голову еще глубже. Из всех книг, прочитанных им по вопросам мистики и толкования снов, ни одна не заинтересовала его так, как немецкий трактат *«Die Doppelgänger»*, автором которого был некий доктор

Генрих фон Ашенберг из Бонна. Отсюда он вычитал о том, что бывают случаи, когда личность раздваивается и обе ее половинки существуют совершенно отдельно — как телесно, так и духовно. Не надо и говорить, что мистер Мэкам приобрел твердое убеждение в том, что эта теория в точности описывает его собственный случай.

Свой затылок, отражающий свет луны, который он видел в ту драматичную ночь у кромки зыбучих песков, следы подошв его сапог, ведущие в гибельную впадину и не возвращающиеся обратно, предсказание Сафта Тамми о том, что ему суждено встретить самого себя и погибнуть в зыбучих песках, — все располагало к мысли о том, что он, мистер Мэкам, ведет двойное существование, и по временам его сознание поселяется в оболочке его двойника. Уверив себя умозрительно в том, что он имеет двойника, он предпринял шаги к практической проверке этого положения. Это нужно было ему для того, чтобы наконец хоть немного успокоиться. С намеченной целью однажды, прежде чем отправиться спать, он незаметно для всех начертил мелом свое имя на подошвах своих сапог.

Ему опять снились зыбучие пески и то, как он разгуливает по ним. Сон, как и всегда, был почти физически ощутим, так что, бродя по туманному берегу вокруг впадины, он никак не мог представить себе, что на самом деле лежит в эти самые минуты в своей кровати. Открыв глаза, он первым делом проверил сапоги. Меловая надпись была нетронута!

Он оделся и вышел из дома. Был прилив, поэтому он подошел к впадине с зыбучим песком не со стороны берега и пляжа, а со стороны дюн. Приблизившись, он вскрикнул! О, ужас! Опять те же следы! И опять они тонут в песке, не возвращаясь обратно!

Домой он пришел изможденным не столько физически, сколько духовно. Ему казалось невероятным, что он, взрослый человек, коммерсант, проводивший всю жизнь среди гама и возни Лондона, прагматичного лейтенанта, вдруг оказался втянутым в какую-то мистику и ужас и вынужден жить с сознанием того, что рядом по земле ходит еще один такой же мистер Мэкам... Ему нельзя рассказать о своей беде даже собственной жене, так как он отлично знал, что, узнав о его «двуличности», она дойдет его расспросами о «той, второй жизни» и в результате обвинит его во всех видах неверности и измены.

Мысли роились в голове, и он запутывался в них все больше и больше.

Однажды вечером — на море был как раз отлив, и уже

показалась луна — он сидел в ожидании ужина в гостиной, как вдруг вошедшая служанка сообщила, что Сафт Тамми, дежуривший, как обычно, у ворот Красного Дома, затевает скандал, так как его не хотят пускать к хозяину. Мэкам был разгневан, но, чтобы служанка не подумала чего доброго, что он боится какого-то там полоумного старика, он велел ей привести его.

Тамми вошел сразу же. Движения его были необычно резки и живы, голова чуть приподнята, и взгляд был устремлен против обыкновения не на свои ноги, а прямо перед собой. Он заговорил с ходу:

— Я пришел, чтобы посмотреть на тебя еще раз. Еще раз! И вот я вижу тебя! Ты все тот же попугай! Хорошо, человек! Я прощаю тебя! Ты запомни эти слова: я прощаю тебя! — И не говоря больше ни слова, старик быстро покинул дом, оставив хозяина в молчаливом возмущении.

После ужина Мэкам решил еще раз навестить зыбучие пески. Он не признавался даже самому себе в том, что боится идти туда. В девять часов он надел свой шотландский костюм, спустился на берег и, направившись ко впадине, уселся над нею, на вершине все той же невысокой скалы. Полная луна уже выкатилась в небо, и ее яркий свет залил бухту, хлопья пены у кромки берегов, темную полоску мыса и расставленные на просушку сети. Все смотрелось как-то особенно отчетливо. В желтой пелене мерцали огоньки крукенского порта и окна замка местного помещика.

В течение довольно долгого времени Мэкам тихо наслаждался ночной природой, в душе его поселился покой, которого он не знал вот уже много дней. Досада и раздражение, нелепые страхи последнего времени, казалось, наконец-то оставили его. Их место тут же заняло умиротворение. Святое умиротворение. Находясь во власти торжественного настроения, он по-другому посмотрел на свой отдых в Шотландии. Ему стало стыдно за свое упрямство. И он решил, что этот вечер будет последним, когда он надевал этот костюм, который отдалил его от близких и любимых им людей, который доставил ему так много горя, раздражения и нервозности.

Но едва он пришел к этим заключениям, как внутри него проснулся другой Мэкам. Этот его второй внутренний Мэкам насмешливо спросил: неужели он больше не наденет этого костюма, когда он из-за него столько вытерпел? Теперь уж слишком поздно, говорил вкрадчиво он. Надо продолжать так же, как было до этой минуты.

— Нет, еще не поздно! — быстро ответила лучшая полови-

на Мэкама. Погруженный в свои мысли, он поднялся со своего места и решил тут же пойти домой и избавиться от ненавистного костюма. Он бросил последний взгляд на окрестности, словно застывшие в ночной красоте. Свет луны побледнел, зато обрел мягкость. Глаза Мэкама проскользили по вершинам далеких скал, верхушкам деревьев на холме, крыше своего дома, затем он вновь посмотрел на море. Оно погрузилось в тень, и только видно было, как медленно, но неуклонно набегают вода на пляж — начался прилив. Мэкам спрыгнул со скалы и пошел по берегу.

Однако едва он сделал несколько шагов, ужас свел судорогой его ноги! Кровь бросилась в голову и заслонила от него свет луны. Он увидел двойника! Последний стоял по противоположную сторону впадины от Мэкама. Ужас, охвативший англичанина, был тем больше, что контрастировал с красотой и покоем природы, которыми он только что любовался, сидя на скале. А теперь, парализованный страхом, он недвижно стоял на месте и смотрел на фатальный облик самого себя всего в нескольких футах. Их разделяла смертная чаша зыбучего песка. Он шевелился и морщился, как бы зазывая жертву в свои объятия. Ошибки быть не могло! И хотя луна не осветила лицо двойника, Мэкам со страхом — словно в зеркале — увидел свои одутловатые щеки, маленькие двухнедельные усики... Лунный свет ласкал красочный шотландский костюм и орлиное перо на шапочке. Последняя была лихо сдвинута набок и из-за нее выглядывала мэкамская лысина. На плече поблескивала брошь из дымчатого топаза, на животе — серебряные пуговицы.

Завороженно глядя на самого себя, Мэкам вдруг почувствовал, что его ноги стали потихоньку сползать вниз. Он опустил взгляд вниз и с ужасом обнаружил, что стоит у самой кромки впадины с зыбучим песком. Вскрикнув, он отскочил назад, поднял взгляд на двойника и заметил, что тот придвинулся со своей стороны ко впадине. Так что расстояние между ними опять восстановилось.

Мэкам и его двойник стояли друг перед другом и разделявшей их смертью, замершие словно в каком-то роковом оцепенении. Сквозь стук и шум крови в голове Мэкама ему вдруг показалось, что он слышит слова предсказания: «Да встретиться тебе с самим собой!.. Да раскаяться! А песку — да пожрать тебя!» Теперь он встретился с самим собой. Раскаялся. Что ждет его? Смерть в зыбучем песке?! Слова сумасшедшего старика начинают сбываться.

Над его головой слышались крики чаек, стремительно пи-

кирующих к пенной кромке воды в поисках пищи. Эти звуки готовили его к самому худшему. Неведомым образом его сапоги опять стали захлестываться песочной массой, он в страхе сделал несколько быстрых шажков назад. Едва он остановился, как тот, другой, также сделал несколько шагов. Только не назад, а вперед. Его ноги до лодыжек погрузились в смертоносный песок, и он стал медленно тонуть. Глядя на эту сцену, Мэкам чувствовал стеснение в груди, которое наконец нашло выход в исполненном ужаса крике. В ту же секунду вопль, в котором соединились страх и предчувствие смерти, раздался и из уст его двойника. Мэкам в отчаянии вскинул вверх руки, то же сделал и его двойник. Завороженно глядя на то, как тонет в песке его двойник, Мэкам, повинаясь мистической силе, сам устремился вперед ко впадине. Но едва его нога ступила в ложе смерти, крики чаек вернули ему самообладание. Неимоверным усилием воли он заставил себя отступить в безопасное место. В следующее мгновение он повернулся и побежал. Силы изменили ему уже далеко от берега, и он упал лицом вниз на тропинку и остался лежать, приходя в себя, в окружении песчаных барханов.

* * *

Артур Мэкам решил не сообщать семье о случившемся ночью ужасном приключении. По крайней мере до тех пор, пока он окончательно не будет контролировать собственную психику и расшатанные нервы. Двойник, в котором он видел теперь олицетворение своей худшей половины, погиб в песке, и Мэкам ощутил прилив прежних сил и покоя.

В ту ночь он спал крепко и не видел снов, а наутро почувствовал себя прекрасно, как в старые добрые времена. Он был убежден, что все его терзания погибли вместе со второй половиной его личности. Удивительно, но Сафт Тамми не пришел утром на свой пост у ворот Красного Дома и не появился больше никогда. Он сидел на своем старом стуле на берегу бухты, как всегда устремив потухший взгляд на свои ноги.

В соответствии с принятым накануне решением Мэкам не надел в этот день шотландский костюм, а, улучив удобную минуту, завязал его вместе с палахом и пистолетами в узел, снес на берег и бросил во впадину с зыбучим песком. Он с огромным удовольствием смотрел на то, как костюм тонет и как смыкается над ним мраморный безжалостный песок. Затем Мэкам вернулся домой. Настроение у него было прекрас-

ное. Он нашел свою семью всю в сборе для вечерней молитвы и сделал свое торжественное сообщение:

— Теперь, дорогие мои, я рад сказать вам, а вы рады будете услышать то, что я оставил наконец мысль привыкнуть к шотландскому костюму. Только сейчас я понял, каким старым, упрямым дураком я был и насколько смешно выставлял себя перед людьми! Этого костюма вы больше не увидите. Ни на мне, ни вообще.

— Но где же он, папа? — спросила одна из дочерей только для того, чтобы дать какой-то отклик на столь самоотверженное признание отца. Он ответил ей спокойно и весело, а она подбежала к нему и поцеловала. Вот что он сказал:

— Он на дне впадины с зыбучим песком! И я надеюсь, что моя вторая половина — худшая и мрачная — похоронена там вместе с ним. Навечно!

* * *

Оставшаяся часть летнего отдыха в Крукене прошла прекрасно, и по возвращении в Лондон мистер Мэкам почти совсем забыл обо всех неприятностях, связанных для него с зыбучими песками. Но, как оказалось, ничто не проходит бесследно. Однажды он получил письмо от МакКаллума, которое заставило его серьезно задуматься. Он не обмолвился ни словом семье об этом послании и оставил его по некоторым причинам без ответа. В нем говорилось следующее:

«Торговый салон. Одежда. Шотландки чистошерстяные
господ МакКаллума Мора и Родерька МакДу.»
Коптхолл-Корт, И.К. 30 сентября, 1892.

Дорогой сэр! Смею надеяться, что вы извините мне мою дерзость писать вам, но мне крайне необходимо получить кое-какую информацию. Я извещен о том, что вы провели летний отдых в Эбердиншире (Шотландия). Мой компаньон, господин Родерик МакДу (по деловым соображениям и в рекламе он подписывался этим именем, но в действительности его зовут Иммануил Мозес Маркс) в начале прошлого месяца отправился также в Шотландию. Я получил от него всего лишь одну весточку, и это было вскоре после его отъезда. Я сильно встревожен: как бы с ним не произошло какое-нибудь несчастье. И поскольку мне не удалось получить ровно никакой информации о нем, куда бы я ни обращался и какие бы усилия я ни прикладывал, я рискнул отправить это письмо вам.

В том его единственном послании, о котором я писал выше, он сообщал — находясь, по всей видимости, в крайне подавленном расположении духа, — что опасается беды, которая-де нависла над ним из-за того, что он пожелал уважить традиции Шотландии и появиться в ее пределах в шотландском национальном костюме. Он писал, что однажды ночью ему довелось увидеть свое «зеркальное отражение».

Дело в том, что перед отъездом он обеспечил себя одеянием, подобным тому, что мы имели честь сшить для вас. Он понравился бедному Иммануилу так же, как и вам. Я отговаривал его от этой затеи, признаюсь откровенно. Но он был также неумолим, как и вы. В конце концов он дал обещание, что сначала проверит его на себе поздним вечером или рано утром, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза. И даже где-нибудь в пустынной местности. Он надеялся со временем привыкнуть к новому костюму.

К сожалению, он не сообщил о маршруте своих передвижений по Шотландии, так что я нахожусь в полном неведении относительно его настоящего местопребывания. Поэтому-то я и рискую обратиться к вам с просьбой припомнить: не видели ли вы или не слышали от кого-нибудь в Шотландии о точно таком же одеянии, какое было у вас? По соседству с тем помещением, что вы приобрели для отдыха?

Не смею настаивать на ответе, особенно если вы ничего не сможете мне сообщить о моем бедном товарище. И все-таки я смею думать, что он остановился где-то действительно по соседству с вами. Дело в том, что на конверте с письмом, которое я получил от него, хоть и не было даты отправления, зато стоял штамп почтового отделения — «Йеллон». А это как раз в Эбединшире и не так далеко от Мэйнс-Крукена.

Остаюсь вашим покорным слугой
С наилучшими пожеланиями
Джошуа Шини Коган Бенжамен
(МакКаллум Мор)

Брайан Эллиот

Чалдеронские монахи

6 Кровавая обитель

I

Тучи, нависая над самой водой, заволокли небо. Чувствовалось приближение грозы. Море волновалось под сильными порывами ветра и раскачивало небольшую моторную лодку.

Заходящее солнце окрасило горизонт тяжелым багрянцем; на мрачном кровавом фоне стены старого замка Чалдерон приняли зловещие очертания.

Моторная лодка вошла в маленькую естественную бухту острова. Фрэнк Симмс остановил мотор и повернулся к Луизе.

— Наконец-то мы одни, — сказал он, — ты самая привередливая девушка на всем югославском побережье. Все чего-то боишься. Можно подумать, что твой жених способен видеть сквозь стены.

Грациозная брюнетка в белых бермудах и ярко-красной блузке пожала плечами.

— Тино очень ревнив, — ответила она, — а его отец, профессор Салварин, один из крестных отцов итальянской мафии. Если кто-нибудь донесет ему о нашей связи, можешь считать себя покойником. Вот так-то, Фрэнк.

Фрэнк Симмс обнял стройное девичье тело, привлек Луизу к себе и начал жадно целовать загорелую тонкую шею, слегка нарумяненные щеки и капризно изогнутые губы. Луиза застыла.

— Ты свела меня с ума. Если ты не станешь сегодня моей, я сорву с тебя одежду и изнасилую прямо здесь, в лодке.

Его руки коснулись нежной груди и затрепетали, затем скользнули на тонкую талию. Луиза слегка откинулась назад, призывно засмеялась и вновь приникла к мужчине, наслаждаясь его волнением и нетерпеливостью.

— Не здесь, Фрэнк, не в шаткой лодке. В любой момент может пойти дождь. Нам нужна крыша над головой. Тогда вся ночь в нашем распоряжении, дикарь.

Волны пенными гребнями бились о берег. Черные тучи прорезала ослепительная молния, грянул гром.

— Мы поднимаемся наверх, в замок. Старые развалины хорошо сохранились. Они выдержат даже артиллерийский обстрел, не то что простой дождь.

— Эти места пользуются дурной славой, — возразила Луиза. — Я расспросила хозяина гостиницы, мне хотелось побольше узнать о замке и монашеском ордене, построившем его в средние века. Но хозяин не ответил, только перекрестился и трижды плюнул через плечо.

— Ох уж эти суеверные люди!

Фрэнк снова прильнул губами к шее Луизы. Молодые люди, поглощенные страстью, забыли обо всем на свете. Фрэнк не мог и не хотел больше сдерживать свои желания, но лодка была узкой и неудобной. Молодой человек взял спальные мешки и дорожный баул с ужином и некоторыми необходимыми мелочами. Луиза прихватила с собой транзистор.

Снова сверкнула молния. Ударил гром.

Фрэнк и Луиза прыгнули в воду и вышли на пляж. Они торопились оставить позади лес древних дубов и буков и широкую поляну. А вот и вымощенная камнем дорожка, ведущая от моря к развалинам.

Уже стемнело. Впереди величественно и неприступно возвышался замок. Когда молодые люди достигли ворот, хлынул ливень. Они бросились к ближайшей постройке, но потоки воды были такие интенсивные, что их одежда промокла в одно мгновение.

Влюбленная парочка оказалась в огромном зале. Фрэнк Симмс начал раскатывать спальные мешки, Луиза зажгла фонарик и закрыла дверь на задвижку. В пустом зале пахло сыростью и плесенью. В углу начиналась лестница, ведущая в башню.

— Добро пожаловать в замок привидений Чалдерон! — пошутил Фрэнк.

Он включил дорожный фонарь и поставил рычаг на длительное освещение. Луиза вплотную подошла к любовнику, руки Фрэнка сплелись за ее спиной, их губы слились в страстном поцелуе. Влюбленные осторожно опустились на приготовленную постель. Потом пришло забвение: ни дождь, ни гром, ни шепуршание мышей не могли заставить их разжать объятия и оторваться друг от друга.

В едином порыве сорвали они одежду с изнемогающих тел и задохнулись от неудержимого желания. Фрэнк положил голову Луизе на грудь.

— Возьми же меня наконец, — простонала она, — я не могу больше ждать!

Когда молодой человек овладел ею, Луиза вскрикнула и изогнулась. Они любили друг друга в красном свете фонаря на полу старого замка крестоносцев, как только могут любить мужчина и женщина, молодые, красивые и неистовые.

Ближе к полуночи, насытившись, любовники лежали в спальных мешках, тесно прижавшись друг к другу. Тихо играло радио. Фрэнк лениво курил, наблюдая за поднимающимся вверх дном, Луиза дремала. По радио передали время. Полночь.

Вдруг раздались глухие удары колокола. Луиза резко села на постели.

— Ты слышал? Что это было?

Она непроизвольно заговорила шепотом. Фрэнк тоже прислушался, но звуки не повторились.

— Не знаю, — ответил он. — Возможно, порыв ветра. Или молния ударила в колокольню.

— Но гроза уже давно кончилась.

Медленно текли минуты. Фрэнк снова прикурил и предложил сигарету Луизе. Тут в дверь постучали. Три раза. Словно кто-то умолял впустить его.

Луиза снова легла и поправила одеяло на груди.

— Там снаружи кто-то есть!

Фрэнк Симмс что-то недовольно проворчал, натянул штаны и взял в руки лампу. Интересно, кто это может стучаться в такое позднее время в заброшенный замок? Он приблизился к воротам. В двери был глазок, прикрытый маленькой деревянной заслонкой.

Фрэнк приоткрыл ее, осветил фонарем и... с криком отпрянул назад. На молодого человека смотрело лицо из кошмарного сна: голый череп в истлевшем капюшоне. Пустые глазницы в упор уставились на Фрэнка, бескровная пергаментно-желтая кожа, обтягивавшая кости пришельца, напоминала свиные сандалии грубой выделки. Мертвец улыбнулся, обнажив черные зубы, седая борода трепетала на ветру.

— Ау-у, Фрэнк! Ну что ты там застрял?

И тут Луиза увидела, как выскользящая мумифицированная рука просунулась сквозь глазок и подняла засов. Луиза застыла от ужаса, наблюдая, как дверь медленно со скрипом отворилась.

В зал вошла вереница отвратительных созданий. Их было семеро, и все они были одеты в длинные рясы, из рукавов которых выглядывали костлявые руки. Луиза вгляделась в мертвые безглазые лица, высохшие, тронутые тлением и временем, и закричала тонко и страшно, завершала в смертельном страхе.

Идущий впереди монах издал несколько низких лающих звуков, и нежити окружили парализованного от ужаса Фрэнка Симмса. Из каких мрачных подземелий явились они на свет в эту грозовую ночь, они, умершие так давно, что их могилы уже многие столетия преданы забвению?

Черная рука схватила Фрэнка. Сходя с ума от омерзения, тот хотел вырваться, закричать, ударить чудовище, но из горла молодого человека вылетел лишь слабый хрип. Прикосновение мертвеца было настолько неприятным и ошеломляющим, что Фрэнк потерял способность двигаться.

Что потревожило покой давно усопших? Из каких подземных нор восстали они, покоившиеся в мире столько столетий?

Сухие, корявые ногти впились в Фрэнка Симмса. Ужас сковал его члены, и вместо того чтобы вырваться и бежать, бежать пока есть силы из этого страшного места, где оживают ночные кошмары, он замер на месте, судорожно пытаясь выдать хоть один звук из пересохшего горла. А рук становилось все больше, они оттеснили рыжеволосого молодого человека к стене. Желтые черепа с острыми зубами потянулись к его сонной артерии.

— На помощь! Помогите! Нет... ааа... нет! Ааааааххх!

Луиза видела, как клыки мертвецов жадно вонзились в живое мясо, кровь забила фонтаном, заливая черные рясы. Дети ночи, захлебываясь и повизгивая, пили кровь Фрэнка. Теперь в них совсем не осталось ничего человеческого.

Один из монахов прервал кровавое пиршество и повернул отвратительную лысую голову в сторону Луизы. Безжизненное тело Фрэнка осталось лежать у стены. Луиза вскочила на ноги и, обнаженная, легко понеслась по винтовой лестнице в башню. Скорее, скорее наверх, подальше от этих исчадий ада!

Она выбежала на открытую галерею и прыгнула во двор замка. Острая боль пронзила лодыжку. Луиза бессильно опустилась на землю, но тут из-за часовни показались преследователи. Девушка вспомнила, как на ее глазах за несколько минут мумии растерзали Фрэнка, и страх придал ей новые силы.

Криком заглушая боль, она захромала к черному ходу в глубине двора, отворила висевшую на одной петле калитку и

помчалась вниз с холма. Оглянувшись через плечо, она увидела, что главные ворота замка медленно открываются.

Луиза торопилась, спотыкалась и всхлипывала. Лодыжка распухла, но животный ужас гнал девушку к морю. Она пересекла освещенную луной поляну и скрылась в тени леса.

Наконец можно было перевести дух и обернуться... Преследователи верхом на скелетах коней были совсем близко! Звенели мечи и развевались ряссы. Стука копыт не было, но лошади неслись галопом и быстро продвигались вперед.

Какая чудовищная магия, какое проклятье вернули к жизни эти кошмарные создания?

Луиза добралась до пляжа. Она сбилась с пути и оказалась на высоком обрыве, а внизу, на воде, примерно в трех четвертях километра от нее покачивались рыбацкие суденышки.

Луиза громко закричала и бешено замахала руками. И действительно привлекла таким образом внимание рыбаков. Ее стройная фигура четко вырисовывалась в лунном свете на вершине обрыва.

— Ну помогите же мне! — кричала девушка. — Спасите меня! Мертвые восстали из могил и хотят меня убить. Помогите, избавьте меня от мучительной смерти.

Она скатилась по крутому склону и выбежала на песчаную косу.

Кровожадные всадники отставали лишь на несколько сотен метров.

— Помогите! — еще раз взмолилась Луиза. — Во имя Господа, помогите.

Но ее крики и мольбы не тронули рыбаков. Ничто на свете не заставило бы их бросить якорь ночью на проклятом острове Чалдероне. Они перекрестились и безучастно наблюдали, как монахи догнали девушку и спешились.

Рыбаки сняли с голов вязанные колпаки. Луиза потеряла сознание. Она уже видела, как скелеты наклонились над ее обнаженным телом, и не почувствовала ни их рук, ни их зубов. Бледная и молчаливая, лежала Луиза на залитом лунным светом песке.

II

— Вы ищете девушку по имени Луиза?

Высокий широкоплечий итальянец кивнул головой. Его черные волосы вились, черты лица были четкие, словно вырезанные на деревянной скульптуре, но носили несколько женственный характер.

— Луиза моя невеста. Вы что-нибудь знаете о ней?

— Нет. К сожалению. Я сам ищу одного парня. Его зовут Фрэнк Симмс. А мое имя — Харвей Сондра, я служащий одной из американских туристических контор. Мой коллега Фрэнк Симмс, объезжая с инспекцией отеля побережья, обещал встретиться со мной в этом месте.

— Странно. Моя невеста снимала номер тоже в этом отеле, и никто не может сказать мне, где она теперь.

Мужчины побеседовали еще некоторое время. Около десяти часов вечера они встретились возле маленькой деревеньки Рагуза и направились в гостиницу «Сараево». Антон Дворжак, владелец этого заведения, смог лишь сказать, что Фрэнк Симмс и Луиза Гилджиа вчера покинули отель вместе и больше не появлялись.

— Надо сообщить в полицию, — предложил Харвей Сондра.

Но итальянец был, кажется, невысокого мнения о способностях полицейских.

— Лучше спросим в порту, — решил он. — Возможно, они взяли напрокат лодку и попали в аварию во время вчерашнего шторма.

Мысль о том, что его невеста села в лодку с другим мужчиной, взбесила Тино Салварина.

Стоял погожий летний денек. Молодые люди спустились по узким переулкам рыбацкой деревни к порту. Море было темно-голубым, как на почтовых открытках. У причала стояли, покачиваясь, лодки и катера.

Харвей Сондра спросил седого и бородатого рыбака в заплатанной рубашке, где дают напрокат моторные лодки. Тот с готовностью описал дорогу и назвал имя хозяина лодочной станции.

Парни вышли на пирс, навстречу им звучала югославская, английская, итальянская речь. Тут как раз к причалу гордо подлетели два катера. Худой мужчина в капитанской фуражке и темноволосый парнишка закрепили на пирсе канаты.

Они поднялись по деревянной лестнице.

Харвей Сондра приветливо поздоровался.

— Взять лодку напрокат можно только у вас? — спросил он мужчину в капитанской фуражке.

Тот отрицательно покачал головой.

— Нет. Там, на молу, живет Ювичек. Но его единственная моторная лодка в ремонте: неполадки с мотором. Еще есть Хавра, но у него все лодки с веслами. На какое время вам нужна лодка?

— Для начала я хотел бы узнать, не брал ли вчера у вас лодку рыжеволосый мужчина и молодая женщина?

Моряк внимательно посмотрел на обоих мужчин: на долго-вязого американца и кудрявого итальянца.

— Нет, — ответил он после некоторого замешательства. — Вчера я вообще не появлялся на причале.

— Он врёт, — возразил Тино, — красная дамская сумочка, лежащая рядом с рулем вон на той лодке, принадлежит моей невесте.

— Послушайте, вы, — взорвался моряк. — Что это значит? Почему я обязан знать, откуда взялась здесь эта проклятая сумка? Я сдавал эту лодку одному стоящему парню и...

Он умолк, слишком поздно заметив свою ошибку. Перед ним стоял Харвей Сондра. А Харвей Сондра имел рост метр девяносто, весил девяносто пять килограммов и обладал хорошо тренированным телом — он мог не только блестяще играть в теннис. Его открытое симпатичное лицо, обрамленное светло-русыми волосами, постоянно озаряла приветливая улыбка. Но по желанию он мог производить впечатление чрезвычайно опасного типа — и это был тот самый случай. Лицо его внезапно потеряло свою доброжелательность, и Сондра стал как-то старше и строже.

— Я вежливо спросил вас кое о чем, — произнес он, медленно растягивая слова, — и хочу получить такой же ясный и вежливый ответ, понятно?

Хозяин лодок отпрянул от Харвей Сондры на несколько шагов.

— Вы не имеете права заставлять меня силой.

Сондра схватил его за воротник кителя и поднял над землей.

— Лучше выкладывайте все по-хорошему. Если вы замешаны в каких-нибудь темных делишках, то невероятно удивитесь, разглядывая в зеркале свое лицо после нашей беседы.

— Я... я дал лодку рыжеволосому американцу. Когда он отчаливал, с ним не было женщины.

— А где этот парень теперь? Откуда у вас эта лодка?

— Я не знаю, где он. А лодка... — На лице моряка отразилась напряженная внутренняя борьба. Харвей Сондра потуже перехватил воротник. — Я подобрал лодку у Чалдерона, большой бухты на юго-западе.

— Откуда же вы узнали, что она там, если больше не встречали того мужчину?

— Во имя Господа и Святой Девы Марии, я вам действительно не могу больше ничего сказать. Если бы я знал, что

этот американец хочет плыть на Чалдерон, я бы никогда не доверил ему свою лодку. — В голосе моряка прорезался настоящий страх. Страх, но не перед Харвеем Сондрой. — Рыбаки сообщили мне, что катер стоит там на якоре, — тихо промолвил он. — Я совсем ничего не знаю о вашем друге и девушке, и никто не сможет меня заставить когда-либо ступить на землю этого острова.

— И почему же?

— Остров и замок прокляты. Странные вещи происходят там. Никто из деревенских туда не ходит.

Харвей Сондра и Тино Салварин переглянулись. Им сразу же стало ясно, что придется отправиться на Чалдерон.

Новоявленные единомышленники разделились: Харвей пошел подыскать подходящий катер, а Тино отправился в гостиницу. Когда итальянец вернулся, на нем была светлая летняя куртка, а слева под мышкой угадывались очертания пистолета.

Белая моторная лодка отчалила и легко заскользила по прозрачной голубой воде.

— Обязательно возвращайтесь до наступления темноты, — кричал им вслед моряк. — Позаботьтесь о спасении ваших душ.

Мотор весело фырчал. Носовая часть приподнялась над уровнем моря и ловко разрезала волны, осыпая пассажиров искорками брызг. Над водой кружились чайки, пахло нагретыми водорослями, рыбой и морской солью. Нешадно палило солнце.

При иных обстоятельствах это могла быть приятная морская прогулка. Прошло полтора часа пути, до острова оставалось еще два километра. Тино Салварин показал рукой на развалины замка, возвышавшиеся на темном голом холме.

— Что это?

Харвей Сондра пожал плечами.

— Какой-то старый замок. Я читал составленный Фрэнком проспект. Замок называется Чалдерон, остров носит то же название. Крестоносцы одного из монашеских орденов основали его в двенадцатом столетии. Фрэнк Симмс хотел организовать туда экскурсии, а возможно и построить отель.

Лодка обошла вокруг острова и встала на якоре в удобной естественной бухте. Оба молодых человека ловко спрыгнули на песок. На острове царил неестественная тишина.

— Давай сразу поднимемся к развалинам и осмотрим их, — предложил Харвей Сондра. — Они там наверняка побывали.

Американец проанализировал сложившиеся обстоятельст-

ва и пришел к выводу, что Фрэнк и Луиза поехали на остров вместе. В найденной сумочке были какие-то бумаги, косметика и начатая пачка женских итальянских сигарет.

Когда компаньоны подошли к лесу, Тино оглянулся на море и остановился.

— Посмотрите-ка туда! Там слева от обрыва, кажется, кто-то лежит на пляже.

У Сондры со зрением обстояло лучше. Он пригляделся.

— Действительно. Скорее туда.

Они подбежали к обрыву и осторожно спустились вниз по почти отвесному склону. На белом песке в зоне прилива лежал труп Луизы. Ее нежно загорелое тело, округлая грудь, плоский живот и крутые бедра были зверски искусаны. А сама она была бледнее кварцевого песка, на котором лежала. В ее теле не осталось ни капли крови.

Крабы уже принялись поедать мраморное тело прекрасной покойницы.

Тино Салварин отвернулся, его стошнило.

— Боже мой, — простонал он. — Боже мой, кто это сделал? Какая bestия так надругалась над ней?

Харвей Сондра снял с Тино светлую летнюю куртку и накрыл изуродованное тело. Он внимательно осмотрел следы девушки, ведущие от обрыва.

— Нам надо пойти по ее следам. Где-то рядом должен быть Фрэнк Симмс. Девушка ведь ваша невеста? Это все-таки Луиза Гилджиа?

Тино смог только кивнуть. Его рука легла на рукоятку пистолета.

— Этот Фрэнк Симмс должен будет многое мне объяснить! — выдавил он.

Через двадцать минут оба мужчины добрались до замка. Развалины угрюмо молчали. Они вошли во двор. Дверь парадного зала была широко распахнута. В дверях Харвей Сондра обнаружил кусок ноги со ступней, сведенные судорогой пальцы торчали в разные стороны.

Потрясенный, замер он у трупа своего лучшего друга и товарища по работе Фрэнка Симмса. Лицо усопшего было бескровно, рыжие волосы пиявками извивались на ветру. Ужас и отвращение были написаны на когда-то привлекательном и мужественном лице. И опять те же следы от укусов. Вся кровь из тела исчезла.

— Фрэнк ничего не сможет больше объяснить, — тихо проговорил Харвей Сондра.

Тино Салварин выхватил пистолет и обошел все поме-

щения замка, даже поднялся на башню, но не обнаружил ничего подозрительного.

— Только в стойле валяются лошадиные кости, — сообщил он результаты своего обхода.

— Что же здесь произошло? Кто нанес эти чудовищные раны? Дикий зверь, кто-то или что-то еще?

На Харвея Сондру внезапно дохнуло холодом, и это на самом солнцепеке.

— Что бы это ни было, — твердо сказал он, — возмездие его настигнет. Но сначала надо поставить в известность полицию. Здесь произошли два убийства. Мы должны оставить трупы на месте, чтобы не уничтожить следы.

— Странно, — задумчиво пробормотал Тино, — на пляже мы нашли следы одной Луизы. Но с такими ранами она не могла поползти сама от замка до воды. Скорее всего, кто-то напал на нее именно на пляже. Но почему же на песке нет никаких следов?

Молчаливые и подавленные, Харвей и Тино покинули остров и вернулись в Рагузу.

III

Инспектор Ференц Дувлек из комиссии по расследованию убийств города Цадара был невысоким седым мужчиной в годах. Довольно проворный, немногословный, постоянно курящий сигареты в янтарном мундштуке. Он обладал непререкаемым авторитетом, и все сотрудники беспрекословно повиновались ему, как генеральный штаб — Наполеону.

После того как трупы были перевезены в Цадар, где их исследовали эксперты и патологоанатом, инспектор в тот же день, после обеда, а именно в семнадцать пятнадцать, собрал у себя всех причастных к делу Симмс/Гилджиа.

Присутствовали Харвей Сондра, Тино Салварин, владелец моторных лодок Винко Йаканда, хозяин отеля Антон Дворжак и старый рыбак, откликнувшийся на имя Йоши. Старик был в заплыванной рубашке, вонял чесноком и постоянно мусолил во рту обгорелую трубку.

Внушительный ассистент инспектора охранял вход в помещение. Так как Харвей и Тино знали местное наречие, переводчик отсутствовал.

— Итак, — сказал инспектор, — поставим все точки над «і». Фрэнк Симмс и Луиза Гилджиа поехали на остров и провели ночь любви в заброшенном замке. Или точнее полночи любви, ибо между двенадцатью и двумя часами ночи они были

убиты. Смерть наступила в результате многочисленных укусов, нанесенных одним или несколькими неизвестными убийцами. Кровь была удалена из тел.

Тино Салварин тихо застонал. Его лицо приобрело серый оттенок.

— Хищное животное исключается. Возможно, оно и послужило причиной смерти, но кровь была выпущена человеком по неизвестной пока причине. Мистер Симмс и сеньорита Гилджиа пробыли в Рагузе три дня. Согласно показаниям владельца гостиницы, в их поведении не было ничего необычного, или?..

Крупный и полный Дворжак интенсивно затряс головой.

— Они ходили гулять, купались в море, катались с рыбаками на лодках — в общем, делали то, что и остальные туристы, проживающие в моем отеле. Мистер Симмс задавал мне множество вопросов и с удовольствием осматривал окрестности.

Было заметно, что Дворжак не столько сожалеет о безвременной кончине Фрэнка Симмса, сколько о прерванных контактах с «Интернешнл Трэвелз», обещавших быть весьма выгодными.

— Это все. Я побеседую позднее с каждым из вас в отдельности, господа. Фрэнк Симмс взял у вас, Йаканда, напрокат катер. На какое время он его арендовал и куда хотел поехать?

Владелец лодок пожал плечами.

— Он показал мне свой паспорт и дал солидную сумму денег. По его словам, он хотел выйти в открытое море. О женщине ничего не было сказано, да я его и не спросил. Это не мое дело, не так ли?

— Нет, конечно. Йоши сказал вам, что видел вашу лодку в бухте Чалдерона?

— Да. Он пришел рано утром, когда вернулись рыбаки, выезжавшие на ночной промысел.

— И больше он ничего не сообщил? Подумайте как следует, это очень важно.

Владелец лодок слегка замешкался, потом решительно отрезал:

— Нет.

Тогда инспектор обратился к старому рыбаку:

— Что ты видел, Йоши? Скажи мне, не утаивай ничего. Ты же знаешь, я обязан знать все.

Светлые глаза на морщинистом обветренном лице твердо и пронизательно посмотрели на инспектора.

— Утром мы проезжали мимо острова, и Иосип, мой на-

парник, увидел в бухте лодку. Вот я и сказал Винко, чтобы он забрал свою посудину.

— А почему ты не сошел на землю и не посмотрел, куда делись люди, приехавшие на лодке? Ты что, знал уже, что мужчина и женщина мертвы?

Старый Йоши ответил коротко и сурово:

— Да.

После этого он снова сунул в рот трубку.

Тино Салварин вскочил со своего места. Он хотел вцепиться в рыбака, но Харвей удержал его.

— Сядьте немедленно! — рявкнул на него инспектор. Когда Тино, тяжело дыша, снова очутился на своем стуле, Дувлек вновь обратился к Йоши:

— Откуда ты знал, что на острове нет ни одной живой души?

Йоши выпустил серое облако табачного дыма.

— Замок и остров прокляты, — медленно произнес он. — Еще с давних времен. Там блуждают души крестоносцев. Ни один человек до сих пор не пережил ночь на острове.

Инспектор Дувлек схватился за голову.

— Да, да, — сказал он. — Продолжайте в том же духе. Один вообще ничего не знает, другой рассказывает страшные сказки. Мы живем в двадцатом веке в федеративной социалистической республике. Если кто-то думает, что может провести меня, то очень быстро очутится за железной решеткой. В последний раз: почему ты не осматрел остров, когда увидел в бухте катер, а, Йоши?

— Никогда не будет моей ноги на Чалдероне, — заявил рыбак. — Я уже все сказал, больше мне ничего не известно.

Он закрыл рот и все остальное время допроса не произнес ни слова. Инспектор еще побеседовал с Харвеем Сондрой и Тино Салварином, спросил их о Фрэнке Симмсе и Луизе Гилджиа. Но услышал в ответ только известную ему информацию. Один раз Дувлеку удалось вызвать у Тино припадок жгучей ревности, совершенно выбившей парня из колеи. Пришлось сделать перерыв.

— Как только тела будут исследованы и причина смерти окончательно установлена, мы снова встретимся, — закончил допрос инспектор. — Будем поддерживать связь, и сообщите мне, если будете покидать деревню. Вы, мистер Сондра, и вы, сеньор Салварин, обратитесь ко мне завтра вечером по поводу выдачи трупов для захоронения. Все свободны.

Допросы отдельных свидетелей и всевозможные совещания длились до восьми вечера. Тино Салварин остался на ночь

в гостинице «Сараево», а Харвей Сондра отбыл в Цадар, чтобы сообщить печальную новость Стелле Кантон, девушке Фрэнка Симмса.

Когда они уже покидали помещение, Харвей услышал, как владелец лодок сказал хозяину отеля Дворжаку: «Они никогда не найдут убийц. Мужчины и женщины стали жертвами этих чертовых монахов».

IV

Патологоанатомическое отделение располагалось в подвале городского морга. Около одиннадцати часов вечера доктор Михайлович завершил обследование обоих трупов, доставленных к нему в восемь. «Инспектор Дувлек принадлежал к тому типу людей, которые никогда не откладывают на завтра то, что можно сделать сегодня», — так сказал доктор Михайлович час назад своей ассистентке.

Все дело в том, что доктор Михайлович, обладавший незаурядной внешностью, не планировал провести этот вечер в компании двух трупов в подвале морга. Тем более, что тела были так зверски изуродованы. Никогда еще на операционном столе доктора не было столь жутко искалеченных мертвецов.

— Оставьте трупы на столах, — обратился Михайлович к своей ассистентке, низенькой, приземистой и усатой женщине, скорее отпугивающей, чем привлекающей особ мужского пола. — Остальные тесты мы сделаем завтра.

Доктор Михайлович с наслаждением зевнул, рискуя вывихнуть челюсть, тщательно помыл руки и повесил свой белый халат на вешалку. Ассистентка, ругаясь сквозь зубы, собирала разбросанные красавцем-доктором препараты и инструменты. Наконец в подвале воцарился обычный порядок, и София, еще раз полюбовавшись на результат своего труда, заперла дверь и шаркающей походкой поднялась по лестнице на улицу.

Было без пяти двенадцать. Голое, полупустое помещение было щедро залито холодным лунным светом. Мертвые тела Фрэнка Симмса и Луизы Гилджи мирно лежали под простынями из искусственного полотна на своих столах. Было очень холодно.

Доктор Михайлович произвел вскрытие брюшной полости, исследовал внутренние органы и содержимое желудка. Он рассек места укусов и взял пробы тканей.

Текли минуты. Все замерло. Тишину не нарушал ни один звук. Городские часы пробили полночь.

Внезапно зашевелилась простыня, под которой лежал труп Луизы Гилджиа. Искромсанное, покрытое укусами тело девушки обнажилось во всем своем безобразии. Бескровное мясо было белее простыни. По законам природы в этом теле не должно быть и искры жизни.

Тут начало двигаться тело Фрэнка Симмса. Мускулистый, красивый торс рыжеволосого молодого человека был также изрезан скальпелем и искусан. Трупы сели на столах и сбросили простыни на пол.

Они медленно двинулись по направлению к почему-то открытой двери. Трупы прошли с уверенностью лунатиков по темному коридору и поднялись на первый этаж.

Вопреки инструкциям, дежуривший в эту ночь полицейский куда-то отлучился на несколько минут.

Центральный вход он запер, но задняя дверь оказалась задвинутой лишь на защелку. Труп Фрэнка Симмса немедленно распахнул дверь, и два мертвеца, завернувшись в белые простыни, крадучись вышли в темный переулок.

Прижимаясь к стенам домов, они исчезли в парке, граничившем с центральной улицей города. Морг располагался на задворках полицейского комиссариата, на узенькой, незаметной и всегда безлюдной улочке.

На скамейках вокруг памятника основателю города сидела группа подростков. Парк пользовался дурной славой, ни один уважающий себя горожанин, если ему были дороги здоровье и кошелек, не посещал его с наступлением темноты. Но молодые люди в черных кожаных куртках и ярко размазанные девицы облюбовали этот дикий запущенный уголок.

В данный момент там находились семь парней и пять девушек. Парочки миловались, слышались звуки поцелуев и томные вздохи. То и дело вспыхивали огоньки сигарет, по кругу пошла бутылка.

— Эй, что это там за странные чуваки? — внезапно воскликнул предводитель подростков, мускулистый молодой человек по имени Бранко Жавлик. — Совсем свихнулись! Они что, обрядились в простыни из комода своей бабушки?

Рыжеволосая, густо намазанная гримом девушка соскользнула с его колен и двинулась навстречу трупам. Мужчина и женщина остановились. Их пустые глаза уставились на Бранко. Проносящиеся мимо машины освещали всю сцену неровным, стремительным светом, создавая эффектный контраст между яркими и темными пятнами.

Вдруг труп, бывший когда-то Луизой Гилджиа, протянул свои скрюченные пальцы к шее Бранко Жавлика. Парень отпрыгнул в сторону.

— А ну, катитесь отсюда, — возмущился он, — а то мы вам тут быстро мозги вправим!

Однако сзади на парня накинута Фрэнк Симмс и сжал руками горло, прекратив поступление воздуха. Обалдевший Бранко увидел сверкнувшие в свете фар влажные клыки, и в этот момент ему на помощь подоспели товарищи и с ревом напали на завернутые в простыни фигуры.

— Ой, он совсем холодный! — пискнул испуганный женский голос.

Трое подростков крепко держали Фрэнка и столько же — Луизу; Бранко растирал посиневшее горло, судорожно хватая воздух открытым ртом. Луиза сделала резкое движение, и скрывавшая тело простыня медленно сползла к ее ногам. Подростки с ужасом увидели зияющую рану вместо живота.

— А-а-а! — завизжала рыжеволосая подружка Бранко и в обмороке рухнула на траву.

Остальные девушки с криком разбежались. Подростки от неожиданности отпустили Луизу, а она, воспользовавшись всеобщим замешательством и паникой, намертво вцепилась в ближайшего молодого человека, который и не думал оказывать сопротивление. Труп Луизы молниеносно вонзил зубы в свою трепещущую жертву и перекусил сонную артерию.

Кровь забила фонтаном. Труп Луизы Гилджиа, чавкая и лязгая зубами, глотал теплую кровь.

Фрэнк Симмс тоже удачно поохотился: он оседлал свою добычу — полненькую и пухленькую темноволосую девушку, раздвинул ее согнутые в коленях ноги, навалился всем телом, не обращая внимания на царапающие его острые наманикюренные ногти, и жадно впился в нежную, тронутую легким загаром шейку.

Остальные подростки сначала оцепенели от ужаса, но когда вампиры приступили к своей кровавой трапезе, их руки и ноги вновь обрели подвижность, и они бросились врассыпную. Остался только Бранко Жавлик.

Он слышал предсмертные крики своего лучшего друга и довольное урчание разрывающей его бестии.

Бранко остолбенел, холодный пот бежал по его спине, волосы на голове встали дыбом, колени подгибались и дрожали, но он не двигался с места.

Луиза Гилджиа подняла голову с окровавленными губами, кровь стекала по ее подбородку и капала на траву. Она увиде-

да рыжую девицу, все еще лежавшую без сознания, и наклонилась над ней.

Неистовый гнев обуял Бранко Жавлика. Он выхватил из сапога серебряный нож — предмет зависти всей компании — и одним прыжком поравнялся с Луизой.

— Ведьма! — закричал он. — Бестия! Животное!

И вонзил ей в спину нож. Мертвое тело вздрогнуло, незрячие глаза устремились на Бранко. Всклипнув от страха, он всадил ей в грудь нож по самую рукоятку.

Труп Луизы завалился набок, теперь уже окончательно обретя покой, а Бранко Жавлик отшвырнул нож и помчался не разбирая дороги, еле живой от ужаса и пережитого напряжения.

Он не видел, как залитое кровью лицо Луизы разгладилось, посветлело и приобрело выражение неземной благодати.

V

Стелла Кантон не смогла усидеть в отеле. Весть о смерти Фрэнка сломила ее окончательно. Она никак не могла поверить, что Фрэнка, такого веселого, жизнерадостного и жадного до развлечений, вдруг не стало.

Стелла блуждала по улицам. Вдруг где-то загудела сирена, звук приближался. Мимо нее промчались полицейский «форд» и «скорая помощь». Но погруженная в свои невеселые мысли Стелла Кантон не обратила на них никакого внимания.

Она не знала, что эти машины устремились в парк, где случайный прохожий обнаружил три трупа и истекающую кровью девушку с поврежденной сонной артерией.

Стелла вышла в темный переулок. Там что-то белело. Сначала она не придавала значения увиденному, но это нечто вдруг задвигалось и направилось в ее сторону.

Внезапно Стелла узнала в этой фигуре рыжеволосого молодого человека с бледным лицом. Сомнений не было, это — Фрэнк Симмс! Но что он делает здесь в таком странном одеянии? Харвей Сондра сказал ей, что Фрэнка больше нет. Неужели это была всего лишь жестокая шутка?

Тысяча предположений возникли в голове Стеллы за какие-то доли секунды, начиная от внезапного помрачения ума и кончая профессиональным шпионажем. Возможно Фрэнка допрашивали с применением наркотиков, и он не вполне осознает, где находится.

Слава Богу, что он вообще еще жив, и это самое главное.

— Фрэнк! — позвала Стелла. — О Фрэнк!

Он медленно, неуверенными шагами приблизился к девушке. Ах, Фрэнк был ранен или избит, кровь тонкой струйкой вытекала из уголка его рта.

Стелла Кантон подхватила молодого человека под руку. Фрэнк не сопротивлялся. Его тело сотрясала крупная дрожь. Он мучительно застонал. И это был нечеловеческий звук.

— Фрэнк, мой бедный мальчик, что они с тобой сделали?! Пойдем, я отведу тебя в отель. Я здесь, с тобой. Теперь все будет хорошо.

Стелла повела Фрэнка, он двигался, как автомат. Странная пара вышла из переулка и оказалась напротив гостиницы «Интерконтиненталь», в которой остановились как Стелла Кантон, так и Харвей Сондра. Стелла завела мертвенно-бледного Фрэнка в темный закоулок.

— Подожди здесь, — попросила она. — Я принесу тебе одежду. В таком виде тебя не пропустят.

Стелла покинула Фрэнка Симмса, пересекла улицу и скрылась в отделанном мрамором холле гостиницы. Она поднялась на лифте в свой номер. В шкафу висел принадлежавший Фрэнку купальный халат, который во время их последнего свидания он отдал в прачечную и оставил ей квитанцию.

С халатом в руках Стелла вышла из отеля, но улица была пуста.

— Фрэнк! — закричала она. — Фрэнк?

В таком состоянии молодой человек не мог далеко уйти. Девушка побежала вниз по улице. Дверь одного из подъездов была открыта, при тусклом свете слабой электрической лампы Стелла различила забившегося в угол Фрэнка.

— Пойдем! — она помогла ему подняться и за руку вытаскивала на воздух. — Пойдем же, это не твой дом.

Фрэнк последовал за ней безвольно, как пьяный. В том же темном закоулке Стелла сняла с него испачканную простыню и накинула халат. После, когда улица опустела, они прокрались к черному ходу отеля. В подвале размещался бассейн, поэтому постоялец в халате, поднимающийся вверх на лифте, не вызвал ни у кого интереса.

Заспанный лифт-бой все время тер осоловевшие глаза. Молодая женщина с кавалером не привлекли его внимания. Стелла провела Фрэнка в свой номер. Он вновь издал мучительный стон. Стелла включила свет.

— Ну, теперь все в порядке, Фрэнк. Мы в безопасности.

Она обернулась и только сейчас смогла внимательно рассмотреть молодого человека. Ее поразили ужасные, посинев-

ные следы укусов на его шее, бледность, остекленевшие глаза. Фрэнк стоял между Стеллой и дверью в номер.

Это была небольшая, симпатично и удобно обставленная комната с бордовым ковром на полу, широкой, застеленной розовым бельем кроватью, окруженной белой меховой дорожкой. Облицованная черным кафелем ванна располагалась слева. Сами апартаменты были на десятом этаже. На здании напротив то и дело вспыхивала неоновая реклама.

— Что с тобой, Фрэнк? Почему ты так на меня смотришь?

Фрэнк уставился на высокую светловолосую девушку, как волк на ягненка перед тем, как перегрызть ему горло. Он глухо застонал. Где-то в его мертвом мозгу осталась капля любви к Стелле Кантон и отвращение к безжалостному убийству. Но жажда была сильнее. Жажда свежей крови взяла верх.

Мертвец, как замороженный, смотрел на тонкую шею женщины и пульсирующую сонную артерию. Он подошел к Стелле.

— Фрэнк! Фрэнк! Остановись, Фрэнк! Это же я, Стелла. Очнись, Фрэнк!

Холодные руки вцепились в стройное девичье тело и повалили Стеллу на кровать. Но это ничем не напоминало их обычные любовные игры. Девушка увидела, как к ее шее потянулись оскаленные, испачканные кровью зубы.

Халат, надетый на голое тело Фрэнка, распахнулся, и Стелла увидела страшную рану в брюшной полости. Она громко вскрикнула.

Ей удалось вырваться и отпрянуть к стене. Фрэнк, вернее то, что когда-то было Фрэнком, приближалось. Девушка швырнула в него ночник, но это не остановило вампира. Стелла снова закричала, но сильные руки обвили вокруг ее тела. Она принялась бить и царапать лицо Фрэнка. Бесполезно! Алчные зубы вот-вот вонзятся в нежное мясо шеи.

Вдруг дверь с ужасным грохотом распахнулась. Харвей Сондра буквально ввалился в номер. Стелла Кантон предварительно заперла дверь на ключ, чтобы им с Фрэнком не помешали.

Стелла перевела дух, ей удалось слегка повернуть голову.

— На помощь! На помощь! Харвей!

Харвей Сондра схватил мужчину в купальном халате за рыжие волосы и оттащил от дрожащей девушки. И тут он узнал Фрэнка Симмса, разглядел его раны и вспоротый живот.

Пораженный, Харвей уставился на мужчину, которого он видел в последний раз в море.

Фрэнк Симмс снова предпринял атаку теперь уже на своего лучшего друга. Харвей инстинктивно провел апперкот, но Фрэнк нисколько не прореагировал. Он подхватил Сондру, как пушинку, и кровожадно залязгал зубами.

Харвей Сондра применил прием каратэ, гарантирующий смертельный исход. Шея хрустнула, но это никак не отразилось на Фрэнке.

Зубы все приближались. Тогда Харвей осуществил бросок, в результате которого Фрэнк врезался в противоположную стену. Всю эту стену занимало огромное окно. Вампир пробил стекло и рухнул вниз с высоты десятого этажа.

Все еще тяжело дыша, Харвей Сондра поднялся на ноги. Он высунул голову в разбитое окно и увидел Фрэнка Симмса. Труп лежал далеко внизу, широко раскинув руки и ноги, у него были переломаны все кости и разможжен череп. Даже потугосторонние силы не смогли бы заставить двигаться эти останки.

Привратник и два боя выбежали на шум из отеля. Они наклонились над мертвецом, а затем воззрились на окна.

— По-моему, бессмысленно рассказывать всю эту историю полиции, — промолвил Харвей Сондра. — Мы не можем позволить себе попасть под подозрение в убийстве. Я уйду, Стелла. Советую настаивать на том, что в комнате были вы одна, а стекло разбили нечаянно.

Стелла Кантон все никак не могла отойти от происшедшего.

— Это... это так ужасно. Я не могу оставаться одна после всего пережитого. Не могла бы я... не могла бы я переночевать в вашей комнате, Харвей? Эти несколько часов до рассвета?

— Ну ладно, — кивнул Харвей. — Возможно, это самое разумное решение в настоящий момент.

Остаток ночи Стелла Кантон просидела на кушетке в номере Сондры. Горел свет. Со одобренной солидной порцией раздражения завистью смотрела она на растянувшегося в кровати Сондру, спящего мирно и безмятежно, как младенец в люльке. Стелла же не могла сомкнуть глаз.

VI

Тино Салварин прибыл на следующее утро. Его дорогой, с металлическим оттенком «феррари» поблескивал на солнце. Но лицо молодого человека было печально, как на италья-

янских иконах. Харвей Сондра и Стелла Кантон подробно описали ему события прошедшей ночи.

Весь городок гудел. На каждом углу обсуждали четыре убийства в парке и ужасную смерть незнакомого мужчины, выпавшего ночью из окна гостиницы. Самые невероятные слухи наводнили Цадар.

— Я тоже слышал разные страсти, — признался Тино. — Рыбаки рассказали мне о таких вещах, которым я никогда бы не смог поверить, не услышав вашего рассказа о вчерашних похождениях Фрэнка. Замок Чалдерон действительно проклят. Ни один рыбак не ступит добровольно на его землю. Ужасная кроважадная нечисть бродит там по ночам. На пляже видели всадников на скелетах лошадей. А иногда, когда с острова дует ветер, рыбаки слышат в полночный час колокольный звон и адский хохот. Проклятый епископ, Черный Степан, и его дьявольские монахи восстали из склепов. Много столетий назад они были изолированы на острове и отлучены от церкви за то, что якобы продали души Сатане.

— У нас нет выхода, — сказал Харвей Сондра. — Мы должны поговорить с инспектором. После кровавой резни в парке он прислушается к нашим словам.

Американец набрал номер инспектора Дувлека. Тот попросил приехать к нему в префектуру. Они отправились на «феррари» Тино Салварина. Инспектор Дувлек немедленно их принял.

Выглядел он уставшим и невыспавшимся, его вытащили из постели среди ночи.

— Вы хотели сообщить мне нечто важное, я вас слушаю.

— Мертвец, выпавший из окна «Интерконтинентала», — это Фрэнк Симмс, убитый на Чалдероне. А среди трупов в парке находится тело Луизы Гилджиа.

Харвей Сондра убедительно произнес последнюю фразу, хотя и не был полностью уверен в этом. Выражение лица Симмса подтвердило его догадку.

— Да, это так, — согласился инспектор после некоторой паузы. — Вы что-то можете добавить по этому поводу?

— Я не могу найти никакого правдоподобного объяснения, кроме того, что в игру включились потусторонние силы, — сказал Харвей Сондра. — Существуют вещи, недоступные для человеческого понимания.

Он поведал инспектору, что произошло этой ночью в номере Стеллы Кантон. Инспектор Дувлек молча слушал его, устремив взгляд в открытое окно, словно его мысли витали дале-

ко отсюда. Во рту у него торчала незажженная сигарета в янтарном мундштуке.

— Вам повезло, что вы явились по собственной инициативе, — подал он голос, когда Харвей закончил повествование. — Пять минут назад мне позвонила горничная и сказала, что окно разбито в комнате мисс Кантон. Мы недостаточно тщательно обследовали ее комнату, да и шторы были задернуты. Мой ассистент открывал все комнаты подряд, из которых мог выпасть человек. Но мисс Кантон была вне подозрений.

— Что вы обо всем этом думаете, инспектор? — спросил Тино Салварин.

Инспектор Дувлек вздохнул:

— Я даже не знаю, чему теперь верить. Двойное убийство на острове. Два трупа исчезают из морга, причем женщину находят с серебряным кинжалом в груди в парке рядом с двумя молодыми людьми и девушкой с располосованным горлом, а мужчина сброшен с десятого этажа. Это просто бессмыслица!

— Если бы вы услышали, что говорят рыбаки из Рагузы, то смогли бы оценить ситуацию, — вступил в разговор Тичо. — Три года назад молодой и решительный политический деятель решил доказать рыбакам, что все это бабушкины сказки. Он отшел в сторону все предупреждения и поехал ночью один на остров. Его никогда больше и не видели. Рыбацкая лодка с тремя парнями в шторм бросила якорь в бухте острова. Они ступили на берег и исчезли навсегда. Незадачливая парочка свила там свое гнездышко. Мужчина исчез, а девушка оказалась на следующее утро на пляже. Она улыбалась и махала рукой. Ее отец рискнул забрать дочку, но она не смогла описать происшедшее, так как за ночь сошла с ума.

Инспектор Дувлек смял сигарету и бросил в корзину для бумаг.

— Ну ладно, — снова вздохнул он. — Послушаем сначала доклад доктора Михайловича.

Впятером (рослый ассистент инспектора присоединился к ним) они прошествовали в морг. Доктор Михайлович сидел в маленьком тесном помещении, заменявшем ему кабинет, за дорогим современным столом. Комнатка была забита несгораемыми шкафами. На столе соседствовали телефон, диктофон и бутылка коньяка.

— За ваше здоровье, — приветствовал их Михайлович и опрокинул в рот полстакана коньяка. — Если бы вы видели за последние двадцать четыре часа столько же трупов, сколько их видел я, то тоже прибегли бы к помощи коньяка.

— Трое мужчин и обе женщины мертвы? — поинтересовался инспектор.

Доктор Михайлович удивленно воззрился на него.

— Мертвое некуда, — ответил он. — Мотивы этих преступлений мне непонятны, я не представляю, как трупы смогли исчезнуть из морга. Может быть, это подростки позволили себе такую шутку и украли трупы?

— Конечно, конечно, а потом перегрызли друг другу горло в парке. Да вы сами в это не верите, доктор, — промолвил Харвей Сондра. — Этот случай не для медицины, а для парапсихологии. Я предлагаю дежурство в морге. Мы все пробудем там целую ночь. Нам понадобятся серебряные ножи или еще лучше револьвер с серебряными пулями. Вот мы и посмотрим, что произойдет.

Доктор Михайлович засмеялся.

— И это с вами часто случается? — начал он подкалывать Сондру. — Я могу порекомендовать вам хорошего психиатра. Если вы сейчас к нему отправитесь, то может быть вам удастся избежать смиренной рубашки.

VII

Розыск подростков, в ужасе бежавших из парка, ничего не дал. Полицейские безуспешно прочесали всю местность. Тино Салварину, имевшему связи с преступным миром, повезло больше. Мирко, державший в руках весь преступный мир порта, сообщил ему, что предводителя шайки хулиганов зовут Бранко Жавлик.

Мирко обещал тут же позвонить Тино в «Интерконтиненталь», как только вновь объявится Бранко. Инспектор Дувлек забрал у Харвея Сондры, Тино Салварина и Стеллы Кантон паспорта и запретил покидать город без соответствующего разрешения. Вечером они намеревались встретиться в комиссариате и провести ночь в морге.

Сразу после обеда позвонил Мирко. Он сказал, что Бранко объявился в портовом кабаке. Один из друзей покажет его Тино.

Они снова сели в «феррари» и помчались в порт. Дорогая гоночная машина вписывалась в тесные извилистые переулочки рыбацкого городка, как новый «роллс-ройс» в кладбище автомобилей. Перед забеговкой, размещавшейся в сером покосившемся доме, Тино Салварин припарковался.

Итальянец был очень внимателен к стройной и светловолосой Стелле Кантон и помог ей выйти из машины. Но девуш-

ка интересовалась только Харвеем Сондрой. Высокий американец тоже вышел из машины и с удовольствием потянулся.

— Разве на такой штуковине можно участвовать в гонках? Здесь же сидишь, как селедка в бочке! — воскликнул он.

Перед кабаком, засунув руки в карманы, стояли несколько мужчин в толстых свитерах и вязаных колпаках и неодобрительно поглядывали на вновь прибывших. Когда те скрылись в баре, они окружили «феррари», громко споря о его мощности, скорости и количестве требуемого бензина.

В помещении было накурено, а окна специально закрыты, чтобы сохранился запах. Над стойкой висело чучело огромной меч-рыбы. Хозяин с засученными рукавами, обнажавшими волосатые, покрытые татуировкой руки, споласкивал стаканы. За столами сидели только пятеро гостей. Какая-то замученная жизнью и потасканная женщина бросала деньги в музыкальный автомат.

Тино Салварин подошел к стойке.

— Бранко Жавлик? — требовательно спросил он.

Хозяин указал подбородком на угловой столик.

Там сидел мускулистый брюнет в черной кожаной куртке. Он тяжело навалился на шаткий стол, волосы беспорядочно свесились со лба, а его мутные глаза свидетельствовали о чрезмерном количестве употребленных спиртных напитков.

Харвей Сондра, Тино Салварин и Стелла Кантон подсели к парню. Харвей заказал бутылку «зибловитца» и четыре стакана. Бранко Жавлик непонимающе уставился на американца.

— Что вам надо? — с трудом ворочая языком произнес он. — Я хочу быть один. Я должен напиться до беспамятства.

Официант принес заказ и тактично удалился.

— Что произошло вчера ночью в парке? — спросил Харвей Сондра.

Бранко Жавлик так испугался, что даже расплескал стакан.

— Что? Что? — переспросил он, заикаясь от страха.

— Ты все прекрасно понял, Бранко, — сказал Харвей. — Полиция ищет тебя, как иголку в стоге сена.

Бранко только качал головой, внимательно рассматривая лужицу на столе.

— Сумасшедшие, — пробормотал он. — Все сумасшедшие. Мой серебряный ножик пропал. Я и других предупредил, чтобы молчали. Если мы расскажем, что в действительности слу-

чилося, нам все равно никто не поверит, и мы окажемся за решеткой как убийцы.

— Но нам ты можешь рассказать все как есть, Бранко, — вступила в разговор Стелла. — Мы знаем, что мужчина и женщина были мертвы задолго до того, как вы на них напали.

Бранко потянулся за бутылкой и налил себе полный стакан. Харвей наполнил остальные бокалы. Все выпили, Бранко снова налил себе и горько усмехнулся.

— Мы... напали? — спросил он.

В этот момент в бар вошли пять молодых людей в черных кожаных куртках. Они осмотрелись и подошли к столику Бранко.

— Кто эти люди, Бранко? — поинтересовался один из них.

— Это чересчур любопытные фраера, которые нарываються на драку, — ответил Бранко Жавлик. — Проклятые туристы! Покажем им!

Он схватил бутылку и хотел ударить Харвея Сондру по голове, но Харвей опередил его. Он вывернул Бранко кисть и резко ударил в лицо, затем быстро отпрыгнул, схватил легкий столик и швырнул его в остальных.

Трое упали. Один из парней вынул нож.

— Ах вот что, молокосос, — лениво проговорил Тино Салварин и извлек свой пистолет. — Подходи, не стесняйся! Я порезал многих отчаянных парней в Неаполе.

Хозяин кабака и не думал вмешиваться: подобные драки были для него не в новинку. Бранко Жавлик вновь напал на Харвея Сондру. Лицо его было окровавлено, но глаза сверкали яростным огнем. Видимо, он решил снять напряжение предыдущей ночи и разделаться с соперником из крови и мяса.

Стелла Кантон забилась в угол.

Харвей Сондра, обладатель 1-го дана дзю-до и довольно известный боксер-непрофессионал, нанес Бранко серию сильных и точных ударов. Но парень устоял на ногах.

Тино Салварин со своим стилетом сдерживал двух ребят. Одному расскрестил руку, и тот, оставляя кровавый след, с криком выбежал на улицу.

Другой схватил ножку стула и бросился на Тино. Тино скрыл рукой почти все лезвие стилета, оставив только острый кончик, ловко увернулся и нанес незадачливому бойцу множество болезненных, но не опасных для жизни ран. Тем не менее одежда пацана покраснела от крови, и он в панике ретировался.

Тино Салварин удовлетворенно захохотал.

Харвей Сондра тем временем отбивался от четырех про-

тивников одновременно. Трое придавленных столом поднялись, плюс Бранко Жавлик, который мог многое вынести и щедро отплачивал за каждый нанесенный ему удар.

Вдруг голову Харвея пронзила острая боль, в какой-то момент он даже подумал, что ему сломали нижнюю челюсть, его руки опустились, тело обмякло. Оказывается, Бранко врезал ему тяжелой стеклянной пепельницей, стоявшей на стойке бара. Теперь же главарь шайки поднял в воздух стул, намереваясь одним ударом добить Харвея. Но тут вмешалась Стелла Кантон, она подняла с пола бутылку из-под «зибловитца» и как следует стукнула Бранко Жавлика по голове. Тот рухнул как подкошенный.

Харвей Сондра снова пришел в себя. Его окружали почти подростки, набравшиеся опыта в уличных потасовках и пьяных драках. Для того чтобы напугать в темноте случайного прохожего и вынудить его расстаться с кошельком, этого хватало. Но против Харвея Сондры у них не было ни единого шанса.

Одного Харвей выбросил в окно, другого лишил сознания, а третий позорно бежал.

— Вот и все, — вздохнул Харвей Сондра, осторожно ощупывая свою ноющую челюсть.

В ушах у него звенело. Когда Харвей двигал нижней челюстью, болела барабанная перепонка. Подобные травмы были ему знакомы, ничего серьезного.

На улице загудела полицейская сирена. Один из праздношатавшихся по улице парней вбежал и прокричал: «Осторожно, полиция!»

Харвей Сондра схватил за шиворот находящегося в глубоком обмороке Бранко Жавлика.

— Здесь есть какое-нибудь подсобное помещение, где нас никто не потревожит? — спросил он хозяина.

Тот кивнул в знак согласия.

— На второй этаж они наверняка не будут заглядывать. Первая дверь справа.

Харвей Сондра взвалил на плечо неподвижного и бессильного Бранко, поднял его по лестнице и бросил на кровать в указанной комнате. Пружины кровати обиженно заскрипели. Стелла Кантон заперла дверь.

После двух стаканов холодной воды, вылитых Стеллой ему на голову, Бранко наконец очнулся. Он чихнул, вытер рукавом лицо и сел, тут же схватившись за голову.

— Выбирай, Жавлик, — сказал Харвей. — Или ты заго-

воришь здесь или в полицейском участке. Полиция внизу. У тебя есть минута на размышление.

Нокаут и холодная вода отрезвили Бранко Жавлика. Он сломался. Тихим голосом парень рассказал все подробности происшедшего этой ночью в парке. Его лицо покрыла смертельная бледность, когда он вспомнил нападение вампиров.

— В этой истории должна быть доля правды, — сказала Стелла. — Дьявольская сила монахов с Чалдерона нашла своих жертв даже здесь, в Цадаре.

Бранко прислушался.

— Чалдерон? — переспросил он. — Ольга, моя подруга, учится в институте, и она рассказала мне мрачную легенду о Чалдероне. Я точно не помню, о чем там шла речь, но она живет здесь неподалеку. Я ее спрошу. Мне надо четко узнать, что происходит, иначе я не найду больше покоя.

VIII

Олга Чехровка оказалась крупной брюнеткой с большим бюстом. Она занимала мансарду дома, построенного на рубеже веков. На столе ее комнаты были нагромождены книги, на плите кипел чайник с водой.

Девушка с подозрением оглядела посетителей, включая и Бранко Жавлика.

— Почему вас интересует древняя история? — спросила она. — Это давно забытая старая сказка. Мы же живем здесь, в Цадаре, а Рагуза и Чалдерон далеко от нас.

— Расскажи, Олга, — попросил Бранко, — расскажи еще раз, пожалуйста.

— Ну ладно, — согласилась девушка.

Олга сняла кипяток с электрической плиты и заварила кофе. Ароматный запах поплыл по комнате. Олга Чехровка достала пять чашек, молоко и сахар.

— Сейчас будем пить кофе, — объявила она.

— Мы пришли не для этого, — нетерпеливо произнес Бранко. — Ну, рассказывай же наконец.

Олга села к столу и заговорила, обращаясь сама к себе.

— Когда я была маленькой девочкой, одиннадцати или двенадцати лет, моя бабушка рассказала мне легенду о монахах Чалдерона. Во времена первого и второго крестовых походов монахи-рыцари Чалдерона пользовались всеобщей любовью и уважением. Они принадлежали к могущественному ордену крестоносцев, имевшему замки по всей стране. Но к 1189 году, когда начался третий крестовый поход, епископом

стал страшный человек. Его звали Степан, но все употребляли только его прозвище — Черный Епископ. Ходили слухи, что он был незаконный отпрыск королевского дома. Его родственники отказались от него, ибо сочли сумасшедшим, как и его мать, наложившую на себя руки. С этим Степаном когда-то праведные монахи превратились в дикую орду. Их порочные деяния в замке не остались безнаказанными. Монахов отлучили от церкви. Но они продолжали бесчинствовать, тогда римский папа подтвердил отлучение. Но на Чалдероне только смеялись в ответ. Чтобы обрести бессмертие, они совершили жуткий кровавый ритуал, завершившийся убийством невинной девушки и вкушением ее молодой крови, и поклялись на верность Сатане. Но Бог не допустил торжества зла и внял последнему стону умирающей девушки. Монахи Чалдерона скончались в одночасье от чумы, неизвестно откуда пришедшей на остров.

Олга Чехровка сделала паузу. Она молчала целых три минуты, а когда заговорила, ее голос звучал еще тише и глуше, словно с того света.

— Но неумеренные притязания монахов на вечную жизнь сбылись чудовищным образом. Вместо того чтобы предаваться пиршествам и оргиям в своей крепости, они томились в мрачных склепах, не живые, но и не мертвые. Они не хотели жить, но и не могли умереть. Совсем скоро про замок Чалдерон стали рассказывать страшные истории. Якобы души умерших блуждают в ночи, а их мумии выходят из могил и бродят по острову. Стали таинственно и загадочно пропадать люди. Рыбаки начали избегать остров.

Олга наклонилась к самым лицам гостей и прошептала:

— Говорят, что дьявольские монахи пьют кровь своих жертв, которые превращаются в вампиров. Они тоже сходят с ума от жажды крови, но их укусы убивают, и цепь замыкается.

Бранко Жавлик тихо засмеялся. Его голос сорвался в крик: «Сказки! Это неправда! Я не знаю, почему эти двое напали на нас. Возможно, их ошибочно приняли за мертвых и они находились в трансе, но то, что души каких-то монахов спустя столетия бродят по острову, совершенно невероятно и фантастично. Я не верю в это и не поверю никогда!»

Он никак не хотел успокоиться. Тем временем Олга Чехровка разливала крепкий и ароматный кофе. Во время трапезы трое мужчин и две женщины еще раз попытались пережить эту ужасную историю.

— Есть еще кое-что, что вам необходимо знать, — добавила Олга. — Монахи Чалдерона были очень богаты. Они

собрали огромную коллекцию ювелирных изделий. В подземельях Чалдерона сокрыто золото и драгоценные камни.

— Что ж, их час скоро пробьет, — сухо сказал Харвей Сондра. — После двойного убийства полиция обыщет каждый камушек этих проклятых развалин. Если там действительно что-то хранится, то мы в ближайшее время услышим об этом по радио или прочитаем в газетах.

Они поблагодарили Олгу Чехровку за интересный рассказ и вкусный кофе и попрощались. Вечерело, пора было ехать на встречу с инспектором.

Инспектор Дувлек уже ждал их. За хорошим ужином в первоклассном ресторане Харвей Сондра признался инспектору, что надобность в ночном дежурстве в морге отпала, так как жертвы монахов мертвы, а остальные трупы не превратились в зомби.

Инспектор в раздражении порвал свою салфетку, его шея покраснела, как петушиный гребень.

— Именно этого я и ожидал, — взорвался он. — Сначала вы пудрили мне мозги, что мертвые оживают, а теперь пытаетесь убедить, что ничего подобного больше не произойдет. Вы что, считаете меня полным идиотом?

Дувлек ударил кулаком по столу так, что стаканы жалобно зазвенели, а вилки с ножами градом посыпались на пол. Он так разбушевался, что гости перестали наслаждаться отменной едой и уставились на инспектора.

— Я работаю полицейским уже тридцать лет. Я допрашивал убийц, воров, шлюх, сутенеров, саботажников и агентов иностранных разведок. Каждый из них рассказывал мне разные глупости в надежде обмануть. Но ни у одного человека не хватило наглости прийти ко мне с подобной чепухой, как это сделала ваша троица. Я не знаю, что за всем этим кроется, но докапаюсь до правды. А вам запрещаю удаляться от Цадара дальше, чем на тридцать километров. Каждый день в тринадцать часов вы будете навещать меня в моем кабинете и отмечаться. Если вы не станете этого делать или хоть на пять минут опоздаете, то окажетесь за решеткой. Я все сказал. — Инспектор со свистом выпустил воздух. — Вы должны благодарить судьбу, что Фрэнк Симмс был уже трупом, когда вывалился из вашего окна, иначе вы бы уже давно находились в камере предварительного заключения.

Дувлек заплатил за свой ужин и демонстративно покинул ресторан, ругаясь на сербо-хорватском и пяти других известных ему языках. Харвей Сондра, специалист по Балканскому полуострову, знакомый со всеми его диалектами, выяснил,

что на его голову и головы его друзей и родственников падут всевозможные несчастья и болезни, если осуществится хотя бы самая малая часть сказанного инспектором.

Его так и дергало за язык обратить внимание инспектора на то, что подобные факты нельзя не учитывать, но Харвей сумел промолчать, так как кровать с гостиничным голубого цвета постельным бельем устраивала его значительно больше, чем полосатый тюфяк на нарах.

На следующее утро он горько сожалел, что не настоял на своем и не потребовал немедленно закрыть остров для всех посторонних. Но было уже поздно.

IX

Голова Бранко Жавлика гудела. Огромное количество водки, одобренное хорошим нокаутом, доставило ему немало неприятных минут. Но несмотря на нервное истощение и плохое самочувствие, мысль о сокровищах Чалдерона крепко засела в его больной голове.

Он ни секунды не сомневался, что полиция прочешет весь остров, когда займется поисками убийц.

Значит, у него был единственный шанс: сегодня же ночью переправиться на остров и разыскать клад, конечно, если он вообще существует.

Даже если в рассказе Олги Чехровки содержится доля правды, то его серебряный нож способен одолеть вампиров. Бранко Жавлик решил взять в компаньоны двух друзей. Первого из них звали Михаилом, и Бранко считал его слишком глупым, чтобы он мог испытывать страх перед потусторонними силами. Имя второго было Деметриус, он был греком и прославился как человек, не имеющий нервов. Кроме того, Деметриус не был в парке той ужасной ночью.

Бранко оседлал свой выдавший виды мотоцикл и отправился за своими друзьями. Сначала они скептически отнеслись к предложению Бранко, но в конце концов согласились: Михаил, поскольку Бранко достаточно долго вбивал ему в голову свой план, а Деметриус не перенес обвинения в трусости.

На всякий случай Бранко вооружил свой эскорт серебряными столовыми ножами, украденными в одной из обворованных ими квартир. Парни угнали машину, раздобыли лопаты, заступы и отправились вдоль побережья по направлению к Рагузе. Там они украли моторную лодку и взяли курс на остров Чалдерон.

Ночь оказалась на редкость тихая и звездная. Море спокойно расстиралось перед кладоискателями, как большое зеркало в универмаге. Силуэт замка отчетливо вырисовывался на фоне темного неба. Лихая тройка промчалась мимо рыбаков. Когда те обнаружили, что ребята направились к острову, то закричали и замахали им руками, чтобы те остановились.

Но Бранко лишь рассмеялся в ответ и как следует приложился к бутылке «зибловитца», которая «случайно» оказалась у него в кармане. Он пытался убедить себя, что пьет, чтобы изгнать головную боль. По-настоящему же Бранко до смерти боялся ехать на Чалдерон и пытался заглушить панический ужас сорокоградусной жидкостью.

Они бросили якорь в той самой бухте, где причалили Луиза и Фрэнк Симмс. Через двадцать минут парни были уже у стен замка.

— Нам... нам обязательно надо туда входить? — спросил дрожащим голосом Деметриус, которому вдруг стало не по себе.

Бранко опять глотнул из бутылки и отбросил пустую стекляшку.

— Ты уже небось наложил в штаны! — произнес он насмешливо. — Мы что, прокатились ночью по морю ради простого удовольствия?

Но даже у глупого Михаила в этот момент затряслись колени. Между разговорами о посещении замка и конкретными действиями Михаила огромная пропасть.

— Я не пойду, — решительно сказал он. — Подожду вас в лодке до рассвета. Лучше копать при дневном свете.

— Конечно, — согласился Деметриус. — Так мы и сделаем. Правда, Бранко?

Бранко Жавлик ругался минут десять, осыпая ребят проклятиями, но в глубине души он был рад такому повороту дела. Когда же Деметриусу надоело выслушивать своего атамана, он предложил Бранко одному посетить руины. Тот сразу замолчал.

Парни повернулись к замку спиной и вернулись к лодке.

Там они удобно уселись в ожидании утра, хотя еще даже не пробило полночь, и мелко дрожали от страха. Но ни один не желал в этом признаться.

— Как только рассветет, мы извлечем сокровища, — разлагольствовал Бранко. — Лодку мы спрячем в отдаленной бухте, а с наступлением темноты вернемся в деревню. Рыбаки не заходят на остров. И вряд ли они позвонят в полицию и

сообщат, что видели нашу лодку около острова. Но если ночь окажется темной, то нам не страшна никакая полиция.

Они болтали про мотоциклы, драки и девочек. Глупый Михаил, которого девушки избегали, как огня, описывал свои невероятные успехи в сексе. Он сам настолько запутался с непривычки, что его слушатели не смогли подавить приступа неудержимого хохота.

— Я поймел больше женщин, чем вы оба вместе взятые, — сердито сказал Михаил. — Например, однажды я заметил девушку на рынке. Ее звали Йованка и...

В этот момент над островом раздался колокольный звон.

— Замолчи, — прошипел Деметриус. — Что это было?

— Кажется, колокол, — пробормотал Михаил.

— Осел ты, — рассердился Бранко. — Это мы и сами поняли. Меня интересует совсем другое. Почему на безлюдном острове вдруг звучит колокол?

— Бранко, — обратился к нему Деметриус, — мы сейчас поднимем якорь и отчалим. Выйдем в открытое море. И наплевать на рыбаков.

Бранко в ответ что-то пробурчал. Он попытался завести мотор, но тот коротко чихнул и заглох. Бранко пытался снова и снова, но безуспешно.

Тогда он повернулся к товарищам, и его лицо побледнело не только от лунного света.

— Не заводится, — пожаловался главарь. — Мы влипли.

— Мы умеем плавать, — предложил Деметриус.

Бранко покачал головой.

— Даже если мы доплывем до побережья, скоро начнется прилив. Течение вынесет нас обратно в море, и — конец всему.

— Это все ты со своими идеями! — завелся Михаил. — Полночные поиски сокровищ! Па!

— Во всяком случае, до настоящего момента ничего не произошло, — возразил Бранко. — Кто хочет многого достичь, должен уметь рисковать.

Некоторое время они сидели молча. Бранко услышал странный звук. Это стучали зубы грека. Он хотел закричать на труса, но Деметриус указал вытянутой рукой на обрыв и заорал в ужасе: «Вон там! Смотрите! Там!»

На обрыве замерла темная, облаченная в рясу фигура верхом на лошадином скелете. Пока трое в лодке сидели ни живы ни мертвы, к первому всаднику добавились еще шестеро. Они внимательно смотрели на лодку, которая отчетливо выделялась на освещенной лунной морской глади.

Медленно и беззвучно призраки направились к лодке. Создавалось такое впечатление, что лошадиные подковы не касаются песка. С уверенностью лунатиков всадники спускались по крутому обрыву.

Когда они приблизились, Бранко Жавлик разглядел под капюшонами морщинистые лица мумий, обрамленные длинными черными волосами и бородами. Ночные всадники размахивали мечами.

Деметриус дико завопил, прыгнул в воду и быстро поплыл навстречу далекой земле. Он предпочитал утонуть, чем принять ужасную смерть от мечей привидений.

Михаил встал на колени и начал читать молитвы, которые он знал. Бедняга крепко зажмурил глаза.

Бранко стоял на корме. Он достал серебряный нож. Никогда в жизни парень не испытывал такого панического ужаса. Но он должен был бороться, защищать свою жизнь — такова была его натура.

Копыта лошадиных скелетов мягко прошлепали по воде.

— Проваливайтесь и будьте прокляты! — бросил им в лицо Бранко. — Отправляйтесь назад в ваши вонючие гробницы!

Он взмахнул ножом и со свистом рассек воздух. Его голос захлебнулся. Меч переднего всадника легко описал дугу и отделил от тела Бранко руку, сжимавшую нож. Парень в безумии уставился на безобразную культю, из которой фонтаном забила кровь.

На культе все еще держались ручные часы.

Трое ужасных монахов влезли в лодку. Бранко хотел было прыгнуть за борт, но не успел. Меч пронзил его между лопаток, парень со стоном упал на дно лодки.

Перед смертью он увидел нечеловеческие лица, склоненные над ним, и услышал крики Михаила. Потом луна как-то сразу потускнела и исчезла совсем. Бранко Жавлик умер.

Х

Стелла Кантон проснулась в объятиях Харвея Сондры. Любownik улыбался ей.

— Любимая! — произнесли его губы, за словами последовал поцелуй.

Ужасные происшествия последних дней помогли им найти друг друга. Стелла зевнула, потянулась и выгнулась, как сытая кошка. Одеяло соскользнуло с ее груди. Харвей тут же принялся целовать ярко-розовые, крепкие соски.

Стелла Кантон притянула молодого человека к себе. Ее

руки, лаская и возбуждая, легко заскользили по его телу. Харвей Сондра откинул одеяло. Он целовал шоколадное тело девушки и не избегал потаенных местечек. Стелла не могла больше сохранять спокойствие, она зашевелилась, постанывая и покусывая плечи Харвея, а затем раздвинула бедра и прижалась к Харвею всем телом. Когда он вошел в ее тело, Стелла вздохнула и впиалась длинными ухоженными ногтями в спину молодого человека. Влюбленные позабыли все на свете.

Через час Стелла и Харвей покинули апартаменты и столкнулись в дверях лифта с Тино Салвариним. В сердце итальянца проник яд ревности, когда он увидел светловолосую девушку и высокого мужчину, которые, тесно обнявшись, выходили из номера Харвея Сондры.

Накануне вечером Тино Салварин настойчиво флиртовал со Стеллой, но она не обращала на него ни малейшего внимания. От обиды Тино не смог даже спать этой ночью. Стелла свела его с ума, он никогда не испытывал подобных чувств ни к одной женщине, даже к Луизе Гилджиа, своей покойной невесте. Тино был вынужден признаться себе, что он, хладнокровный и жестокий Тино Салварин, сын одного из боссов итальянской мафии, потерял голову от страсти к светловолосой американке.

Тино обуревали все муки ревности. Но он не показывал вида.

В ответ на вежливое замечание Харвея Сондры, что Тино сегодня неважно выглядит, итальянец сослался на события последних дней.

Они вместе спустились на лифте и отправились завтракать.

Завтрак был обильный и сытный, с претензией на роскошь, как и положено в интернациональных отелях. Тино только выпил кофе, кусок не лез ему в горло. Харвей и Стелла весело и беззаботно ворковали. Харвей проглотил три вареных яйца и гору булочек.

Тино был вынужден крепко держать себя в руках, чтобы не показать свои муки. Он облегченно вздохнул, когда бой позвал его к телефону.

Звонил Антон Дворжак, владелец отеля «Сараево» в Рагузе. Он знал размеры влияния отца Тино, известного профессора Салварина, и хотел угодить его сыну.

— Ну что у тебя? — грубо спросил Тино.

— В бухте Чалдерона снова стоит моторная лодка на якоре, — ничуть не смутился от такого приветствия Дворжак. Тино

слышал его тяжелое дыхание. — На борту найдены два изуродованных трупа. Мы возьмем лодку, а незадачливых мертвецов оставим на острове.

— Ты знаешь, кто эти убитые?

Хозяин отеля ответил отрицательно. Тино поблагодарил и положил трубку на рычаг. Он не сразу отправился в зал ресторана, а закурил и крепко задумался.

Ему хотелось одним махом убить двух зайцев. Во-первых, он решил доставить инспектору Дувлеку неопровержимые доказательства, которые заставят последнего придерживаться устойчивой версии. Тогда эта глупая история с привидениями Чалдерона забудется. Во-вторых, он хотел отбить Стеллу Кантон у Харвея Сондры.

К тому моменту, как Тино носком лаковой туфли раздавил окурок, в его голове созрел план, гениальный план, осуществление его приведет к намеченной цели. Итальянец улыбнулся и вернулся в ресторан.

— Звонил Дувлек, — обманул он Харвея Сондру. — Инспектор хочет нас видеть. Мисс Кантон может остаться в гостинице.

После завтрака Салварин и Сондра уехали. Американец быстро смекнул, что их путь лежит далеко не в комиссариат. Он задал Тино соответствующий вопрос.

Итальянец лишь ухмыльнулся в ответ. Он притормозил перед магазином фотопринадлежностей. Харвей Сондра вошел вслед за Тино в магазин. Тино купил две камеры, вспышку, прибор для прокручивания фильмов и телеобъектив. Кроме того, он выбрал множество роликов цветной пленки и две большие бобины.

— Вы хотите снять фильм, Тино? — удивленно поинтересовался Харвей, когда они вновь оказались в машине.

Тино рассказал Харвею о звонке из Рагузы.

— Инспектор Дувлек упечет нас за решетку, если мы расскажем о еще двух мертвецах на Чалдероне и снова предложим ему провести ночь в морге. Есть только один выход. Сегодня ночью мы навестим Чалдерон, сфотографируем и отснимем обоих умерших, если они начнут двигаться. Возможно, нам удастся снять фильм и о самих Чалдеронских монахах.

Харвей Сондра наморщил лоб и почесал в затылке.

— Я, конечно, не трус, но это очень опасная затея. Погибло и так слишком много людей.

— Риск присутствует в этом деле, поэтому я решил вывести Стеллу Кантон из игры. У вас есть какие-нибудь идеи,

как достать необходимые улики? Мы останемся сидеть в лодке неподалеку. Если станет опасно, мы в любой момент сможем уйти в открытое море.

После короткого раздумья Харвей Сондра согласился.

— Фрэнк Симмс был моим другом. Кроме него, умерли Луиза Гилджиа, двое мужчин и девушка в парке, а теперь и еще два человека. Надо немедленно что-то предпринять. Рагузские рыбаки и пальцем не шевельнут даже для того, чтобы уведомить полицию. Они боятся, что мертвых привезут к ним в деревню, а ночью те восстанут и будут сеять смерть. Так что действовать придется нам.

Тино Салварин согласился с ним, так как Харвей принял этот план целиком и полностью.

Оба мужчины еще не знали, что ночной жертвой явились Бранко Жавлик и его друзья. Грек Деметриус утонул в море, и течение выбросило его труп на берег.

В тринадцать часов Харвей Сондра, Тино Салварин и Стелла Кантон отметились у расстроенного инспектора Дувлека. Маленький седой человечек нервно мерял шагами свой кабинет.

— Мое начальство каждый день спрашивает, когда я поймаю «Цадарского кровопийцу». — Он шмыгнул носом. — Это красочное сравнение пришло в голову журналистам местной прессы. Репортеры осаждают меня. Некоторые хотели посетить Чалдерон, но я строжайше запретил это делать. Видимо, нам действительно придется прочесать весь остров в надежде отыскать следы. Если орава газетчиков ринется на остров, то там останется не больше улик, чем после землетрясения.

— А представители интернациональной прессы уже прибыли? — поинтересовалась Стелла Кантон.

Инспектор уставился в пол.

— Слава Богу, этого пока удалось избежать, — ответил он. — Мне достаточно местных сенсаций.

К счастью, у Стеллы хватило ума не спросить инспектора, о чем он недавно говорил с Харвеем Сондрой и Тино Салварином. Вся компания вернулась в отель «Интерконтиненталь». Харвей объяснил Стелле, что они с Тино хотят вдвоем еще раз съездить в Рагузу и расспросить рыбаков.

Стелла обиженно надула губы.

— А почему вы не хотите взять меня с собой?

— Когда позвонит инспектор, ты должна будешь сказать ему, что мы шлемся по Цадару. Если же никого из нас не окажется на месте, ему это покажется подозрительным, а я не хочу в тюрьму.

Харвей долго и страстно целовал Стеллу в холле гостиницы. Тино отвернулся, чтобы не обнаружить своих чувств.

На следующее утро у него будут необходимые доказательства дьявольского разгула на Чалдероне, а Харвей Сондра... будет мертв, он падет жертвой монахов. Последней жертвой.

XI

Тино Салварин гнал свой «феррари» по крутой узкой дороге в Рагузу. Слева вздымались отвесные скалы, справа изгибались поросшие лесом горные склоны. Небо было безоблачно, и море сливалось вдаль с горизонтом.

Пейзаж был красив и романтичен, но мысли мужчин работали совсем в другом направлении. На заднем сиденье тряслись камеры и пленки.

Недалеко от Рагузы дорога ответвлялась в сторону маленькой деревеньки. Обладавший хорошими рессорами «феррари» промчался по выбоинам и колдобинам проселочной дороги. Тино Салварин даже не удосужился сбавить скорость. Высокому Харвею пришлось наклонить голову, чтобы не пробить крышу, — так высоко он подскакивал.

— Не надо лихачества, Тино, — попросил американец. — Иначе вам придется одному навещать проклятый Чалдерон.

Перед отелем «Сараево» Тино притормозил. Мужчины вылезли и отправились в принадлежащий отелю ресторан. Время близилось к вечеру. Позднее у них не будет больше возможности подкрепиться.

Просто обставленное помещение было почти пустым, если не считать нескольких рыбаков, сидевших в полном молчании у окна. Изредка позвякивали стаканы, слышалось бульканье, а потом снова тишина.

Молодых людей обслуживал сам толстый Дворжак.

— В последнее время происходят такие ужасные вещи, — пожаловался он. — На протяжении столетий Чалдерон считался проклятым местом. Но теперь люди как будто взбесились, лезут и лезут за своей смертью, а зло торжествует.

— Всему приходит конец, — возразил Тино. — Сегодня ночью мы отправимся на остров, чтобы вернуться с неопровержимыми доказательствами. Тогда убийства прекратятся. Несколько зажигательных снарядов разнесут Черного Степана и его свиту в пух и прах.

Дворжак перекрестился, когда услышал это имя. Он недоверчиво посмотрел на Тино и его спутника, долговязого аме-

риканца. Молодые люди поели с аппетитом, запили еду искристым красным вином и дали хорошие чаевые.

Дворжак расшаркался. Он был уверен, что никогда больше не увидит этих сорвиголов.

Винко Йаканда, сдающий на прокат моторные лодки, не хотел оформлять квитанцию, когда услышал, куда возьмет курс его суденышко. Харвей Сондра пригрозил ему полицией за умалчивание о двух новых убийствах на Чалдероне. Йаканда уважал энергичного инспектора Дувлека и был вынужден согласиться.

Лодку он выдал.

Через два часа — солнце уже опустилось в море, окрасив небо в багряные тона, — катерок вошел в бухту острова. Харвей Сондру вновь поразила мертвая тишина Чалдерона.

Молчали птицы, ни одна веточка не хрустнула под ногой зверя. Деревья и кустарники выглядели отлитыми из свинца. На острове сломанной короной вздымался замок.

Забирая лодку, рыбаки вытащили мертвецов на пляж. Трупы покоились наполовину в воде, их ноги омывали волны: рыбаки не посмели сделать ни одного лишнего шага по ненавистному острову.

Харвей Сондра опознал Бранко Жавлика.

— Интересно, что побудило его отправиться на остров? — спросил он Тино Салварина.

Тот пожал плечами.

— Наверное золото, о котором говорила Ольга Чехровка. Иной причины я не могу придумать.

Молодые люди вытащили изуродованные тела из воды. Тино сфотографировал их с разных сторон и истратил несколько метров пленки. Потом он установил камеру на корме лодки и подключил к аккумулятору два мощных прожектора.

— Ну, ладно, — промолвил он, — это будет первый документальный фильм ужасов. Мы должны приложить все усилия, чтобы наши «звезды» не сожрали нас на ужин в качестве гонорара за потраченное время.

Наступили сумерки, а потом быстро стемнело. Далеко в море что-то мерцало и переливалось. Это явление не несет в себе ничего сверхъестественного: свет отражают мелкие морские животные — планктон. Но в средние века суеверные моряки считали, будто хозяин морей подает им знак, что их корабль скоро пойдет ко дну.

Харвей Сондра и Тино Салварин сидели в лодке и ждали. Каждый погрузился в свои мечты и размышления. Медленно

тянулись часы. Харвей посмотрел на светящийся циферблат ручных часов.

— Без десяти двенадцать, — тихо промолвил он, словно не желая нарушать неприятную тишину острова. — Пора!

— Да, — Тино кивнул, — пора.

Харвей Сондра повернулся к нему спиной, чтобы проверить работу прожекторов. Тино вытащил заранее приготовленный гаечный ключ, беззвучно подкрался к американцу и ударил. Харвей Сондра перелетел через борт лодки и шлепнулся в воду.

Тино специально ударил в полсилы, он не хотел убивать Харвея, жертву ждала совсем иная смерть.

Итальянец прыгнул в воду, она доходила ему до пояса, подцепил Сондру за воротник светлой рубашки и выволок на песок рядом с трупами.

Совершив подлый поступок, Тино, удовлетворенный, вернулся в лодку. Над островом послышался колокольный звон. Полночь!

Тино Салварин внимательно наблюдал за тремя неподвижными телами на пляже. Расстояние между ними составляло всего лишь двадцать пять метров. Тино ждал. Сердце бешено билось в груди, ладони вспотели от напряжения.

Он сходил с ума от ужаса, но не покидал своего наблюдательного поста.

Вдруг один труп зашевелился. Это было тело Михаила. Мертвец приподнялся и сел. Тино едва сдержал крик. Луна хорошо освещала страшные укусы на теле мертвеца. Непостижимо, что в нем сохранилась искра жизни.

Труп поднялся во весь рост, наклонился над двумя другими неподвижными мужчинами. Его обнажившиеся клыки потянулись к шее Харвея Сондры.

Тино Салварин включил прожекторы и отснял эту безобразную сцену: труп, наклонившийся над лежащим в обмороке, с голодным оскалом длинных острых зубов. Сейчас он перекусит сонную артерию и начнет пить теплую струящуюся кровь.

Тино Салварин поздравил себя с успешным выполнением своего плана.

Но тут он заметил, что Харвей едва заметно вздрогнул и повернул голову в сторону. Американец открыл глаза, увидел над собой бледное мертвое лицо с пустыми глазами и дико заорал. Труп намертво вцепился в свою жертву.

Харвей Сондра защищался с отчаяньем обреченного. Он боролся с мертвецом. Харвей был очень силен и знал множе-

ство приемов, но его противник обладал сверхъестественными силами и не чувствовал боли.

Впившись друг в друга скрюченными пальцами, вампир и его жертва покатались по песку.

Только нечеловеческим напряжением сил Харвею удавалось держать труп на расстоянии. Он уже тяжело дышал. Как долго удастся ему противостоять нападению вампира?

— Тино! — прохрипел Харвей. — Тино, помоги мне. Во имя милосердия, не бросай меня в беде.

Тино Салварин громко рассмеялся в ответ. Он спрашивал себя, почему второй погибший — Бранко Жавлик — не шевелится и не нападает на Харвея. Он не знал, что Бранко умер своей смертью раньше, чем до него добрались зубы монахов.

Тут внимание Тино привлекло нечто иное. По обрыву спустились одетые в рясы всадники.

Тино Салварин сделал несколько снимков. Он дождался, пока наездники приблизились к борющимся на пляже.

Один из прибывших направил свой лошадиный скелет в воду. Тино смог различить под капюшоном тронутый временем череп мумии. Было самое время отчаливать.

Итальянец завел мотор. Когда мумии приблизились на расстояние одного метра, он стрелой помчался вперед. Вокруг запенились волны. Тино Салварин услышал за спиной умоляющий вопль:

— Тино!

Но он даже не оглянулся на предсмертный крик Харвея Сондры. Путь к сердцу Стеллы Кантон был свободен.

XII

Харвей Сондра ощущал стальные объятия мертвеца. Вокруг собрались черные фигуры на скелетах лошадей. Круг медленно замкнулся. Жадно лязгали черные зубы. Тино предал Харвея и бросил на растерзание вампирам.

«Так выглядит смерть? Не хочу быть разорванным зубами отвратительных созданий, не желаю, чтобы они касались моего тела, пили мою кровь, превратили меня в живой труп!»

Харвей Сондра собрал оставшиеся силы и вырвался из цепких рук мертвеца. Окружавшие их монахи попытались схватить его. Молодой человек почувствовал холодную костлявую руку на своем плече. Он рванул эту конечность вниз и одновременно ударил ногой, согнутой в колене.

Раздался звук, словно хрустнула сухая ветка. Мумифицированный труп не издал ни звука, но его рука отвалилась.

Высохшие черные когти вонзились в рубашку Харвея, он рванулся, оставив значительную часть рубашки в руках монаха, но все-таки прорвался сквозь замкнутый круг вампиров.

Молодой человек удачно увернулся от меча всадника, выскочившего из воды и попытавшегося на скаку срубить Харвею голову. Тот рванул поводья лошади так, что она упала на землю, а Харвей бросился в море.

Он греб навстречу далекому побережью. Скорее подальше от ужасных мумий. Вода оказалась прохладной и приятно освежала тело после напряженной и изнурительной борьбы. Монахи остались на берегу, они смотрели ему вслед пустыми глазницами.

Харвей плыл и плыл. Свинцовая усталость сковала его члены. Болела голова, его тошнило: молодой человек понял, что удар по голове не прошел бесследно. Харвей получил легкое сотрясение мозга.

Волны били беглецу в лицо, он начал глотать воду. Для опытного пловца это был признак скорого истощения и смерти. Харвей Сондра никогда не сможет добраться до берега!

Молодой человек перевернулся на спину и предоставил волнам нести себя в любую сторону. Только изредка он нарушал тишину всплеском или гребком руки. Справа темнел Чалдерон. Тихим и мирным выглядел остров под луной. Харвей мог легко добраться до твердой почвы, но он был готов скорее утонуть, чем сделать это.

Сондре становилось все труднее и труднее держаться на поверхности. Вдруг ему почудилась музыка. Сначала он приписал это начинающимся галлюцинациям, но на какое-то время пришел в себя и обнаружил, что музыка действительно слышна.

Наконец Харвей разглядел огни большого корабля, стоявшего на якоре в двух сотнях метров от Чалдерона.

На корабле играла капелла. Харвей Сондра собрал последние силы и погреб к спасительному судну.

Он громко закричал:

— Помогите! На помощь!

Услышит ли его кто-нибудь? Харвей опять прикнул. На борту судна зажегся прожектор. Сноп света прорезал темноту и заплесал рядом с Харвеем.

На воду спустился шлюпок. Сильные и умелые руки подхватили обессиленного американца и втащили его в лодку. Он остался лежать в полубоморочном состоянии.

Харвея подняли на борт при помощи малой грузовой лебедки. Капитан, первый офицер и судовой врач склонились

над спасенным. Пассажиры в вечерних платьях и смокингах образовали полукруг.

Харвей Сондра с трудом открыл глаза. Удар по голове, трудная борьба с трупом совершенно его истожили.

— Что... за корабль? — прошептал он.

— Вы на борту «Мавритании». Мы находимся на пути в Триест, — ответил капитан со светлой бородой. На нем была белая парадная форма. — У нас круиз по Средиземному морю.

Страх промелькнул в глазах Харвея Сондры.

— Прочь, прочь от острова... Мертвецы... Они всех убивают... Убивают и пьют кровь. Отойдите как можно дальше от острова, капитан.

— Не могу, — ответил тот. — У нас неполадки с мотором. Мы хотели сегодня зайти в порт Цадар, но нас отнесло течением.

— Послушайте, вам надо держаться подальше от острова. Как можно дальше. Мертвые воскресли и бродят. Монахи из Чалдерона.

Харвей Сондра сел на палубе. Капитан и офицер переглянулись. Первый офицер многозначительно постучал пальцем по лбу.

Несколько пассажиров засмеялись. Слегка подвыпившая блондинка в сильно декольтированном черном платье поманила рукой в сторону острова и прокричала: «Присоединяйтесь, мы приглашаем вас всех на вечеринку!»

Корабельный врач внимательно осмотрел голову Харвея Сондры и сказал:

— Он ранен и в шоке. Отнесите молодого человека в мою каюту. Я дам ему успокоительного.

Четыре стюарда положили Харвея на носилки и унесли. В каюте с него сняли мокрые вещи и смыли под душем соленую воду. Доктор руководил всеми процедурами. Харвея положили в чистую белую постель.

— Трупы, — еще раз пробормотал он.

— Да, да, — согласился врач. — Я сделаю вам укол, и вы как следует выпитесь. Вам необходимо отдохнуть.

Харвей Сондра почувствовал легкий укол. Он вздрогнул и одним движением вынул шприц из руки доктора. Шприц упал на пол, игла сломалась. Доктор выругался.

Он поднял сломанный шприц, затем взглянул на Харвея Сондру: тот уже впал в глубокий, похожий на обморок сон. Доктор проверил пульс своего подопечного. Он бился спокойно и ровно. Врач пожал плечами.

— Следующие шестнадцать часов парень будет спать, —

обратился он к стоявшему рядом стюарду. — Давайте запрем на всякий случай дверь. Парень получил сильный удар по голове, у него шок. В беспомощности он может свалиться за борт. Навешайте его каждые два часа, Гиоргио.

Стюард кивнул. Кабина опустела. Врач запер дверь снаружи, передал ключ стюарду и вернулся обратно в салон, где развлекался до появления Харвея Сондры. Навстречу ему лились звуки вальса. На площадке для танцев кружились пары.

Доктор присел за стол, где приятно проводили время капитан, офицеры и почетные гости.

— Как чувствует себя мистер, которого выловили из моря? — поинтересовалась все та же блондинка.

Она была не первой молодости, но очень ухоженная и увешанная драгоценностями.

— Молодой человек уснул, — ответил доктор. — Теперь ничто больше не нарушит красоту этого вечера. Разрешите пригласить вас на танец, мадам?

В то время как корабельный врач вальсировал с прелестной блондинкой, от острова Чалдерона отделился грубо сколоченный плот и двинулся в сторону корабля. Двенадцать полуразложившихся трупов в рясах и бледный, покрытый укусами мух, чина отправились на обещанную вечеринку.

XIII

Плот глухо ударился о борт корабля и замер между носом и якорной цепью. Один из монахов взобрался по цепи, помогая себе руками и ногами. В зубах он держал свой меч. Безглазое лицо под капюшоном внимательно оглядело палубу.

Вампир тихо перелез через борт. Остальные последовали за ним. Они распределились по всему кораблю. Из салона доносились музыка и голоса, звонко засмеялся женский голос.

На корму вышла молодая пара.

— Ах, Энрико, что за ночь! — проворковала девушка. — Воздух пьянит, как шампанское.

Тут она увидела темную фигуру с мерцающим мечом. В этот момент луна вышла из-за тучи, и ее мертвенный свет озарил лицо, словно восставшее из глубин ада.

Девушка пронзительно завизжала. Меч взвился в воздух, и ее крик перешел в предсмертный хрип. Молодой человек схватил высушенные временем руки, но черные зубы вонзились в его шею, и призыв о помощи умер на губах несчастного.

В салоне никто ничего не заметил. Гости продолжали шу-

тить, смеяться, пить и танцевать. Богатые мужчины и прекрасные женщины назначали друг другу свидания. Рекой лилось шампанское. Первые пары спускались в каюты, чтобы бездумно предаться любви, искренней и наивной, как теплая летняя ночь.

А ужасные вампиры пробирались к дверям салона. Их еще никто не обнаружил, еще звучала музыка. И тут одна из дам внезапно, будто ее кто-то толкнул, обернулась, увидела полуистлевшие ряссы на сухих бородатых и зубастых фигурах и в страхе завопила.

Дамы и господа разом обернулись и безмолвно уставились на ужасных гостей. Музыка оборвалась, опрокидывая столы и стулья, люди повскакивали с мест. Около запасного выхода началась паника.

По «Мавритании» гуляла смерть. Мелькали мечи, черные зубы впивались в шеи кричащих и бьющихся в конвульсиях мужчин и женщин. Изголодавшиеся за столько столетий дявольские монахи Чалдерона наконец-то праздновали настоящую кровавую оргию. Опьяненные кровью, они шатались по кораблю и взламывали каюты, куда попрятались перепуганные богачи. Нашли даже машиниста, зарывшегося в ящик с грязными тряпками в самом отдаленном уголке машинного отделения.

Как волки, ворвавшиеся в стадо овец, Чалдеронские монахи неистовствовали в кровавой горячке и убивали все живое. Их ряссы намокли и покраснели от крови.

Не будем описывать кроважадное торжество вампиров. Во всем мире существуют только три тайных рапорта обо всем происшедшем, они тщательно охраняются соответствующими службами. Даже медицинский отчет выглядит, как описание конца света.

Достаточно упомянуть, что на борту не осталось ни одной живой души: ни мужчины, ни женщины, ни ребенка. Сопротивление и мольбы остались без ответа. Монахи не пощадили ни младенца в колыбели, ни спящих в кровати молодых супругов. Только немногим удалось прыгнуть за борт и добраться до острова, на котором они были в ту ночь в полной безопасности.

Из девяноста восьми пассажиров остались в живых лишь двадцать. Капитан пытался противостоять вампирам с пистолетом в руках, но пули не оказали на них никакого воздействия. Тогда он вставил ствол пистолета себе в рот и выстрелил.

Когда на горизонте забрезжил рассвет, монахи спустились на плот и отправились восвояси, в свои мрачные подземелья.

Пятеро капуцинов, обалдевших от обилия крови, позабыли вернуться назад. Солнечный свет, опасный для их тел, как серная кислота, застал их врасплох и загнал в темное машинное помещение.

При дневном свете что-то зашевелилось в корабельной шлюпке. Это был Харвей Сондра. Первые крики в ночи вырвали его из объятий Морфея. Ему удалось взломать замок и заползти под шлюпку. Теперь же американец бродил по палубе, страдая и ужасаясь. В радиорубке он обнаружил мертвого радиста с располованным горлом, а на нем труп Михаила, превратившегося с рассветом в обыкновенное мертвое тело.

Харвей Сондра вытер непроизвольно выступившие у него на глазах слезы и вышел в эфир с сигналом «SOS». Через некоторое время откликнулся военный крейсер. Харвей Сондра уставился в пустоту и стал ждать военных моряков.

Монотонным голосом он отрапортовал капитану-лейтенанту о происшедшем этой ночью. Тот сперва решил, что перед ним сумасшедший, но спасшиеся на острове мужчины и женщины подтвердили его рассказ. Кроме того, в машинном отделении были обнаружены фигуры в окровавленных рясах. Моряки дали по ним очередь из автоматов, но безуспешно. Пришлось отступить.

Через несколько часов прибыло подкрепление. На борту судна установили огнеметы. Когда снопы пламени охватили скелеты столетней давности, от них осталась одна зола.

Инспектор Дувлек также прибыл на борт «Мавритании». Он прошел мимо Харвея Сондры, не узнав его. Потом обернулся и пригляделся.

— Мистер Сондра, — растерянно сказал инспектор, — Боже, как вы выглядите! Ваши волосы...

Харвей Сондра пошел в каюту и посмотрел в зеркало. На него из зеркала уставился какой-то незнакомец. Его волосы, еще вчера светло-русые, за одну ночь стали седыми.

XIV

Полночь. Над островом снова звучит колокол. Солдаты застыли. Они рассеялись по всему замку, в том числе и во внутреннем дворе. Они ждут, готовые к нападению.

Со скрипом открывается дверь склепа. Шесть фигур выходят во двор. Развешаются тяжелые рясы, стальные мечи поблескивают в высохших руках.

— Включить свет!

Прожекторы залили светом всю площадку. Один из солдат вскрикнул при виде отвратительных мумифицированных черепов.

Капуцины не двигались.

— Огонь!

Загрохотало оружие. Серебряные пули впились в монахов. Те попадали.

— Огнеметы!

Солдаты пересекли дворик, навели огнеметы на безжизненные фигуры. Рясы вспыхнули. Осталась одна зола.

Войска провели всю ночь в замке Чалдерон, но ничего больше не случилось. На утро они очистили остров. После того как все поднялись на борт корабля, по радио были взорваны оставшиеся на Чалдероне боеприпасы. Эхо взрывов прокатилось по морю. Его слышали даже на побережье.

Плотное облако пыли поднялось над замком, а когда оно улеглось, на месте Чалдерона остались только жалкие камни. Нагонявшего в течение многих столетий страх на всю округу замка больше не существовало.

Инспектор Дувлек и Харвей Сондра стояли на палубе быстрого морского катера и смотрели на остров.

— Невероятно, — обратился инспектор к Харвею. — Мы живем в двадцатом веке и все же... — Он замолчал. — Но теперь с вампирами покончено раз и навсегда.

— Несчастные жертвы кровавой ночи на «Мавритании» были позавчера сожжены. Но никакого сокровища в замке не нашли, — ответил Харвей Сондра. — Это просто счастье, что вы действовали оперативно и уведомили вооруженные силы, инспектор.

Дувлек пожал плечами.

— Что мне оставалось делать, когда Тино Салварин прокрутил мне свой фильм? Салварин был испуган и поражен, когда я его арестовал после разговора с вами по радио. Он считал вас мертвым и собирался сыграть роль благородного друга перед Стеллой Кантон, а потом и утешить ее.

Харвей Сондра провел рукой по белым волосам.

— Теперь все позади. Мы должны забыть это. Монахов больше нет. Позавчера убиты пятеро на борту «Мавритании», и сегодня — шестеро в Чалдероне. Вы хороший стратег и организатор, инспектор Дувлек.

Впервые за много дней маленький инспектор улыбнулся.

— Я сделал все, что было в моих силах, — сказал он скромно, — а что предпримете вы, мистер Сондра?

— Мы со Стеллой Кантон хотели провести вместе трехнедельный отпуск в Неаполе, инспектор. Нам уже можно покинуть город?

— Разумеется, я не буду вас больше задерживать. Все происшедшее прошу сохранить в тайне от прессы и общественности. Мертвецы с «Мавритании» будут отнесены на счет аварии на судне.

Харвей Сондра оглянулся. Остров Чалдерон уменьшался прямо на глазах, становясь таким маленьким и незначительным.

Через день после этого разговора Харвей Сондра и Стелла Кантон отбыли в Неаполь. Инспектор Ференц Дувлек проводил их до самолета. Он был вынужден сообщить им, что ночью Тино Салварин подкупил сторожа и сбежал из камеры предварительного заключения.

ЧЕРНЫЙ СТЕПАН

I

Профессор Салварин был гениальным химиком и преступником. Он был одним из крестных отцов итальянской мафии. Жажда власти пожирала его, в мечтах профессор видел себя королем всего преступного мира. Но осуществить подобные планы очень нелегко. У Салварина была масса соперников, не уступающих ему ни в хитрости, ни в хладнокровии, ни в беспардонности.

Среди них особо выделялись Бенито Молента, контролирующий Сицилию и южную Италию, Франческо де Люкка, глава мафии северной Италии, и, конечно, великий Ренато Андорра, живая легенда, ему принадлежали промышленные концерны, и он являлся одним из заправил в политических кругах.

Андорра мог приказывать Моленте и де Люкка. Профессора Салварина он считал навязчивым выскочкой и игнорировал его. Но Ренато Андорре было уже за семьдесят. После неудачного покушения у него отказали ноги, он передвигался только в кресле на колесах. Жил Андорра в противоатомном бункере в пригородах Гран-Сассо. Оттуда он и контролировал железной рукой свою обширную империю.

Все эти люди были врагами профессора Салварина. Ему пришлось смириться с поражением, когда Бенито Молента вытеснил его из наркобизнеса в Калабрии. Профессор Салварин потерял несколько верных людей, значительный капитал, но что еще хуже — свое лицо и влияние, приобретенные с таким трудом.

Поэтому он был не в настроении слушать истории своего сына Тино. Отец и сын Салварин сидели в кабинете профессора на его вилле с окнами на Неаполитанский залив.

— У меня забита голова и без твоих историй о привидениях, — проворчал профессор. — Меня абсолютно не интересует, оживают ли трупы в Югославии или нет. Ты должен радоваться, что я вообще вызволил тебя из тюрьмы. Советую несколько лет не показываться в тех местах. Что тебе еще понадобилось на этом «таинственном» Чалдероне?

— Я хочу прикончить последнего из шайки дьяволов, имеющих на своей совести мою невесту, — с ненавистью произнес Тино.

— Что? Кажется, ты говорил, что их уже уничтожили.

— Так нет же. Я действительно показал инспектору фильм, но некоторые фотографии сохранил для себя, предполагая передать их газетам, но сделка не состоялась. Эта тема закрыта для прессы.

— Ну и что же? Эти духи уничтожены или?..

— Во время допроса я узнал, что пятерых сожгли на «Мавритании», шестерых в самом замке. Но на некоторых моих снимках отчетливо видны двенадцать всадников. Один, видимо, уцелел. Он все еще бродит по Чалдерону.

Профессор Салварин наморщил лоб. Это был худой седой мужчина, имеющий обыкновение немного сутулиться. Его узкое аскетическое лицо выражало цинизм и разочарование.

— Я должен признать, что твои снимки и рассказы впечатляют, Тино, — сказал он. — Любопытно и то, что мне удалось разузнать из различных источников. Ты хочешь уничтожить этого демона из Чалдерона? Серебряной пулей или огнем, как я полагаю.

— Да, — твердо ответил Тино, — я хочу лично отомстить за Луизу.

— Ты не сделаешь этого. Мне нужно это существо. Представь себе, его не берет ни пуля, ни бомба. Это мог бы быть уникальный убийца. С таким союзником я смогу устранить всех моих врагов и занять по праву принадлежащее мне место.

— Но это же невозможно, папа. Этот мумифицированный труп не может находиться на солнечном свете. Он не переносит огня, его можно убить только серебряной пулей.

Профессор Салварин подошел к окну, заложил руки за спину и спокойно наблюдал яхты в заливе.

— Я покрою его тело слоем искусственного материала, защищающего от света и огня, — возразил он. — Конечно, серебро по-прежнему в состоянии убить его, но кто же в конце концов стреляет в наше время серебряными пулями?

— А как ты хочешь держать эту кровавую бестию под контролем?

— При помощи серебряной капсулы, которую я вмонтирую в его тело. Она сможет взрываться по моему приказу. Вопрос только в том, хватит ли у этого создания ума, чтобы выполнять мои приказы, или это просто животное.

Через двое суток глубокой ночью над остатками руин Чалдерона завис вертолет. Прожекторы осветили двор и засекли темную фигуру в рясе.

На борту вертолета находился сам профессор Салварин. Кроме него здесь еще были пилот и двое верных профессору людей. Мафиози несколько испугались, когда монах поднял к небу бородатую голову и обнажил клыки. Дьявольский капюшон взмахнул мечом.

Вертолет медленно пошел на посадку.

— Давай! — крикнул профессор.

Сплетенная из серебряных нитей сеть накрыла ужасное чудовище. В ответ раздалось рычание.

Вертолет приземлился. Профессор и его помощники выпрыгнули и взялись за концы сети. Черные зубы щелкнули в непосредственной близости от ноги профессора.

— Быстро! На борт его!

Трое мужчин легко подняли сеть в вертолет. Это был геликоптер, рассчитанный на двенадцать человек.

Спустя сорок пять минут вертолет приземлился на поляне перед Цадаром. Монах был положен во вместительный гроб. Профессор Салварин приготовил бумаги, чтобы легально отправить гроб самолетом в Неаполь.

Уже на следующий день страшное создание оказалось в лаборатории на операционном столе. Руки и ноги его были крепко прикованы к столу.

Паола Лачеста, доверенное лицо и любовница профессора, ассистировала ему во время операции.

— Сейчас мы определим, обладает ли эта bestия разумом, — заявил профессор.

Паоле Лачесте внезапно стало холодно. Лаборатория с бесконечными рядами стеклянных сосудов, электрических осциллографов, набором блестящих хирургических инструментов напомнила ей декорации к фильму о Франкенштейне. Ко всему прочему еще и это безобразное чудовище на операционном столе.

Черное, высохшее тельце лишилось рясы. Оно выглядело без развешивавшейся одежды как экспонат-вешалка, извлеченный из гробницы египетского фараона. Морщинистая, словно кора старого дерева, кожа обтягивала невесомые ломкие кости.

— Как же... он... может видеть и слышать? — с ужасом спросила Паола.

Профессор передернул плечами.

— Разве я знаю? Это настоящее издевательство над природой. Как в этом хилом полускелете вообще умудрилась удержаться жизнь? Если подумать, что потусторонние силы смогли оживить на Чалдероне и заставить скакать скелеты лошадей, то факт, что подобная бестия видит пустыми глазами и слышит ушными впадинами, представляется вполне возможным и допустимым. Летучие мыши могут ведь летать в темной комнате, избегая натянутых в ней нитей.

— Летучие мыши производят ультразвуковые волны, которые отражаются от любого препятствия.

— Ультразвук... телепатия... существование надпространства. Меня интересуют только результат и возможность применения его на практике для достижения моих целей. — Профессор сделал паузу. — Так как эти останки были когда-то рыцарем-крестоносцем и монахом, то он должен понимать латынь.

Профессор приставил к шее мумии серебряный нож. Тело вздрогнуло.

— Если ты меня понимаешь и признаешь своим хозяином и повелителем, кивни, — прокричал профессор на латыни.

Ничего не произошло. Тогда профессор слегка кольнул монаха, и усохший череп энергично закивал.

Профессор Салварин захохотал.

— Согласен ли ты служить мне и выполнять все мои распоряжения? — продолжил профессор на латыни. — Ты всегда будешь в моей власти независимо от моего физического присутствия. Будешь моим слугой?

И вновь кивнул дьявольский монах.

На лбу профессора выступил пот, но глаза его блеснули. Он отвязал новому союзнику правую руку, чтобы предоставить ему некоторую свободу действий. Паола Лачеста занесла над вампиром серебряный клинок, готовая в любой момент поразить его иссушенное веками сердце. Профессор Салварин положил перед пленником дощечку для письма и грифель.

— А теперь последнее испытание, — пробормотал профессор. И произнес вслух: — Напиши свое имя!

Черная костлявая рука взяла грифель и накорябала несколько мелких букв: «Степан».

Обустройство мумии монаха заняло целый день. Сперва профессор вшил ей серебряную капсулу в затылок. Из места надреза не вытекло ни единой капли крови, наркоз тоже не понадобился.

Профессор обтянул тело Степана эластичной серебряной материей, состоящей в основном из асбеста. Профессор создал ее сам.

Что касается этого очередного изобретения Салварина, то новоявленная масса была противоударной и нестараемой, но не служила бронежилетом.

Профессор приклеил на лицо Степана синтетическую маску, вроде человеческого лица, и отступил назад, чтобы полюбоваться своим творением.

— Ну, как он выглядит? — спросил он Лачесту.

— Как настоящий человек, — ответила красотка. — Впечатление портят только мертвые глаза.

— Это дело поправимое, — возразил Салварин. — Степан будет носить темные очки.

Напряженная работа над телом мумии была наконец завершена. Профессор подозвал четверых людей, которые сопровождали Степана в отдельную комнату на первом этаже. Сюда вела единственная стальная дверь, открывающаяся только снаружи. Там они уложили вампира в кровать и ушли.

Профессор остался в комнате один на один с чудовищем. Салварин желал продемонстрировать своему созданию собственную власть и силу. Он положил на столик аналогичную серебряную капсулу и взорвал ее через пульт дистанционного управления. Серебро растеклось по полированной поверхности.

— Это — серебро, — пояснил профессор на латыни. — Подобный контейнер вмонтирован в твою голову, Степан, я могу в течение минуты разрушить твоё тело, где бы ты ни находился. Ты в моей власти. Понимаешь?

Степан кивнул. Скорбное рычание донеслось из его горла. Профессор развязал ему руки и ноги, при этом он не отрывал палец от кнопки пуска капсулы.

Освободив вампира, Салварин поднялся к себе наверх, чтобы отдохнуть.

Розанна Шипарелло, горничная профессора, была умственно отсталой. Она ничего не понимала в происходящих на вилле делах. И это было хорошо для нее, ибо иначе она не задержалась бы на этом свете.

Розанна знала, что профессор всю ночь провел в своей лаборатории. А теперь он на заслуженном отдыхе. С ним и Паола Лачеста. У Тино Салварина своя отдельная квартира в городе. Люди, работающие на профессора, удобно расположились в служебных помещениях и роскошном парке. Там даже имелся бассейн.

Розанна Шипарелло наметила на это воскресенье уборку комнат первого этажа. Она проработала все утро под раздражающие душу вопли транзистора, который таскала из одной комнаты в другую. Жужжал пылесос. Розанна вытирала пыль, пылесосила и мыла пол. Профессор и Паола находились на втором этаже и мирно спали.

Вилла была оборудована со всеми надлежащими удобствами. Светлые, приветливые помещения, матовые обои, современная мягкая мебель со столами из толстого стекла. На стенах висели сюрреалистические картины. Черные или белые ковры и дорожки придавали вилле вид шахматной доски. У профессора Салварина был хороший вкус и огромные средства, способствующие его развитию.

Лишь два помещения не вписывались в общий план. Это были почти голые комнатухи с запирающимися железными дверями. Одна из этих комнат оказалась запертой.

Розанна рассердилась. Обычно у горничной по воскресеньям выходной, но сегодня исключение, так как она хотела взять на неделю дополнительный отгул. Розанна спустилась на лифте на кухню и взяла запасной ключ.

Дородная горничная приоткрыла дверь. В комнате было темно. Она втащила за собой пылесос и ведро.

В постели что-то зашевелилось. Розанна насторожилась. К ее неописуемому удивлению в постели оказался мужчина. Его глаза смотрели на одеяло. Профессор не сказал Розанне, что на вилле пленник и что ей запрещено посещать это помещение. Раньше горничная получала подобные приказы и воспринимала их как должное.

Розанна глубоко задумалась. Но раз уж она вбила себе в голову, что помещения первого этажа надо убирать именно сегодня, то остановиться или пропустить внезапно оказавшуюся занятой комнату не представилось ей возможным. Да и вообще надо спросить незнакомца, не мешает ли ему ее присутствие.

Девушка подошла к кровати и потрясла лежащего в ней за плечо. Он медленно повернул голову. Розанна внезапно испугалась: его глаза были неестественно голубые и какие-то безжизненные, чуть ли не стеклянные.

У незнакомца были черные волосы и нежное, гладкое, без единой морщинки или складочки лицо, напоминавшее маску. Розанна удивилась. Она видела многих представителей мужского пола на вилле профессора: убийц и вымогателей, одетых и раздетых, пьяных и трезвых, но этот сорт парней ей еще ни разу не встречался.

— Вы позволите мне продолжить уборку, или вы хотите еще поспать? — робко спросила она.

Одеяло сползло с обнаженного тела. Розанна непроизвольно оглядела открывшуюся ее взору фигуру. Его половые органы были такого же цвета, как и тело, но выглядели странно скрюченными и усохшими, словно ими давно уже не пользовались. Розанна захихикала. Дородная девушка обладала сильно развитыми формами и плотскими инстинктами, возможно в связи с ее некоторой умственной заторможенностью.

— Вам не мешало бы одеться, мистер, — немного грубо произнесла она.

Мужчина схватил ее и повалил на кровать. Его лицо приблизилось. Розанна слегка сопротивлялась, но больше для приличия, ибо профессор специально не указывал ей на то, что не следует противиться желаниям его гостей.

Вдруг ее глаза расширились от ужаса. Вместо ожидаемого полового акта мужчина оскалится, обнажив черные длинные клыки. Они медленно, но уверенно и неотвратимо приближались к шее Розанны, к тому месту, где едва заметно пульсировала сонная артерия.

— Нет! Отпустите меня! Я не хочу так! Я позову на помощь! — воскликнула горничная в порыве возмущения.

Она хотела вырваться, но вид зубов словно загипнотизировал несчастную. Розанна пыталась царапаться и кусаться, но ногти и зубы не причиняли незнакомцу боль, а кожа его на ощупь была мертвая, холодная и твердая, как подметка.

Розанна завопила изо всех сил. Ее охватил нечеловеческий ужас. Она почувствовала, как черные зубы вонзились в тело, и неожиданно покорилась и затихла. Кровь окрасила белую постель в красный цвет. Степан, Черный Епископ, жадно глотал яркую, теплую жидкость. Он довольно причмокивал, снова и снова погружая зубы в нежное загорелое тело горничной.

Голова Розанны склонилась на бок. Она умерла. Когда поток крови из горла бедной девушки прекратился, Степан последний раз провел рукой по ее роскошным формам и вздохнул. Пища кончилась, а потенция еще не восстановилась после многих столетий голода и лишений на проклятом острове. Вампир поднялся с постели и подошел к окну.

Дневной свет не причинил ему обычной боли. Монах был слеп, но его мозг воспринимал окружающий мир в черно-белых тонах. Душа, позволяющая на основе осуществленного давным-давно ритуала жить его телу, руководила им из другого измерения.

Тело мумии было связующим звеном между миром живущих на Земле и бесконечно отдаленными и чуждыми всему человеческому мирами насилия и ужаса.

Степан чувствовал, что его тело постепенно меняется: благодаря профессору он может выдерживать дневной свет. В нем проснулись смутные воспоминания о долгих и безрадостных годах на Чалдероне с их еженощными походами за едой, страшная жажда живой, теплой крови и легкое опьянение после обильной жатвы последних дней.

Он ощущал, что где-то неподалеку притаился профессор, обладающий властью над его телом. Надо бежать. Вампир покинул помещение, прошел по пустым коридорам виллы и спустился по лестнице к помещениям охраны.

На светлой, залитой солнцем веранде во внушительных размерах креслах сидели трое мужчин. Они читали журналы. Гангстеры были одеты в пестрые спортивные рубашки с короткими рукавами, под пиджаками у них торчали кобуры с оружием. На столе стояли кофейные чашки и неубранные тарелки из-под завтрака.

Один из телохранителей профессора поднял голову и увидел голого мужчину с измазанным кровью лицом.

— Какого черта, кто это? — выругался он.

Предсмертные крики Розанны Шипарелло никто не слышал, этажи разделяли звуконепроницаемые двери, поглощавшие любой шум.

— Что тебе здесь надо? — спросил один из телохранителей и отложил журнал в сторону. — Остановись!

Степан молча приближался к нему. Телохранитель извлек оружие. Он прицелился в ногу обнаженной фигуры, вгляделся в стеклянные глаза, и мурашки побежали по его спине. Гангстер давно уже находился на службе у профессора и многого насмотрелся, но этот голый окровавленный мужчина с остекленевшим взглядом вызвал у него животный страх.

— Ни шагу дальше!

Раздался выстрел. Пуля пробила эластичную массу, покрывающую тело вампира, но кровь не потекла из раны. Степан все с той же скоростью приближался. Телохранитель с сумасшедшим криком вогнал ему в живот всю обойму.

Степан ударил гангстера, раздробив ему челюсть, и тот

рухнул без сознания. Другие телохранители открыли стрельбу. Но разве могли они убить того, кто уже умер много столетий назад?

Степан схватил одного из парней, вгрызся ему в шею и повалил на пол, разрывая на части еще трепещущее мясо.

Третий телохранитель отбросил оружие и с рыданием бросился бежать, словно преследуемый фуриями.

У бассейна отдыхало двенадцать мужчин в плавках. Три красотки в крошечных бикини растянулись на солнце.

— На веранде... — в отчаянии завопил прибежавший, — он прикончил Рокко и Паоло!

Эти люди специально находились здесь для подобных случаев и имели соответствующие инструкции. У каждого было оружие. Они даже не потрудились одеться. Со взведенными курками подкрепление последовало за трясущимся телохранителем.

Одна из девушек проявила любопытство и присоединилась к атакующим.

Ужасная картина предстала их глазам. Голое, окровавленное тело, без шрамов и волосяного покрова, лежало на убитом телохранителе и причмокивая пило свежую красную кровь.

— Пули не причиняют ему вреда, — пожаловался телохранитель, стрелявший в вампира. — Что же нам делать?

Девушка, сопровождавшая мужчин, вскрикнула. Степан обернулся, но не прервал свое пиршество.

Нико Джиафранко, командир телохранителей и правая рука профессора, грубо ударил визжавшую девушку по лицу. Та прекратила истерику.

— Антонио, позови профессора, — приказал он ровным, спокойным голосом. — Всем остальным оставаться на местах. Если этот парень нападет на нас, мы откроем перекрестный огонь. Рокко уже не помочь. Надо ждать профессора.

Антонио побежал через парадную дверь, поднялся на лифте на второй этаж. Он громко забарабанил по двери спальни профессора Салварина. Заспанный голос недовольно спросил в чем дело.

— Скорее, господин профессор. На виллу проник мужчина и убил Рокко. Он на террасе, и он пьет кровь убитого. Я выпустил в него всю обойму, но он не думает отдавать концы!

За дверью раздались проклятья. Через пятнадцать секунд дверь с грохотом открылась и оттуда вылетел профессор в синем махровом халате с рацией под мышкой. Его седые волосы торчали со сна во все стороны.

— Быстрее, — завопил он, — его надо во что бы то ни стало остановить.

Антонио и профессор понеслись по лестнице. Когда Салварин очутился на террасе, Степан уже закончил с Рокко и подбирался к Паоло, который судорожно пытался уползти, нечленораздельно мыча из-за сломанной челюсти.

Это была отвратительная сцена. Безжизненное тело посреди огромной лужи крови.

Мерзкий, сладковатый запах ударил в нос профессору. Девушку в бикини стошнило.

— Степан! — крикнул профессор изо всех сил.

Голое тело остановилось и повернуло голову. Профессор увидел пару стеклянных глаз. Медленно, вытянув руки, отвратительное создание двинулось на него.

Профессор Салварин увидел, что его люди открыли стрельбу. Пули попадали в тело, но не оказывали ни малейшего действия. Это было как раз доказательством того, что профессор правильно поступил, заключив союз со Степаном.

— Прекратить огонь! — приказал он.

Все стихло. Терраса наполнилась дымом и запахом пороха. Профессор положил палец на кнопку серебряного разрушителя.

— Ни шагу дальше, Степан, — проговорил он на латыни. — Иначе я тебя уничтожу.

Чудовище остановилось в трех шагах от профессора. Профессор торжествовал. Несмотря на жертвы, он был доволен, что может управлять этим монстром и тот подчиняется его командам.

— Отправляйся в ту комнату, откуда ты пришел.

Голый, залитый кровью мужчина с мертвыми глазами топтал мимо профессора.

Салварин повернулся к своим людям, его глаза сверкали, голос прозвучал радостно и взволнованно:

— Мы понесли потери. Это печально. Но значительно важнее, что этот мужчина по имени Степан будет сражаться на нашей стороне. Скоро нам будет принадлежать вся Италия. Теперь меня никто не остановит!

III

Харвей Сондра и Стелла Кантон провели у залива Неаполя четырнадцать замечательных дней. Они посетили знаменитый Голубой грот, Обсерваторию на Везувии и Национальный

музей. Днем молодые люди загорали, а вечером ходили на танцы и развлекались в ночных клубах и ресторанах.

Это были чудесные, безоблачные дни. Ужасные события на югославском побережье как-то сразу позабылись, поблекли, отступили, стали казаться страшным сном или эпизодом из чужой жизни.

В обед пятнадцатого дня их пребывания в Неаполе, когда Стелла и Харвей загорали на террасе гостиницы, к ним подошли трое мужчин. Харвей сразу узнал высокого черноволосого итальянца в темных очках. Это был Тино Салварин.

Он присел между двух шезлонгов, в которых лениво развалились Стелла и Харвей. Его спутники отошли на некоторое расстояние. Это были коренастые и мускулистые мужчины с суровыми и жестокими лицами.

— Бон джорно, — поздоровался Тино Салварин. — Я рад снова видеть вас здоровыми и веселыми.

Харвей Сондра встал. Он схватил Тино за воротник и приподнял его над полом. Его лицо приблизилось к младшему Салварину так, что их носы почти соприкоснулись.

— Ты, свинья! — сказал Харвей. — Тебя вполне устраивало организовать мою смерть на Чалдероне и сыграть перед Стеллой роль утешителя. Никогда не попадайся мне больше на глаза, Салварин, иначе я сверну тебе шею.

Кулак Харвея погрузился в область желудка Салварина. Тот согнулся. Сондра добавил резкий удар в подбородок снизу вверх. Тино полетел навстречу своим спутникам, которые подсустились и успели подхватить хозяина под руки.

— Берите его и проваливайте, — проворчал Харвей Сондра.

— Ты за это дорого заплатишь, — пообещал Тино Салварин, когда отдышался.

Кровь текла из уголка его рта. Один из телохранителей полез в карман белого пиджака, но Тино махнул ему рукой, мол, не надо. Он еще плохо держался на ногах. Телохранители были вынуждены поддерживать своего босса.

Харвей Сондра зло посмотрел им вслед.

— Проклятый подонок, — выругался он, — я же мог прикончить его на месте.

На террасу вышел метрдотель в белой форменной куртке и спросил Харвея, что произошло. Харвей объяснил, что он повздорил со старым знакомым, ничего особенного.

— Вы лучше не связывайтесь с этим человеком, — посоветовал толстый сердобольный итальянец. — Он сын профессора Салварина. А профессор — один из могущественнейших

мафиози в Италии. У него длинные руки, он жесток и мстителен.

Настроение было испорчено, и Харвей Сондра со Стеллой Кантон отправились на лифте на третий этаж. Южное солнце покрыло их тела шоколадным загаром. Седые волосы Харвея резко контрастировали с загорелым лицом.

Молодой человек обнял Стеллу, как только за ним закрылась дверь двухместного номера. Их губы слились в страстном поцелуе. Харвей отнес девушку на кровать, осторожно снял с нее бикини и начал целовать незагорелые места. Стелла, как всегда, горячо откликнулась на его ласки и бурно отдалась своему любимому.

— Я хорошо понимаю Салварина, потерявшего из-за тебя голову, — задумчиво произнес Харвей, когда они лежали на кровати.

Он нежно провел рукой по контурам ее крепкой молодой груди. Солнечный свет проникал сквозь жалюзи, окрашивая тело Стеллы темными и светлыми полосами.

Вечером Харвей и Стелла отправились в город. Они решили поужинать в ресторане, а потом пойти в оперу на гастроли известного тенора Страни. Было очень трудно достать билеты, темпераментные итальянцы буквально разгромили билетную кассу.

На Стелле Кантон было белое платье с глубоким вырезом, подчеркивающим ее загорелую грудь.

— Когда я смотрю на тебя в этом платье, мне хочется провести весь этот вечер в кровати, — сказал Харвей Стелле, когда они входили в лифт.

Девушка улыбнулась и шутливо погрозила ему пальцем.

Седой портье окликнул счастливую парочку.

— Для вас и для сеньоры поступила посылка.

Он протянул Харвею Сондре длинную картонную коробку с прозрачной крышкой. В ней лежали красная роза и черная орхидея. К ним прилагалась карточка:

«С наилучшими пожеланиями. Тино».

Больше там ничего не было.

На лбу Харвея пролегла глубокая морщина. Красная роза как символ любви — Стелле, а орхидея — для него. Этот символ легко разгадать: Тино желает ему смерти.

Харвей Сондра выбросил коробку в ближайшую урну и тихо выругался. Стелла ожидала его у стеклянных дверей.

— Что это было? — поинтересовалась она.

— Цветы для тебя. От Салварина.

Харвей Сондра не упомянул, что это были за цветы. Он попросил вызвать такси.

— К Риччио, — сказал Харвей Сондра шоферу через пять минут.

Сеньор Риччио был хозяином самого фешенебельного ресторана в Неаполе.

Харвей Сондра удобно откинулся на сиденье. Он провел предоставленный ему отпуск на редкость приятно и теперь серьезно задумался, стоит ли ему расставаться со Стеллой. Но ее мнение ему было пока еще неизвестно, Харвей как-то все еще не решался спросить. Стоит ли сделать это сегодня?

Голос Стеллы вывел его из раздумий.

— Это дорога не к ресторану «У Риччио».

Шофер такси нажал на кнопку. Между задним и передним сиденьями — стена из пуленепробиваемого органического стекла. В машине распространился едкий запах. Отделенный перегородкой шофер невозмутимо продолжал управлять машиной. Харвей Сондра попытался открыть дверь, но у дверей не оказалось ручек. Тогда Харвей попробовал выбить стекла, опять же безуспешно. Газ начал оказывать свое действие: Харвей Сондра и Стелла Кантон беззвучно упали на сиденье и потеряли сознание.

Такси выехало из города. Водитель остановился перед красивыми коваными воротами богатой виллы. Он просигналил три раза коротко и дважды длинным гудком. Ворота открылись. Такси скользнуло по асфальту и остановилось у дверей особняка.

Мужчины, вышедшие из дома, вынули два бесчувственных тела из машины.

Профессор Салварин и его сын Тино внимательно наблюдали эту сцену из окна.

— Женщина принадлежит мне, — сказал Тино, — а что будет с мужчиной, этим проклятым Сондрой?

Он осторожно потрогал распухший подбородок.

— Это уже моя забота, — ответил профессор. — Я продолжу свои эксперименты, мне нужна еще одна жертва для Степана.

IV

Бенито Молента отмечал свою победу над профессором Салвариним. Его элегантная яхта рассекала воды близ Капри. Бенито знал, что находится в зоне влияния профессора, но нисколько не боялся.

Это был высокий породистый мужчина пятидесяти лет. Он сидел на палубе, обнимая левой рукой блондинку, а правой — брюнетку. На девушках красовались только узенькие полоски нижних частей купальников. Они прилично выпили виски и шампанского и призывно смеялись, когда Молента шептал им на ухо откровенно тупые пошлости.

— Ты? Да нас обеих? — воскликнула блондинка. — Тебе это не по силам.

— Я способен на большее, — распалился Молента.

На нем были белые плавки и капитанская фуражка, во рту торчала неизменная сигара «Ди, Нобили». Кроме него и девушек на борту люксус-яхты «Милано» находилось еще около дюжины гостей. Гости веселились так же необузданно, как и пригласившие их хозяева. Экипаж яхты тоже не отрывался от общества.

Молента поднял свой бокал и обратился в сторону берега.

— За здоровье профессора и за кольцо наркобизнеса, организованное с его помощью, — воскликнул он. — Калабрия у меня в руках, теперь дело за Кампанией.

Молента опустошил стакан одним глотком. Ледяное шампанское несколько отрезвило его. Из стереоустановок орала музыка, парочки были предоставлены самим себе и ничуть не жалели об этом.

Один из молодых людей, сын адвоката Моленты, перепрыгнул через борт и погрузился в прозрачную воду.

Многие последовали его примеру. Весело и беззаботно плескались они в теплом море, обдавая друг друга мириадами брызг. Женщины весело визжали.

Бенито Молента облокотился на борт яхты. Голубое небо и залитое солнцем море, прекрасная яхта, изысканная еда и напитки, женщины, друзья, почетные гости — все это было в его распоряжении, стоило только протянуть руку. Ему нравилось вести такой образ жизни.

Между пловцами появилась еще одна голова. Незнакомый мужчина мощными гребками приближался к веревочному трапу. Он поднялся на борт с лапами на ногах, держа в руках гарпун.

Откуда появился этот странный субъект? До самого горизонта на море не было видно ни одного судна или просто моторной лодки. До пляжа семь километров. Ни один человек не может преодолеть подобное расстояние без акваланга.

Мужчина легко перепрыгнул через борт. На его гладком, безволосом теле застыли капельки воды. Бенито Молента вни-

мательно пригляделся к нему. Он никогда не видел этого человека.

— Альдо! — крикнул мафиози. — Франческо! Идите сюда и прихватите оружие!

Из рубки вышли два здоровяка в светлых брюках и рубашках. В руках они держали тяжелые ружья крупного калибра. Дойдя до своего босса, парни замерли с ружьями наизготовку.

Прищулив глаза, Бенито Молента в упор рассматривал незнакомца с гарпуном. Ему почему-то стало не по себе, уж больно жутко выглядело гладкое, неподвижное лицо незнакомца. И эти глаза, какие-то неживые, незрячие. Незванный гость медленно приближался. Черные ласты шлепали по палубе.

Новоприбывший привлек внимание остальных гостей. Из микрофонов однако по-прежнему доносилась громкая музыка.

— Бенито, что случилось? Что нужно этому парню? — спросила брюнетка с большой красивой грудью, одна из фавориток Моленты.

В Палермо она была звездой принадлежавшего мафиози ночного кабаре.

— Остановитесь, — приказал Бенито Молента чужаку с неподвижными глазами. — Я не люблю повторять дважды.

Мужчина приближался, словно и не слышал приказа.

— Стреляйте, — равнодушно и монотонно произнес он, не прекращая движения.

Альдо и Франческо нажали на курки, оглушительно прогремели выстрелы. Тяжелые заряды пробили грудь человека с гарпуном и повергли его на доски палубы. Из ран не вытекло ни одной капли крови. Мужчина вновь поднялся.

Его тело просто впитало пули. На яхте тонко и отчаянно закричала женщина.

Незнакомец поднял гарпун и маленький дротик выстрелил прямо в жирное и необъятное тело Моленты. Правая рука Моленты судорожно вцепилась в деревянную обшивку яхты. Из глубокой раны хлынула кровь. Молента рухнул на колени и завалился на бок.

Его глаза остановились.

На борту началась паника. Мужчины и женщины с криками носились по палубе. Но незнакомца с гарпуном это ни сколько не волновало: он вырвал ружье у одного из телохранителей и с легкостью помахал им в воздухе.

Этого было достаточно. На яхте не осталось ни одного че-

ловека — все моментально попрыгали в воду и постарались отплыть как можно дальше.

Убийца со стеклянными глазами подошел к штурвалу и принял управление бесхозной яхтой.

Он взял курс на побережье. Судно быстро удалилось от барахтавшихся в воде гостей. У них оставалось лишь два выхода — плыть к берегу или утонуть.

— Боже мой, что это было? — спросила одна из женщин, еще несколько минут назад кокетничавшая с капитаном яхты.
— Это чудовище — не человек.

V

Франческо де Люкка лежал в шезлонге около бассейна, отдав свое тело на растерзание массажистке. Он довольно постанывал. Да и существует ли на свете что-либо более приятное, чем жариться на солнце и наслаждаться жизнью на Ривьере? Де Люкка был еще молод, ему не было тридцати. Его симпатичное, немного женственное лицо обманывало многих, он был бессовестным и бесстрашным гангстером.

Де Люкка начал свою карьеру телохранителем шефа гангстеров Антонелли, потом возглавлял казино, и постепенно его взяли в долю в наркобизнесе. Очень скоро де Люкка стали считать самым могущественным и влиятельным человеком на Ривьере. Антонелли, его прежний шеф, потребовал своей доли прибыли якобы за содействие продвижению де Люкка по «служебной лестнице».

Тогда юный ученик прикончил своего слишком прыткого учителя. С Ренато Андоррой ему удалось объединиться. За короткое время люди де Люкка прибрали к рукам всю северную Италию.

Франческо был информирован о смерти Бенито Моленты, но не поверил невообразимой шумихе вокруг этого убийства. Тем не менее он удвоил гвардию телохранителей и теперь был уверен в своей безопасности.

Де Люкка напряженно размышлял, что ему лучше предпочесть вечером: отправиться в казино покрутить рулетку или принять приглашение и заняться групповым сексом. В этот момент он услышал гудение над головой. Молодой человек поднял глаза. На лужайку садился вертолет. Де Люкка вскочил и скрылся в доме.

Была сирена. Вертолет приземлился. Из дома посыпались вооруженные люди, затрещали автоматные очереди. Телохранители залегли в окружающем виллу парке.

Из окна первого этажа виллы де Люкка увидел, что нападавших начали теснить, последний из них быстро проскользнул в бронированный вертолет.

Вертолет взлетел. Диверсия не удалась.

— Вторжением мы наверняка обязаны профессору Салварину, — объяснил ситуацию де Люкка, выступая перед собравшимися телохранителями и домочадцами. — Но он дорого за это заплатит. Я не Бенито Молента, меня не взять голыми руками.

По понятным соображениям, Франческо де Люкка снимал виллу, стоявшую на отшибе в мало населенной местности. Перестрелка не привлекла ничьего внимания.

Шестеро нападавших лежали в саду. Гвардия де Люкка тоже понесла потери в количестве трех телохранителей. Горло одного из них было чудовищно изорвано неизвестным оружием.

Самым ужасным было то, что молодая массажистка, точнее ее окровавленный труп, плавал в бассейне. Ей кто-то вскрыл сонную артерию.

— Заройте убитых тут же в парке, — распорядился де Люкка. — Я не могу позволить себе отвечать на вопросы любопытных полицейских.

Покидать виллу ему совсем расхотелось. Вечер де Люкка провел у телевизора. Он потягивал мартини и смотрел милый старый фильм с Витторио де Сика в главной роли. Мафиози очень любил этого актера, но сегодня прекрасная игра и трогательная любовная интрига на экране совершенно не увлекали его.

Любовница де Люкка, замечательная красавица с тигриновскими волосами, откровенно зевала.

— Давай выйдем в парк, у меня затекли ноги, — предложила она, когда закончился фильм.

Де Люкка согласился. Они вышли на освещенную луной веранду. Прошел дождь. Воздух был пряный и свежий. Фильм закончился поздно, было уже за полночь.

Де Люкка увидел огонек сигареты одного из телохранителей, карауливших в парке. Его рука обвила талию уполномоченной Джини. Они спустились по ступенькам в парк.

— Ах, это вы, шеф, — сказал телохранитель. — А я вас поначалу не признал.

— Не торопись и успокойся, — посоветовал ему де Люкка. — Я не думаю, что повторное нападение последует так скоро. Забор охраняют собаки, ворота закрыты, ток включен. Един-

ственное, что еще можно было бы добавить, — это зенитное орудие.

— Наверняка вы установите его очень скоро, — неудачно пошутил телохранитель и деланно засмеялся.

Де Люкка прикурил две сигареты — одну для себя, другую для Джины. Молодые люди углубились в парк. Лунный свет залил серебром листья на деревьях и цветы на клумбах. Под ногами шуршал гравий. Де Люкка и Джина дошли до стены, обозначающей границу владений мафиози.

Навстречу им в сопровождении ротвейлера вышел кинолог. Пес явно беспокоился, топорщил уши и нервно скулил.

— Я просто ума не приложу, что случилось с собаками, — пожаловался кинолог. — Участок, где мы похоронили убитых, не желает охранять ни одна собака, даже мой Ронко начинает беситься, когда мы приближаемся к этому месту. Он скулит и жметс к ноге.

— Собаки чуют смерть, — безапелляционно заявил де Люкка. — Вот твоя сигарета, Джина. Когда ты ее докуришь, мы повернем обратно к дому.

Кинолог с ротвейлером вернулся на свой пост.

Де Люкка и Джина остановились недалеко от могилы. Массажистка и мужчина с разорванным горлом были зарыты вместе с остальными.

Из жирной, рыхлой земли показалась бледная рука. За ней появилась женская головка, такая же неестественно бледная. В лунном свете на ее шее была отчетливо видна ужасная рана. Рядом с женщиной зашевелилась земля.

Трупы с изуродованными шеями восставали из разрытых могил. Де Люкка и Джина стояли к ним спиной. Де Люкка провозглашал с умным видом какие-то пошлости, девушка весело смеялась в ответ. Где-то завyla собака.

Медленно и беззвучно мертвецы двигались к де Люкка и его любовнице. Джина внезапно увидела через плечо увлеченно говорившего де Люкка сведенное судорогой, ужасное лицо мертвеца. Она истошно закричала. Де Люкка молниеносно обернулся.

Перед ними стояло тело массажистки с оскаленными зубами. Дрожащие пальцы де Люкка потянулись к пистолету, но было поздно. Мертвец, обладающий сверхъестественными силами, притянул его к себе.

Де Люкка дико завопил, и холодные, осклизлые пальцы трупа вцепились в его холеное тело. Острые зубы нашли сонную артерию и прокусили ее.

— Аааххх!

Де Люкка бессильно рухнул на землю, труп массажистки навалился на него и стал жадно плотоядно заглатывать теплую вкусную кровь.

Джина хотела спастись бегством. Но ее схватил мужчина с ужасной раной на шее. Девушка начала царапаться, драться, вырвала у вампира большой клоч волос, но бесполезно. Ее звенящий вопль перешел в предсмертный хрип, когда длинные зубы чудовища вонзились в ее тонкую шейку.

К месту происшествия бежали со всех сторон привлеченные криками телохранители. Но они опоздали. Вампиры завершили свой кровавый пир и скрылись, оставив на месте трагедии неподвижные тела де Люкка и его любовницы.

VI

— Вы слышали, Сондра, Бенито Молента и Франческо де Люкка, мои основные соперники, устранены. Скоро я возглавлю преступный мир Италии. Сначала я стану некоронованным королем Италии, а потом и всего мира.

Харвей Сондра грустно взглянул на профессора Салварина. Профессор стоял у двери камеры в белом халате врача. За ним возвышался Степан, постоянно следовавший за своим господином.

— Вы сошли с ума, профессор, — произнес Сондра. — Только свихнувшийся человек может использовать в своих целях это несчастное создание, тем более устранить уязвимые места вампира, сделав его совершенно неуязвимым. Однажды этот демон расправится с вами. Вы заключили сделку с сатаной, Салварин.

Профессор захохотал.

— Ваш низменный дух не понимает, что великие люди идут непроторенными путями. Степан — мой раб, мое создание. О, он умен, очень умен. Он научился за считанные дни тому, на что другим потребовались бы месяцы, если не годы. Он полностью адаптировался в нашем мире. Я снабдил его телом, нечувствительным к огню, дневному свету, кислоте и морской воде. Я обучил его всему необходимому. Я, профессор Салварин, превратил демоническую мумию в монстра, равно которому не существует на всей планете.

Степан отодвинул в сторону профессора и подошел к Сондре.

Бывший епископ дьявольских монахов был одет в голубой строгий костюм и мокасины, на руках его черные кожаные

перчатки, верхнюю половину лица закрывали темные очки. Вампир обнажил черные зубы.

Харвей отпрянул к стене.

— Стой, Степан, — приказал профессор. — Я знаю, как ты его ненавидишь, но убьешь ты его только по моему приказу. Тино хочет его видеть страдающим и униженным. Мы идем к Стелле Кантон, Сондра. Она должна выбрать: Тино или Степан. Как тебе это нравится?

Покраснев от гнева, Харвей Сондра бросился на профессора, но Степан оттолкнул его. Молодой человек не удержался на ногах и рухнул на нары.

— У меня есть еще новость для тебя, Сондра, — продолжал профессор. — Степан — настоящее сокровище для науки. С тех пор как он стал получать регулярное питание, а его тело перестало зависеть от окружающей среды, он быстро восстанавливает свой организм. Теперь Степан способен вести половую жизнь. Если Стелла и дальше будет отказывать Тино, то отказать Степану она не посмеет.

Это было слишком для Харвея Сондры. Он закрыл лицо руками.

— Степан создал двадцать зомби. Он может их контролировать независимо от разделяющего их расстояния. Представьте себе, какую власть я приобретаю, Сондра. Войско мертвецов на моей стороне! Армия Детей Ночи! Это только вопрос времени, я создам целое подразделение мертвецов. Единственное неудобство, Степан должен высосать очередной жертве до половины всей крови, иначе не получится вампира. Примерно пятьдесят процентов крови жертвы должно пройти через организм Степана.

Харвей Сондра молчал. Он пережил за последние недели слишком много кошмаров. Американец находился в плену у профессора уже четырнадцать дней, и Салварин не лишал себя удовольствия сообщать ему самые чудовищные новости, касающиеся Степана.

Железная дверь захлопнулась. Харвей Сондра снова остался один. Профессор Салварин в сопровождении Степана отправился продолжать нечеловеческие по своей жестокости эксперименты. Харвей разбил в кровь кулаки о бетонную стену, томясь неизвестностью о судьбе Стеллы Кантон.

Бесконечно тянулись часы. Харвея Сондру мучали жуткие галлюцинации. Иногда ему казалось, что он сходит с ума, и лучший выход — разломать себе череп о бетонные стены камеры. Но в нем еще жила крошечная искра надежды.

Ненависть! Неприкрытая, смертельная ненависть помога-

ла пленнику выжить. Садист Тино не позволил профессору Салварину отдать Харвея Сондру Степану. Он хотел заставить Харвея страдать. Но со страданиями росла ненависть, она становилась безграничной и безмерной.

В замке повернулся ключ. Харвей Сондра опять поднял голову. Было три часа — обед или утро, неизвестно, — в любом случае это было не время для приема пищи. Кто же пришел его мучить: профессор или Тино?

На пороге показалась красивая черноволосая женщина. Она закрыла за собой дверь и загнув осматриваясь по сторонам. Ее лицо было бледно, но глаза горели как факелы.

— Пожалуйста, не шумите, — произнесла женщина умоляющим голосом. — В этом проклятом доме уши есть даже у стен. Меня зовут Паола Лачеста, я любовница профессора Салварина.

Харвей Сондра заметил, что Паола чего-то ужасно боится и находится на грани нервного срыва. Она прижалась к стене, чтобы наблюдатель не смог ее обнаружить. По узкому коридору мимо камеры Харвея Сондры периодически проходил часовой и заглядывал в глазок.

— Что вам здесь надо? — прошептал Харвей Сондра.

— Я больше не могу. Все, что в последнее время я наблюдаю на вилле, ужасно и отвратительно. Этот... этот дьявольский монстр Степан убивает каждый день людей и пьет их кровь. Он насилует женщин, а потом уничтожает их. До конца дней я не забуду их крики, даже если доживу до ста лет. Вы не можете себе это представить, мистер Сондра.

Судорожные всхлипывания сотрясли тело Паолы Лачесты.

— Но самое мерзкое то, что профессор хочет повторить кровавый ритуал, при помощи которого Степан и его монахи добыли себе бессмертие в XII веке. Мозг Степана несколько повредился за столько веков, и он не может вспомнить всех его деталей. Но каждый день в его памяти всплывают новые и новые подробности. Скоро он вспомнит все.

У Харвея Сондры побежали по спине мурашки. Степан опасен, но профессор Салварин, полусумасшедший с манией величия, а возможно и вся его клика будут угрожать существованию человечества. Это страшней, чем атомная бомба. Монахи на Чалдероне зависели от случайных жертв, волей обстоятельств оказавшихся на проклятом острове. Но если профессор со своими сторонниками повторит ритуал, то они смогут убивать людей на всех континентах. Демоны возжелают мирового господства.

— Я просила профессора отказаться от задуманного. Я

заклинала его. Но он только смеется. Я собиралась расстаться с ним, но он разозлился. Он пригрозил, что отдаст меня Степану.

Паола Лачеста снова вскрикнула.

— Он повредился рассудком.

— Вы должны помочь мне бежать отсюда, — сказал Харвей Сондра. — Другого пути прекратить этот кошмар нет.

— Да, — кивнула Паола Лачеста. — Да, я пришла помочь вам. Другого выхода нет. Я могла любить гангстера и мафиози, но адское чудовище любить не могу. Пойдемте, мистер Сондра.

Харвей Сондра дождался, когда сторож уйдет в дальний конец коридора. Тогда Паола открыла дверь. Харвей настороженно выглянул наружу, в освещенный неоновой лампой коридор. Никого не было видно.

Паола Лачеста вышла вперед, она была вне подозрений. Никого не было. Беглецы поднялись по лестнице в вестибюль.

Огромное помещение было пусто. Телохранителей не было. Профессор Салварин полагался на Степана. Паола открыла дверь.

Перед ним раскинулся парк.

— У стены стоит моя машина, — прошептала Паола Лачеста. — Если мы доберемся до нее, считайте, что мы спасены.

— Вы не могли бы добыть серебряный нож? — спросил Харвей. — На всякий случай. Мне было бы спокойней.

Он ждал в холле. Паола Лачеста вернулась через несколько минут. Она протянула Харвею длинный нож. Второй она спрятала под кофточкой.

— У профессора есть пистолеты, револьверы и ружья, стреляющие серебряными пулями, — молвила Паола. — Но у меня нет ключа от арсенала.

Они вышли в парк. Вокруг никого не было видно. Харвей Сондра и Паола Лачеста двигались в тени деревьев и кустарников и избегали освещенных мест. Они остановились, когда до стены осталось четыре метра.

Харвей Сондра оглянулся на скрытую за деревьями виллу. На втором этаже в апартаментах профессора все еще горел свет. Было четыре часа утра.

— Черный ход есть? — спросил Харвей. — Через стену нам не перелезть.

— Да, идите за мной.

Харвей Сондра последовал за Паолой Лачестой. Они пошли вдоль стены. На узкой тропе, ведущей к калитке, стоял часовой. Он повернулся к беглецам спиной.

— Здесь еще один телохранитель, — прошептала Паола.

— Я его сейчас устраню, — отозвался Харвей Сондра.

Он беззвучно подкрался к человеку. Тот не двигался и не замечал Харвея. Харвей Сондра схватил его за горло и... отпрынул.

Кожа была ледяной. Харвей Сондра ощущал под своими пальцами рваную рану. Перед ним был один из вампиров, подчинявшихся Степану. Мертвец повернулся к Харвею. Молодой человек всмотрелся в его бледное лицо.

Тут он услышал крик Паолы: женщину схватили сразу три трупа. Еще восемь зомби вышли из-за деревьев, на гравийной дорожке появился сам Степан.

Харвей Сондра непроизвольно попятился и уперся спиной в стену. Мертвецы окружили его. Это были мужчины, женщины и совсем молодые девушки с окровавленными шеями и длинными, белыми клыками.

Один из вампиров уже совсем было собрался полакомиться теплой кровью молодого человека, но тут Харвей Сондра выхватил серебряный нож и всадил его в грудь трупа по самую рукоятку. Тот завизжал и рухнул на землю.

Но остальные схватили Сондру, четырнадцать сильных и холодных рук придавили молодого человека к земле и вырвали у него нож. Харвей Сондра приготовился к смерти.

Но вампиры почему-то медлили. Харвея подняли и понесли обратно к вилле. Его и Паолу Лачесту. Профессор Салварин ожидал их в ярко освещенном холле.

— Вы что, действительно поверили, что можете от меня сбежать? Ты совершенно права, Паола, у стен в этом доме есть уши. В камере Сондры расставлены микрофоны. Я слышал каждое слово, произнесенное тобой там, внизу. У вас был лишь один путь к бегству, и я вам предоставил его. Отведите Сондру обратно в его камеру. Степан, ты заслужил награду. Возьми себе Паолу.

Радостный лай вылетел из глотки ужасного монстра. Степан завладел рукой красавицы-брюнетки и поволок ее к лестнице, ведущей в его комнаты.

Харвея Сондру оттащили обратно в камеру. За его спиной раздавались мольбы Паолы о прощении, пощаде, милосердии, но профессор лишь смеялся в ответ.

VII

Стелла Кантон томилась на первом этаже виллы. В эту

ночь ее разбудили надрывные женские крики. Хлопнула дверь, и крики прекратились.

Через некоторое время отворилась дверь в комнату Стеллы. В дверном проеме показался Тино Салварин.

Последние две недели он навещал Стеллу Кантон каждый день. И каждый день Стелла повторяла свой отказ. Она сопротивлялась, как раненая тигрица, когда Тино попытался овладеть ею силой. У мафиози до сих пор было исцарапано все лицо.

После этого он рыдал, валялся у нее в ногах, молил о прощении. Не было никакого сомнения, Тино Салварин был без памяти влюблен в Стеллу Кантон. Он отказался от применения силы, испугавшись ее реакции. Мафиози хотел, чтобы Стелла отдалась ему добровольно.

Что было у него на уме?

— Это бессмысленно, Тино, — устало сказала Стелла Кантон. — Между нами ничего нет и никогда не будет. Уходи, оставь меня в покое.

Тино Салварин покачал головой.

— Нет, Стелла, в этот раз тебе не удастся отказать мне. Я предоставляю тебе выбор. Ты можешь выбрать меня, или... в общем, ты сама увидишь. Пойдем!

Гороподобный телохранитель протиснулся в комнату вслед за Тино, и Стелла, поняв, что сопротивляться бесполезно, безропотно пошла за мафиози. Он подвел ее к лифту. Хозяин и пленница поднялись на второй этаж.

В комнате, где они очутились, стоял какой-то странный телевизор. Тино включил его и стал нажимать на многочисленные кнопки.

— Почти во всех комнатах этого здания вмонтированы скрытые камеры, — объяснял он Стелле Кантон. — В апартаментах Степана тоже стоит камера. И микрофон. Сейчас ты увидишь на экране, что там в данный момент происходит.

Экран осветился. Стелла услышала стоны и всхлипы. Девушка не раз видела Паолу Лачесту. В этот момент злополучная беглянка лежала на кровати, а на ней распростерся Степан. Его тело ритмично двигалось.

— Нет, — простонала Стелла, — этого не может быть.

— Да-да, — возразил Тино Салварин. — Это еще один пример тому, что покой и регулярное питание могут возродить мужчину.

Стелла Кантон отвернулась и заткнула уши. Через некоторое время Тино потянул ее за плечо.

— Смотри, — потребовал он, — смотри, чтобы знать, что тебя ожидает, если ты и впредь будешь мне отказывать.

Степан впился в шею Паолы Лачесты. Он жадно пил красную кровь.

Стелла Кантон услышала булькающие звуки за своей спиной. Гориллоподобного телохранителя, грубого и жестокого мужчину, имевшего на своей совести не одну загубленную душу, неудержимо рвало прямо на ковер.

— Я или Степан, — повторил Тино. — Спрашиваю тебя последний раз. Решай, Стелла.

Стелла Кантон склонила голову. Ее глаза наполнились слезами, девушка была сломлена. Она была готова принять любые муки, лишь бы не попасть в когти Степану.

— Да, Тино, — сказала Стелла безжизненным голосом. — Я сделаю все, что ты скажешь, только не отдавай меня Степану.

VIII

Между профессором Салвариним и Ренато Андоррой началась самая настоящая война. На сторону Салварина переходило все больше преступных элементов. Его власть и влияние росли не по дням, а по часам. Но Ренато Андорра не сдавался.

Он созвал генеральное совещание в своем бункере в Гран-Сассо. Главарь мафии восседал в инвалидной коляске перед пятью мужчинами, составлявшими столпы его державы. Они прибыли из Рима, Милана, Венеции, Корсики и Сардинии.

Ренато Андорра, король преступного мира, был маленьким, старым, высохшим человечком. Его лицо покрывали тысячи морщин, голова давно облысела, голос был пронзительным, как у кастрата.

Но каждый, кто хоть раз заглядывал в его холодные, абсолютно бесчувственные водянистые глаза, сразу понимал, что за человек сидит перед ним. За комической внешностью скрывались незаурядный ум, изобретательность и стальная выдержка. Андорра был одной из самых замечательных личностей, посвятивших себя планированию и исполнению преступлений.

— Итак, что вам удалось узнать? — спросил он на высоких тонах.

Чернокожий слуга Андорры стоял за креслом своего хозяина, он выпрямился во весь свой огромный рост и скрестил

на груди волосатые ручки. Негр был безраздельно предан господину.

Совещание проходило в огромном зале. Обращенная на юг стена представляла собой толстое бронестекло. Через нее была видна панорама города. Напротив располагалась выключенная в данный момент система экранов. Каждая комната, любое помещение виллы и вся окружающая местность просматривались. В центре возвышался письменный стол из высоколегированной стали, напоминавший пульт управления межзвездной ракеты. Посетители расположились в ультрасовременных полукруглых креслах вокруг стола из черного стекла.

Вторую особенность этого помещения составляла инвалидная коляска Ренато Андорры. При необходимости из ее ручек вылетали крошечные ракеты с огромной убойной силой. Кроме Андорры и его слуги, об этом никто из присутствующих не знал.

— Вы до сих пор не знаете, как справиться с Салвариним? — еще раз проверещал Андорра.

— Салварин не опасен сам по себе, — сказал гангстер из Рима. — Профессор ничего из себя не представляет без своей правой руки, убийцы Степана. У Степана кошмарная слава. Говорят, он пьет кровь и неуязвим. От него нет спасения. Он организовал группу мертвецов-вампиров. Ни одна пуля не может убить их.

— Сказки! — смех Ренато Андорры походил на шипение змеи. — Каждый человек смертен. Салварин химик. Вполне возможно, что он накачал своих людей сильнодействующим наркотиком, позволяющим им сохранять боеспособность даже при очень тяжелых ранениях. Но их, конечно же, можно убить. Мы должны в первую очередь вывести из игры Степана.

Пятерка мафиози молча кивнула. Ренато Андорра ненадолго задумался.

— Хорошо, — сказал он. — Сообщите профессору, что я хочу начать переговоры. Выберите какое-нибудь нейтральное место для встреч. Он должен будет взять с собой Степана и его группу. Устройте мне randevu! Тогда останется только уничтожить эту нечисть...

Все разом заговорили.

— Мы изрешетили пулями машину, в которой сидел Степан, — воскликнул мафиози с Сардинии, — но он выжил.

— Один из моих людей бросил ему под ноги ручную гранату, — вступил в разговор дон из Венеции, — и безуспешно.

— Он пережил двенадцать ударов ножом, — пожаловался корсиканец. — Мой лучший агент сложил голову в этом деле.

Но Ренато Андорра только кивал в ответ.

— Вы не догадываетесь, почему меня называют королем преступного мира и почему я могу приказывать вам? — спросил он. — Просто я классом выше вас. Так что не беспокойтесь. Мы прикончим Степана и положим конец всем сказкам. Огнем ли, ядом, кислотой или пулями, но мы сживем его со свету, будьте спокойны.

IX

Встреча состоялась в два часа ночи в отеле «Амбассадор» в Риме. От имени профессора Салварина прибыл Степан со всеми полномочиями и телохранителями. Вся делегация носила темные очки поверх мертвых глаз.

Джакомо Лупо, римский мафиози, представлял на переговорах Ренато Андорру. Он приказал эвакуировать весь отель и разместил в его закоулках добрую сотню своих людей. За короткое время отель, и особенно зал переговоров, превратился в хитроумную ловушку.

Степан поприветствовал Джакомо Лупо коротким кивком головы. Представители шакк сразу перешли в зал переговоров. Кроме Степана и Джакомо, в комнате находились еще трое: один — телохранитель Степана, один — Джакомо и переводчик, так как Степан не мог говорить и объяснялся на языке жестов. Однако он уже достаточно знал итальянский, чтобы следовать за мыслью собеседника.

— Позвольте мне от имени Ренато Андорры и от себя лично приветствовать вас в Риме, — произнес Джакомо Лупо. — Я счастлив, что профессор Салварин и вы достаточно здраво мыслите, чтобы обсудить сложившееся положение трезво и спокойно, как и подобает донам. Эту войну надо прекратить.

Степан неподвижно сидел в своем кресле.

— Можно предложить вам выпить? — спросил Джакомо.

Пальцы Степана, затянутые в черные перчатки, быстро забегали.

— Он не употребляет спиртного, — перевел переводчик, — но исключительно из уважения к вам отступит сегодня от своих правил.

— Это большая честь для меня, — достойно ответил Джакомо Лупо.

Ему потребовалось приложить массу усилий, чтобы не показать, какое облегчение он испытал в тот момент. Все произошло проще, чем он ожидал. Джакомо Лупо дружески улыбнулся Степану. Этот человек с гладкой кожей и в темных

очках не вызывал у него симпатии. Мафиози обладал тонким инстинктом, присутствие Степана причиняло ему почти физические страдания. Нечто тревожное исходило от человека в темном костюме.

Телохранитель смешал два коктейля и поставил их на маленький столик, за которым сидели главы делегаций.

— Мой фирменный, — похвастался Лупо. — За ваше здоровье!

Дон выпил. Степан тоже одним глотком опустошил свой бокал. Джакомо Лупо пил чистое виски. Степан же получил виски с такой огромной дозой цианистого калия, что она могла в одну секунду уложить слона. У Джакомо Лупо чуть глаза не вылезли из орбит, когда яд не оказал на Степана никакого действия.

Дон с трудом проглотил комок в горле.

— Давайте перейдем к делу, — с усилием произнес он и нажал кнопку на обратной стороне столика. — — —

Контакты замкнулись, и через металлический стул, на котором восседал Степан, побежал ток такой мощности, что по оправе темных очков вампира побежали электрические заряды. Запахло озоном.

Джакомо Лупо мертвенно побледнел, когда обнаружил, что Степан спокойно сидит на своем месте. Что за адский выродок находился перед мафиози?

Пальцы Степана задвигались. Переводчик побледнел.

— Он сказал, что вы дважды совершили покушение на его жизнь и что за это он сейчас убьет вас.

Джакомо Лупо вскочил на ноги. Его телохранитель тоже. Оба выхватили оружие.

— Умри и будь проклят! — заорал Лупо и нажал на курок.

Пуля попала Степану точно в лоб. Вампир поднялся, нехотя вытащил свой пистолет и прикончил Джакомо тремя прицельными выстрелами. Телохранитель дона дважды попал в грудь спутнику Степана. Одетый несмотря на жару в белый свитер с высоким горлом, монстр спокойно извлек стилет, медленно подошел к замершему телохранителю и вонзил лезвие прямо в его сердце.

Переводчик с воплем ретировался.

Четверо телохранителей Степана, расположившиеся в другом помещении, встали, неспеша достали оружие и двинулись к двери. В отеле завывала сирена. Мафиози Андорры перекрыли все выходы.

Степан попробовал открыть дверь зала переговоров. Она

оказалась запертой. В потолке открылось отверстие, раздалось шипение, и комната наполнилась белесым туманом.

Это была сильно концентрированная кислота. Дымясь, разползлись ковры и одежда на Степане. В коже и мясе его телохранителя появились большие дыры.

Степан поднял дуло пистолета и несколько раз выстрелил в замок. Потом вампиры вдвоем навалились на дверь и выломали ее.

Степан вышел в коридор. Одежда, парик и очки растворились: вампир был голый и с его гладкой кожи скатывались капельки кислоты.

— Вот он! — заорал кто-то. — Скорее огнеметы!

Длинные снопы огня осветили коридор и окутали Степана рыжим облаком. Он уверенно направился в сторону огнемета. За ним, качаясь, брел телохранитель — вернее, труп, наряженный Степаном в одежду телохранителя. Кислота разъела его тело, тут и там вылезали голые кости.

Степан поравнялся с первым огнеметом. Эластичное покрытие его тела почернело, но не обуглилось. Парни, державшие огнемет, в панике разбежались.

По всему отелю раздавались крики, гремели выстрелы. Степан завладел огнеметом и направил его на людей Лупо. Огонь охватил их одежду, несчастные стали выпрыгивать в окна.

Степан неотвратно шагал через пламя. Его мертвые телохранители следовали за ним. Да, в них попадали пули, но они не умирали. Вид обгорелых, изъеденных кислотой трупов был настолько непереносим, что закоренелые убийцы мафии бросали оружие и разбежались, как стайка испуганных детей.

Огонь быстро разгорался, нижние этажи отеля были полностью объаты пламенем. Мафиози на верхних этажах не успели спастись, их крики еще долго были слышны на улице.

Когда Степан вышел из здания, один из пожарных накинул ему на плечи одеяло. Вампир позволил довести его до машины «скорой помощи», он и в мыслях не имел спасти своих «телохранителей». Их тела пострадали в схватке, а Черный Епископ не хотел привлекать всеобщее внимание к своей персоне.

Вампиры остались по приказу Степана в огне. От них остались только обгорелые останки. Монстр спокойно лег на носилки. Когда его оставили одного, он надел белый халат, случайно оказавшийся на переднем сиденье, и смешался с толпой.

Была полночь. Звезды ярко сияли на ясном небе. Ренато Андорра, затаив дыхание, слушал доклад своих людей.

— Значит Степан жив? — прошептал он. — Он выдержал огонь, яд, кислоту и высокое напряжение? Пули не смогли убить его?

Мафиози молча кивнули.

— Он не только в союзе с сатаной, — молвил корсиканец, — он, вероятно, сам дьявол во плоти. Мы имеем дело не с человеком, — это или демон, или боевой робот.

Пока Андорра выслушивал своих вассалов, на плоскую крышу виллы приземлился вертолет. Из него выпрыгнуло несколько мужчин и женщин в темной форме с черными очками на незрячих глазах.

Их возглавлял Степан. Еще до того, как охранники заметили, что в парке чужие, несчастных настигла смерть. В центральной зале одновременно вспыхнули все экраны, замигала красная лампочка.

— На нас напали, — прокричал охранник на экране. — Диверсанты уже проникли на виллу. Наши пули не убивают их, и они... Аааххх!

С этим ужасным криком экран погас.

Ренато Андорра перебегал от одного экрана к другому. Его доверенные люди, все те, кто был обязан ему карьерой и влиянием, смотрели на экраны, как на не очень интересную пьесу в театре.

— Сюда они не доберутся, — сказал Ренато Андорра. — Это помещение отгорожено стальными, герметически закрытыми дверями. Я немедленно отдам приказ.

— Вы этого не сделаете, — произнес один из четырех мафиози.

— Ах так? — взвился Андорра. — И как же вы намерены помешать мне это сделать?

Дон из Сардинии медленно поднялся и вынул оружие. Остальные доны последовали его примеру. Ренато Андорра так же медленно развернул свою коляску.

Андорра прицелился, навел на бунтовщиков скрытые в коляске ракеты и нажал на красную кнопку. Но ничего не произошло. Он с остервенением нажимал снова и снова.

— Не стоит трудиться, сеньор Андорра, — сказал черный Геркулес за его спиной, — все кончено.

Старик понял, что игра проиграна. Все отвернулись от сво-

его крестного отца и покорились профессору Салварину. Даже верный слуга предал его.

Ренато Андорра не произнес ни слова. Его холодные водянистые глаза уставились на убийц. Он безропотно принял пули. Так умер в своей инвалидной коляске Ренато Андорра, многолетний король итальянской мафии.

Через минуту открылась дверь, появился профессор Салварин. За ним вошел Степан.

— Добрый вечер, господа, — поздоровался профессор. — Наш план удался. Охрана Андорры до последнего момента полагала, что вертолет доставил подкрепление из Венеции, как и обещал дон Калабрезе. Война окончена. Преступный мир признал нового короля, меня — профессора Салварина.

Четыре дона засвидетельствовали ему свою лояльность. Профессор Салварин некоторое время еще побеседовал с ними и отпустил их. Он остался один на один со Степаном. Два мертвеца, пробившись через охрану, вошли в зал.

Профессор Салварин поспешил испытать функционирование всех рычажков и кнопок, вмонтированных в стальной письменный стол. Он выпустил антенну из крыши бункера, автоматически загерметизировал дверь, включил-выключил экраны.

Профессор полностью углубился в эту деятельность.

Вдруг могучие трупы схватили его и заломили руки за спину. Степан приблизился к Салварину и вытащил из его кармана рацию, контролирующую серебряную капсулу.

— Немедленно отпустите меня! — заверещал профессор. — Ты мое орудие, Степан, не забывай об этом!

— Ты — несчастный глупец! — монотонно проговорил последний из Чалдеронских монахов. — Это ты все это время был моей игрушкой, а не наоборот. Ты предоставил мне возможность жить при дневном свете и перемещаться в любую необходимую мне точку планеты. Ты научил меня всему, на что ты способен. Теперь ты мне больше не нужен. Я, Степан, буду во главе мафии. Скоро мои создания завоюют весь мир. И ты, червяк, будешь одним из них.

Степан растоптал рацию и, оскалив зубы, подошел к профессору, Салварин тонко завизжал, когда зубы епископа прокусили его сонную артерию.

XI

Харвей Сондра сидел в камере и ждал смерти. Он лишился последней надежды. У американца были две альтернативы:

или покончить с собой, или присоединиться к свите Степана в качестве еще одного вампира. Он больше не сомневался, что профессору Салварину удастся захватить власть над всем преступным миром Италии.

Харвей Сондра знал, что соперничество Салварина и Ренато Андорры вступило в свою решающую фазу. Он с минуты на минуту ожидал возвращения профессора. Степана и его оживших трупов.

Когда в замке повернулся ключ, Харвей уже приготовился к самому худшему. Но в дверях появился не профессор и не Степан, а Стелла Кантон. Она была смертельно бледна, выглядела усталой и изможденной.

Девушка знаком показала, чтобы молодой человек молча последовал за ней. Только в коридоре она осмелилась заговорить.

— Профессор Салварин и Степан улетели в Гран-Сассо. Они хотят нанести последний сокрушительный удар Ренато Андорре. На вилле остались только Тино с тремя телохранителями. Нам надо немедленно бежать.

Стелла Кантон хорошо изучила план виллы. Она прожила здесь целых четыре недели. За это время многое изменилось.

Девушка вывела Харвея в подземный гараж.

Автопарк профессора Салварина составляли «мерседес-600», «мазерати» и «порш». Стелла Кантон вытащила из кармана своего светлого брючного костюма ключ от «мазерати».

— Садись за руль, — сказала она, — я открою ворота.

Харвей Сондра залез в машину и завел мотор. Ворота медленно, со скрипом отворились. Харвей Сондра подъехал, Стелла села рядом с ним на переднее сиденье.

Внезапно Сондра услышал крик. В открытых воротах появились Тино с телохранителем. В руках они держали пистолеты.

— Тебе не убежать от меня, Стелла, — прокричал Тино. — Сдавайтесь, Сондра, сопротивление бесполезно.

Харвей Сондра скрипнул зубами.

— Ложись! — скомандовал он Стелле Кантон.

Американец налег на руль и нажал педаль газа. Мотор мощной спортивной машины дико взревел. Плоский «мазерати» птицей ринулся вперед. Послышались выстрелы, в лобовом стекле появились маленькие дырочки.

Харвей Сондра отчетливо видел перекошенное лицо Тино Салварина. Машина сбила бандита и отбросила к стене гаража. Передние и задние колеса раздробили ему грудную клетку.

«Мазерати» помчался по асфальтированной дороге к главному входу. Охранник несколько раз выстрелил вслед, но промазал. После этого он нагнулся к Тино и увидел, что перед ним труп. Единственный сын профессора Салварина умер.

— Держись крепче! — приказал Харвей.

Машина со всего размаха уткнулась капотом в кованые ворота виллы. Раздался душераздирающий треск, это отвалился бампер и разбились фары. Наконец место длительного и мучительного заточения осталось позади. Погони не было.

Через два километра Харвей Сондра свернул направо в перелесок. Он остановил машину, опустил окно и с наслаждением вдохнул свежий лесной воздух. Харвей был на свободе и дамоклов меч не висел больше над его головой.

— Стелла, — задыхаясь, произнес молодой человек, — моя любимая Стелла! Я уже оставил всякую надежду.

Стелла обвила руками его шею и положила голову на плечо возлюбленного.

— Это было ужасно, — вздохнула она. — Степан, это адское чудовище, каждый день создавал все новых и новых кровожадных вампиров, не живых и не мертвых. И Тино заставил меня подчиниться своей воле под угрозой отдать меня Степану. О, Харвей, сможешь ли ты это когда-нибудь забыть?

— Мы оба живы и свободны, — ответил Харвей Сондра. — Только это сейчас важно. Я слышал, что Степан надругался над многими женщинами. Это правда?

Стелла кивнула.

— Паола Лачеста тоже побывала в его руках. Она превратилась в ходячего мертвеца.

— Мы должны отправить этого монстра туда, откуда он пришел в наш мир — в ад, — твердо сказал Харвей Сондра. — Пока Степан бродит по земле, покоя нам не будет. Он страшен для всего человечества.

XII

Харвей Сондра послал телеграмму в Цадар Дувлеку. Инспектор сумел найти одного из высоких чинов морского флота, с которым ему довелось познакомиться во время операции «Чалдерон». Уже в шестнадцать часов того же дня с регулярной машиной прибыли в аэропорт снятые на пленку доказательства существования Степана и чрезвычайно секретное досье об итогах операции «Чалдерон». Вместе с документами прибыли специальный курьер и два агента Тайной Службы.

При первом же контакте с местной итальянской полицией

Харвей Сондра натолкнулся на полнейшее неверие. Еще немного, и он оказался бы за решеткой в сумасшедшем доме. Но после предъявления официальных документов из архива югославской полиции последние сомнения исчезли.

Поздно вечером состоялось решающее совещание. Присутствовали: Харвей Сондра, оба югославских агента, три офицера чина итальянской полиции и два военных полковника. Они составили план операции «Салварин», Харвей Сондра начертил подробный план виллы профессора.

— Сегодня мы уже не успеем напасть, — сказал Харвей Сондра. — Приготовления еще не завершены. Кроме того, скоро полночь, и вампиры выйдут на поверхность из могил. Десантникам не стоит встречаться с ними.

Седой подтянутый полковник десантных войск Риенци согласно кивнул.

— Это очень непростое дело, оно может иметь смертельный исход для любого из нас. В этот раз Степана настигнет справедливое возмездие.

Подготовка операции шла полным ходом. Час «ноль» был назначен на восемнадцать часов следующего дня. Полицейские кордоны отрежут виллу профессора Салварина от города. Десантники спустятся прямо в сад на вертолетах. Они будут вооружены серебряными кортиками и автоматами с серебряными пулями.

Таким образом вилла будет взята. Присутствовавший на совещании полковник военно-воздушных сил обещал поддержку с воздуха, чтобы ни профессор Салварин, ни Степан не смогли улететь на вертолете. Каждый точно уяснил себе свою задачу в предстоящей операции.

— У меня вопрос. — подал голос один из офицеров полиции. — Почему Степан активен круглые сутки, а не как другие мертвецы — с полуночи до рассвета?

Харвей Сондра наморщил лоб.

— Это, вероятно, связано с пластиком, которым профессор Салварин покрыл его тело. Благодаря ему Степан не чувствует влияния окружающей среды. Неудобства, связанные с ночным образом жизни, теперь для него устранены. Во всяком случае, так объяснил мне происшедшее профессор, когда я сидел у него в камере. При многочисленных ранениях, полученных Степаном во время диверсий, профессору приходилось постоянно латать дыры в пластиковом скафандре Степана. Мумифицированное тело Степана быстро регенирирует без всякого вмешательства извне.

— И это чудовище живет, питаясь человеческой кровью, и

даже спит с женщинами, — добавил полицейский офицер и перекрестился.

В комнату вошел карабинер. Он принес телеграмму и рапорт.

Старший по чину полицейский офицер принял оба пакета.

— Все готово, господа, — торжественно объявил он, внимательно прочитав бумаги. — Только что мне сообщили, что профессор Салварин в честь своей победы взорвал бункер в Гран-Сассо, принадлежавший ныне покойному великому мафиози Ренато Андорре. В данный момент профессор Салварин вновь находится на своей вилле. Его вертолет приземлился полчаса назад. — Офицер оглядел всех собравшихся. — Таким образом, нам предстоит сразиться не только с адскими созданиями, но и с самой мощной преступной организацией в Италии, имеющей опорные пункты во всех крупных городах страны. Помните, все мы, наше государство, да и весь мир — в опасности.

Заседание закончилось несколько позже. Был час ночи. Харвей Сондра с удовольствием покинул помещение, там было трудно дышать от сигаретного дыма. Американец отправился по ночному Неаполю в свой отель.

Над заливом сверкали звезды. Легкий бриз принес с моря запах соленой воды и водорослей. Харвей Сондра настежь распахнул дверь машины и задумался.

Молодой человек устал. Стелла Кантон освободила его вчера утром, значит он не отдыхал уже двадцать четыре часа, а это были далеко не самые легкие часы в его жизни.

Сондра припарковал машину около отеля и прошел в холл. Он уже собирался нажать кнопку своего этажа, но тут ночной портье окликнул молодого человека.

— Что такое? — устало отозвался Сондра.

— Вы разве разминулись с сеньорой?

— Почему вы так решили?

— Видите ли, полчаса назад ваш посланец принес сеньоре записку, она немедленно направилась в полицейский президиум. Машина ждала ее у дверей отеля. Десять минут назад сеньора села в машину и отбыла.

Усталость сразу как рукой сняло.

— Как выглядел мужчина, принесший записку?

Харвей Сондра уже проклинал себя за медлительность! Заливом он, понимаете ли, залюбовался!

— Это был обыкновенный, ничем не примечательный человек, — растерянно произнес портье. — Единственное, что меня удивило, так это красный женский платок на его шее. И

еще: его глаза. На какой-то момент он снял темные очки, когда говорил со мной. Его глаза казались неподвижными и остекленевшими, как у мертвеца.

XIII

Черная машина остановилась перед виллой профессора Салварина. Ужасные, бледные фигуры с рваными ранами на шеях вытолкнули Стеллу из машины. Она уже знала, что сопротивляться бесполезно.

Профессор Салварин ожидал ее в освещенном холле. Его глаза, обычно горевшие на аскетическом лице, как темное пламя, были пусты и безжизненны. Стелле Кантон не понадобилось даже видеть рану на его шее, чтобы догадаться о происшедшей с профессором перемене.

— Надеюсь, вам все ясно, — сказал профессор монотонным голосом, и это были не его слова. — Я, Степан, являюсь господином этого слабого тела. Мои силы, столько столетий подавляемые на Чалдероне, растут изо дня в день. У меня наконец достаточно сил, чтобы привести в исполнение план, задуманный в XII столетии. Ему помешала чума, унесшая нас всех в могилу. Нам не удалось обратить в нашу веру народы Земли. Но сейчас меня ничто не остановит. Я еще раз совершу кровавый ритуал, подробности которого всплыли в моей памяти. Двадцать мужчин и женщин станут подобными мне. Еще сегодня они сосредоточатся по всему миру, и ничто больше не будет препятствовать нашему мировому господству.

Стелле Кантон показалось, что стальная рука сжала ее сердце. Неужели этому ужасу никогда не наступит конец? Девушке показалось, что ее жизнь завершена, что именно в такой смерти логическое окончание этих кошмарных месяцев.

— Ты, Стелла Кантон, будешь ритуальной жертвой. Твоя кровь и мои магические заклинания создадут еще двадцать существ по моему образу и подобию.

Стелла Кантон услышала дьявольский хохот из темного парка. Оттуда появилась группа женщин и мужчин, мертвецов, как и профессор Салварин. Стеллу схватили и поволокли холодные, цепкие руки. В парке они привязали парализованную от страха девушку к стволу мертвого дерева.

Перед Стеллой был разожжен костер, на нем в котелке кипело мерзко пахнущее варево. Отсвет пламени озарял бледные лица трупов. Они образовали около дерева полукруг. Женщина-вампир притащила острое, длинное копьё.

Из толпы выступил Степан. На нем было черное, ниспадающее до пола одеяние. Оно было покрыто магическими символами. Степан подбросил в котел горсть сухих трав и оттуда повалил зеленый дым. Он окутал епископа с головы до ног.

Кровь Стеллы Кантон должна придать избранным вампирам способность создавать себе подобных и контролировать их. Покрытые пластиком профессора Салварина, они не боялись больше дневного света.

Гладкое, со стеклянными глазами лицо Степана приблизилось к Стелле Кантон. Пластиковые руки грубо сорвали с нее одежду. Стелла отчаянно закричала.

Она вспомнила, как Ольга Чехровка в далеком Цадаре рассказывала им о кровавом ритуале. Оскверненной и пронзенной копьем должна умереть жертва. Вампиры будут пить кровь и исполнять вокруг агонизирующего тела свои дьявольские пляски.

XIV

Харвей Сондра вихрем помчался обратно в полицейский президиум. В зале, где проходило совещание, он застал полковника десантных войск и полицейского офицера. Коротко и ясно прозвучал рассказ о похищении Стеллы Кантон.

— Черт побери! — выругался полицейский. — Вилла профессора уже окружена полицейским корпусом. Они пропустят машины и людей на виллу, но выйти обратно невозможно.

— Мы должны освободить Стеллу Кантон, — возразил Харвей. — Придется хорошенько подумать.

— Возможно, сеньоры Кантон уже нет в живых, — тихо добавил полицейский офицер.

— Я так не думаю, — задумчиво покачал головой Харвей Сондра. — Зачем же тогда Степану понадобилось похищать ее? Они могли убить Стеллу прямо в отеле, не привлекая ничего внимания. — Внезапно ему в голову пришла ужасная догадка. — Кровавый ритуал! — воскликнул он. — Паола Лачеста, любовница профессора Салварина рассказывала мне, что профессор желает повторить ритуал, но Степан не вспомнил еще некоторых деталей. Стелле Кантон уготована роль жертвы.

— Это отвратительно, потому что сводит на нет все наши планы, — произнес седой полковник. — Через несколько часов нам придется столкнуться не с одним исчадием ада, а с двадцатью или более. Мы должны предотвратить ритуал.

— И как же вы хотите это сделать? — с горечью спросил полицейский.

— Я в любом случае попытаюсь это сделать, — ответил за полковника Харвей Сондра. — Пусть даже это будет последнее, что я сделаю в жизни.

— Я тоже буду участвовать в операции, — сказал седой десантник тоном, не терпящим возражения. — Мы въедем на грузовике в ворота виллы. Нас будет сопровождать группа добровольцев. Но действовать надо очень быстро.

— Вы подвергнете опасности всю операцию «Салварин», — запротестовал полицейский.

— Ну и что? Если мы этого не сделаем, то всю операцию придется разрабатывать заново.

Энергичный полковник связался с казармами. Через двадцать минут в их распоряжении было двадцать пять десантников-добровольцев и крытый военный грузовик. Так как подготовка к операции «Салварин» развернулась полным ходом, то все были вооружены посеребренными кортиками и патронами с серебряными пулями.

Полковник Риенци коротко объяснил задачу горстке смельчаков. Парни внимательно и серьезно слушали слова командира. Харвей Сондра и полковник сели в кабину вместе с водителем. Машина тронулась. Тяжелый военный транспорт без препятствий миновал полицейские кордоны.

Показалась вилла профессора Салварина.

— Нажмите на газ и — в ворота, только быстрее, — приказал полковник.

Кованые ворота были уже залатаны после побега Харвея Сондры. Мощный мотор грузовика взревел, бампер ударил толстый металл.

С громким скрежетом распахнулись створки.

Машина с размаху влетела в темный парк. Харвей Сондра различил между деревьями всполохи огня. Он схватил водителя за плечо и указал направление.

— Туда!

Тяжелый грузовик валил кустарник и мелкие деревья. Перед глазами Харвея Сондры, полковника и водителя предстала ужасная картина: мертвецы стояли полукругом около сухого дерева, к которому была привязана Стелла Кантон. Закутанная в черный балахон фигура возвышалась перед обнаженной девушкой и вздымала руки к небу.

Неровные языки пламени освещали собравшихся.

Грузовик мчался вперед, не разбирая дороги. Затрещали кости, тела падали под колеса, но не было произнесено ни

одного слова, не слышалось ни одного вздоха, только звуки ударов и зловещий хруст. Бледные тела со всех сторон окружили грузовик.

Харвей Сондра выпрыгнул из кабины с револьвером, заряженным серебряными пулями, в левой руке и с серебряным кортиком — в правой руке. До него донесся глухой лай облаченного в черное одеяние монстра.

Харвей ударил ножом. Клинок вонзился в плечо Степана, тот покачнулся. Харвей Сондра перерезал веревки, и плачущая Стелла Кантон забилась в его объятиях. Она всхлипнула и потеряла сознание.

Из кузова начали выпрыгивать десантники. Затрещали автоматы. Из виллы открыли ответный огонь. Наконец-то слышались крики. В темноте падали люди и нелюди. Начался жестокий ближний бой.

На одной стороне бесились кровожадные мертвецы с оскаленными клыками, а на другой сражались десантники в защитных комбинезонах с длинными кортиками в руках.

Водителя выволокли из кабины, он глянул в остекленные глаза трупа и по-женски завизжал. В его горло впились алчные зубы, кровь потекла рекой. Два вампира — голый мужчина и когда-то красивая женщина — впились среди крошечного ада перестрелки в тело несчастного водителя и жадно глотали кровь.

Полковник Риенци разрядил свой автомат в мертвецов, двое из них упали, пытаясь все же в агонии дотянуться до возможной жертвы.

Харвей Сондра уверенно стоял на влажной от крови земле, широко расставив ноги и прикрывая своим телом бесчувственную Стеллу Кантон. Он с остервенением колот направо и налево. Рука вампира попыталась схватить молодого человека, но Харвей с размаху вонзил кортик прямо в рваную рану на шее трупа.

Нападавший беззвучно рухнул.

Битва за ритуальную поляну близилась к концу. Побеждали десантники. Вампиры отступали к вилле. С балкона раздалась пулеметная очередь, и десантники рассыпались по парку.

Полковнику Риенци удалось пробиться к месту стоянки личного вертолета профессора Салварина. Он распахнул дверь и закинул туда две ручные гранаты.

Взрывы слились в один. В вертолете вспыхнуло яркое пламя, оно осветило мрачный ночной парк.

Тем временем десантники не решались штурмовать виллу,

у них оставалось мало серебряных боеприпасов, единственно, что им удалось, это герметически закрыть здание. Вампиры отстреливались до самого рассвета.

Мертвецов осталось мало. Трое попытались прорваться, но были сняты прицельными выстрелами.

На востоке за Везувием взошло солнце. Когда его лучи прогнали ночь, мертвецы утратили способность двигаться и снова окоченели, как и подобало трупам.

XV

Стелла Кантон пережила нервное потрясение. Ей не причинили никакого вреда, но минет немало времени, прежде чем она придет в себя после ужасных событий, если вообще будет в состоянии когда-нибудь забыть это жуткое похищение.

Машина скорой помощи доставила Стеллу в госпиталь.

Десантники проникли на виллу профессора Салварина. Они обнаружили там самого профессора и мертвецов с искусанными горлами. Дневной свет застал всех их врасплох.

Только Степан, первопричина всех ужасов, бесследно исчез. Виллу обыскали с чердака до подвала, но безуспешно. Степана там не было. В подвале нашли потайной ход, оканчивавшийся в километре от виллы на берегу моря.

Степан, видимо, бежал этим путем. Ему удалось миновать полицейские кордоны.

Неужели все было напрасно?

— Есть еще одна возможность, — предположил полковник Риенци. — У профессора Салварина на спортивном аэродроме был самолет. Возможно, Степан знает об этом и решил покинуть страну воздухом, пока еще не объявлен розыск.

Харвей Сондра и полковник взяли полицейскую машину и бросились в погоню. Через полчаса они добрались до аэродрома. Там стоял небольшой сельскохозяйственный самолетик. Пилот собирался взлететь. Это был не Степан, а здоровый, рыжеволосый мужчина с рваной раной на шее.

Он поднялся со своего места и двинулся навстречу Харвею Сондре и полковнику. Нападавшие выстрелили одновременно, но оба промахнулись.

Тогда Харвей Сондра вонзил серебряный нож в грудь вампира.

В конце салона самолета возникла фигура Степана. Его безжизненное пластиковое лицо было залито кровью, в руках он держал автомат.

Полковник занес нож для броска, но не успел: тело его прошла очередь, и он мягко опустился на пол.

Снаружи завывала полицейская сирена. Степан махнул Харвею Сондре, чтобы тот заводил мотор. Молодому человеку не оставалось ничего другого. В армии он был пилотом. Ему удалось поднять машину в воздух, когда первый полицейский «форд» показался на взлетной полосе.

Самолетик быстро набирал высоту. Харвей Сондра поставил управление на автопилот. Степан стоял у него за спиной. Харвей резко обернулся и вырвал из рук епископа автомат, а затем дважды пронзил тело монаха серебряным кортиком.

При первом ударе Степан потерял равновесие и бессильно упал на сиденье. Второй удар пробил плечо и пригвоздил вампира к спинке сиденья.

Степан был еще жив, но уже не мог двигаться.

— Посадите меня в кресло пилота, — простонал полковник Риенци. — Это чудовище должно исчезнуть с лица земли. На борту самолета есть парашюты. Прыгайте!

Харвей Сондра подчинился. Открыв люк, он еще раз обернулся. Полковник Риенци всем телом навалился на руль, его лицо исказила гримаса боли. Рядом с ним сидел Степан. Из горла вампира вылетали хриплые звуки, но он был бессилен освободиться.

Воздушный поток подхватил Харвея. Молодой человек разгадал план полковника: падение с такой высоты уничтожит дьявольского монаха. Защитный пластик не выдержит подобного удара.

Когда парашют раскрылся и Харвей Сондра плавно устремился навстречу земле, он увидел, что самолетик стал кружиться над жерлом Везувия, потом завис и вдруг камнем рухнул в кратер.

Фрэнк де Лорка

Кровавая обитель

I

Апрельское небо над заснеженным, словно посыпанным крупными кристаллами сахара, плато Энвалиры было ясным и лучистым. Только близ пиков обрамлявших плато трехтысячметровых гор — настоящий рай для любителей горнолыжного спорта — курчавились мягкие пушистые облака.

От фешенебельного отеля «Энвалира», единственного на всем курорте, чем и завоевавшего право носить столь звучное имя, узенькая, удобная дорожка вела на соседний холм, где возвышалась хрупкая и элегантная часовенка, украшенная крошечными резными башенками.

Сегодня на обычно безлюдной по утрам тропинке царило странное оживление. На маленьком пятачке перед часовней сосредоточилась масса народа, включая туристов-лыжников и местных жителей. Более того, целая толпа растянулась вдоль ведущей сюда дороги. Видимо, ожидалось какое-то праздничное и радостное событие, зрители шумели, смеялись, весело толкались и шутили. Вдруг двери часовни открылись и на пороге появился обслуживающий персонал гостиницы в ярких национальных трахах. Седой, представительного вида метрдотель в бархатной шляпе с фазаньими перьями на макушке и в красных шелковых чулках, выглядывающих из-под коротких кожаных штанов, три раза ударил об землю увитым цветами посохом, и все сразу же повернулись к центральному входу в гостиницу.

Весь секрет состоял в том, что сегодня молодой владелец отеля «Энвалира» Антонио Лопец обручался с ангельски прекрасной девушкой из соседнего местечка Солде. Ровно в одиннадцать зазвонили колокола часовни, и падре Себастьян, спе-

диально прибывший для проведения церемонии бракосочетания из церкви Сант-Джоан-де-Каселлес, соединил руки молодых и объявил их отныне и навеки мужем и женой перед Богом и людьми.

В тесной часовне удалось разместить всего двадцать персон гостей, это были ближайшие родственники жениха и невесты. Торжественно и немного смущенно стояли они у роскошно украшенного алтаря, любясь счастьем молодых супругов.

Церемония завершилась, и гости последовали за старым падре и сияющими молодостью женихом и невестой наружу, в ослепительно белый снег, где их ожидали около двухсот друзей, знакомых, туристов и просто любопытных. Над плато пронесся хор приветственных криков, в новобрачных полетели цветы и маленькие веночки из словых веток с шишками — таковы были местные обычаи. Наконец все стихло.

Антонио и Кандиа Лопец преклонили колени перед падре прямо на снегу. Священник простер над ними золотой епископский посох с закругленной ручкой. Было странно видеть его в руках священнослужителя в ранге падре. Особенно бросались в глаза крупные, чистой воды драгоценные камни, щедро покрывавшие всю поверхность таинственного ритуального предмета. Никто и никогда не встречал еще подобной красоты и великолепия.

Фрэнк Николсон ненавязчиво затесался в толпу, стараясь найти место повыше, чтобы не упустить ни одной подробности происходящего. Впрочем, в этом не было особой нужды, так как его длинная и стройная фигура возвышалась над бархатными шляпами и накрахмаленными белыми платками местных жителей почти на десять сантиметров.

Падре Себастьян коснулся скипетром супругов и тихо произнес несколько слов на латыни, которая всегда была слабым местом Фрэнка.

Антонио и Кандиа склонились до земли.

Вдруг в толпе поднялся какой-то гул.

Все как по команде повернули головы на запад, где среди древних холмов виднелись руины придавленного обрушившейся скалой монастыря. Несмотря на солнечную погоду, там кучковались облака, их черная тень резко отделяла развалины от сверкающего на солнце снега перед часовней.

Но это необычное явление продлилось лишь несколько минут. Внезапно налетевший неизвестно откуда ветер, словно испугавшись епископского посоха, отогнал их за горизонт. Над серыми стенами вновь заиграли солнечные лучи.

Все облегченно вздохнули.

От Фрэнка Николсона не укрылось, что на счастливых лицах Антонио и Кандии на какое-то мгновение появилось выражение ужаса, так же стремительно уступившее место блаженству. Они оказались единственными, кто не повернул головы на запад.

— Что это значит? — обратился Фрэнк к стоящему рядом старому пиренейцу с обветренным лицом.

Мужчина неохотно поднял голову и внимательно посмотрел на спрашивавшего.

Улыбка озарила его беззубый рот.

— А, юстед хабла эспаньол, — с удовольствием произнес он. Когда Николсон утвердительно кивнул, старик сразу серьезнел.

— Эти руины — остатки монастыря Сан-Эстебан, попавшего во власть Сатаны, — печально объяснил он. — Вы заметили облака? Золотой скипетр Сант-Джоан-де-Каселлес прогнал злых духов, готовившихся помешать счастью новобрачных.

— Вы не могли бы поподробнее рассказать мне об этом, отец? — вежливо попросил Фрэнк.

Старик протестующе поднял обе руки.

— Спросите падре Себастьяна, синьор, если вас заинтересовала эта тема, — сухо сказал он, а потом пиренейца оттеснили назад, и он был этому явно рад.

Высоко вознеся над головой скипетр, падре Себастьян расчищал путь Антонио и Кандии. Огромная толпа тоже пришла в движение. Все направились в отель.

Фрэнк Николсон замер на месте, настолько необычно романтической показалась жителю Лондона открывшаяся взору картина. Антонио Лопец в свадебном костюме, увешанном бляшками, его молодая супруга в вихре белоснежных кружев, а между ними падре с развевающимися седыми локонами и драгоценным скипетром в руках...

Вдруг Фрэнк Николсон вздрогнул.

Он даже позабыл поприветствовать проходивших мимо него Антонио и Кандию, мило улыбающихся долговязому англичанину.

— Проклятье, — произнес за его спиной голос на чистом нью-йоркском слэнге, — за эту штучку братья могут отвалить миллион зелененьких.

— Больше, — возразил более интеллигентный голос, — если учесть его историческую ценность.

— Удача сама плывет нам в руки, Гэрри, — продолжил первый.

Фрэнк Николсон не позволил себе повернуться даже на четверть дюйма, чтобы увидеть лица говоривших. Диалог был строго секретным и не предназначался для чужих ушей.

Фрэнк подождал несколько секунд, затем его подхватил и понес к отелю поток гостей, перед ним шли три человека в модных и страшно дорогих лыжных комбинезонах. Двое мужчин в голубых спортивных шапочках и девушка с восхитительными светлыми волосами.

Хотя тут и там пестрели яркие краски лыжного снаряжения, Фрэнк сразу определил, что говорили именно эти двое. Тот факт, что они собрались действовать, особенно заинтересовал англичанина.

Фрэнку не удалось разглядеть лица американцев, и он не знал, встречались ли они в течение трех дней, что Николсон провел в отеле «Энвалира».

И тут блондинка обернулась.

Фрэнка поразили взгляд ее огромных и чувственных, зеленых, как вода в стоячем пруду, глаз. Их взгляды встретились, Николсона обдало жаром страсти и нежной грусти. Никогда не видел он таких глаз, таинственных и притягательных.

Девушка вспыхнула и повернулась к англичанину спиной. Очарование апрельского утра сразу пропало, словно чирикавшая на ветке маленькая птичка улетела, скрылась из глаз, и мир внезапно опустел.

Перед входом в гостиницу толпа рассеялась.

Фрэнк с удовлетворением обнаружил, что девушка не вешалась на шею ни одному из своих спутников.

В холле она еще раз обернулась, и Фрэнк окинул ее таким откровенным мужским взглядом, что в зеленых глазах загорелись искорки гнева.

Неуловимым движением изящной головки малышка выразила свое презрение, порхнули светлые волосы — и троица исчезла в лифте. Оба мужчины, казалось, совсем не интересовались, почему девушка дважды обернулась и на кого-то посмотрела.

Густой и пряный запах жареной рыбы просочился сквозь дверь кухни и приятно зашекотал ноздри. Туристы стали стекаться в ресторан.

Фрэнк Николсон вспомнил прелестную незнакомку, ее огонь и очарование, и впервые обрадовался, что согласился провести в Андорре несколько дней: он взялся выполнить деликатное и таинственное задание, порученное ему так нескстати шеф-инспектором Скотланд-Ярда.

Огромные яркие звезды превратили ночь в сумерки. Льдинки переливались всеми цветами радуги и поглощали длинные тени.

Фрэнк Николсон в одиночестве стоял на опустевшей террасе и задумчиво курил. Голая скала, у подножья которой лежали развалины, четко вырисовывалась на фоне темно-синего ночного неба. Николсону казалось, что он даже способен различить контуры камней, но это был оптический обман. Фрэнк порядочно выпил: свадьба праздновалась с размахом, да и персонал отеля принял его благодаря рекомендации французских коллег как старого знакомого и друга патрона. Инспектор Ле Клерк из Тулузы представил его слугам, и только Антонио и Кандиа Лопец знали, кто в действительности скрывается под маской безобидного англичанина с загорелым лицом и серыми спокойными глазами.

Гости наконец уgomонились и затихли. Местные жители отбыли в свои деревни еще с наступлением темноты, чтобы завтра к обеду вернуться и продолжить празднество. Да и туристы разошлись по номерам после того, как капелла попрощалась с ними несколько фривольной песенкой «Твои испанские глаза». Ресторан закрылся.

Постепенно похолодало, и Фрэнк Николсон вернулся в жарко натопленное помещение отеля.

Антонио и Кандиа, окруженные обслуживающим персоналом, дружески прощались на ночь и раздавали щедрые чаевые. Во истину благородный жест!

За двумя столами в баре еще сидели. В одном из припозднившихся гостей Фрэнк с удивлением узнал падре Себастьяна. Священник оказался не восприимчивым к спиртным напиткам.

За вторым столиком восседали уже знакомая блондинка со своими американскими кавалерами.

— Мы вас покидаем, будем рады видеть всех завтра. Спокойной ночи! — попрощались молодожены, обращаясь к оставшимся в баре после ухода повара, горничных и коридорных. — Разумеется, Педро будет обслуживать всех желающих до самого утра.

Педро — это бармен.

Новобрачные еще раз поздравили, пожелали им счастья, долгих лет жизни, после чего они достойно удалились. С их уходом погас свет, лишь в баре остались мерцать неяркие огоньки.

Фрэнк Николсон не успел еще расправиться со своим портвейном, да и перед падре Себастьяном стоял полный бокал. Фрэнк решил использовать ситуацию и завести с падре разговор про капеллу, необычную брачную церемонию. К сожалению, во время свадебного торжества никто об этом не обмолвился.

Когда Фрэнк лениво проходил мимо столика американцев, блондинка посмотрела на него еще более откровенно и требовательно, чем у часовни, и уже порядком перебравший Николсон приветливо помахал ей рукой.

На этот раз его поведение не прошло незамеченным.

— Разрешите пригласить вас пропустить с нами стаканчик виски? — вежливо обратился к Фрэнку один из американцев. Это был тот самый житель Нью-Йорка, отзывавшийся на имя Гэрри.

Он был узколиц и рыжеволос, его мускулистые плечи под рубашкой кричащей расцветки наводили на мысль о частых тренировках. Фрэнк решил, что ему не больше тридцати, но крючковатый нос и пронзительные жесткие глаза делали лицо американца старше.

Фрэнк на секунду задумался, но блондинка улыбнулась, широко распахнув зеленые глаза, и это решило все.

— А почему бы и нет? — стараясь не переигрывать, выдавил слегка заплетающимся языком Фрэнк. Он ногой пододвинул к себе стул и сел как раз напротив девушки.

— Прошу прощения, падре, — одновременно обратился Фрэнк к священнику, сидевшему за соседним столом, — я сейчас присоединюсь к вам.

Падре Себастьян вздрогнул от неожиданности и посмотрел на говорившего.

— Не волнуйтесь, синьор Николсон, — произнес он с улыбкой. — В конце концов, молодые люди тянутся к молодежи.

Фрэнк Николсон представился.

Рыжеволосый назвалсся Гэрри Коулдом, второй американец оказался его другом и компаньоном Десмондом Першингом, а имя девушки — Дайана Меркьюри.

Гэрри Коулд заказал четыре двойных скотча со льдом.

Фрэнк Николсон внимательно рассматривал новоявленных знакомых.

В данный момент его интересовала подлинность имен. Десмонда Першинга он скорее принял за итало-американца. Это был невысокий, коренастый парень с шапкой черных волос и темными слащавыми восточными глазами. Такие нравятся темпераментным женщинам.

Дайана, такая хрупкая и нежная, совершенно не вписывалась в эту компанию. В ее зеленых глазах застыло мечтательное выражение, словно она по ошибке заглянула в этот мир, черные брови и густые шелковистые ресницы еще больше оттеняли белизну ее волос и легкий румянец на высоких скулах. Капризный изгиб нежно-розовых губ сводил с ума. Блестящая зеленая блузка плотно облекала безупречную грудь, от которой Фрэнк Николсон не мог отвести взгляд. Возбужденный действием алкоголя, он едва удерживался от того, чтобы схватить ее, как пещерный человек, утащить в свой номер, а потом запереть на ключ дверь и... «Какое, наверное, блаженство, когда тебя обнимают эти тонкие, изящные руки», — подумалось ему. Длинненькие овалы ногтей девушки были безупречно покрыты перламутровым лаком, а узкое платиновое колечко с маленьким изумрудиком указывало на идеальный вкус.

Педро появился из полумрака с подносом, расставил стаканы и бесшумно удалился.

— Кажется, вы друг хозяина дома, сэр? — поинтересовался Гэрри Коулд. — Во всяком случае нам бросилось в глаза, что вы были единственным иностранцем за столом жениха и невесты.

— Я обязан этим моему хорошему другу из Тулузы, — удовлетворил Фрэнк это типично американское любопытство. — Он сам не смог прибыть, и я оказался в некотором роде его заместителем.

— Из Тулузы? — удивился Коулд. — Но если судить по вашему акценту, то вы — англичанин! Я даже счел вас офицером.

Фрэнк Николсон ухмыльнулся.

— Но это же не исключает возможности иметь другом французского офицера, разве не так, мистер Коулд? — заметил он. — Впрочем, вы почти угадали. Я — старший лейтенант шотландских горцев, если для вас это что-то значит.

Во всяком случае, это не было откровенной ложью: в таком звании Фрэнк Николсон ушел в отставку из рядов вооруженных сил, перед тем как оказаться в Скотланд-Ярде. Сей факт был указан черным по белому в регистрационной книге отеля специально для особо любопытных.

Но, видимо, оба парня никогда не слышали о существовании подобного воинского подразделения.

— Это элитарная воинская часть в Шотландии, — немного смущенно пояснила своим приятелям Дайана, проявив недюжинную осведомленность, чем повергла Фрэнка в крайнее

удивление. Женщины обычно не интересуются подобными вещами.

— Я рад, что вам это известно, мисс Меркьюри, — откровенно сказал он, дерзко погружаясь глазами в вырез блузки.

— Вы можете называть меня просто Дайаной, Фрэнк, — милоство разрешила девушка, поощряя его взглядом.

— Ну, что я говорил? — загоготал Гэрри.

— Спасибо, — просто ответил Фрэнк. — А вы случайно не из Нью-Йорка?

— В точку, — изумился рыжий. — Но не стоит считать нас бездельниками или плэйбоями, мы руководим посреднической фирмой по продаже часов, драгоценных камней и других дорогостоящих мелочей. Здесь, в Андорре, цены ниже, чем в Америке, и мы часто заглядываем в это местечко, совмещая полезное с приятным. Например, вот эта штучка стоит у Тиффани двенадцать тысяч долларов, а в Андорре то же самое можно приобрести за треть цены.

Он небрежно постучал пальцем по своим усыпанным бриллиантами часам фирмы «Ролекс».

«Значит, грязные спекулянты и мошенники, если не хуже, — подумал про себя Фрэнк. — Черт побери, что привело подобную девушку в общество мерзавцев мелкого пошиба?»

Падре Себастьян внезапно громко зевнул.

— Однако невежливо с нашей стороны игнорировать пожилого человека, — вмешался в разговор весь вечер молчавший как рыба Десмонд Першинг. В его речи полностью отсутствовали американский акцент и вульгарные выражения. Но самое удивительное началось, когда мистер Першинг обратился к священнику на чистейшем испанском.

— Вы позволите составить вам компанию, падре? Я хорошо знаю, что каталанские свадебные обряды странны и изнурительны. Завтра празднества будут продолжены, но ваши служебные обязанности уже выполнены, и вы сможете как следует выспаться.

Падре Себастьян несколько отчужденно взглянул на говорившего.

— Завтра утром мне к мессе надо будет вернуться обратно в Сант-Джоан, — произнес он и одним махом осушил свой стакан. — Сеньор Лопец обещал оказать мне честь и лично отвезти меня в приход.

Падре оперся руками о стол, чтобы подняться, но тут его взгляд остановился на окне, странно остекленел, руки мелко задрожали. Он вновь бессильно опустил на стул.

Остальные произвольно обратили свои взоры к окну.

Внизу у подножья черной скалы, где угадывался силуэт монастыря, за пустыми глазницами окон то вспыхивали, то снова гасли огненные сполохи.

— Какой дурак вздумал баловаться ночью бенгальскими огнями? — недовольно проворчал Гэрри Коулд.

— Проклятый не согласен со свадьбой, — тихо прошелестел голос старого падре во внезапно воцарившейся тишине.

Старые руины озарились магическим дрожащим светом, словно в их стенах разгорелся настоящий пожар.

Фрэнк Николсон одним рывком распахнул окно, чтобы лучше видеть происходящее.

Издавека до них донесся звук, напоминающий волчий плач голодной зимой в снежных полях. Через несколько секунд он перешел в хриплые стенания грешной души, так и не заслужившей прощенья Всевышнего.

III

К восьми утра луч солнца коснулся самого отдаленного уголка внешней террасы отеля «Энвалира».

Фрэнк Николсон пожелал выпить кофе именно там. Он неважно себя чувствовал после вчерашнего виски, но любопытство пересилило желание поваляться в кровати. Фрэнк натянул анорак на теплой подкладке и спустился вниз. Лифты еще не работали, в холле никого не было видно.

Самое время, чтобы без помех осмотреть загадочный монастырь. Николсон расчехлил полевой бинокль, но даже с помощью увеличительных линз перед его глазами предстали только обыкновенные древние развалины с зарешеченными узкими прорезями окон, частично обвалившаяся крыша и запертая, обитая железом входная дверь с табличкой, слова на которой было невозможно разобрать.

— Доброе утро, — внезапно поздоровался кто-то за спиной Фрэнка.

У стола с завтраком стоял Себастьян в накинутах поверх сутан дорожном пальто. В руках он держал золотой епископский посох, камни переливались на свету.

— Я хочу попроситься с вами, синьор Николсон, — сказал падре.

Он казался еще старше, чем вчера, его морщинистое лицо посерело.

— Жаль, — ответил Фрэнк и поставил стакан обратно на стол. — Мне так хотелось поговорить с вами о таинственных явлениях прошлой ночи. Падре Себастьян, после вашего вче-

рашнего стремительного бегства мне не представилась такая возможность.

— Боюсь, что и теперь ничем не смогу вам помочь, — возразил падре. — Мне надо успеть к утренней мессе.

— Синьор Лопец уже спустился вниз? — удивился Фрэнк. — Я еще его не видел.

— Меня отвезет не синьор Лопец, — ответил священник. — Вы человек со здравым смыслом, синьор Николсон, поэтому я хочу попросить вас о двух одолжениях.

— А конкретнее?

— В любом случае постарайтесь избегать монастырь Сан-Эстебан и его округу, — настойчиво сказал падре. — Вы подвергнете себя смертельной опасности. Я вижу, что вы уже пытались рассмотреть развалины при помощи бинокля.

— Вы все замечаете, — произнес Фрэнк также коротко и сухо. — А вторая просьба?

— Пожалуйста, не рассказывайте никому про вчерашние огни, и в первую очередь синьору Лопцу и его жене. Я не могу вам сейчас объяснить почему. Мне надо торопиться.

— Хорошо, — заверил его Фрэнк, прикуривая сигарету, — я обещаю вам и то, и другое с условием, что вы позволите мне навестить вас в монастыре Сант-Джоан-де-Каселлес. Я задержусь здесь еще на некоторое время.

Священник с испугом воззрился на англичанина.

— Договорились, — поспешно согласился он. — Историю монастыря вам сможет рассказать любой местный житель, но...

Падре замаялся.

— Но вы — наиболее полный источник информации, я угадал? — удовлетворенно улыбнулся Николсон. — Хорошо, мы условились. Я молчу про блуждающие огни, как могила. Только вы забыли, что я не единственный свидетель.

— Знаю. Я уже побеседовал с двумя господами из Америки за завтраком и узнал, что они на несколько дней отбывают по делам в Барселону. Они предложили по пути завезти меня в приход. Я с удовольствием согласился. Таким образом я убиваю двух зайцев: не навязываю новобрачным свое общество и заодно прослежу, чтобы американские туристы благополучно отбыли.

— Очень интересно, падре, — сказал Фрэнк, наморщив лоб. — Позвольте теперь мне предупредить вас. Я считаю этих людей бессовестными, беспардонными и крайне опасными, смею также сообщить вам, что вчера совершенно случайно

стал свидетелем разговора этих двух господ о золотом посохе, который вы держали в руках. Ведь камни настоящие?

Фрэнк показал рукой на скипетр.

Священник испуганно посмотрел на него.

— Разумеется они настоящие, — медленно произнес он. — Вы серьезно думаете? Эти американские господа не похожи на грабителей с большой дороги, синьор, я, конечно, благодарен вам за предостережение, но...

— Я этого и не утверждаю, — пробурчал Фрэнк и налил себе новую чашку кофе. — Я не думаю о разбойном нападении, это слишком глупо. Просто возможна кража из сокровищницы вашей церкви. Тихо и незаметно.

Падре с облегчением перевел дух.

— Тут вы можете не беспокоиться, синьор Николсон. Посох хранится за витриной из пуленепробиваемого стекла, это надежнее сейфа. Кроме того, только часть посоха состоит из литого золота, все остальное — позолоченная медь.

— Тогда я спокоен. На всякий случай имейте в виду, я попрошу проследить за скипетром, на расстоянии разумеется.

— Я не очень хорошо вас понимаю, синьор, но приму все сказанное к сведению.

На стоянке машин появились две фигуры и засуетились около «бьюика» с барселонскими номерами.

— Доброе утро, мистер Николсон, — небрежно бросил англичанину Гэрри Коулд. — Вы готовы, падре?

Падре Себастьян кивнул. Он обратил внимание на жадные взгляды, направленные на золотой посох.

— Возможно, вы правы, — тихо пробормотал падре, крепко пожал Фрэнку руку и исчез с террасы.

— Я слышал, вы уезжаете? — обратился Фрэнк Николсон к Коулду.

— Небольшое дело в Барселоне, — ответил Гэрри Коулд. — Через несколько дней мы опять объявимся, хотя, должен признаться, вчерашнее происшествие несколько охладило мою любовь к этим местам. Особенно пронзительный вой.

— Да уж, ничего приятного, — с содроганием вспомнил Фрэнк. — А прекрасная Дайана разве не едет с вами?

— Ее мы вверяем вашим заботам, — ухмыльнулся американец. — Окружите ее вниманием, она милая девочка.

Николсон скривил губы в улыбке.

На стоянке появился падре. Общими усилиями скипетр был водворен в «бьюик», падре же несколько замешкался и обменялся репликами с Десмондом Першингом.

— Духовный отец тоже возражает против того, что мы

оставляем Дайану одну, — прокричал черноволосый Фрэнку. Он, кажется, раскрывал рот лишь при крайней необходимости. — Я заверил его, что она под вашей защитой. Сэр, не разочаровывайте нашего бедного падре!

— Я не обману ваши надежды, падре Себастьян, — серьезно сказал Фрэнк, и успокоенный священник сел в машину.

Компаньоны еще раз коротко кивнули Фрэнку Николсону, и автомобиль тронулся.

Англичанин загасил сигарету о край пепельницы.

Он дождался, пока машина скроется за многочисленными поворотами серпантина дороги и вышел в холл отеля.

Ресторан был пуст, нетронутый завтрак стоял на столах. Гости отеля не имели обыкновения появляться до девяти часов.

Телефонистка болтала с портье. Фрэнк прервал это содержательное описание вчерашнего торжества и попросил соединить его с Тулузой.

Трубку немедленно поднял комиссар Ле Клерк.

— Привет, парень, — поприветствовал его Фрэнк, — как спалось? Да, спасибо, мне надо кое-что сообщить. Но сначала один вопрос: сколько пограничных кордонов в Испанию открыто в данный момент?

— До начала мая только Сант-Джулия-де-Лория, через который мы и переправились, Фрэнк, — прозвучал четкий ответ.

— Прекрасно. Пусть там возьмут на заметку «бьюик» с испанским номером В-24-474. По моим подсчетам, эта машина пересечет границу еще до обеда. Возможно, она принадлежит одной из фирм в Барселоне. Водитель — рыжеволосый американец нашего возраста по имени Гэрри Коулд.

IV

Ослепительная голубизна простиралась над лыжным раем Энвалиры. Высоко в небо уходил белый купол Пика Бланко. На севере открывался вид на долину Солде, заканчивавшуюся трехтысячметровыми великанами Касаманья и д'Эстаньо.

Ровно в девять ноль-ноль заработали подъемники, и Фрэнк Николсон отправился на лыжную прогулку. Цветные досточки-лыжи были натканы в снег перед входом в отель. Снежных бурь пока не ожидалось, поэтому подобный способ хранения считался самым целесообразным.

Фрэнк Николсон осторожно подъехал к выходу с плато, он напряженно вглядывался в лица первых фанатиков горно-

лыжного спорта в надежде увидеть между ними Дайану Меркьюри. Во-первых, ему надо было выполнить обещание, данное падре по поводу таинственных огней и звуков. А во-вторых, ему просто хотелось еще раз увидеть ее небудничные глаза и стройную фигурку. Фрэнку Николсону не терпелось узнать, в каких отношениях состоит эта девушка с американцами. Возможно она всего лишь дорогая игрушка, не покидающая своих апартаментов ради удовольствия прокатиться с крутого склона и ощутить ледяное дыхание риска.

Нежный женский голос прервал его раздумья:

— Доброе утро, синьор Николсон.

Кандиа Лопец в белом лыжном костюме и дерзкой красной шапочке выглядела умопомрачительно. Она уже застегнула крепления, и тут появился Антонио.

— Пока круговорот событий еще не засосал нас, мы можем провести друг с другом еще часок, — сказал он со смехом. — Это очень помогает после свадебного застолья. Я выбрал средний спуск с Пика Бланко, вы с нами, синьор Николсон?

— С удовольствием, — согласился Фрэнк, — если юные супруги не возражают против присутствия постороннего лица.

— Мы были наедине целую ночь, — сказала Кандиа, — да разве можно побыть друг с другом при таком скоплении народа? Во всем отеле не найти местечка, где я могла бы подарить господину владельцу отеля тайный поцелуй.

Они поднялись на фуникулере на Пик Бланко.

Кандиа оказалась права. Им пока еще не пришлось стоять в очереди, но вагончики наполнялись с исключительной быстротой.

Так называемая «трасса средней сложности» изобиловала всякими мелкими препятствиями. Хорошо, что здесь не было дорожных указателей, как в Альпах.

Кандиа начала спуск первой, Антонио за ней. Фрэнк дал им фору, но потом тщеславие задело его за живое. Он вырос в горных районах Шотландии, но настоящую школу горнолыжного спорта прошел в Швейцарии и Австрии.

Было очень трудно обогнать этих двоих, так как они сразу же разгадали намерения Фрэнка Николсона и были далеко не новичками в этом виде спорта. Но затея тем не менее удалась, Фрэнк элегантно затормозил в конце лыжни.

Спуск кончался несколько ниже отеля «Энвалира», его можно было бы и продолжить, если бы не табличка, призывающая остановиться. ESQULAR PROHIBIDO/ PELIGRO DE MUERTE!

Надпись была сделана по-испански, по-французски и по-английски.

«Спуск запрещен. Опасно для жизни».

«Поставившие здесь подобный указатель должны были иметь на то веские причины», — подумал Фрэнк Николсон.

Тут рядом с ним зашуршал снег, и молодые супруги замерли, словно отлитые из металла.

— Наши поздравления, синьор Николсон, — изумленно пробормотал владелец отеля. — Вы участвовали в скоростном спуске?

— Только на военной службе, — ответил Фрэнк. — Впрочем, я был бы рад, если бы мы перешли на имена, а то — синьор Николсон да синьор Николсон!

Кандиа немедленно согласилась, сняла с руки перчатку, протянула ее англичанину.

— Надеюсь, ты не будешь ревновать, а, Антонио? — улыбнулась она своему мужу.

Тот в свою очередь пожал руку Фрэнку.

— Наверняка все дело в марке лыж, — начала подзуживать Кандиа. — Мы могли бы повторить соревнование, если бы самый прекрасный маршрут не был бы загорожен перед самым нашим носом.

Антонио задумчиво посмотрел на огромную таблицу и осиротевший подъемник, ржавые ручки которого безжизненно повисли в воздухе.

— Так надо, Кандиа, — тихо и серьезно произнес он.

— Но мне очень хочется, — внезапно заныла новобрачная. — Фрэнк, вы можете ехать по целине?

— Нет ничего более приятного.

— Ну ладно. Только я поеду вперед, с вашего разрешения. Надо ехать с этого края, тогда нам удастся обогнуть монастырь как можно дальше.

На лбу Антонио пролегли глубокие морщины.

— Мне это не нравится, Кандиа, — попытался он возразить.

— Ерунда, — ее голос стал неприятно резким. — Я прекрасно знаю, где мне ехать. Или ты хочешь испортить мне первый день нашей совместной жизни?

Ее темные глаза наполнились слезами.

— Хорошо, — наконец согласился Антонио. — Держись от старого трека как можно дальше.

— Спасибо, — лицо Кандиа снова засияло счастьем. — Вперед! И чтобы обязательно осталось три следа, иначе нечестно!

Белый лыжный комбинезон, увенчанный красной шапочкой, обогнул указатель и ринулся вниз. Оба мужчины некоторое время смотрели ей вслед, но быстро успокоились, обнаружив, что Кандиа придерживается подсказанного Антонио маршрута.

— Давай позволим ей выиграть на этот раз, — предложил Фрэнк.

— Разумеется. Если бы падре Себастьян не отбыл с утра пораньше, у нас вообще не было бы такой возможности. Первоначально мы договорились, что я отвезу его обратно. Вам удалось поговорить с ним вчера?

— Нет, — пожаловался Фрэнк. — Меня атаковали американцы. Я знаю, что он поехал с ними, мы попрощались за завтраком.

Антонио пожал плечами.

— Ради Бога. Все к лучшему, кроме того, вы всегда можете навести ему визит в монастыре, Фрэнк. А теперь спускаемся!

Он двинулся вперед, оставляя лыжню, параллельную лыжне его жены. В этот раз Фрэнк последовал прямо за ним. Спуск по глубокому снегу доставлял ему большее удовольствие, чем по плотно обкатанной трассе.

Кандиа уже оторвалась метров на двести, было приятно видеть, как маневрирует, изгибаясь то вправо, то влево, ее стройное, тренированное тело. Иногда Фрэнк мог различить только красную шапочку, ибо Антонио, шедший рядом с ним, поднимал целый фонтан снежных брызг.

Справа появились серые стены старого монастыря. Они были щедро освещены утренним солнцем, даже страшная отвесная скала за ними сияла золотом.

Вдруг — что это было внизу?..

Сквозь скрип снега до Фрэнка донесся протяжный, леденящий душу вопль. И тут он увидел, как Кандиа, словно притягиваемая магнитом, изменила направление движения и ринулась к развалинам.

— Кандиа! — дико вскрикнул Антонио и остановился.

Наконец Фрэнк понял в чем дело: это Кандиа звала на помощь. Но почему, черт побери, она не останавливается?

Он промчался мимо Антонио и устремился по лыжне Кандии в надежде догнать ее.

— Это бессмысленно, Фрэнк! — понеслось ему в спину.

Но Фрэнк не оглянулся. Он наблюдал, как девушка упиралась в снег палками, чтобы затормозить. «Почему она просто не падает?» — удивился Фрэнк.

— Кандиа, садись, падай на землю! — крикнул он.

В ответ донеслись отчаянные крики.

Фрэнк приблизился на пятьдесят метров, но тут белый комбинезон бесследно пропал в снегу.

Через десять секунд Фрэнку удалось прервать скольжение.

Перед ним зияла бездонная пропасть, заполнявшаяся ниспадающей, как валы бушующего моря, снежной лавиной.

Фрэнк не мог поверить собственным глазам. Пять секунд — и склон был по-прежнему ровным, лишь Кандии больше не было...

Он похолодел от ужаса.

V

Несколько мгновений Николсон боролся с желанием отстегнуть лыжи и нырнуть в эту снежную массу. Его взгляд упал на развалины монастыря, холодные и угрюмые, словно созданные сатанинской силой. За пустыми глазницами окон притаилась чернота, и это в ясный солнечный день!

Вдруг в дверном проеме что-то схематически обозначилось, мелькнули белые кости.

Фрэнк Николсон отвернулся от тягостного зрелища и начал лесенкой подниматься к тому месту, где стоял Антонио.

Лопец смотрел на Фрэнка пустыми, мертвыми глазами.

— Я не должен был отпускать ее, — произнес он ровным, безжизненным голосом.

Фрэнк снял спортивные очки и вытер с лица пот.

— Мне понятны ваши чувства, Лопец, — выдавил он нарочито грубым голосом. — Это и моя вина. Но словами здесь уже не помочь. Меня послали сюда, чтобы напасть на след ужасной тайны. Я достаточно опытен в таких делах. Вы слышите меня, Антонио?

Андоррец кивнул. Слезы ручьями лились по его мужественному лицу.

— Ясно, что здесь не просто пропасть, и не ледниковая трещина, — торопливо продолжил Фрэнк. — С нами вступили в борьбу сверхъестественные силы, в которые так не хотели верить ни мои коллеги из Тулузского Крипо, ни я сам.

— Падре благословил нас епископским посохом, — еле слышно простонал Антонио. — Вы сами видели. Но это не помогло против черных сил. День моей свадьбы — самый печальный день в моей жизни, Фрэнк. Я продам этот отель, уеду в отдаленную местность, где смогу... Кандиа! Боже мой, Кандиа...

Антонио Лопец зарыдал в голос, как ребенок.

Фрэнк некоторое время бездействовал, ибо сам готов был потерять самообладание при мысли о прекрасной испанке, провалившейся под землю прямо на его глазах.

Но потом он крепко схватил владельца отеля за плечо.

— Вы не сделаете этого, Антонио, — сказал он. — Вы будете сильным, как подобает настоящему мужчине. Раз я сказал, что пропасть, поглотившая Кандию, не естественного происхождения, значит ваша жена еще жива, просто она находится во власти темных сил, и ключ к ее спасению в этих руинах. Я никогда не верил в нечистую силу, но вчера в мою душу закрались подозрения, а сегодня я убедился в ее существовании на собственном опыте. Я внимательно осмотрю руины и...

— Не делайте этого ни в коем случае, Фрэнк, — взмолился Антонио. — С вами произойдет то же, что и с Кандией и с другими до нее. Никто не в состоянии снять древнее проклятие, лучше закрыть отель, пусть придет запустение, как пример в назидание последующим поколениям.

Фрэнку ничего не оставалось, как изобразить на своем лице презрительную усмешку. Антонио оказался прототипом обыкновенного суеверного андорраца.

— Не болтайте ерунду и будьте мужчиной, мне понадобится ваша помощь, — хрипло и твердо сказал он.

Антонио испуганно поднял на англичанина глаза.

Потом андоррец достал носовой платок и вытер слезы.

— Простите, Фрэнк, — тихо промолвил он. — Я был действительно жалок. Но Кандиа, поймите, была для меня всем.

— Она еще жива, — заверил его Фрэнк. — Во всяком случае, я в это верю. Пойдемте, Антонио. Здесь больше незачем оставаться. Так мы не спасем Кандию.

— Хорошо, — решительно отозвался Лопец. — Простите мне мои слезы, Фрэнк. Боль еще не ушла, но она зависла холодным камнем у меня в сердце. Я попрошу от моего имени уведомить гостей, что дальнейшие торжества отменяются. Что скажут мои родители и родители Кандии, когда придут на обед? — я даже не осмеливаюсь думать об этом. Я вообще не хочу их видеть... Когда мы обыщем монастырь, Фрэнк?

— Вот так-то лучше, — облегченно вздохнул Фрэнк. — Распорядитесь насчет праздника, а потом мы сядем в вашу машину и отправимся в Сант-Джоан-де-Каселлес. Я не хочу входить в стены Сан-Эстебан, не поговорив с падре.

Антонио Лопец уперся лыжными палками в снег и мельком взглянул на развалины.

— Да, — согласился он. — Я сделаю все, что вы захотите.

Я больше не доверяю старому Себастьяну с тех пор, как его епископский жезл не смог уберечь мою жену. Но если мы пойдем в развалины, я войду первым. Я не могу допустить, чтобы вы стали второй жертвой Сатаны. Меня же больше ничто не привязывает к жизни, и я попробую выяснить, не отпустит ли костлявая рука Дона Жеронимо мою Кандию, если получит взамен меня.

Фрэнк Николсон не стал спрашивать, что за тайна окружает церемонию бракосочетания, причем здесь епископский посох. Он не спросил также, кто такой Дон Жеронимо. Все это ему подробно объяснит пожилой падре в Сант-Джоан-де-Каселлес.

Да у Фрэнка и не было возможности задавать вопросы, Антонио Лопец оттолкнулся и помчался вниз с горы.

Гэрри Коулд, заливхатски закусив сигарету, вел «бьюик» по идеально расчищенной дороге в Солде. Падре Себастьян восседал рядом с ним, указывая дорогу, так как Сант-Джоан-де-Каселлес лежал несколько в стороне от главной магистрали Андорра-ла-Велья, пронизывающей всю страну. Шоссе вело в одноименную столицу республики, через которую нашим американцам надо будет проехать, чтобы пересечь границу.

Падре был не в духе и все время вспоминал странные предупреждения Фрэнка Николсона. Он крепко держал в руках конец епископского жезла, одновременно наблюдая за самой ценной частью посоха в зеркало. Выгнутая как вопросительный знак реликвия покоилась на бархатной спинке заднего сиденья. От любопытных глаз мистера Десмонда Першинга ее отделяли всего лишь десять сантиметров.

— Как вы знаете, падре, мы торгуем драгоценными камнями, — начал разговор Десмонд, когда они отъехали на значительное расстояние от отеля. — И эта вот ваша палочка представляет исключительную ценность. Если ваша церковь нуждается в деньгах, мы могли бы предложить крупную сумму за эту вещь и, разумеется, немедленно оплатить наличными.

Падре Себастьян испуганно обернулся и поправил свою широкополую шляпу, съехавшую с головы от резкого движения.

— Как вам не стыдно, синьор, — возмутился он. — Этот жезл освящен и не имеет цены. Даже мой начальник, епископ Сео-де-Ургел, являющийся кроме того президентом Андорры, не смеет думать об этом.

— Ну, почтеннейший, — ухмыльнулся Першинг, — рань-

ше в Андорре были более спокойные нравы. Мы здесь не первый раз. В Санта-Колома нам показали церковь, раннероманские фрески на стенах которой были хладнокровно проданы Франции. Да еще с высочайшего одобрения.

— Мне знаком этот случай, — смущенно проговорил падре. — Но это произошло так давно...

— Меня просто удивляет, — продолжил Десмонд Першинг после продолжительной паузы, — что вы, падре, расхаживаете с драгоценным скипетром без всякой охраны. Если бы мы были гангстерами, вам бы плохо пришлось.

— Идиот, — прошипел сквозь зубы на своем слэнге Гэрри Коулд, увидев, как вздрогнул и съежился падре.

— Ну что вы, падре, — тут же исправился Першинг, — вы же не станете принимать во внимание несколько неудачную шутку. Честно говоря, мы уже не раз приобретали в вашей стране милые вещицы, честным путем разумеется, а подобная штука, как этот посох, привлекает всеобщее внимание. Думаете, не стоит обращаться по поводу продажи к епископу?

— Совершенно исключено, хотя вы все равно можете попробовать, — с некоторым облегчением поддержал разговор падре. — А что касается отсутствия охраны, то улицы Андорры практически чисты от уголовных элементов. Более того, этот скипетр известен каждому жителю, и никто не осмелится даже взять его в руки, не говоря уже о продаже. Если же кто-либо соберется переправить его через границу, то на этот счет есть специальные распоряжения. Вы, наверное, будете смеяться, синьоры, но на незаконного владельца посоха падет ужасное проклятие, а это пострашней тюрьмы.

— Значит каждого, кто попытается расплавить золото и изъять драгоценные камни из скипетра, по-вашему, дьявол утащит в преисподнюю, да, падре Себастьян? — непроизвольно улыбнулся Першинг.

— Заткнись, сумасшедший! — всерьез рассердился Гэрри Коулд.

— Может оказаться еще хуже, — ответил падре Себастьян и отвернулся, чтобы больше не возвращаться к тягостному для него разговору.

Это было как раз на руку Десмонду Першингу, он незаметно сделал микрокамерой несколько снимков драгоценной реликвии. То, что из литого золота была только верхняя часть, а все остальное — позолоченная медь, — не укрылось от проницательных и опытных глаз мошенника.

Цветные фотографии будут увеличены до таких размеров,

что проявятся все невидимые невооруженным глазом дефекты драгоценных камней, если они, конечно, существуют.

Большого в данный момент не требовалось. Першинг осторожно убрал камеру, о существовании которой падре ни коим образом не подозревал, и удовлетворенно кивнул Гэрри Коулду. В боковом зеркале отразилось его вновь просветлевшее лицо.

Всю оставшуюся дорогу царило молчание. «Бьюик» проехал Солде и Ранзол, пересек живописную долину Валира-де-Ориент. Тут падре сказал:

— Вот здесь, пожалуйста, налево. Вас это надолго не задержит, синьоры.

Они чуть было не проскочили мимо скромного указателя и еще более незаметного спуска. В Сант-Джоан-де-Каселлес вела узкая и петлявшая во все стороны мощенная камнем дорога. Старая церковь венчала гигантский каменный монолит. Неподдалеку стояли три крестьянских усадьбы и непритязательный домик самого падре.

Когда «бьюик» остановился перед порталом церкви, неведь откуда, словно из-под земли, появились два мускулистых парня в национальной одежде.

Падре осторожно вылез из машины и извлек скипетр.

Когда Десмонд Першинг протянул руку, чтобы помочь, его уколол странный взгляд седого священника, и желание помогать тут же пропало.

— Не стоит, — отказался падре Себастьян, передав посох молодым людям. — Теперь вы видите, синьоры, что церковь не оставляет своих ценностей без всякой охраны. Если вы в состоянии потерпеть еще пять минут, то сможете посмотреть скипетр на его обычном месте.

Десмонд кивнул, и американцы послушно остались в машине. Падре обменялся словами с обоими охранниками, с мрачными лицами смотревшими на гостей в «бьюике». Они унесли посох в церковь, падре последовал за ними.

— Что это он им сказал? — поинтересовался Гэрри Коулд.

— К сожалению, не понял ни одного слова, Гэрри, — пожаловался Десмонд. — Они говорили по-каталонски. Во всяком случае, первый раунд остался за нами благодаря сделанным фотографиям. Они на редкость удались. И если мы сейчас будем любоваться этой штуковиной за стеклом, то придется проглотить пилюлю, не моргнув глазом.

— Так вот где собака зарыта, — проворчал Гэрри Коулд и потянулся за новой сигаретой. — Они не хотят показывать

нам систему сигнализации. Твоя болтовня настроила старика враждебно.

— Чепуха, Гэрри, — ядовито возразил Першинг. — Меня удивляет, что ты со своими мизерными знаниями испанского вообще что-то понял. Я только слегка прозондировал почву, больше ничего. Пусть он знает, что мы испытываем к этому скипетру легальный коммерческий интерес, — а то, что они несколько легкомысленно с ним обращаются, так это правда.

Падре Себастьян снова появился в дверях и махнул рукой.

Американцы вывалились из «бьюика», Гэрри затоптал сигарету, после чего они вошли в церковь.

Здесь оказалось прохладно и сумрачно. Сквозь затейливые витражи в помещение проникали слабые лучи солнца. Если бы не древние деревянные распятия по обе стороны от двери и не картины на стенах, церковь можно было бы считать более чем скромной.

На мраморной плите у левого крыла возвышался стеклянный шкаф, служивший хранилищем для священных реликвий. На богато вышитой шелковой подушке лежал наконечник епископского посоха. Даже при неполном освещении бриллианты сверкали восхитительными блесками.

Оба усаемых великана стояли по бокам шкафа.

Американцы построили восторженно-удивленные физиономии и внимательно осматривали это подобие сейфа. Пуленепробиваемое стекло, прожилки стальные, вся конструкция крепко привинчена к полу. Замок, если он вообще был видимым, находился где-то сзади.

— Действительно прекрасно, — произнес Гэрри Коулд на своем ломаном испанском. — Большое спасибо, падре, что вы показали нам это сокровище. Здесь оно выглядит еще более привлекательным, чем на открытом воздухе. Но теперь нам пора.

Падре проводил компаньонов до машины и милостиво протянул Десмонду Першингу брошюру об истории возникновения церкви Сант-Джоан.

Когда американцы сели в автомобиль, падре пожал им на прощанье руки.

— Я должен поблагодарить вас, синьоры, что вы доставили меня домой, — приветливо произнес он. — Желаю вам счастливого пути.

— Спасибо, — засмеялся Десмонд Першинг, занявший место на переднем сиденье рядом с Гэрри Коулдом. — Мы подумаем, падре и, возможно, все же навестим епископа в Сео-де-Ургел.

— Тогда передайте ему от меня сердечный привет, — прокричал им вслед падре Себастьян.

— Это будет чертовски трудная работа, — проворчал сквозь зубы Гэрри Коулд, когда церковь скрылась за многочисленными поворотами.

— Скипетр стоит того, — высказал свое мнение его напарник, рассеянно листая брошюру, подаренную пожилым священником. — Штука стоит больше миллиона долларов, и с такой вещью эти растяпы запросто бегают по улицам.

— Мне все ясно, — согласился рыжеволосый. — Мы вели себя по-идиотски. У меня руки так и чесались вдарить падре по голове чем-нибудь тяжелым, пока он сидел рядом со мной.

— Ты не прав, Гэрри. Это грубо, — стал поучать его Десмонд Першинг.

— И как же ты думаешь вскрыть проклятый ящик? — спросил Гэрри, откинувшись на спинку сиденья. — Возможно, нам понадобится ключ, а он хранится у старика. Клянусь, Десмонд, я смогу прикончить священника, чтобы овладеть своей долей денег. Я весь в предвкушении, как мои пальцы погрузятся в мерцающую кучу денег.

— Не стоит подавлять свои эмоции, — усмехнулся Десмонд. — Может, Наварра нам даст совет, он хорошо разбирается в местных обычаях и вообще отчаянный парень. Кроме того, когда мы будем печатать фотографии, можно будет их сравнить с приведенными в брошюре.

Десмонд Першинг показал пальцем на цветную иллюстрацию скипетра, занимавшую весь разворот книжонки. На следующий странице приводилось подробное описание святыни.

Глаза Десмонда Першинга чуть не вылезли из глазниц, когда он ознакомился с качественными характеристиками драгоценных камней, оправленных в посох.

— Это будет самое крупное наше дело, — торжественно провозгласил он и снова зашелестел страницами.

— А вот и неизменная страшная и таинственная история. Ужасные злодеяния и проклятие Дона Жеронимо.

— Надеюсь, тебе хватит этой истории до прибытия в Барселону, — выразил надежду Гэрри Коулд. — Мне надо следить за дорогой, а ты меня отвлекаешь.

VII

Первое утро после свадьбы было для Кандии Лопец самым счастливым в ее жизни. Она была обещана в жены Антонио

Лопецу еще ребенком, как это до сих пор принято в высших кругах не только Андорры, но и других европейских стран. Кандиа происходила из семьи, занимавшейся гастрономией, в то время как родителям Антонио принадлежала целая империя гостиниц, раскинувшая свои отели от испанского Коста-де-ла-Луз до высокогорных районов Пиренеев.

Счастливый случай свел Кандию и Антонио в одной и той же гимназии в Андорра-ла-Велья. Ей было пятнадцать, ему семнадцать. Они встретились и тайно полюбили друг друга, не имея ни малейшего понятия о планах родителей.

Таким образом брак по расчету превратился в брак по любви.

У Антонио не было от Кандии никаких тайн, поэтому девушка прекрасно знала, почему в отеле «Энвалира» появился этот симпатичный англичанин, взгляд которого был одновременно и открытым, и притягивающим к себе, и каким-то таинственно-непонятым. Как и все жители окрестных городков и деревень, Кандиа слышала о страшных руинах бывшего монастыря и об ужасной тайне, окружавшей эту местность.

Антонио не стал скрывать от нее старую легенду, касающуюся существования Дона Жеронимо. Он также объяснил, почему пришлось закрыть лучшие маршруты, предназначенные для скоростного спуска. Там произошло огромное количество необъяснимых несчастных случаев.

С тех пор ужасный призрак перестал требовать жертв. И тем не менее Кандиа была довольна, что падре Себастьян во время брачной церемонии простер над ними с Антонио золотой епископский посох.

Но вот что странно: если бы к ним не присоединился Фрэнк Николсон, Кандии никогда бы не пришла в голову шальная мысль проехать по горному склону вблизи от коварных и смертоносных руин.

Девушка была очарована умением Фрэнка кататься на лыжах и, желая победить англичанина в слаломе, забыла всякую осторожность и сломя голову понеслась с горы, изящно прокладывая лыжню на чистом снегу. Фрэнк Николсон обогнал их там, на Пике Бланко. Но этот спуск был гораздо труднее.

Кандию не беспокоило, что Фрэнк и Антонио дали ей возможность оторваться. Метров через двести она оглянулась и увидела, что молодые люди тоже начали спуск.

И пусть. Ехать по нетронутomu снегу в одиночестве доставляло несказанное удовольствие. Туристы не интересовались причинами закрытия маршрута, они просто читали надпись и уходили. Им хватало того, что было обозначено на ней —

опасно для жизни. Да это было бы чистым сумасшествием — рисковать жизнью ради лыжной прогулки.

Еще пять минут — и Кандиа достигнет дороги на Солде, тогда ее будет уже не догнать даже такому опытному лыжнику, как этот англичанин.

Кандиа избегала смотреть в сторону зловещих руин, оскалившихся обломками портала.

Вдруг ей послышалось сквозь скрип снега под лыжами, что где-то плачут дети. Кандии стало не по себе, и она попыталась думать о чем-то другом. Но голоса становились все сильнее, перерастали в завывания на самых высоких нотах.

В какой-то момент Кандиа почувствовала, что лыжи перестали повиноваться движению ее ног. Любая попытка не сворачивать с дороги оканчивалась неудачей. Магическая сила повернула лыжи девушки к стороне руин.

Жалобные стоны превратились в пронзительный вой! Кандиа попыталась тормозить лыжными палками, но безуспешно. Тогда она закричала, дико и отчаянно, но ее голос потонул в хоре стонов, жалоб и всхлипываний.

Издалека до нее донеслись предупреждения, тревожные вопросы, это был голос Фрэнка Николсона. Кандиа попыталась просто упасть на снег, как ей советовал англичанин, но ноги перестали сгибаться, и ужасный спуск продолжался.

Вдруг в снегу открылась бездонная пропасть. Любая попытка затормозить ни к чему бы уже не привела. Девушка неслась прямо в зияющую пустоту.

Кандиа не потеряла сознание. Она уже погрузилась в непроглядную мглу, но по-прежнему отчетливо слышала страшный голос, ошеломивший ее там, на поверхности. Наконец девушка почувствовала, что лыжи упали с ее ног и с глухим звуком шлепнулись на дно пропасти.

Сама она не падала, а как бы медленно опускалась в темноту, пока ее ноги не коснулись твердой почвы. Потом кто-то (облик его память не сохранила) подхватил девушку под мышки и повел ее оцепеневшее и несопротивляющееся тело по черному, бесконечному тоннелю.

Кандиа чувствовала себя совершенно обессиленной. Но еще несколько мгновений она сознавала, что ее ведут и что она переставляет ноги. Потом последние искры сознания окончательно потухли.

Вдруг снова стало светло. Это был не дневной свет, а какие-то сумерки. Когда зрительные нервы снова приобрели чувствительность, ей удалось разглядеть через дыру в потолке кусочек голубого неба. Везде были кирпичные стены, а впе-

реди — сводчатый проход, за которым опять начиналась темнота.

Омерзительный вой стих, Кандиа судорожно вздохнула и ощутила немилосердные объятия державшего ее существа. Медленно возвращалась способность к трезвому размышлению, девушка огляделась.

Ужасный крик Кандии прорезал тишину подземелья.

Ее держали два отвратительных исчадия ада. Они были на целую голову меньше, чем Кандиа, их лица были скрыты черными капюшонами, в которых были прорезаны отверстия для глаз и рта. Очи демонов неподвижно и мертво уставились на молодую женщину.

Тела ее спутников были не менее безобразны: их одежда напоминала средневековую, казалось, она приросла к коже, серой и бескровной, без малейшего намека на присутствие мяса. Острые когти безжалостно впивались в плечи Кандии.

Пока она кричала и пыталась сбросить с себя цепкие руки монстров, ей в ухо кто-то шепнул: «Пойдем, они ждут тебя, криком ты себе не поможешь». От этого пронзительного и свистящего шепота у Кандии заболели барабанные перепонки.

От ужаса ее покинуло ощущение пространства и времени.

Но Кандиа четко поняла, что внезапно оказалась во дворе монастыря Сан-Эстебан.

Она разглядела всткие стены и зарешеченные оконные провалы галереи, ведущей наружу. Молодая испанка не допускала даже мысли, что отсюда можно убежать.

Холодный пот выступил у Кандии, когда она увидела множество остатков костров, на которых застыли привязанные к столбам скелеты.

Чудовища в капюшонах неожиданно отпустили ее. И тут Кандиа обратила внимание на приближающуюся заплетающейся походкой фигуру, сердце замерло в груди девушки от нечеловеческого ужаса, слезы градом полились на каменный пол.

Это были человеческие останки в сутане и круглой шляпе священника. Никогда в своей жизни Кандиа не видела ничего внушающего большее отвращение и страх. Даже изображения смерти в книжках были жалкими карикатурами по сравнению с этим живым демоном ночи.

Мертвенно бледное, состоящее из одних толстых складок кожи лицо с огромными неподвижными глазами косо висело на шее, на которой зияла чудовищная рана, окруженная воротом из темной запекшейся крови. Словно много столетий на-

зад палач неудачно попытался обезглавить этого когда-то имевшего человеческий облик мужчину.

На его сутане горели языки адского пламени.

Кандиа уже не слышала, что нашептывал ей беззубый перекосенный рот: как только ужасное создание приблизилось на расстояние вытянутой руки, она погрузилась в глубокий обморок.

VIII

Педро, серьезный молодой человек со скрытой гордостью чистокровного испанца с родовитыми предками, был не только замечательным барменом, но и одновременно правой рукой хозяина.

Когда Фрэнк и Антонио вернулись обратно в отель, Антонио уже настолько держал себя в руках, что у него хватило выдержки отозвать Педро в сторону.

— Произошло ужасное несчастье, Педро, — сказал он мрачно. — Моя жена там, внизу, это связано с монастырем.

— Боже мой! — простонал бармен.

Его горе было совершенно искренним, так как он очень любил и ценил как своего патрона, так и его жену.

— Я отбываю вместе с синьором Николсоном в Сант-Джован к падре Себастьяну, он единственный человек на свете, кто может помочь Кандии. В остальном я должен положиться на тебя. Надеюсь, что к обеду мы вернемся. Ничего не рассказывай гостям, меню пусть останется прежним, не можем же мы отпустить людей голодными. Только музыки не должно быть. И... мосму отцу скажи правду, если вообще можно говорить в этом случае о правде. Он решит, как поступить с гостями.

Педро изменился в лице.

— Будет сделано, синьор Лопец, — наконец выдавил он.

Антонио и Фрэнк, не переодеваясь, направились к «джипу» владельца отеля, стоявшему в открытом гараже. Антонио протянул Фрэнку ключи от машины.

— Окажите мне услугу, сядите за руль, — попросил он. — Я с трудом владею собой.

Фрэнк молча кивнул и включил зажигание.

За всю дорогу не было сказано ни слова.

Когда «джип» остановился у портала резиденции епископа, звучали последние аккорды богослужения и запоздавшие женщины в черном поспешно покидали церковь.

— Падре, наверное, в ризнице, — предположил Антонио. — Пожалуйста, войдите к нему и подготовьте его к разговору. А

я подожду вас здесь. Не могу в данный момент переступить порог церкви, Фрэнк.

— Как хотите, — ответил англичанин, вынул ключи и положил их в карман. Антонио был в том состоянии, когда люди способны делать глупости.

Церковь была пуста, причетник загасил последнюю свечу на алтаре. Фрэнк огляделся и подошел к стеклянному шкафу, где хранился верхний завиток епископского посоха.

Он непроизвольно потрогал бронированное стекло и стальные прожилки. Результаты оказались весьма утешительными. Даже профессиональному взломщику высокого класса пришлось бы приложить все свое умение и потратить уйму времени, чтобы вскрыть подобный сейф. А ночью церковь герметически закрывалась.

Из ризницы вышел падре Себастьян.

— А, синьор, вы по-прежнему не знаете покоя, — сказал он без особой радости, увидев молодого англичанина. — Как видите, скипетр вернулся на свое место целый и невредимый. Здесь он надежно укрыт от похитителей.

— Надеюсь, — согласился Фрэнк. — Как вели себя американцы?

— Как джентльмены, — ответил падре. — Это типичные янки, они сразу же загорелись желанием поговорить с нашим достопочтенным епископом, не продаст ли он им свой посох. Я их заверил, что эта затея абсолютно бессмысленна. Однако вы-то, синьор Николсон, на этот раз явно пришли не из-за скипетра. А... согласно профессиональному долгу, назовем это так.

— Вы угадали, — проворчал Фрэнк.

Новые интонации в его голосе заставили падре внимательно прислушаться и всмотреться в исключительно серьезное лицо англичанина.

— Что-то... случилось? — почти беззвучно спросил он.

— Да, падре Себастьян, — громко произнес Фрэнк Николсон, его голос гулко разнесся под куполом церкви. — Произошло нечто непредвиденное, и вам придется раскрыть тайну Сан-Эстебана. Кандиа Лопец бесследно пропала час назад, хотя вы вчера венчали ее и благословляли скипетром.

— Рассказывайте! — потребовал священник дрожащим голосом.

Николсон коротко описал происшедшее.

— Антонио Лопец ждет нас на улице в «джипе», — завершил он повествование. — Молодой человек не в себе, и мне не хотелось бы оставлять его надолго одного. Если вы хотите

мне что-нибудь сказать наедине, то давайте поговорим здесь и сейчас. И поторопитесь, падре.

Старый служитель церкви низко склонил голову в широкополой шляпе и, казалось, все никак не мог оправиться от потрясения. Фрэнк внезапно пожалел, что так безжалостно обошелся с пожилым человеком.

— Пойдемте, — шепотом попросил падре Себастьян, — пойдемте в мою библиотеку. Там вы услышите все, что я смогу вам сказать, вы и Антонио.

Библиотека располагалась на первом этаже домика приходского священника. Это было длинное, мрачное помещение, по стенам которого тянулись бесчисленные полки с древними фолиантами, скопившимися здесь за многие столетия.

Трое мужчин устроились в середине комнаты за дубовым столом. Антонио сидел с апатичным видом на стуле и, в отличие от Фрэнка, полностью игнорировал вино, любезно предлагаемое гостеприимным хозяином.

— Часть этой ужасной истории церковная типография напечатала против моей воли в этой брошюре, — сказал падре Себастьян, одновременно положив на стол перед Фрэнком тоненькую книжонку, подобную той, что он недавно подарил американцам.

Фрэнк Николсон пролистал предложенный ему печатный текст и отложил в сторону.

— Некоторые из ваших книг, там, наверху, смогут дать исчерпывающую информацию по этому случаю, но я хочу услышать легенду из ваших уст, падре.

— Монастырь Сан-Эстебан многие столетия был резиденцией святой инквизиции, — начал падре. — Вы, должно быть, знаете, что эта вежа не самая славная в истории нашей церкви. Но не все суды инквизиции были несправедливыми и излишне жесткими. Одним из полномочных представителей Великого инквизитора в монастыре Сан-Эстебан был некто Дон Жеронимо, фанатик, о котором сложилось мнение, что он тронулся рассудком на этой почве. В своем усердии он уничтожил все мавританское население под предлогом того, что они приняли христианство всего лишь формально, оставаясь в глубине души мусульманами. Но когда Дон Жеронимо отправил на костер молодую парочку москuros, как у нас называют жителей с примесью арабской крови, только за то, что девушка якобы когда-то обещала постричься в монахини, а вместо этого осмелилась отдать свое сердце парню из соседней деревни, чаша терпения переполнилась. Епископ Джоан де Сео-

де-Ургел, ему как раз посвящена наша церковь, проклял слишком жестокого и усердного церковного судью.

— До сих пор мне эта история знакома, — произнес Фрэнк без особого воодушевления. — Но не буду вас больше перебивать, падре. Рассказывайте как вам нравится.

Антонио Лопец замер с каменным лицом.

— Дон Жеронимо посвятил себя черной магии, — продолжал падре. — Преступления привели его на светский суд, а потом и на эшафот. Палачу не удалось отделить ему голову от тела. Дон Жеронимо исчез с кровавой раной на шее, оказавшейся бы смертельной для любого человека. Монахи, оставшиеся в монастыре Сан-Эстебан, стали после этого жаловаться, что призрак Дона Жеронимо часто навещает их. Вскоре монастырь закрыли, и он постепенно разрушился.

— Но на этом дело, вероятно, не кончилось, — нарушил воцарившееся молчание Фрэнк Николсон.

— Люди не раз видели Ужасного и его помощников в черных сутанах инквизиторов. Они бродили в развалинах, — мрачно сказал падре Себастьян. — Иногда слышались крики мучающихся людей и виделись отблески костров.

Только Фрэнк понял многозначительный взгляд, брошенный ему падре Себастьяном. Антонио очнулся от своей летаргии и застонал.

— А теперь о роли скипетра, — быстро проговорил Фрэнк. Падре Себастьян кивнул.

— Этот скипетр был подарен епископу Джоану Москуросу, потому что он прекратил гонения на них и сохранил таким образом тысячи жизней. Одновременно с этим епископ получил рецепт, как развеять злые чары Дона Жеронимо, помогшие последнему скрыться с эшафота. До настоящего момента не было необходимости им пользоваться, ибо малейшая ошибка может привести к непоправимым последствиям. Граждане нашей страны живут под благословением епископского посоха, и катастрофы минуют нас. Когда несколько приезжих пали жертвами Дона Жеронимо, зону руин объявили запретной. Лучше бы здесь вообще не строились отели, тогда перестали бы гибнуть люди. Но жажда прибыли оказалась сильнее, и все это побудило Дона Жеронимо вновь приняться за свое кровавое ремесло.

— Это ваше личное мнение, и я принимаю его к сведению, — холодно сказал Фрэнк. — Хочу признаться вам, падре, что нахожусь здесь специально для того, чтобы внимательно обыскать руины. Экипирован я соответствующе. Но после того

как вы нас заверили, что существует способ прекратить злодеяния, я, разумеется, ожидаю, что вы поделитесь им с нами.

— Мне бы очень хотелось помочь вам, и я постараюсь это сделать, — оправдывался падре. — Когда я принял приход в церкви Сант-Джоан-де-Каселлес, мой почивший в мире предшественник передал мне эту тайну. Правда, пришлось дать клятву, что я сохранию все услышанное в секрете. Освободить меня от клятвы может только сам епископ д'Ургел.

— Тогда поезжайте поскорее, речь идет о жизни и смерти невинной девушки...

Фрэнк прервали.

— Но чем же это поможет Кандии? — прохрипел Антонио Лопец и вскочил со стула. — Она либо задохнулась под снежной массой, либо испытывает нечеловеческие мучения в камере пыток Дона Жеронимо. Что она нарушила? Чем она виновата? Или вы поможете нам, падре, тогда немедленно расскажите все, что вы знаете, или... ну, быстрее, быстрее!

— Я отправлюсь к епископу еще сегодня, — непоколебимо ответил падре Себастьян. — Вам придется подождать моего возвращения. Необдуманный поступок может привести к катастрофе, а я знаю, что если скипетр внести внутрь руин, можно спасти Кандию.

Внезапно глаза падре остекленели. Он медленно встал и сразу же отшатнулся. Его устремленный на дверь взгляд был исполнен ужаса.

— Даже этого я не имел права говорить, — пробормотал падре, словно разговаривая с самим собой. — Вот они. Вы их видите?.. Люди в черных капюшонах!..

Фрэнк и Антонио как по команде посмотрели на дверь. Она была по-прежнему заперта, там никого не было.

— Они ушли, — безжизненно формировал слова рот священника.

Старик обессиленно прислонился к книжной полке.

— Они подали мне знак, — прошептал он. — Но я, я выполняю свой долг, синьоры. А сейчас уходите, пока когти вечной смерти не схватили вас. И, пожалуйста, ничего самостоятельного не предпринимайте, пока старый Себастьян не подаст вам весть, если еще будет в силах ее подать.

Падре Себастьян покачнулся и начал падать.

Фрэнк успел вскочить со стула и на лету подхватить бесчувственное тело падре.

Серый трехэтажный домик в Калле-Конзехо-де-Сьенто в Барселоне, перед которым остановился «бьюик», своей внешностью не напоминал жилище исключительно богатого человека.

Но когда яйцеголовый с далеко отстоящими ушами дворецкий после продолжительных звонков наконец провел гостей в холл, первое впечатление оказалось ошибочным.

Пол в зале украшала мозаика, наверху вела широкая мраморная лестница с позолоченными перилами.

Гэрри Коулд и Десмонд Першинг не стали подниматься, а последовали за слугой в большую боковую комнату, устланную коврами. Там за помпезным письменным столом восседал черноволосый испанец средних лет.

Его костюм песочного цвета с бледно-голубым галстуком, заколотым огромной жемчужиной, выдавали в нем состоятельного и удачливого бизнесмена. Лишь бегающие глаза на желтом лице с выступающими скулами несколько портили созданный имидж.

Мужчину звали Гаэтано Наварра.

Он был лучшим и богатейшим ювелиром Барселоны, нажившим свое состояние путем бессовестного обмана клиентов.

— Наконец-то, синьоры, — приветствовал Наварра американцев, как старых знакомых. — Я жду вас уже целый час, а время у меня ограничено.

Дворецкий ненавязчиво исчез, пока Наварра пожимал руки Гэрри и Десмонду и рассказывал их вокруг своего письменного стола. После этого он собственноручно разлил в бокалы янтарный херес.

— Нашему фотолаборанту потребовалось в этот раз несколько больше времени, так как речь идет об одной особенной вещи, — объяснил Десмонд Першинг и раскрыл дипломат.

— Вам это знакомо, синьор? — спросил он, внимательно наблюдая за реакцией патрона, и выложил на стол несколько цветных снимков.

Гаэтано Наварра бросил взгляд на предложенные фотографии.

— Ле септре дю Васеллес, — пробормотал он почти испуганно и высоко поднял тонкие брови. — Вы что, серьезно хотите заняться скипетром?

— Вот именно, — ухмыльнулся Десмонд.

Гэрри Коулд молча закурил сигарету. Он достаточно знал испанский язык, чтобы понимать, но разговаривать не мог.

— Это безумие, — заключил золотых дел мастер.

— Только в том случае, если вы не сможете за короткий срок изготовить точную копию. Самую дешевую, разумеется. А почему бы вам этого не сделать, синьор Наварра? Мы вам доверяем, ведь в церквях и музеях Испании благополучно пребывают многие ваши творения, а никто еще ни о чем не догадался. Мы вам всегда щедро оплачивали работу.

— Ну, вы тоже не оставались внакладе, — добавил синьор Наварра с тихой улыбкой. — Все дело в том, что этот скипетр считается святыней не только в Андорре, но и в Южной Франции и в Северной Испании. Вы действительно хотите его присвоить?

— Ни в коем случае, — возразил Першинг. — Мы по-прежнему занимаемся часами и мелкими бриллиантами. На скипетр мы наткнулись совершенно случайно. Но после того как его хранитель дал нам прочитать брошюру, где описана приблизительная стоимость реликвии и караты камней, мы решили проверить это дельце. Вернемся к моему предложению. Вы нам поможете или нет?

Наварра тщательно осмотрел снимки.

— Я предполагаю, что это его настоящие размеры, — сказал он наконец.

— Как обычно. С точностью до десятой миллиметра. Снять посох в профиль было очень трудно, синьор. Но фотографии проверены электроникой и настолько точны, что вы сможете по ним определить и высоту камней и диаметр закругления наконечника, а также приблизительный вес всего творения. Необходимо, чтобы все эти данные почти совпадали с оригиналом. К сожалению, мне не удалось поддержать эту вещь в руках.

Тут Десмонд Першинг поделился с Наваррой планом, который позволит им с Коулдом украсть скипетр и заменить его подделкой.

Наварра все еще колебался.

— Если вы читали брошюру из Сант-Джоан-де-Каселлес, — сказал он и отпил глоток хереса, — тогда вы должны знать и о страшном проклятии, которое падет на голову незаконного владельца епископского посоха.

— Предоставьте этот груз нам, синьор Наварра, — вмешался в разговор Гэрри Коулд. — Вас это не коснется, так как ваши руки не притронутся к скипетру. Всем известно, что суеверия всего лишь выдумки. Это приводит к таким курьез-

ным ситуациям, что подобную штучку, стоящую уйму миллионов, с необычайной легкостью таскают по всяким свадьбам, а потом почему-то запирают в надежный сейф за пуленепробиваемое стекло.

— Мне знаком стеклянный шкаф в церкви Сант-Джоан, — кивнул Наварра. — И как же вы хотите организовать подмену, чтобы никто ничего не обнаружил?

— Профессиональная тайна, — усмехнулся Десмонд Першинг и вновь наполнил свой стакан. — Итак, вы можете нам помочь или нет?

Гаэтано Наварра снова загадочно улыбнулся.

— Перед тем как я отвечу однозначно «да», позвольте мне поинтересоваться следующей вещью: как вы переправите этот скипетр через границу, если все сложится удачно? Вы путешествуете на машине, взятой напрокат. Но в последнее время к вашим машинам стали проявлять повышенный интерес полицейские власти. Хотя номера у вас испанские, но вы сами никоим образом испанцами не являетесь.

— Ах вот что! — воскликнул Першинг. — Я подозревал, что кто-то следил за нами и зафиксировал наше пересечение границы. Но кто же навел? Английский офицер абсолютно безобиден, да и маленькая кошечка тоже.

Гэрри Коулд под столом наступил Десмонду на ногу, и тот сразу же прекратил выдвигать дальнейшие версии и высказывать свои подозрения.

— Сколько вы хотите за работу? — проворчал рыжий.

— Я делаю вам предложение, — сказал Наварра. — Через сорок восемь часов вы получите готовый скипетр, его будет невозможно отличить от оригинала, не сломав пополам. Когда вы за ним придете, вам дополнительно вручат номера с английскими и французскими буквами. Вы вновь въедете в Андорру под французским автомобильным номером и покинете ее с английским. В Испании вы отгоните машину по указанному адресу. Если вас схватят, вы оставите меня вне игры. Если вы назовете мое имя, то это обойдется вам в несколько лет тюрьмы сверх срока. Все ясно, синьоры?

— Все, кроме цены, — уточнил Гэрри Коулд.

— Семьдесят тысяч долларов чеком немедленно, аналогичную сумму наличными при получении готового изделия.

— С ума сойти, — простонал Десмонд Першинг. — Сто сорок тысяч баксов за медную палку с приклеенными осколками стекла.

Гаэтано Наварра резко поднялся.

— Да, я работаю с медью и стеклом, и вы прекрасно знаете

с какой целью, — холодно произнес он. — Кроме того, вы можете отклонить мое предложение. Ни один человек не узнает о нашем разговоре.

— Надо было придержать тебе язык и не болтать насчет баснословной прибыли, — накинулся Десмонд Першинг на своего коллегу. — Это твоя вина.

Гэрри Коулд, казалось, совершенно не слушал. Его и без того узкие глаза превратились в щелочки.

— А если подделка понадобится нам через двадцать четыре часа? — спокойно осведомился он.

— Тогда это будет стоить на десять тысяч дороже, — прозвучал ответ испанца.

Гэрри Коулд молча кивнул головой. Десмонд Першинг уставился на него и не мог от удивления произнести ни слова, когда тот неспеша вынул чековую книжку и стал выписывать чек.

Х

Белая машина скорой помощи промчалась по дороге в Андорра-ла-Велья. Фрэнк Николсон навязался третьим в машину и сидел впереди, рядом с шофером.

В фургоне на носилках лежал падре Себастьян и ничего не знал о том, что его куда-то везут.

— Значит, вы считаете, доктор, что непосредственной опасности для жизни нет? — спросил Фрэнк Николсон уже во второй раз.

Молодой врач пожал плечами.

— Сердечная деятельность и пульс практически в норме. Инъекция, сделанная пожилому господину, действует успокаивающе и улучшает кровообращение. Но ему уже почти восемьдесят лет, а в этом возрасте любой шок может привести к летальному исходу.

— Больница в Андорре приличная?

Врач, казалось, был неприятно удивлен.

— Почему вы задаете подобные вопросы? Честно говоря, клинику в Сео-де-Ургеле я считаю более комфортабельной, но не можем же мы транспортировать падре в таком состоянии в Испанию.

— Вы думаете? Насколько мне известно, это всего лишь в двадцати километрах отсюда. Действительно ли увеличится риск, особенно, если уход там лучше?

— Нет. Но у нас так не принято. Андорра — независимое государство, синьор.

— А епископ Сео-де-Ургел является его президентом и непосредственным начальником несчастного падре. Поезжайте в де-Ургел, доктор. Я несу все расходы, если страховое общество или епископская администрация будут против этого.

Глаза Фрэнка Николсона встретились с бесконечно удивленными глазами молодого доктора.

— Послушайте, синьор, — съязвил врач, — мы нарушили правила, вообще взяв вас с собой, оказав вам, так сказать, дружескую услугу. А теперь вы еще начали нами командовать. Позвольте узнать, кто вы, собственно говоря, такой? Не обижайтесь, но в данный момент вы выглядите обыкновенным лыжником-туристом, у которого по известной причине поехала лапша.

— Возможно вы правы, доктор, — от души расхохотался Фрэнк Николсон и протянул врачу свое удостоверение. — В этой стране оно, возможно, не имеет достаточного веса, но я действую в Андорре по официальной просьбе французской криминальной полиции, доктор.

Врач вытаращил глаза.

— Шеф-инспектор Скотланд-Ярда, — медленно прочитал он. — Черт возьми! В таком случае мы окажем вам эту любезность. Мне, правда, непонятно, какие дела могут быть у падре Себастьяна с английской криминальной полицией, но мне и не положено задавать вам вопросы. Не надо обладать особой проницательностью, чтобы понять, что сердечный приступ падре связан с вашим визитом к нему домой. Это, должно быть, была необычная беседа, синьор. Ваш третий собеседник выглядел так, словно его ударили камнем по голове. И как он только сдвинулся с места на своем «джипе»! Я бы счел его опасным и для водителей, и для пешеходов. Лучше бы он шел пешком.

— Возможно вы и правы, доктор, — задумчиво проговорил Фрэнк. — Но до Энвалиры ему пришлось бы идти очень долго. Я надеюсь, что все обойдется. Тем не менее, спасибо за заботу, доктор...

— Моралес, — представился врач скорой помощи.

— Доктор Моралес. К сожалению, я не могу вам рассказать в данный момент большего.

— Не стоит извиняться, шеф-инспектор, — засмеялся доктор. — Мы, работники медслужбы, и так узнаем значительно больше, чем нам иной раз хотелось бы. Мне достаточно вашего присутствия в машине, чтобы объяснить внезапную поездку в Сео-де-Ургел.

Через границу «скорая помощь» прошла без задержки, и через двадцать минут перед Фрэнком раскинулась долина со старой, но хорошо отреставрированной крепостью. Неподалеку возвышался белый епископский дворец. Рядом виднелась больница.

Фрэнк Николсон терпеливо прождал около часа, пока главный врач лично не осмотрел бедного падре и не убедился, что падре поместили в комфортабельную, слегка затемненную палату на одного человека.

Лишь тогда Фрэнк сердечно попрощался с профессором Рамоном.

— Не волнуйтесь, мистер Николсон, — заверил его пухленький шеф клиники, белый халат которого, казалось, трещал по швам. — Кровообращение восстановилось, и завтра вы сможете навестить своего друга. Но никаких провокационных вопросов, падре необходим совершенный покой, шеф-инспектор. Вы меня понимаете? До свидания, мистер Николсон.

Когда Фрэнк, не совсем удовлетворенный заверениями профессора, покинул здание больницы и направился к резиденции епископа, он вдруг заметил, что прохожие смотрят на него, как на седьмое чудо света.

На Фрэнке по-прежнему был надет лыжный комбинезон на ватине и красные лыжные ботинки. Здесь же, внизу, в долине Рио-Сегре палило послеобеденное солнце, стояла двадцатипятиградусная жара, миндаль уже отцвел, и даже на самых пиках гор не было видно ни единого пятнышка снега.

Фрэнк вспотел, но, тем не менее, прилежно застегнул воротник на все пуговицы и переступил порог епископского дворца.

Его встретил церковный служитель в черной сутане.

Он не без удивления оглядел блондина в лыжном костюме.

— Мне хотелось бы поговорить с Его Преосвященством, — вежливо попросил Фрэнк Николсон.

— К сожалению, это невозможно, — услышал он в ответ. — Его Преосвященство на конференции в Мадриде и прибудет только через два дня. Но если ваше дело не терпит отлагательства, я могу попытаться добиться аудиенции у прелата Анжело, замещающего Его Преосвященство.

Новость поразила Фрэнка как удар грома.

— Нет, спасибо, — тихо произнес он, — дело неспешное. Извините за беспокойство.

Фрэнк вышел обратно на улицу с опущенными плечами.

«Два дня, — со злостью подумал он. — Два бесцельных, бесконечных, ужасных дня мы ничего не сможем предпри-

нять. Без разрешения епископа падре ничего не скажет». В ушах шеф-инспектора все еще звучали слова падре о том, что скипетр надо внести в черту развалин монастыря Сант-Эстебан. Но как?

Бессмысленный вопрос. Без падре скипетр никогда не упадет в руки Фрэнка. Кандии еще два дня находиться в когтях инквизитора! За эти два дня с ней может произойти все что угодно.

Николсону ничего не оставалось, кроме как вернуться в отель «Энвалира», отвечать на вопросы родственников Лопеца, для которых день свадьбы мгновенно обернулся в день скорби.

С большим удовольствием он взял бы сейчас номер в местном отеле и напился бы до такой степени, чтобы очнуться только через два дня.

Тут шеф-инспектор увидел такси.

Таксист тоже самым неприличным образом уставился на заблудившегося лыжника, но как только услышал, что придется ехать в отель «Энвалира», сразу расцвел: выручки за такую поездку хватит на неделю отдыха.

Стрелка часов неумолимо приближалась к тринадцати часам, и голод оторвал Фрэнка Николсона от его невеселых мыслей.

В Солде такси остановилось перед светофором как раз напротив радушно распахнутых дверей ресторана. На солнечной террасе виднелось несколько посетителей.

На редкость эффектная блондинка сидела за крайним столиком и смотрела сквозь черные стекла солнцезащитных очков на такси.

Фрэнк Николсон непроизвольно вздрогнул, заплатил по счету не менее пораженному водителю и вылез из такси.

XI

Дайана Меркьюри выглядела в облегающем красном лыжном костюме просто очаровательно. Кроме того, тренированный глаз Фрэнка тут же уловил, что девушка совершенно не удивлена их неожиданной встрече.

— Вы вспотели, как в середине лета, Фрэнк, — улыбнулась она, когда англичанин занял место напротив. — Не побывали ли вы случаем в жарких странах?

На столе перед Дайаной стоял наполовину пустой стакан «Кока-Колы».

— Возможно, — коротко согласился Фрэнк. — А теперь я умираю от голода. Вы уже пообедали, Дайана?

— Прелестно, — ответила она. — Наконец-то услышала свое имя из уст чистокровного англичанина. Я только что съела пищу и могу порекомендовать вам заказать точно такую же.

Николсон дополнительно попросил бутылку красного вина.

— Вы ведь позволите, не правда ли? — спросил он Дайану с наигранной робостью. Девушка кивнула. — Я ждал вас сегодня утром, Дайана, после того как ваши друзья отбыли в Барселону. Но погода была такая замечательная, что я отправился прокатиться на лыжах.

— Назовем их лучше случайными знакомыми, Фрэнк, — внесла коррективу Дайана. «Почти навязчиво», — подумал Фрэнк, поймав себя на том, что внимательно рассматривает грудь девушки, четко обрисованную тонкой тканью.

Пищу принесли, и она действительно оказалась выше всяких похвал.

— А что вы делаете здесь, в Солде? Вы что, приехали сюда на автобусе? — осведомился Фрэнк.

Дайана небрежным жестом указала на стоянку у дверей ресторана. Там стоял «Альфа-Ромео» такого же густого и сочного красного цвета, как и лыжный комбинезон Дайаны. Номера были андоррские.

— Моя подружка из Андорры-ла-Велья одолжила мне свою машину, — объяснила Дайана. — А что я здесь делаю? Я пообедала, сучала...

— И теперь все еще сучаете? — ухмыльнулся Фрэнк и отодвинул пустую тарелку.

— Разумеется, нет.

Улыбка Дайаны была просто фантастической, даже дух захватывало. Но ее лицо немедленно вновь приняло серьезное выражение.

— Я сбежала, Фрэнк, — произнесла она после непродолжительной паузы и с благодарностью взяла предложенную сигарету. — Возможно, вы уже знаете: Кандиа, очаровательная жена владельца отеля, бесследно исчезла. Прибывшие на торжества гости были в отчаянии. Многие уехали обратно домой. Потом появился сам синьор Лопец и уединился со своим отцом. Я просто села в машину и уехала, атмосфера в отеле была слишком угнетающая. Было объявлено, что с Кандией произошел несчастный случай во время лыжной прогулки, но никто не знает где и как. Вы что-нибудь слышали?

К сожалению, ее глаза были спрятаны за стеклами очков.

— Вы кому-нибудь рассказывали, — настойчиво спросил Фрэнк, — что мы видели вчера вечером с веранды?

На черных очках заплескали солнечные зайчики.

— Нет. А вы считаете, что все это связано между собой?

— Возможно, — сдержанно ответил Фрэнк.

— А, вы мне не доверяете, — разочарованно протянула девушка.

— Почему я должен взваливать на вас груз, в котором, если говорить честно, я и сам еще плохо разобрался. Мне нелегко это произнести, но вы мне очень нравитесь, а ваши друзья как раз наоборот.

— Я же уже сказала, что они мне не друзья, — возразила Дайана. — Вы что, ревнуете, шеф-инспектор Николсон?

От удивления стакан с вином чуть было не выпал из руки Фрэнка.

— Откуда вы меня знаете? — строго спросил он. — И кто вы, Дайана? Я имею право знать, и если вы мне не скажете добровольно, я все равно узнаю через некоторое время по своим каналам.

Его глаза сверкнули.

— Жаль, что такой чудесный флирт завершился столь грубо, — вздохнула прекрасная блондинка. — Но, возможно, я сама виновата. Я не переношу, когда определенные люди принимают меня за даму полусвета, Фрэнк. Я знала об этом уже вчера в обед, когда увидела вас у церкви в Энвалире. Комиссар Ле Клерк показал мне вас.

— Не хотите ли вы сказать, что вы тоже работаете на него без моего ведома?

Лоб Фрэнка прорезала глубокая морщина, глаза гневно засияли.

— Я не из криминальной полиции, — успокоила его Дайана и огляделась. Вокруг них были пустые столики, их наверняка никто не подслушивал.

— Ну же! — тихо потребовал Фрэнк.

— Я так и так хотела вам все открыть, вы, принудитель, — надула губы Дайана. — Мое имя настоящее и подруга в Андоре тоже. Она как раз и сосватала мне это поручение, которое я здесь выполняю. Я присматриваю за моими американскими «друзьями».

— (Си-Ай-Эй) CIA? — поинтересовался Николсон.

— (Оу-Си-И) OSI.

— Такое тоже существует?

— Разумеется. Мы не очень популярны в тени наших стар-

ших братьев, и многие уже сочли, что нам давно пришел конец, но элемент неожиданности нам только на руку. Повышает эффективность работы.

— Мое почтение, детка, — улыбнулся Фрэнк и поднял свой стакан. Морщина на его лбу опять разгладилась. — То, что эти двое — гангстеры, заметно невооруженным взглядом. Но если ими занялась подобная организация, значит это крупные птицы. Вы не обязаны отчитываться передо мной, но немного доверия не помешает. Я могу вам помочь.

— Возможно, мы можем помочь друг другу, — сказала Дайана, сделав ударение на последние два слова.

— В настоящее время я не вижу никакой связи...

— Связь есть, Фрэнк. Ле септре дю Каселлес, — улыбнулась девушка.

— Проклятье! — вырвалось у Фрэнка. — Если вам что-либо известно об этом, то вы просто находка для меня.

— Подобное впечатление и вы вчера произвели на меня, — съехидничала Дайана. — Но, скорее, в личных целях.

— Одно необязательно исключает другое, Дайана, — многозначительно произнес Фрэнк. — Итак, что вам известно о скипетре?

— Ничего. Кроме того, что мои «друзья» собираются его украсть.

— Тут им придется попотеть.

— Не думаю, Фрэнк. Коулд и Першинг бойко торгуют на тридцать второй улице контрабандными швейцарскими часами высшего класса и их подделками. Большая часть товара прибывает через Андорру. Коулд финансист, а Першинг, кстати, его настоящее имя Катанаро, представляет мафию.

— Нечто подобное я и предполагал. А дальше?

— Все было бы не так плохо. Но в последнее время участились случаи, что на аукционах в США появилось множество ценностей из испаноязычных стран с поддельными документами. В отличие от бумаг произведения искусства оказывались подлинными, а когда в дело включалась полиция, выяснялось, что их заменили на месте хранения удивительно художественно выполненными подделками. Следы привели к Коулду и Першингу, а за ними в Испанию и Андорру. Мой дядя служит послом в Мадриде, поэтому Испания мне знакома. Так я получила это задание.

— Неплохо, — улыбнулся Фрэнк. — И как успехи?

— Неважно, — честно призналась Дайана. — Попасть в Андорре в их компанию оказалось нетрудно. Мне удалось узнать, что они не заинтересованы в знакомствах с женщинами,

которые много болтают языком. Кроме того, их несколько разочаровало, что я не из дам легкого поведения. С тех пор они ограничивались тем, что показывались со мной на людях, в том числе в различных увеселительных заведениях. Хотя я и заинтересовалась их поездкой в Барселону, меня не взяли под предлогом, что это будет слишком опасно. Когда епископский посох грузили в машину, я испугалась за падре, Гэрри Коулд несколько раз находился в Соединенных Штатах под подозрением в убийстве. Я позволила себе навестить церковь де-Каселлес и проверить там наличие скипетра. Я уверена, что поездка моих подопечных в Барселону связана с этим посохом. Если бы я с кем-либо из них переспала, меня, возможно, взяли бы. Мне надо было это сделать, как профессионалу?

— Тыфу, черт... — выругался Фрэнк. — С этими двумя мы справимся. И Ле Клерк в курсе событий. Но у меня здесь другие проблемы, Дайана. Возможно, я расскажу вам обо всем, если вы покажете мне свой настоящий паспорт.

— Типичный Скотланд-Ярд, — вздохнула Дайана Меркьюри, покопалась в своей сумочке и предъявила ему маленькую книжечку.

Фрэнк удовлетворенно кивнул.

— Теперь вы можете доставить меня в отель «Энвалира», так как мое состояние требует немедленного принятия ванны и переодевания.

Он расплатился по счету, и Дайана направила «Альфу-Ромео» к лыжному «раю».

В коридорах и лифтах толпилось много народу.

Фрэнк отвел Дайану в бар, где попросил подождать, пока он не спустится к ней из своего номера.

За стойкой стоял Педро. Он приветствовал парочку серьезным кивком головы и посмотрел на пожилого, элегантно одетого господина, уютно разместившегося в кресле у горящего камина.

Пока Дайана устраивалась у огня и заказывала напитки, Фрэнк пошел к портье, чтобы забрать ключ от номера.

Тут седовласый господин встал и направился к нему.

Только теперь Фрэнк узнал его. Он видел Лопеца-старшего лишь один раз в церкви во время свадебной церемонии.

— Добрый день, синьор Николсон, — вежливо поздоровался отец Антонио. — Меня зовут Фернандо Лопец. Возможно, вы помните меня. Мой сын рассказал мне о катастрофе, но я боюсь, что она будет не единственной.

«Что это значит?» — судорожно напрягал мозги Фрэнк, всматриваясь в каменное лицо бизнесмена.

— Что вы хотите этим сказать, синьор Лопец? — спросил он.

— Антонио, несмотря на мои предупреждения, перед обедом надел лыжи и исчез, — грустно произнес Лопец-старший. — Он сказал, что у него нет аппетита и ему надо некоторое время побыть в одиночестве. Мой кузен видел его из машины около развалин монастыря и немедленно информировал меня об этом. Я поехал туда и осмотрел местность из полевого бинокля, но безуспешно. Антонио до сих пор не вернулся, и никто его не видел. Паники не было, синьор Николсон. Родственники давно разъехались; кроме меня и Педро, никто не знает, что Антонио...

Фернандо Лопец резко замолчал и опустил голову.

Яркие фонарики над стойкой странно поблекли и закружились перед глазами Фрэнка, но, невзирая на свое состояние, он удивился выдержке старого господина и проникся к нему уважением.

XII

Отец и сын почти поссорились, когда Антонио выбежал из отеля и одел лыжи. Он прицепился к подъемнику на Пик Бланко.

На одном дыхании молодой человек спустился по лыжне. Гулявшие вдоль трассы сочли его сумасшедшим, да и он сам чувствовал себя таковым.

Ему ничего не стоило сорваться с дистанции и разбиться на полной скорости о скалу. Но Антонио был слишком хорошим лыжником, чтобы с ним произошел несчастный случай даже в подобном состоянии.

С исчезновением Кандии рухнул весь его мир.

Да, конечно, старый падре Себастьян обещал свою помощь. Но сможет ли он сделать что-либо реальное? А вдруг его вообще больше нет в живых после приступа? Возможно, все легенды о злых духах в развалинах монастыря Сан-Эстебан просто глупые выдумки, культивированные местными суевериями. Во всяком случае, благословение скипетром не помогло. Какой смысл тогда ждать разрешения епископа, чтобы проникнуть с его бесполезным посохом в руины?

Тот факт, что такой здравомыслящий человек, как Фрэнк Николсон, верит во все это, имеет, конечно, значение.

Лучше бы он вернулся вместе с Антонио. Николсон обяза-

тельно пошел бы в монастырь вместе с ним. Там они могли бы найти следы пребывания Кандии.

Внезапно Антонио принял решение, уже давно сформировавшееся в его подсознании. Пусть легенда — выдумки, но Кандиа могла просто провалиться в расщелину и лежать там, одинокая и беспомощная. Или под землей сохранились старые монастырские ходы, и его жена бродит там в темноте в поисках выхода на поверхность.

Антонио плавно обогнул табличку с предупреждением об опасности для жизни и ринулся вниз. Из отеля его теперь уже не было видно. Но он отчетливо видел три лыжни, проложенные сегодня утром. Антонио осторожно взял левее к дороге.

Время от времени на шоссе появлялись машины. Наверное, разъезжались гости, приглашенные на свадьбу. Другие же просто покидали отель, узнав, что празднеств больше не будет и на развлечения нечего надеяться. Разве можно ожидать помощи от этих людей?

Вот и место, где утром пропала Кандиа. В снегу на месте ее падения не осталось и маленькой ямки. Просто в этом месте кончалась лыжня. Как размонтированное железнодорожное полотно. Немного дальше молодой человек обнаружил след от поворота, сделанного Фрэнком.

Антонио Лопец знал, что в этом месте даже летом не бывало никаких впадин или трещин. Но в любое время года никто не отваживался посещать эту проклятую местность.

Ответ на вопросы надо искать в развалинах монастыря.

Сдикой решительностью Антонио проделал последний участок пути.

Вдали освещенные теплым уютным солнцем лежали приветливые домики Солде, на руинах же дремала тень.

Снег здесь уже начал таять. Широкая полоса гравия с жухлыми пучками травы вела к самым воротам монастыря.

Когда Антонио оглянулся, на дороге остановилась машина.

Какой-то мужчина высунул из окна голову и громко кричал, отчаянно жестикулируя при этом. Но Антонио не узнал этого человека и не слышал его голоса. Ему это было безразлично. Он продолжал спуск, а машина двинулась в сторону «Энвалиры».

У подножья скалы Антонио отстегнул лыжи, бросил их и дальше пошел пешком.

Его сердце билось в сумасшедшем ритме. Разве это не безумие, то, что он сейчас делает? Но еще большим безумием было бы сидеть сложа руки, когда Кандиа в смертельной опасности.

Впереди отчетливо показались ворота с железной решеткой. На них висела табличка с подписью «Вход воспрещен». Человек, прикреплявший по поручению правительства эту доску, все же осмелился дойти до развалин. Это было год назад, и никто не помнит, чтобы с ним случилась беда. Эта мысль придавала Антонио мужества.

Спустя две минуты он уже стоял перед закрытыми на замок воротами. Маленькие окна вдоль галереи также укрывали решетки. К чему бесполезное предупреждение, если в руины все равно невозможно пробраться?

Антонио медленно прошел вдоль стены. Легкий ветерок проникал сквозь проломы и рождал странный напевный звук.

Внезапно Антонио оказался рядом с окном с выломанной решеткой. Здесь можно было пролезть взрослому мужчине!

Антонио Лопец колебался несколько секунд. Он снял горнолыжные очки и внимательно, словно в последний раз, посмотрел на весеннее солнце.

Потом Антонио одним прыжком перемахнул через оконный проем. Внутри было сумрачно и сыро.

Из треугольного отверстия наверху в коридор падал свет. Антонио прошел на улицу и остановился перед воротами. Его охватил ужас.

Перед молодым человеком раскинулся монастырский двор. Повсюду мусор и камни. В середине двора возвышались остатки костров с привязанными к столбам скелетами. Желтоватые черепа насмешливо улыбались гостю.

Антонио Лопец задрожал.

К тихой песне ветра прибавился умоляющий шепот, постепенно переросший в истошный вопль. Скелеты задвигались и начали судорожно рвать полустгнившие пальмовые веревки, которыми они были привязаны к столбам. Их рты беззвучно раскрывались, клацали зубами, и казалось, что эти кошмарные звуки исходили из их уже несуществующих глоток.

Антонио собрался бежать из ужасного места, когда дикий ор прекратился и раздался звенящий женский крик.

— Антонио! Беги! Спасайся! — донеслось до него из черной дыры.

Антонио уставился в провал в стене.

Там стояла живая Кандиа! На ней был белый лыжный костюм и красная шерстяная шапочка. Девушка простирала к нему руки, словно хотела подбежать и крепко обнять. Но ее темные глаза смотрели неподвижно и отчужденно.

Скрип костей прекратился, и скелеты замерли на своих местах.

— Кандиа! — воскликнул Антонио. — Ты живая! Ты не-
вредимая!

Он хотел броситься к жене, но почувствовал, что в него
вцепились очень сильные руки.

— Невредима! — словно эхо, произнес кто-то у него за
спиной. Тихий, проникновенный, шипящий голос.

Перепуганный Антонио увидел справа и слева от себя голо-
вы в островерхих черных капюшонах. Маленькие, коричне-
вые высохшие ручки держали Антонио так крепко, что он не
мог шевельнуться.

— Невредима, — еще раз прошипел отвратительный голос, —
она ждет тебя...

— Теперь все пропало, — услышал Антонио грустные сло-
ва Кандии, и она скрылась из виду в одной из мрачных пещер.

Молодой человек начал отчаянно выгибаться, отталкивать
мерзких гномов, но все было бесполезно. Ему удалось лишь
слегка повернуть голову, когда в глубине двора слышались
шаркающие шаги.

Антонио охватила дикая паника.

Из мрака галереи появилась высокая фигура в черной су-
тане с вышитыми на ней красными языками пламени. На
голове у фигуры была круглая черная шляпа с полями, какие
носят священники, но она криво висела на лысом черепе с
адски сверкающими глазами. Голова была почти отделена от
шеи, и сейчас, когда ужасный монстр оказался совсем рядом,
Антонио смог разглядеть чудовищную рану, сквозь которую
просвечивали белые шейные позвонки.

У Антонио потемнело в глазах.

— Отпусти Кандию, Жеронимо, — прохрипел он. — Возь-
ми вместо нее меня!

Один из гномов в капюшонах пронзительно захохотал.

— Посмотри туда, — приказал инквизитор жестяным го-
лосом.

Глаза Антонио проследили за его костлявой рукой.

Теперь молодой человек разглядел, что к одному из стол-
бов были прикручены не один, а целых два скелета, они за-
стыли в последнем объятии.

— Они освободят место для вас, — вновь раздался ледя-
нящий душу голос. — И тогда дьявол будет вершить свой суд.

— Нет! — завопил изо всех сил Антонио.

Но вот гадкая рожа приблизилась к его лицу, и он от-
четливо увидел все уродство инквизитора.

Это было слишком даже для Антонио. Молодой человек
еще почувствовал, как карлики пытаются его увести, но в

глазах молодого человека уже потемнело, и ночь сомкнулась над головой Антонио.

XIII

Неприметный серый «ситроен» карабкался вверх по узкой горной дороге между Канилло и Ранзол. У него были французские номера.

Когда вдали показались купола епископской церкви Сант-Джоан-де-Каселлес, Десмонд Першинг спросил сидевшего за рулем рыжеволосого парня:

— Нам действительно надо повернуть эту операцию сейчас, середь бела дня?

— Обязательно. После обеда у них сиеста, а по ночам церковь закрыта. Мы туда не проникнем даже при помощи твоих волшебных инструментов.

— Ну ладно, — проворчал Десмонд Першинг. — Будем надеяться, что скипетр не расплавился, находясь рядом с горячим мотором. Наварра вряд ли догадался использовать огнеупорный материал.

— А мы сейчас посмотрим, — коротко ответил Гэрри Коулд и свернул на дорогу, ведущую в Сант-Джоан.

На полпути к церкви, около полуразвалившегося сарая он резко повернул вправо и остановился.

«Джентльмены удачи» вылезли, открыли капот и отвинтили от коробки передач маленький стальной ящикек. В нем соблазнительно поблескивала драгоценная часть скипетра де-Каселлес, точнее его замечательно точная имитация.

— Действительно первоклассная работа, — удивился Десмонд, пряча фальшивку в объемистый дипломат, в то время как Гэрри наблюдал за местностью.

— Мы могли и не прятать скипетр так тщательно, пограничники обошлись с нами очень культурно.

Гэрри Коулд захлопнул капот.

— Это была генеральная репетиция, — ухмыльнулся он. — При выезде ребята будут осматривать нас гораздо тщательнее, мы должны на это рассчитывать, даже если будем ехать на машине из графства Сассекс. Если все обойдется, у нас в ящике будет настоящий скипетр. Тогда ты согласишься, что Наварра — замечательный парень.

— Он и берет недешево, — проворчал сквозь зубы Десмонд, когда машина опять тронулась.

— Да, деньги немалые, — расстроено согласился Коулд, — если дело не выгорит, мы останемся на мели.

Когда американцы остановились на маленькой площадке перед церковью, их встретили полная тишина и запустение. Сант-Джоан-де-Каселлес производило вообще угнетающее впечатление. Кроме дома священника, здесь было еще около полдюжины зданий, из которых обитаемыми были только два. Остальные давно превратились в руины. Миграция населения не пощадила и Андорру.

Разочарованный Гэрри Коулд обнаружил, что церковные двери закрыты.

— Не хватало еще, чтобы дверь оказалась запертой, — рассердился Гэрри и подергал тяжелую ручку. Она не поддавалась.

— Проклятье, — выругался рыжеволосый. — Почему это вдруг? Теперь нам одна дорога — к этому старику.

— Я предлагаю приехать сюда завтра снова, — проговорил Десмонд. — Мы так и так пробудем в этих местах еще несколько дней.

— Баранья голова, — пробормотал Гэрри Коулд и двинулся к дому падре Себастьяна. — Прежде чем осуществлять подмену драгоценности, надо удостовериться, что за нами не увязался хвост. Пограничный контроль меня насторожил.

В доме падре было тихо. На громкий стук никто не отозвался, а звонка не было.

Гэрри Коулд громко выругался.

В тот же момент из открытой двери соседнего дома вышла горбатая старуха. Она одновременно опиралась на толстую клюку и вытирала руки о грязный кухонный передник.

Першинг направился к старухе. От нее несло чесноком и какими-то неприятными приправами так, что у американца моментально пропал аппетит.

Тем не менее, он сердечно поздоровался. Гэрри Коулд тоже медленно последовал за компаньоном.

— Кого ищут синьоры? — спросила старуха беззубым ртом.

— Нам нужен падре Себастьян, синьора. Мы привезли его вчера со свадьбы домой и хотели бы засвидетельствовать свое почтение.

— Да, да, — согласилась женщина, — я вас вчера видела. Это было очень мило с вашей стороны. К сожалению, падре Себастьян внезапно заболел, машина «скорой помощи» доставила его в больницу. Он уже стар, а все воображает себя мальчиком.

— Будем надеяться, что он скоро выздоровеет, — посочувствовал Десмонд Першинг. — Значит и церковь нельзя осмотреть?

— Вообще-то нет, синьоры, но если вам очень хочется, то у меня есть ключи. Я экономка падре Себастьяна.

Глаза Десмонда Першинга вспыхнули.

— Мы были бы вам очень признательны, синьора, — заверил он.

— Но перед этим хотелось бы перекусить и выпить, — вмешался в разговор Гэрри Коулд.

Десмонд Першинг не совсем понял игру партнера, но послушно последовал за ним и старухой в обветшалый и пустой зал.

— А куда же подевались люди? — поинтересовался Гэрри Коулд. Он присел на один из массивных стульев и вытянул длинные ноги.

— Все отбыли на праздник Пресвятой Девы в Меритксел, — прозвучал ответ. — Я сегодня единственная обитательница Сант-Джоан. Они вернутся под вечер. Поэтому я могу предложить вам только бутерброды.

— Будьте так любезны, — объяснился Гэрри Коулд на своем ломаном испанском. — А перед этим бутылочку красного вина, синьора. И три стакана. Вы же выпьете с нами?

— Вы очень добры, — ответила старуха. — У меня есть замечательное вино, оно понравится господам.

Экономка удалилась на кухню и вернулась с откупоренной бутылкой и тремя стаканами. Гэрри Коулд отведал вина и удовлетворенно кивнул.

— Мне половинку, пожалуйста, — начала сопротивляться старуха. — Я уже не первой молодости, синьор.

Она стоя отпила маленький глоток и ушла на кухню делать бутерброды.

— В твоей голове рождаются иногда странные идеи, Гэрри, — пожурил компаньона Десмонд.

Не говоря ни слова, Гэрри Коулд извлек из кармана маленькую бумажку, оторвал кончик конверта и высыпал белый порошок в стакан старухи.

— Хочешь ее отравить? — тихо спросил Десмонд.

— Безобидное снотворное, — пояснил американец. — Надо подстраховаться на всякий случай. Она будет лежать, как мертвая, целых полчаса. Времени у нас будет предостаточно.

— А ключи?

— Ты разве не слышал звона? Она носит их в переднике. В округе нет ни одного человека. Такая возможность выпадает лишь раз в жизни.

Гэрри Коулд размешал в стакане указательным пальцем.

Тут и старуха появилась с аппетитными ломтями хлеба с ветчиной.

Женщина пила длинными глотками, смакуя и причмокивая.

— Особенно нас интересует скипетр, — продолжил Десмонд Першинг прерванный разговор. — Падре Себастьян дал нам с собой брошюру, где описана странная связь между скипетром и монастырем Сан-Эстебан. Жаль монастырь нельзя осмотреть, а это было бы интересно. Вдруг там хранятся сокровища, которые никто не берет из-за местных суеверий?

— Это вполне возможно, — ответила старуха, — туда все равно никто не отважится пойти, на старые развалины пало страшное проклятие. Вы все уже прочитали, синьоры.

Она начала распространяться о Доне Жеронимо, но постепенно ословела и заснула, положив голову на стол.

Десмонд Першинг подождал некоторое время, потом подергал старуху за ухо. Она не реагировала, тогда он залез к ней в передник и извлек связку ключей.

Гэрри Коулд посмотрел на часы.

— Ты можешь спокойно работать, а я посторожу, — сказал он. — Но на всякий случай запири церковь изнутри. Ни пуха ни пера, малыш.

Десмонд Першинг взял свой чемоданчик, сунул ключи в карман и отправился к церкви. Нетрудно было обнаружить ключ от портала церкви. Авантюрист аккуратно запер за собой дверь и направился прямо к стеклянному шкафу.

В зале стоял густой сумрак, горела только лампада перед алтарем да через витражи пробивались солнечные лучи.

Першинг раскрыл чемоданчик и разложил свои инструменты. Один из них напоминал электробритву и дрель одновременно. Через пять минут зашипел лазерный луч, он вгрызлся в шов между панцирным стеклом и сталью. Першинг вырезал большой кусок сейфа и отложил его в сторону.

После этого он взял с подушки скипетр и заменил его подделкой. Наварра создал настоящее чудо: «самоварное» золото блестело, стекляшки переливались под скудным освещением. Даже по весу фальшивка отличалась всего лишь на какие-то доли грамма.

Впереди была самая трудная часть работы. Десмонду потребовалось четверть часа, чтобы водрузить на место вынутое стекло и законопатить шов так, что его не стало видно даже при полном освещении.

Вот и все. Скипетр сиял на своем месте, и лишь при помощи мощного микроскопа можно было обнаружить подлог.

Десмонд собрал орудия преступления и поспешно покинул церковь. Снаружи он снял тонкие кожаные перчатки.

Когда американец вернулся в харчевню, старуха все еще спала. Компаньоны удовлетворенно кивнули друг другу и подождали еще десять минут, пока старуха не начала приходить в себя. Тем временем Гэрри Коулд уничтожил вино со снотворным порошком, сполоснул стакан и снова налил до прежней высоты.

Старуха подняла голову и удивленно протерла глаза.

— Извините, синьоры, я задремала? — обеспокоенно спросила она.

— Ничего страшного, синьора, вино и тепло, — улыбнулся ей Десмонд. — Мы не торопимся, и нам хотелось бы осмотреть церковь.

Женщина непроизвольно протянула руку к карману с ключами, но Десмонд давно уже вернул их на место.

XIV

Ожидание действовало Фрэнку Николсону на нервы. Если бы не Дайана, он счел бы эти бесполезные дни в «Энвалире» самыми ужасными в своей жизни.

Мало того, что девушка ему просто нравилась, он проникся к ней доверием и рассказал Дайане все или почти все, касающееся таинственного исчезновения владельца отеля и его красавицы-жены.

Дайана прореагировала скептически, но серьезно. Она слышала о черной магии и ее влиянии на людей с незапамятных времен. Правда, Дайана как современная женщина, ведущая небезопасный образ жизни, не особо верила в это. И все-таки странно, что два человека, так хорошо знавших местность и проводивших здесь всю свою жизнь, самым невероятным образом растворились в проклятом месте.

И еще вот что. Дайана видела той памятной ночью огонь за оградой монастыря Сан-Эстебан и слышала нечеловеческие стоны, доносившиеся через снежную долину до отеля...

Дайана и Фрэнк проводили много времени на лыжах. У Фрэнка была неспокойна совесть: он предавался развлечениям в то время, как Антонио и Кандиа находились в смертельной опасности.

После обеда вернулись американцы, и молодым людям пришлось расстаться. Дайана не хотела, чтобы компаньоны увидели их вместе.

Фрэнк отправился в свой номер.

Из окна он увидел, как Десмонд Першинг, или Катанаро, извлек из машины объемистый чемоданчик и потащил его в отель. Но больше, чем чемодан, Фрэнка заинтересовала машина. Но не отсутствие «бьюика» удивило шеф-инспектора. Взятую напрокат машину всегда можно заменить. Только где в Испании или Андорре можно достать машину с английскими номерами?

Компаньоны могли взять ее у друзей. В конце концов, могут же нью-йоркцы иметь в Испании английских знакомых. Но все это заслуживало внимания. Николсон записал на всякий случай номер машины, хотя это и была обязанность Дайаны.

К вечеру небо заволочло тучами, пошел сильный снег. Скверная погода и исчезновение новобрачных разогнали большинство обитателей отеля. Из гостей остались только родители жениха и невесты. Фрэнк кратко поговорил со старым Лопецом и сообщил ему, что на следующий день будет принято решение: или-или.

С тех пор он ни разу не видел родственников хозяина и хозяйки отеля.

Николсон вообще не встретил ни одного человека, когда спустился к телефонным автоматам, чтобы позвонить. Ему несколько полегчало на душе, когда епископская канцелярия в Сео-де-Ургел сообщила, что Его Преосвященство прибудет поздно вечером, а завтра с десяти часов утра начнет прием посетителей.

Менее ободряющим был разговор с профессором Рамоном о состоянии здоровья падре Себастьяна. Старый священнослужитель медленно восстанавливал силы и был еще далек от того, чтобы выдержать допрос. Он в сознании, но все время твердит, что инквизиция раскрыла ему ворота ада. Падре много раз просил отвести его к епископу, но тот пока в Мадриде.

— Епископ завтра с утра снова будет в Сео-де-Ургел, — сказал ему Фрэнк. — Я приеду в половине одиннадцатого и постараюсь организовать встречу епископа с падре. Как вы думаете, можно уговорить господина епископа посетить больницу?

— Я хорошо знаю Его Преосвященство, а падре Себастьян всегда пользовался исключительным его расположением, — ответил профессор Рамон. — Если бы речь не шла о последней исповеди, я бы не стал вас беспокоить.

— Боже мой, дела обстоят настолько плохо?

— Существует опасность, что старый господин станет клиентом для клиники нервно-больных. А последняя исповедь

принимается у человека в здравом рассудке, вы меня понимаете?

— Да, понимаю, — грустно произнес Фрэнк. — Большое спасибо за заботу, профессор. До завтра.

Он повесил трубку.

У Фрэнка пропал аппетит, он даже не смог ничего съесть за ужином. Шеф-инспектор скучал без Дайаны, но девушка сидела в баре с американцами, и Фрэнк в плохом расположении духа отправился в номер.

Он зажег сигарету и начал считать часы и минуты, не включая свет.

В комнате постепенно светлело.

Фрэнк удивился, открыл окно и выглянул наружу. Ночь после снегопада была чистая и прозрачная. Сбежавшие туристы обманулись, или виной их отъезда было внезапное исчезновение хозяев гостиницы и прекращение празднеств?

Белая луна повисла над горными вершинами и залила округу магическим светом.

Было холодно, Фрэнк уже хотел закрыть окно, когда нечто внизу привлекло его внимание.

Там, у монастыря Сан-Эстебан вспыхивали огоньки, то и дело освещавшие мрачные руины.

Фрэнк снова услышал ужасные стоны, несущиеся из пламени инквизиторских костров. Волосы у него стали дыбом.

Шеф-инспектор захлопнул окно и быстро натянул лыжный костюм. Он уже одевал сапоги, когда зазвонил телефон.

— В Сан-Эстебанае опять что-то горит, — произнес женский голос.

— Я знаю, — мрачно ответил Фрэнк. — Вы откуда наблюдаете свечение?

— Из окна моего номера, как и вы, Фрэнк. Я видела над собой вашу голову.

Точно. Девушка жила этажом ниже, почти под ним.

— Где вы оставили ваших друзей? — осведомился Фрэнк.

— А, вы за мной шпионили? Они очень интересуются старым монастырем и надеются добыть там сокровища. Но эта болтовня вдруг стала действовать мне на нервы, и я бросила их в баре. Что вы думаете, Фрэнк? Не посмотреть ли нам на этот фейерверк вблизи?

— Я как раз собираюсь это сделать, — проворчал Фрэнк. — Но вы останетесь в отеле.

— И не подумаю. Через десять минут я спущусь вниз. И если вас там не будет, я отправлюсь одна. Такая возможность предоставляется не каждый день.

Фрэнк хотел кричать на Дайану, но она уже повесила трубку.

Шеф-инспектор зашнуровал лыжные ботинки, сунул в карман фонарик и браунинг и покинул номер. Девушка была уже на площадке и даже успела прикрепить лыжи.

— Вы невозможная женщина, — накинулся на нее Фрэнк. — Это для вас очень опасная прогулка.

— А для вас нет? — насмешливо ответила Дайана. — Я позволю вам ехать впереди.

В огромном белом здании отеля светилось лишь несколько окон. Застекленная терраса пустовала, но в баре по-прежнему горел свет.

Луна была такой яркой, что Фрэнк мгновенно нашел след, оставленный лыжами Антонио. Не было сомнений, что перед ним лыжня. Это ускорило спуск, и Фрэнк со свистом понесся вниз.

Дайана последовала за ним, Николсон слышал шуршание снега за спиной.

Страшные стоны и жалобы усиливались по мере того, как они приближались к развалинам. У Фрэнка Николсона по спине побежали мурашки.

— Какой ужас, Фрэнк! — простонала за его спиной Дайана.

Далеко внизу светились огоньки Солде. Но значительно ближе были таинственные сполохи за стенами руин Сан-Эстебана.

Молодые люди обнаружили при свете луны то место, где Антонио оставил свои лыжи и пошел дальше пешком.

— Он... пролез... здесь? — заикаясь спросила Дайана.

— Возможно, — ответил Фрэнк.

Стоны превратились в душераздирающий вопль множества голосов.

Фрэнк достал браунинг и пошел вперед. Когда Дайана прижалась к нему сзади, он почувствовал, что девушка дрожит всем телом.

Через двадцать метров смельчаки остановились.

Они отчетливо видели языки пламени и слышали треск горящих поленьев, сопровождающийся хрустом ломающихся костей.

— Мы ожидаем еще четырех гостей, — внезапно донесся до них из темной галереи высокий, дребезжащий голос.

— Тогда можно будет начать жертвоприношение, — ответил другой голос, пронзительный и шипящий.

Фрэнк и Дайана словно выросли в землю. Разговор происходил где-то совсем рядом.

Тут они увидели маленькую фигурку в черном капюшоне, она выползла из развалин и отчаянно жестикулировала.

— Назад! — прохрипел Фрэнк и крепко схватил Дайану за руку.

Смелычаки побежали, но каждый шаг давался им невероятно трудно. Словно сверхъестественные силы держали их за ноги, не позволяя покинуть руины.

Когда Фрэнк обернулся, он убедился, что черная фигура преследует их. Он поднял браунинг. Два-три выстрела прозвучали в ночной тишине. Существо в черной рясе дернулось и остановилось.

Фрэнк помчался не разбирая дороги и потянул за собой Дайану.

Задыхаясь и спотыкаясь, молодые люди бежали по глубокому снегу. Через две минуты они оказались на шоссе и с облегчением перевели дух.

Старые мрачные развалины остались позади. Таинственные огни погасли, дикие вопли смолкли.

Фрэнк и Дайана не стали возвращаться за лыжами, а пошли по дороге к отелю. Когда они поднялись на застекленную террасу, то обнаружили там Гэрри Коулда с полевым биноклем. Он рассматривал руины.

— Монастырь очень интересен, не правда ли? — съехидничал он и убрал бинокль.

Ответа не последовало.

XV

Епископ Сео-де-Ургел и первый президент Андорры (в качестве второго президента фигурировал глава французского правительства) оказался еще представительнее, чем профессор Рамон. «Они вполне могли бы быть братьями», — подумал Фрэнк Николсон, когда увидел их вместе в кабинете профессора.

Лица обоих господ были серьезны.

— Я очень вам благодарен, что вы пришли, Ваше Преосвященство, — сказал Фрэнк, присаживаясь к столу.

— Само собой разумеется, я исповедовал моего старого друга падре Себастьяна, — объяснил служитель церкви. — Теперь он сможет пуститься в последний путь с чистой совестью.

— Его состояние действительно очень плохое? — беспокоенно спросил англичанин.

— Это странный случай, — ответил профессор Рамон. — Падре уже почти восемьдесят лет, в этом возрасте любое недомогание может привести к смертельному исходу. Но его кровообращение полностью восстановилось. И все-таки он еще очень болен — болезнь может быть обусловлена причинами психического характера, как я вам говорил, синьор Николсон. Я приглашу специалиста из Мадрида... если успею. Пациент плохо выглядит, не удивляйтесь, когда увидите его.

— Я сожалею о случившемся, — сказал Фрэнк, — и чувствую себя виновным в происшедшем, господа. Но с другой стороны, я обязан раскрыть тайну. Вы, видимо, знаете причину моего пребывания в Андорре, Ваше Преосвященство.

— Комиссар Ле Клерк из Тулузы ввел меня в курс дела, шеф-инспектор, — кивнул епископ. — Не поймите меня неправильно, синьор. Мы не сомневаемся в ваших способностях и компетентности и будем очень рады, если всем ужасам придет конец. Вопрос в том, можно ли разрешить эту проблему силами криминальной полиции. Очень трудно принять решение и раскрыть тайну, хранившуюся много столетий. Мы даже не знаем, будут ли отрицательные последствия при использовании скипетра в этих целях. Он ведь освящен.

— Мне понятны ваши сомнения и колебания, Ваше Преосвященство, — возразил Фрэнк. — Но вы не знакомы с последними событиями.

Он рассказал о прерванной свадьбе и исчезновении жениха и невесты.

Епископ решительно встал.

— Если дело обстоит подобным образом, то нельзя терять ни минуты, — заявил он. — Пройдемте в палату и попытаемся добиться от падре вразумительной речи.

В палате по-прежнему царил полумрак. Фрэнк Николсон даже вздрогнул, несмотря на предупреждение, когда увидел падре Себастьяна. Его лицо посерело, глаза запали как у мертвого. Падре судорожно дышал, грудь его лихорадочно вздымалась. Профессор Рамон остановился в дверях, он не хотел быть свидетелем разговора.

Падре Себастьян был в сознании.

— Хорошо, что вы пришли, синьор Николсон, — прошептал он. — Мне осталось немного времени. Можно... я буду... говорить, Ваше Преосвященство?

Епископ молча кивнул.

— Возьмите скипетр из церкви, синьор, — произнес боль-

мой. — Ключи от церкви и от сейфа в этой тумбе у кровати, я с ними не расстаюсь. Если вы ударите епископским посохом по дверям монастыря Сан-Эстебан, они распахнутся. Пока скипетр будет у вас в руках, с вами ничего не случится, синьор Николсон. Когда Он... — Он сам будет противостоять вам... — когда Он только появится, нельзя предаваться панике, надо коснуться его лица священной реликвией. При этом вы произнесете слово «ссадби» — это слово на языке москурос, подаривших скипетр церкви, — на этом власть сатаны прекратится. Его помощники в черных капюшонах... Ах, вот они опята! Они все слышали! Они хотят...

Падре Себастьян выпрямился в кровати и с ужасом устался на дверь палаты.

— Вон они, слуги Дьявола! — внезапно закричал священник.

Епископ и Фрэнк Николсон посмотрели на дверь. Там никого не было.

В этот же момент дверь широко распахнулась.

В палату ворвался профессор Рамон и устремился к кровати.

Он обхватил падре и уложил его обратно.

— Все в порядке, мой друг, — бормотал профессор успокаивающе, — теперь они исчезли, правда? Они больше не придут, падре Себастьян!

Старик спокойно лежал на подушках.

— Вы закончили, синьоры? — тихо спросил профессор Рамон. — Тогда покиньте палату. Происшедшее взволновало больного до глубины души, я боюсь печальных последствий.

— Благодарю вас, профессор, — попрощался Фрэнк, — мы узнали все что хотели.

Епископ и Фрэнк Николсон пожали профессору руку и удалились.

— Похоже на то, — высказался глава церкви, — что кошмары отступили от падре, когда он открыл тайну.

Профессор Рамон окликнул их и передал Фрэнку тяжелую связку ключей.

— Вы не должны были, — улыбнулся он, — забывать это. Так сказал падре. Я теперь прощаюсь, пришло время позаботиться о больном. Возможно, кризис миновал, синьоры.

Профессор снова исчез в палате падре.

— Вот видите, Ваше Преосвященство, — проговорил Фрэнк, задумчиво рассматривая связку ключей, — самое главное позабыл. По-моему, я тоже не в лучшем состоянии.

— Вы не отступите от намеченного? — спросил епископ. — Это будет трудное и опасное дело.

— Я знаю, — ответил Николсон.

— Вот этот большой ключ от портала церкви, — объяснил епископ. — А вот этот маленький резной откроет сейф. Я знаю его очень хорошо, так как безопасность требовала поместить скипетр в стеклянный шкаф, и я это сделал лично.

— А драгоценность застрахована? — поинтересовался Фрэнк.

— Конечно, на четыре миллиона франков, — улыбнулся священник, — но это не покрывает наши расходы в случае потери скипетра.

— Возможно, заплатит французское правительство, по поручению которого я сейчас работаю. Благодарю вас за доверие, Ваше Преосвященство. Рационально думающему человеку трудно поверить в сверхъестественные силы. Вы случайно не знаете, что означает слово «ссабби»?

— Это по-арабски означает «Будь проклят!» Очень подходит, не правда ли? Мне тоже приходится все время общаться к легендам и мифам арабов, Иберийский полуостров семь столетий находился под властью мавров. В моей библиотеке книг на арабском языке чуть ли не больше, чем на испанском. Надеюсь, все сказанное останется между нами?

— Будьте уверены, Ваше Преосвященство. В некотором смысле, к посвященным относятся инспектор Ле Клерк и Антонио Лопец. Если мне удастся спасти молодую чету, то все будут молчать, как гробницы.

Тот факт, что Дайана Меркьюри лично доставила его на своем «Альфа-Ромео» в де-Ургел и ждала теперь в кафе неподалеку, Фрэнк Николсон по известным причинам утаил.

— Прекрасно, шеф-инспектор, — обрадовался епископ. — Тогда проводите меня, пожалуйста, в мою резиденцию. Я выпишу вам охранную грамоту, которая спасет вас от линчевания, когда вы извлечете из сейфа золотой скипетр.

XVI

С только что приобретенным кейсом под мышкой Фрэнк покинул отель «Энвалира» через черный ход и спустился вниз по шоссе в сторону Солде до поворота, где его нельзя было видеть ни с застекленной террасы, ни из окон номеров.

Там его ждала Дайана на своей красной «альфе».

— Вам удалось раскусить ваших «друзей»? — спросил Фрэнк, плюхнувшийся на сиденье.

— Более менее, хотя мне становится все труднее, — от-

ветила девушка. — Приходится постоянно поддерживать их интерес к тайнам Сан-Эстебана, чтобы они не проскользнули у меня между пальцев. Парни что-то затевают, это мне ясно, но что именно, я не имею понятия. Они очень любопытны, но чего-то боятся. Они считают, что я сумасшедшая; лазить ночью по руинам в сопровождении самоуверенного, вполне возможно и липового, офицера из Англии. Они не особенно хорошего мнения о вас, Фрэнк.

— Взаимно, — рассмеялся Николсон. — В данный момент нам нечего опасаться с их стороны?

— Нет. Я сказала им, что хочу ненадолго съездить в Солде за покупками. Мне все равно, поверили они или нет. Ведь этим наша «одиссея» заканчивается.

Фрэнк глубоко вздохнул.

— Если все будет хорошо, через час мы узнаем значительно больше, — промолвил он. — Вчерашний призрак сообщил нам, что Кандиа и Антонио еще живы. Но что касается четырех человек, ожидаемых для жертвоприношения, тут мне ничего не понятно.

— Возможно, двумя из них будем мы, — отозвалась Дайана, и ее голос прозвучал не так бодро, как хотелось бы. — Я очень боюсь за вас, Фрэнк, особенно после вчерашней ночи, когда увидела это существо в черном капюшоне. Если все насчет скипетра — туфта...

— Но я же не совсем беспомощный, девочка, — сказал Фрэнк. — Это не первая моя встреча с сверхъестественными силами.

Он вытащил из кармана серебряную пулю с крошечным крестом.

— Вот такие штучки оградят меня от нападения, — объяснил он. — Все они освящены. Кроме того, основываясь на опыте, мне верится, что скипетр действительно обладает силой, приписываемой ему падре Себастьяном.

— Надеюсь, Фрэнк. Нам еще повезло, что мы нашли драгоценный посох в первоизданном состоянии. Я уверена, что Гэрри и Десмонд приложат максимум усилий для организации кражи или подмены.

— Так быстро подобную операцию не удастся провернуть даже суперпрофессионалам, — успокоил ее шеф-инспектор. — Когда я сегодня извлекал из сейфа скипетр, то специально все осмотрел и не нашел следов взлома.

— Хорошо. Я знаю, какими методами пользуются эти гангстеры. Мы почти приехали на место, Фрэнк.

Дайана остановила машину как раз на том участке дороги,

куда они вчера запыхавшись выбежали, спасаясь от черной фигуры. Фрэнк открыл кейс и достал скипетр.

Шеф-инспектор спрятал драгоценность под пиджаком, и смельчаки медленно двинулись к развалинам.

Солнце уже давно скрылось за горными пиками, наступили сумерки. Холодный ветер гнал с холмов рой серебристых снежинок, на горизонте собирались белые лохматые тучи.

Шоссе замерло, в это время суток движение между Солде и Энвалирой прекращается. В белом здании отеля зажглись первые огоньки.

Монастырь возвышался мрачно и негостеприимно. Зарешеченные окна уныло раскрыли свой зев навстречу темноте.

— Стучит сердечко? — спросил Фрэнк.

— Еще как!

За пять метров до ворот они остановились.

Даже у Фрэнка подгибались колени, они почувствовали, что приближаются к отверстию в потусторонний мир. Фрэнк вынул из кармана браунинг и молча протянул его Дайане.

— Вы останетесь здесь, — приказал он. — В случае нападения вы сможете при помощи оружия держать карликов на расстоянии и прикрыть отход к машине, в необходимости такой предосторожности мы убедились вчера ночью.

Фрэнк сделал несколько шагов в сторону ворот и заглянул сквозь решетку внутрь. Там не было ничего особенного и пугающего. Ни один звук не нарушал зловещую тишину.

Фрэнк осторожно ударил скипетром по железной двери.

С оглушительным грохотом и скрежетом висячий замок отвалился.

— Действует, — радостно и удивленно произнес Фрэнк и толкнул решетку. Створки распахнулись с мерзким скрипом: заржавели петли.

Фрэнк вошел в темную галерею и оглянулся, чтобы посмотреть на Дайану. Она стояла на прежнем месте с широко раскрытыми от страха зелеными глазами и крепко сжимала дрожащими руками холодную рукоятку браунинга.

Внезапно Дайана исторгла душераздирающий крик.

Фрэнк резко обернулся, и кровь застыла у него в жилах.

Перед ним, словно выросший из земли, стоял безобразный монстр с рваной раной на шее и перекошенным лицом. Ужасные, пустые и безжизненные глаза злобно уставились на епископский посох.

— Ссабби! — громко крикнул Фрэнк Николсон и ткнул монстра скипетром прямо в лицо.

Дон Жеронимо отвратительно и глухо захохотал. Его на-

половину отрубленная голова дико закачалась в такт приступам смеха.

— К сожалению, у вас в руках фальшивка, мой друг, — констатировал он замогильным голосом печальный факт.

Его когтистые руки молниеносно вырвали у Фрэнка скипетр и с такой силой швырнули его о кирпичную стену, что поддельные бриллианты разлетелись на кусочки со звоном разбитого стакана.

Фрэнк замер. Железные ворота захлопнулись за ним, и чудовище собралось кинуться на шеф-инспектора.

Смертельная опасность придала Фрэнку новые силы и вернула к действительности. Он выхватил из кармана серебряный крест и с остервенением вытянул его навстречу Дону Жеронимо. Полутруп в одежде священника издал протестующий визг и остановился.

— Скипетр фальшивый, — прокричал Фрэнк Дайане, которую он с трудом видел в сгустившейся темноте. — Эти паршивцы все-таки успели его подменить. Позвони Ле Клерку, пусть он их поймает и отберет подлинник. Принеси его сюда, пожалуйста! Чем быстрее, тем лучше, иначе все пропало...

Перед Фрэнком появились двое в черных колпаках. Но при виде креста они тоже замерли.

— Держись, Фрэнк! — услышал шеф-инспектор голос смелой девушки. — Я все поняла. Мы найдем скипетр и придем к тебе...

— Уходи, только быстрее, — прокричал он в ответ.

С тыла зашел еще один гном, он без видимого усилия распахнул ворота и собрался было броситься в погоню.

Снаружи раздались выстрелы, карлик свалился, перекувырнувшись через голову, но тут же вскочил на ноги.

Фрэнк вздохнул с облегчением, когда увидел Дайану, бегущую к машине.

В то же время он обнаружил, что замок как ни в чем не бывало снова повис на воротах.

Фрэнк Николсон оказался в западне.

Адский демон с раной на шее внезапно исчез, но три маленькие фигурки в капюшонах остались. Сквозь прорези в материи светились глаза, устремленные на крест.

— Где двое людей, оказавшихся в вашей власти? — спросил Фрэнк, не надеясь на ответ.

— Они ждут тебя, — произнес один из прислужников свистящим голосом. В нем звучала коварная насмешка.

Несмотря на возбужденное состояние, Дайана Меркьюри, вылезая из машины, не забыла прихватить кейс. Она набила его старой бумагой, чтобы поездка в Солде показалась Гэрри Коулду и Десмонду Першингу правдоподобной. Ведь девушка могла столкнуться с гангстерами в любой момент.

Но двое друзей занимались тем, что обычно делают большинство американских туристов во всех концах света: они сидели в баре и пили виски.

Дайана незаметно пробралась в холл и устремилась к портье, чтобы заказать разговор с Тулузой.

Бедная девушка была на грани нервного срыва. Она в ужасе отпрянула, когда из кресла поднялся широкоплечий мужчина в элегантном сером дорожном костюме.

Только внимательно приглядевшись, она узнала комиссара Ле Клерка. У Дайаны камень упал с души.

— Добрый вечер, мадемуазель, — приветливо поздоровался комиссар. — Наконец-то появился кто-то, к кому я могу обратиться. Но... что случилось? На вас лица нет!

— У нас неприятности, — сквозь зубы произнесла Дайана. — Здесь нам нельзя разговаривать. Пойдемте в мой номер, быстро...

— Странное приглашение, — пробормотал с улыбкой комиссар.

Но Дайана не слушала его. Она не стала дожидаться лифта, а бросилась бегом вверх по лестнице.

Ле Клерку ничего не оставалось, как последовать за ней. Он нагнал девушку, когда та открывала ключом дверь номера.

— Пожалуйста, извините меня за странное поведение, — извинилась Дайана и предложила комиссару стул. — Вы сейчас поймете, почему я потеряла самообладание. Я как раз собиралась вам звонить, но счастливый случай сам привел вас в Энвалиру.

Дайана, совершенно обессилев, опустилась в кресло. Ле Клерк присел напротив нее и извлек из кармана пачку сигарет.

— Можно я закурю? — вежливо спросил он.

Его серьезное загорелое лицо просто излучало покой, в котором Дайана срочно нуждалась в данную минуту.

— Конечно, комиссар, — сказала она, — можно мне тоже сигарету?

— Я здесь не случайно, мадемуазель Меркьюри, — наконец проговорил Ле Клерк, с наслаждением выпуская табачный дым. — Шеф-инспектор Николсон позвонил мне сегодня

в два часа пополудню. Он рассказал, что завязал с вами знакомство и ввел вас в курс дела, а также посвятил меня в события последних дней. Николсон попросил меня по возможности еще сегодня прибыть в Энвалиру в связи с тем, что операция вступает в решающую фазу. Я немедленно воспользовался служебным вертолетом, а в Солде взял такси. И вот я здесь. По-видимому, я опоздал. Теперь расскажите мне все, мадемуазель, и успокойтесь, ведь я же здесь.

Дайана уже частично пришла в себя. Комиссар имел право знать, что произошло в монастыре.

Ле Клерк внимательно слушал.

— Сначала позвольте мне обнадежить вас в отношении шеф-инспектора Николсона, — молвил он через некоторое время. — Фрэнк не первый раз занимается «четвертым» измерением, как он это называет. Я ничего не понимаю в серебряных пулях и в священных посохах, но мы специально пригласили человека из Скотланд-Ярда, потому что знали, что имеем дело со сверхъестественными силами. Фрэнку Николсону не угрожает смертельная опасность. Кроме того, согласно его донесениям молодая чета тоже жива и здорова.

— Даже если это и так, — возразила Дайана, — то в каком они состоянии? Два дня в лапах монстров без еды и питья...

— Вы рассуждаете трезво, — улыбнулся комиссар, и Дайана удивилась, что он позволил себе улыбку в такой тяжелый момент. — Но и здесь вы можете быть спокойной. Если Антонио и Кандиа выжили, то находятся в состоянии полной апатии. Николсон попытался мне это объяснить. Это похоже на гипноз: все функции тела и мозга затормаживаются, чувство голода и жажда притупляются. Двое здоровых людей могут голодать и больше дней без ущерба для своего здоровья.

— Прекрасно сказано, — съязвила Дайана. — Но чем нам-то поможет эта теория? Во власти темных сил теперь трое.

— Естественно, мадемуазель, что без подлинного скипетра мы не сможем действовать, — прервал ее комиссар. — Нам надо его найти.

— Так вы тоже думаете, что Гэрри Коулд...

— Я абсолютно уверен, — ответил комиссар. — Хотя парни и работали с удивительной точностью и большой скоростью. Но испанское Кристо тоже не дремало после сообщений из США. Одна ниточка привела к пресловутому Гаэтано Наварре в Барселоне. Раньше он был известным ювелиром, но нарушил закон и отсидел несколько лет. Наварра по-прежнему ведет роскошный образ жизни, поэтому предполагается, и не без основания, что он поставляет нашим мошенникам утон-

ченные копии драгоценностей. Английские номера на их машине принадлежат автомобилю, никогда не покидавшему Великобританию и давно уже выброшенному на свалку. Я не буду вам рассказывать всего, но доказательств тому, что подмена скипетра уже совершилась, целая дюжина. Компаньоны заезжали на обратном пути из Барселоны в Сант-Джоан-де-Каселлес, экономка падре Себастьяна их хорошо помнит. И по какому-то странному стечению обстоятельств пожилая дама умудрилась полчаса продремать в присутствии этих двух господ, чему не нашлось объяснения.

— Вы меня обнадежили, комиссар, — призналась Дайана, — но что конкретно мы можем сейчас сделать?

— Синьор Николсон поведал мне, что Десмонд Першинг, он же Катанаро, по прибытии вынул из машины дипломат. Я начну поиски. Вы знаете номера их комнат?

— Они живут здесь рядом, — ответила Дайана к радости Ле Клерка. — Мы же вместе прибыли из Андорры-ла-Велья, и нам предоставили соседние номера. У Коулда сто четвертый, у Десмонда Першинга сто пятый.

— Замечательно! Вы можете задержать ваших «друзей» еще на полчаса в баре? Больше мне не требуется.

— Я постараюсь собраться с силами, комиссар.

— Я жду от вас большого мужества, — произнес Ле Клерк на этот раз серьезным тоном и потянулся за новой сигаретой. — Естественно, что американцы опять заговорят о Сан-Эстебане — на настоящий момент это самая актуальная для них тема. Если они спросят про Николсона, а они обявательно это сделают, то расскажите им правду.

Глаза Дайаны округлились.

— Но почему?

— Возможно, скипетр настолько хорошо спрятан, что я его не найду. Хотелось бы точно знать, у них он или нет. Это вы должны будете определить по их реакции. Задача непростая, но такая женщина, как вы, с ней справится.

Дайана улыбнулась.

— Ладно, я постараюсь не разочаровать вас.

— Ваш симпатичный кейс я, пожалуй, могу использовать по назначению, — сказал комиссар и поднялся. — Через полчаса я спущусь в холл, а там посмотрим.

XVIII

Поступившие в Тулузу отрывочные и разрозненные сведения позволили комиссару Ле Клерку составить о происходя-

щем свое мнение и подготовиться соответствующим образом. Он прибыл в Андорру с бумагой, предоставляющей ему полную свободу действий.

Когда Дайана исчезла на лестнице, комиссар натянул пару тончайших перчаток и обратился к комнате сто пять. Оказалось настоящим счастьем, что отель «Энвалира» почти пустовал. Но об этом комиссара уже информировали.

Он извлек из кармана своего изящного костюма связку отмычек. Стандартные двери в крупных отелях не представляли для комиссара никаких трудностей. Замки выглядели сложнее, чем были на самом деле. Через две минуты Ле Клерк был в номере Десмонда Першинга.

В первую очередь он обыскал «дипломат», стоявший на стуле рядом с дверью. Его даже не закрыли, поэтому Ле Клерк не особенно расстроился, не обнаружив там скипетра.

Он удивленно присвистнул, наткнувшись на лазерную дрель, неосмотрительно оставленную там мистером Катанаро. Комиссар внимательно ознакомился с устройством этого технического чуда. Теперь Ле Клерк понял, почему Фрэнк Николсон не заметил никаких повреждений на сейфе, когда доставал скипетр.

Подобные инструменты редко попадали в руки специалистов суперкласса даже в Америке. «Надо запретить изготовление подобных «игрушек», — с горечью подумал Ле Клерк. Но технический прогресс неотвратим во всех отношениях. Массовое производство атомных ракет значительно страшнее...

Комиссар захлопнул «дипломат» и принялся целенаправленно искать епископский посох. С профессионалами надо держать ухо востро, поэтому комиссар учел все мелочи, даже вспорол матрац и снял крышку с бачка в туалете. Но все безрезультатно.

Оставалась сомнительная надежда на комнату Гэрри Коулда, являвшегося мозговым центром гангстерской парочки. Там тоже ничего не оказалось.

Ле Клерк убедился, что все вещи вернулись на прежние места, и покинул помещение. Он запер номера и остановился в коридоре.

Зря потерял пятнадцать минут.

Не могут же компаньоны таскать эту вещь в кармане?! Сейф гостиницы тоже можно было исключить по известным причинам.

Ужасно, если они зарыли скипетр где-нибудь по дороге.

Или парни еще не подменили епископский посох? Куда же тогда делась его имитация?

Комиссар в отчаянии прикусил губу.

И тут ему в голову пришла гениальная идея: машина!

Ле Клерк помчался вниз по лестнице. Он осторожно заглянул в бар и увидел, что троица вела оживленную беседу за самым отдаленным столиком. Дайана была на редкость хитрой девушкой!

Комиссар Ле Клерк незаметно пересек холл и спустился к полупустой стоянке. Белый месяц ярко освещал несколько сиротливо стоявших машин.

Второй слева был серый «ситроен» американцев.

Ле Клерк убедился, что за ним никто не наблюдает, и осторожно обошел вокруг машины. Неудачный тайник для хранения драгоценности. При помощи маленького карманного фонарика комиссар отыскал на дверной панели пластинку, не относящуюся к серийной отделке машин этой марки.

Комиссар не зря считался одним из самых удачливых полицейских Франции.

Эта пластинка несомненно являлась видимой частью очень чувствительной сигнализации. Ни о чем не подозревающий обыватель спокойно взялся бы за ручку, и сразу же взвыла бы сирена. А может быть, его вообще ударило бы током? Кто знает.

Ле Клерк достал тонкую проволочку и закоротил сигнализацию.

После этого он взломал дверной замок.

Через три минуты комиссар убедился, что в салоне ничего не спрятано. Ле Клерк лег на землю и осветил фонариком станину, но там тоже все было чисто. Осмотр багажника ничего не дал, да и из обоих баков обыденно пахло качественным бензином.

Комиссар уже было совсем опустил руки, но решил еще раз осмотреть машину.

Скорее от скуки, чем из профессионального любопытства, он поднял капот.

Необычная величина батареи сразу бросилась комиссару в глаза. Ее хватило бы и для грузовой машины! На повернутую к мотору части находилось два явно лишних винта, назначение которых осталось тайной для Ле Клерка.

Комиссар использовал перочинный нож как отвертку и отвинтил заднюю стенку.

И тут он едва не запрыгал от радости, как маленький мальчик: при свете луны сверкнула россыпь драгоценных камней.

У Дайаны подгибались колени, когда она вошла в бар.

Гэрри Коулд оглядел девушку и нахмурил брови, Десмонд же бесстыдно ухмылялся прямо ей в лицо.

— Ты про нас совсем забыла, — упрекнул он девушку. У жулика уже заплетался язык. Неудивительно, если перед ним была такая батарея пустых бутылок. Но рыжий производил впечатление трезвого человека.

— Что-нибудь купила? — поинтересовался Гэрри Коулд. — Готов поспорить, что ты была не в Солде, а в этом симпатичном старом монастыре. Куда ты дела нашего нового «друга»?

— Мне надо выпить, — быстро сменила тему Дайана. — Тогда я вам расскажу очень интересную и одновременно очень грустную историю. Короче, не предназначенное для чужих ушей. Не могли бы мы пересесть подальше?

— Я не против, — проворчал Гэрри Коулд. Он заказал Дайане двойное виски с большим количеством льда и собственноручно принес его.

Дайана жадно отпила и закурила. Она тщательно обдумывала каждое слово, срывавшееся с губ. Ее еще не угасшее волнение придавало повествованию особенную остроту. Да и не было в рассказе никакой лжи, всего лишь несколько пунктов, о которых надо было умолчать.

Парни клюнули на удочку: Дайана поняла это по странным взглядам, которые они бросали друг на друга.

— Я всегда считал сумасшедшей затеей соваться в это гнездо привидений, — пробурчал Десмонд Першинг.

— А где эта проклятая штуковина теперь? — спросил Гэрри.

— Чудовище разбило ее на мелкие кусочки, — ответила Дайана.

— Братья могли бы заплатить за нее два миллиона, — возмущился рыжеволосый. — Возможно, посох застрахован на большую сумму. Страховое общество, пожалуй, заплатит нам пару сотен тысяч, если мы выложим на стол хотя бы обломки.

— Так достаньте же их, — предложила Дайана. — Там могут быть и другие ценности. Вы же интересовались этой развалиной, а каштаны из огня мы что ли будем выгребать?

— В утверждении о святости епископского скипетра нет ни слова правды, — согласился Десмонд. — Я же предупреждал тебя, чтобы ты не связывалась с ненормальным британцем. И

каков был твой ответ? Шотландцы упрямы, а горцы не ведают страха. Вот и доигрался.

Дайана обиженно посмотрела на компаньонов.

— Значит вы не хотите помочь мне вызволить Фрэнка из монастыря? — серьезно спросила она. — Я вам все рассказала исключительно по этой причине. А если его судьба вам безразлична, то вас что, не прельщают деньги?

— Ерунда! — презрительно протянул Десмонд. — Мы не будем рисковать головой ради двух сотен тысяч, не так ли, Гэрри? Давайте лучше вообще смоемся отсюда не позднее завтрашнего утра. Без проклятого скипетра мы не можем ничего предпринять, или я что-то не понял?

Его лицо искривилось от боли, потому что Гэрри Коулд немилосердно наступил ему под стулом на ногу. От Дайаны ничего не укрылось, она поняла, к чему идет дело.

— Оставь скипетр в покое, — обратился Гэрри к своему компаньону. — Я ничего не хочу о нем слышать. Яснее ясного, что надо сматывать удочки. Я не хочу связываться с потусторонними силами. Это дело полиции: бесследно, один за другим пропали сразу три человека!

— Значит вы отказываетесь? — спросила Дайана, одним глотком допила виски и посмотрела на часы. Полчаса давно прошло.

— Что же нам остается делать, детка? — сказал Гэрри Коулд. — Позволить этим прислужникам сатаны заживо себя изжарить? Сообщи копам, что случилось, если им еще ничего не известно. И уезжай завтра.

— Без Фрэнка я отсюда не уеду! — твердо и тихо сказала Дайана и встала.

— А, дело полюбовное, — съехидничал Десмонд. — Мне тебя искренне жаль, малышка, но ничего не поделаешь. Лучше бы ты выбрала одного из нас.

— Спасибо за виски, — ледяным голосом попрощалась Дайана, повернулась на каблуках и вышла из бара.

— Вот чертовка! — удивился Десмонд, едва ворочая языком.

— Пьяница, — обругал его Гэрри Коулд. — Здесь что-то не так, я это чувствую. Кончай пить и послушай, что я тебе скажу. Ты видел того парня, который прибыл недавно на такси? Он поздоровался в холле с нашей девочкой; я не знаю, что произошло дальше. Мне не хотелось появляться на сцене раньше времени. Этот парень очень похож на полицейского.

— Но это же означает... — испуганно протянул Десмонд.

— Что наша подружка что-то темнит и пристала к нам не просто так. Я снова думаю о том...

— Ты же сам звонил в Мадрид, — вставил слово Десмонд, — и спрашивал фамилию посла. Все подтвердилось.

— Вот именно. И мы потеряли бдительность, но это ничего не доказывает. По-моему, мы оказались большими идиотами, Десмонд. Дайана не похожа на обыкновенную шлюху, это видно за километр. В то же время она бесстыдно вешается на шею этому англичанину. Разве это не бросается в глаза? И еще вот что: средь бела дня при странных обстоятельствах пропадают двое молодых людей, прерывается свадьба уважаемых и состоятельных граждан, и нет никаких следов пребывания полиции.

— Люди, знавшие про монастырь, уверены, что Кристо тут не поможет, — сказал Першинг.

— Возможно и так. Но молодая американка и никому не известный англичанин получают персональное разрешение епископа достать скипетр из сейфа, чтобы ночью нанести с ним визит в заброшенный монастырь. А он еще что-то болтает про Шотландский полк. Этот парень такой же коп, как и тот, что прибыл перед обедом. А наша красотка хотела выманить нас в развалины, к чему бы это? Мы немедленно собираем вещички и смываемся, Десмонд, но сначала надо убедиться в сохранности скипетра. Пошли!

Десмонд Першинг поднялся. Его слегка шатало, и он не разделял подозрения своего друга. Главное, что они сваливали. Ему вообще хотелось поскорее уехать после удачной кражи. Они могли бы уже сейчас прохладиться на борту яхты на пути в Мексику.

Иногда Гэрри перегибает палку, но почему-то всегда имеет успех. В тот раз его подвела жажда денег, которые он мог получить за сокровища Сан-Эстебана. Или же ему слишком понравилась эта шальная девчонка? Мысли Гэрри Коулда никому не известны.

Компаньоны покинули бар.

— Цсс! — предупредил Гэрри, когда они добрались до выхода из отеля, и показал пальцем на стоянку. Гангстеры затаились.

Дайана Меркьюри и недавно прибывший мужчина сидели в «альфу». У мужчины в руках был толстый кейс.

— Давай! — скомандовал Гэрри Коулд, когда машина скрылась за поворотом.

Они подбежали к серому «ситроену». Коулд оказался проворнее.

— Осторожно, сигнализация! — предупредил его Десмонд.
— Ее замкнули, — в бешенстве прошипел Гэрри. — Капот поднят, давай сюда гаечный ключ!

Пока Першинг отвинчивал ход к тайнику, его коллега задумчиво смотрел вслед огням «альфы», медленно взбиравшейся по дороге в Солде.

— Проклятье! — услышал он голос Десмонда.

— Я так и думал, — проговорил Гэрри Коулд неестественно спокойным голосом. Его глаза загорелись мрачным огнем.

— Они едут с подлинным скипетром к монастырю, чтобы освободить англичанина, но им это не удастся!

— Что ты хочешь сделать?

— Поедем за ними, что же еще? — проворчал Гэрри Коулд и нащупал под пиджаком свой люгер. — Всех прикончу, но миллионы не упущу. Я вложил в это дело сто пятьдесят тысяч. А колония страшилищ там, внизу, только облегчит нашу задачу. Не один петух прокукарекает, если мы пристрелим их всех разом, во всяком случае до тех пор, пока мы не поднимемся в воздух на самолете. А если кто и сунется в руины, то расскажет, что все они стали жертвами ужасных монстров.

XX

И в этот раз комиссар Ле Клерк сидел в уютном кресле фойе гостиницы «Энвалира», когда увидел выходящую из бара Дайану.

Девушка подошла к нему и выжидательно посмотрела в лицо.

Комиссар элегантно указал ей на второе кресло.

— Скипетр у меня, мадемуазель, — прошептал он.

— Нам не следует здесь задерживаться.

— Садитесь, мадемуазель, — улыбнулся Гай Ле Клерк. — Единственное, чего вам еще не хватает, так это естественности поведения, но это придет с опытом. Вы просто очень молоды. Хотел бы я увидеть того человека, кто посмел бы отнять у меня сейчас скипетр. По крайней мере это будут не Коулд и не Першинг. Они очень искусно спрятали драгоценность в машине. Мне бы никогда не догадаться, если бы я не открыл капот, точнее, не поленился это сделать. Хотите сигарету?

Дайана взяла предложенную сигарету и присела на краешек кресла.

— Прекрасно, комиссар! Но как случилось, что Фрэнк,

простите, мистер Николсон, ничего не заметил, открывая стеклянный шкаф?

— Они использовали лазерную дрель. Это на редкость рафинированный инструмент, производимый исключительно в США. Когда мы возьмем эту парочку, я конфискую ее в качестве экспоната для французского Криво.

— И все-таки, комиссар, что нас здесь держит? Нам надо в Сан-Эстебан, я схожу с ума от мысли, что Фрэнк в руках этих чудовищ. Если бы вы видели Дона Жеронимо собственными глазами, монсиньор, вы бы не сомневались ни минуты. Надо спасать Фрэнка и молодых супругов Лопец.

— Я бы подождал, пока Десмонд Першинг и Гэрри Коулд лягут спать, — высказал свои соображения комиссар.

— А если они не лягут? — взволнованно произнесла Дайана. — Когда я им рассказывала о несчастье с Фрэнком, то прочла в их глазах мысль уехать как можно быстрее. Это может произойти и ночью.

— Вот как? — комиссар поднял брови. — Тогда совсем другое дело. Время не ждет. Через границу они не проедут, я принял соответствующие меры. Ваша задача не спускать с них глаз. Если я и попрошу вас проводить меня к развалинам монастыря, то по двум причинам: во-первых, у вас есть машина, во-вторых, вы видели, каким образом мистер Николсон использовал скипетр, пусть он даже был фальшивым. Факт остается фактом. Мы не можем позволить себе при этом ни малейшей ошибки. Вдруг он не обладает приписанными ему свойствами, тогда надо надеяться, что страховое общество оплатит нам достойные похороны. Пойдемте, мадемуазель!

Они уехали на «альфе», не заметив, что за ними следили американцы; они не заметили и преследования. Гэрри Коулд вел себя очень осторожно и следовал за «альфой» с потушенными фарами и приглушенным мотором.

Луна скрылась за тучей, и в тени руин было очень темно. Дайана безошибочно обнаружила место их предыдущей стоянки.

«Альфа» проделала надлежащий маневр, и Дайана обратилась к комиссару:

— Я не буду отключать мотор. Нельзя предугадать, что случится в следующий момент.

Ле Клерк молча кивнул.

Солнце уничтожило значительную часть снегового покрова около развалин. Дорога к монастырю при этом расчистилась почти полностью. Дайана предложила воспользоваться путем, выбранным Фрэнком той страшной ночью.

Комиссар критически осмотрел свой элегантный костюм и вычищенные ботинки.

— Я не экипирован для хождения по глубокому снегу, — констатировал он печальный факт. — Да и зачем? С нашими противниками не очень-то поиграешь в прятки. Мы как раз перед воротами. У вас есть оружие?

— Браунинг.

— Тогда начали.

Ле Клерк взял девушку под руку. В другой руке он держал кейс. Комиссар и Дайана заковыляли к руинам по кустикам жухлой прошлогодней травы.

Монастырь возвышался над головой расплывчатой черной дырой. Даже если бы комиссар и Дайана оглядывались, они не заметили бы две темные фигуры, неотступно следившие за каждым их шагом.

В мрачном безмолвии слышались лишь легкий шелест ветра и тихие шаги.

Теперь развалины оказались совсем рядом, впереди возникли очертания железных ворот.

Внезапно в конце галереи одновременно вспыхнуло несколько огней.

— Они снова жгут костры, — с дрожью в голосе прошептала Дайана и остановилась.

Послышались стоны и жалобы, пока еще чуть слышно и издалека.

— Обитателям монастыря Сан-Эстебан, кажется, не здорово, — пробормотал комиссар, у которого по спине побежали мурашки. — Однако смотрите, по-моему, нзс ожидают.

Ле Клерк извлек скипетр и отбросил уже ненужный кейс.

Он передал скипетр Дайане, и девушка судорожно сжала его в руке.

— Повторите действия Фрэнка, — приказал комиссар, доставая из плечевой кобуры свою «баретту».

Над руинами взметнулось пламя, сопровождаемое криками измученных жертв. У Дайаны и Ле Клерка зазвенело в ушах. Они быстро сделали еще несколько шагов и уперлись в ворота.

Дайана подняла скипетр и точно ударила по замку, ворота с грохотом и скрипом распахнулись.

Почти одновременно с этим раздался выстрел.

— Проклятье! — выругался комиссар и медленно осел на землю у ног Дайаны. Еще во время падения он прицелился в стрелявшего, хорошо заметного в отблесках пламени на фоне

щербатой монастырской стены. Второй выстрел прорезал тину ночи.

В этот момент кто-то крепко схватил Дайану за руку. Нечто холодное и твердое уперлось ей в спину.

— Не двигаться! — прошипел Гэрри Коулд. — Одно неосторожное движение — и вы умрете. Это серьезно, детка! Бросай оружие, легавый, и подальше, иначе малышка погибнет, понял?

Комиссар Ле Клерк беспомощно лежал у распахнутых ворот. Когда он увидел, что Гэрри Коулд грубо схватил Дайану и держит ее на прицеле, то сразу же отбросил «баретту» в сторону.

— Так-то лучше, мой мальчик, — хамски ухмыльнулся Гэрри Коулд. — Десмонд, ты останешься здесь и присмотришь за этим парнем. Ты слышишь, Десмонд? Ну что ты там?

Гэрри Коулд увидел своего друга у стены. Во лбу у Першинга была маленькая дырочка, оставленная ему на память Ле Клерком.

— Ты его все-таки достал, — спокойно произнес Коулд. — Что ж, за это ты дорого заплатишь!

Коулд в бешенстве оттолкнул Дайану, и она очутилась в галерее.

— Давай, девочка, освободи свои прекрасные ручки от излишней тяжести. Зачем тебе проклятое золото? И побыстрее, иначе вылетит маленькая пуля.

— Нет, не отдавай, Дайана! — прокричал из глубины монастырского двора чей-то голос.

Фрэнк Николсон перемахнул через кучу камней и появился в галерее.

Неожиданная встреча помогла Дайане превозмочь шок, связанный с вмешательством гангстеров и ранением комиссара.

Девушка услышала сквозь стоны и хруст костей, как щелкнул у нее за спиной предохранитель люгера. Гэрри Коулд был хладнокровным убийцей, а у Фрэнка не было оружия...

Дайана не могла видеть, где стоял бандит, но постаралась кинуть скипетр примерно в его сторону.

— Каналья! — прошипел Гэрри Коулд.

Он уже собрался нагнуться, чтобы подобрать скипетр, но застыл на месте.

Сквозь романскую арку в полосу света вышла фигура в черной сутане. Бледная голова мертвеца в широкополой шляпе криво висела на полуразрезанной шее. Горящие глаза уставились непосредственно на Гэрри Коулда.

От неожиданности руки гангстера ослабли, и девушка одним рывком оказалась на свободе, а Фрэнк Николсон, ожидавший этого момента, вытолкнул ее за пределы досягаемости люгера.

Ни одного проклятья не слетело больше с губ Гэрри Коулда. Он видел золотой скипетр у своих ног, скипетр, обещавший ему миллионы. Рядом стоял Фрэнк Николсон с полуживой Дайаной в объятиях.

Они были безоружны. Гэрри Коулду стоило только нагнуться...

Но он почему-то не наклонялся.

Он дрожал от ужаса.

Дон Жеронимо медленно и неумолимо приближался к нему.

Дважды, трижды блеснула вспышка люгера.

Косо висящий череп дергался и болтался. Там, куда попали пули, образовались черные провалы на жирном морщинистом лице.

Руки монстра пришли в движение. Из беззубого рта донеслось звериное рычание, и голова гангстера с глухим звуком ударилась о камни. Чудовищные пальцы отпустили свою жертву, и Гэрри Коулд безжизненно повалился на пол.

Ужасный инквизитор резко обернулся. Омерзительно исковерканный выстрелами череп дико вращался на сухожилиях, алчные когти потянулись к Дайане.

Фрэнк Николсон разжал объятия, и бесчувственное тело девушки скользнуло на землю. Пальцы скелета промахнулись.

Фрэнк молниеносно поднял скипетр и, ткнув им в лицо Дону Жеронимо, громко крикнул: «Ссабби!» Его голос перекрывал хор визга и мучительных стонов.

Голова вероотступника отделилась от тела и шлепнулась рядом с трупом Гэрри Коулда. Обезглавленное тело покачнулось, костистые пальцы бессильно повисли, фигура повернулась вокруг собственной оси и рухнула в пыль.

Фрэнк Николсон не поверил своим глазам: от наводившего ужас Дона Жеронимо остались грязная, рваная сутана и старая шляпа. Внезапно их охватило адское пламя, возникшее из вышитых на рясе огненных языков.

Фрэнк по-прежнему держал в руке скипетр. Другой рукой он обхватил Дайану и вынес ее наружу. Шеф-инспектор положил девушку на траву рядом с комиссаром Ле Клерком, который уже не лежал, а сидел, разглядывая Фрэнка помертвевшими от боли и ужаса глазами.

Задыхаясь, Фрэнк опять вернулся в стены монастыря. Вместо сутаны и шляпы на полу возвышалась кучка золы. Молодой человек перепрыгнул через останки Дона Жеронимо и поспешил во двор.

Высокие помосты шипели в пламени, дикие крики, исходившие от привязанных к столбам скелетов, смолкли. В центре этого ада сидели трое карликов в черных капюшонах. Но они уже не интересовали Фрэнка, так как с гибелью Дона Жеронимо потеряли всю свою дьявольскую силу.

Глаза Фрэнка Николсона искали отверстие в стене, ведущее в подземные ходы.

Медленно, держась за руки, с отсутствующим выражением лица вышли оттуда Антонио и Кандиа Лопец. Фрэнк схватил их обоих и буквально потащил прочь из монастыря. Скелеты падали с помостов прямо в огонь и с треском сгорали.

XXI

Шеф-инспектор Фрэнк Николсон лежал на кровати в своем номере. Он сладко спал, когда в дверь настойчиво постукали.

— Войдите! — пробормотал шеф-инспектор усталым и бесцветным голосом.

— Отоприте, пожалуйста, иначе не получается, — раздался снаружи женский голос. Фрэнк тут же пришел в себя.

Он вспомнил, что запер дверь номера, поскольку у него под кроватью хранился золотой епископский посох. Шеф-инспектор с удовлетворением убедился, что священная реликвия все еще находится на прежнем месте.

Фрэнк провел рукой по спутанным волосам, подошел к двери и отпер замок. Он наверное долго спал, в комнате было светло, солнце стояло в зените.

И только когда в дверном проеме появилась Дайана, Фрэнк осознал, что стоит перед ней в одних облегающих трусах. Но было уже поздно.

Светловолосая и зеленоглазая девушка показалась ему замечательной красавицей.

— Я слишком долго лежал на животе, — смущенно произнес он. — Извините, я сейчас быстро оденусь...

Но Дайана схватила его за руки и не отпустила.

— Деятнадцать часов, Фрэнк, — сказала она, улыбаясь.

— Что? — удивился молодой человек. — А вы?

— Немного меньше, я уже успела поговорить по телефону

и обязана передать вам сердечные приветствия от разных важных персон.

— Ах, да, разумеется, и кто же эти персоны?

В данный момент ничто не могло отвлечь его внимание от пухлых и страстных губ Дайаны, таких близких и одновременно таких далеких.

— Я должна передать вам привет от падре Себастьяна, от Антонио и Кандии Лопец и от комиссара Ле Клерка. Все они в умелых руках профессора Рамона и на пути к выздоровлению. Через несколько дней будут в Энвалире, и тогда состоится грандиозный банкет.

— Это прекрасно. Бедный Ле Клерк, будем надеяться, что он не будет хромать всю оставшуюся жизнь.

— Ни в коем случае, пуля не задела кость. Через две недели комиссар сможет снова приступить к выполнению служебных обязанностей. Но это еще не все.

— Я скоро совсем потеряю терпение, — проворчал Николсон.

— Почему? — спросила Дайана самым невинным голосом.

— Потому, — хрипло произнес Фрэнк, схватил ее в объятия и жадно припал к дразнящим губам.

Наконец они смогли оторваться друг от друга.

— Ты не хочешь послушать меня дальше? — поинтересовалась Дайана.

— Честно говоря, нет. Но если это так необходимо.

— Епископ также спрашивал о тебе. Он почтит праздник в Сант-Джоан-де-Каселлес своим присутствием, и скипетр будет торжественно водворен на место. Тебя тоже пригласили: ни у кого больше нет ключа от сейфа.

— Вот это правильно, — улыбнулся Фрэнк. — А когда все это произойдет?

— Через три дня, чтобы все главные герои пришли в чувство и немного отдохнули.

— Тогда у нас остается еще время, — задумчиво молвил Фрэнк.

— Для чего? — с мнимым удивлением произнесла Дайана, но ее огромные зеленые глаза опасно засверкали. Она нежно потерлась головой о мускулистую грудь Фрэнка.

— Чтобы продолжить тот ненавязчивый флирт, так не вовремя прервавшийся, по твоим словам, в Солде, любимая, — ласково сказал Николсон.

Он повернул ключ в двери и понес Дайану в кровать.

Эдгар Уоллес

Замок ужаса

Говоря по правде, было бы неприлично и даже аморально указывать тем, кто имеет печальную привилегию работать в психиатрической больнице для уголовных преступников в Бродмуре, на любого из их пациентов, сколь бы тот ни прославился своими похождениями до того, как медицинские эксперты и жалостливые присяжные определили его в это безнадежное учреждение.

Но на Джона Флака, гуляющего шаркающей походкой по территории, заложив руки за спину и опустив голову, обращали внимание довольно часто. Это был высокий, худой старик в скверно сшитой больничной одежде; он ни с кем не разговаривал и к нему мало кто обращался.

Нередко можно было услышать шепот: «Это Флак, тот самый Флак, самый изобретательный жулик в мире, сумасшедший Флак, на его счету девять убийств...»

Обитатели Бродмура, помещенные сюда за одиночные убийства, в моменты просветления гордились стариной Джоном. У служителей, которые запирали его на ночь и следили за ним во время сна, не было поводов жаловаться, так как Флак никогда не беспокоил и за шесть лет пребывания в Бродмуре у него ни разу не было припадка бешенства, во время которого несчастного пациента помещают в камеру, обитую изнутри мягкой резиной.

Большую часть своего времени старик посвящал чтению и письму, поскольку он был своего рода гением пера, которым пользовался с величайшей быстротой. Флак исписывал сотни маленьких тетрадей, он творил капитальный труд о преступлениях. Директор больницы, делая Джону поблажку, позволял ему держать при себе эти тетради, надеясь со временем приобщить их к своему собранию музейных ценностей.

Как-то старина Джон оказал директору большую честь, дав почитать одну из своих тетрадей. Директор прочитал и ахнул. Труд назывался «Способ ограбления хранилища банка, имеющего только двоих охранников». Служивший в свое время в армии директор хватался во время чтения за голову, поскольку труд, исполненный четким и аккуратным почерком Джона Флака, весьма напоминал приказ о наступлении дивизии. Ни одна мелочь не была забыта, на любое изменение обстановки предлагался способ конкретных действий. Так, были названы компоненты состава для «выведения из строя охранника, несущего службу снаружи», к этому прилагалось примечание, достойное того, чтобы быть процитированным:

«Если необходимый наркотик отсутствует, советую исполнителю обратиться к врачу в пригороде и описать следующие симптомы... В рецепте врача будет указано минимальное количество наркотика, поэтому придется получить шесть рецептов и затем извлечь из микстуры наркотик следующим образом...»

— И много у вас подобных трудов? — спросил пораженный директор.

— Таких? — Джон Флак пожал худыми плечами. — Я пишу для развлечения, для тренировки памяти. Я исписал уже шестьдесят три тетради, мой опыт не нуждается в улучшении. За шесть лет пребывания здесь я не смог придумать ни одного усовершенствования для моей старой рабочей системы.

Было ли это шуткой, полетом больного воображения? Привыкший к порядку при исполнении своих обязанностей директор не мог найти точного ответа.

— Не хотите ли вы сказать, что вами написана энциклопедия преступлений? — с недоверием спросил директор. — И где ее можно найти?

В ответ старина Джон Флак только презрительно усмехнулся.

Шестьдесят три рукописных тома были плодом деятельности Джона Флака в течение всей его жизни, и он гордился своими достижениями.

В другой раз в разговоре с директором о своем литературном творчестве Флак сказал:

— Мое сочинение может принести состояние любому умному человеку при условии, что он обладает решительностью, а книги попали бы к нему своевременно, поскольку с течением времени любое сегодняшнее новшество завтра становится общеизвестным фактом.

У директора больницы были сомнения по поводу существо-

вания собрания сочинений, но вскоре его сомнения рассеялись. Скотланд-Ярд, который очень редко занимается химерами, прислал старшего инспектора Симпсона, человека, начисто лишённого воображения и получившего за это повышение по службе. Его интервью с сумасшедшим Джоном Флаком было кратким.

— О ваших книгах, Джон, — сказал Симпсон. — Случится ужасное, если они попадут не по адресу. Равини утверждает, что вы припрятали где-то сотню томов...

— Равини? — оскалился Джон Флак. — Послушайте, Симпсон! Уж не думаете ли вы продержат меня до конца жизни в этом ужасном заведении? Если вы так думаете, то ошибаетесь. В одну из странных ночей я сбегу, можете передать это директору, и тогда у меня будет с Равини короткий разговор.

Голос его стал пронзительным, в глазах появился знакомый Симпсону блеск.

— У вас бывают мечты среди бела дня, Симпсон? У меня три желания. Во-первых, я изобрел новый метод похищения миллиона, но это не самое важное. Во-вторых, Ридер. Можете передать ему об этом. Я мечтаю встретиться с ним один на один в темную туманную ночь, когда полиция не может определить, откуда доносятся крики... И в-третьих, Джордж Равини. У него есть только один шанс — умереть прежде, чем я выберусь отсюда.

— Вы сумасшедший, — сказал Симпсон.

— Поэтому я здесь, — справедливо заметил Джон Флак.

За шесть лет пребывания в Бродмуре эти разговоры с директором и Симпсоном были самыми продолжительными. В основном Джон Флак писал или прогуливался, заложив руки за спину и опустив голову. Иногда он останавливался в одном месте у высокой стены, через которую, как предполагали, он перебрасывал свои письма. Это предположение казалось сомнительным. Более вероятным было то, что он нашел курьера, который доставлял во внешний мир его многочисленные загадочные послания и приносил в Бродмур односложные ответы.

Флак был в очень хороших отношениях со зрителем своей палаты, поэтому однажды утром того нашли с перерезанным горлом. Дверь палаты была открыта, и Джон Флак вышел в мир, чтобы претворить в жизнь свои три желания.

ном экспрессе до узловой станции Селфорд, чтобы там пересест на неторопливый местный поезд до станции Силтбери. Во-первых, естественно, о предполагаемых резких переменах в ее жизни, и, во-вторых, о реакции мистера Д.Г. Ридера, скромного мужчины средних лет, на сообщение о них.

Услышав о ее планах подыскать себе работу за городом, он мог хотя бы притвориться, что огорчен услышанным, достаточно было бы просто изобразить задумчивость. Ридер же, наоборот, явно обрадовался.

— Боюсь, что не смогу приезжать в Лондон слишком часто, — сказала Маргарет.

— Это хорошо, — отреагировал мистер Ридер и добавил несколько банальных фраз о пользе перемены мест и о красоте природы. И вообще он выглядел более оживленным, чем всю предыдущую неделю.

Симпатичное лицо Маргарет Белман сморщилось, когда она вспомнила о своем разочаровании и раздражении. И все ее сомнения по поводу того, следует ли поехать на собеседование по поводу работы, окончательно рассеялись. Мисс Белман понимала, что работа в должности секретаря за шестьсот фунтов в год потребует от нее определенных усилий, что она ничего не знает о гостиничном деле и что ее шансы на получение должности были весьма сомнительными.

Что же касалось настойчиво пытавшегося познакомиться с ней итальянца, то его следовало воспринимать как одно из обстоятельств, неизбежного в жизни работающей девушки и поэтому не заслуживающего слишком большого внимания.

Но в то утро итальянец шел за ней до самого вокзала и наверняка слышал, как Маргарет сказала подруге, что вернется поездом в 6.15. Полицейский быстренько справился бы с ним, но тогда ее имя попадет в газету. Обычно нормальная девушка старается избегать гласности, поэтому придется справиться с итальянцем собственными силами.

Все эти мысли были не слишком веселыми и портили настроение. Что же касается мистера Ридера...

Маргарет Белман нахмурилась. Ей было уже двадцать три года, в этом возрасте молодые люди кажутся утомительными, а мужчины, которым под пятьдесят, не слишком привлекают. Ей очень не нравились бакенбарды мистера Ридера, из-за них он был похож на дворецкого-шотландца. Конечно, он был милым человеком...

Поезд прибыл в Силтбери — удивительно маленькую станцию — до того, как мисс Белман успела решить, влюблена ли она в мистера Ридера или просто сердита на него.

Местный извозчик остановил свою печальную лошадь перед небольшой калиткой и кнутом показал дорогу.

— Вам лучше идти по этой дороге, мисс, резиденция мистера Давера там, в глубине.

Извозчик был мудрым стариком, он подвозил со станции многих претенденток на пост секретаря мистера Давера в замке Лармес. Он догадался, что эта наиболее симпатичная девушка приехала не для отдыха. Прежде всего, у нее не было багажа, а дежурный по перрону вынужден был догнать ее и отдать обратный билет, о котором она забыла.

— Вас подождать, мисс?

— Да, пожалуйста, — сказала Маргарет Белман, торопливо выбираясь из старой колымаги.

— У вас назначена встреча?

Кучер был местным, а местные имеют некоторые привилегии.

— Я спрашиваю, — пояснил он, — потому что многие приезжают в замок не договорившись заранее и мистер Давер их не принимает. Они читают объявление и мчатся сюда, а в объявлении сказано «напишите»... Я подвозил, наверное, дюжину девушек, которые приехали, не получив приглашения. Все это я рассказываю для вашей же пользы.

Девушка добродушно улыбнулась.

— Надо предупредить, не отъехав от станции, тогда они сэкономят на извозчике. Меня пригласили.

От калитки замок был хорошо виден. Внешне он совсем не походил на гостиницу и тем более на шикарный пансионат, каковым в действительности являлся. Часть здания, некогда бывшая замком, была отчетливо видна, несмотря на покрывавший стены замка плющ и более поздние пристройки.

На ровном зеленом газоне стояло несколько столов и плетеных стульев, чуть дальше располагалась клумба с кустами роз, которые несмотря на позднюю осень были покрыты цветами. Еще дальше находилась сосновая роща, доходившая, по-видимому, до самого берега. Были видны серо-голубое море и дымок парохода где-то за горизонтом. Свежий ветерок доносил приятный запах сосен. Мисс Белман сделала глубокий вдох.

— Разве это не прекрасно? — выдохнула она.

— Неплохо, — согласился извозчик и еще раз показал кнутом. — Вам туда, в маленький квадратный домик, он построен недавно. Мистер Давер больше склонен писать, чем заниматься пансионатом.

Маргарет открыла калитку и пошла по каменной дорожке

к святилищу склонного к литературе джентльмена. Дорожка с обеих сторон была обрамлена цветущими кустами.

В пристройке было высокое окно и маленькая зеленая дверь. Вероятно, девушку увидели в окно, поэтому дверь распахнулась прежде, чем она нажала бронзовую кнопку звонка.

Похоже, что ее встречал сам мистер Давер. Высокий, тощий человек лет пятидесяти с желтым лицом карлика и улыбкой, которая разом оживила ее чувство юмора. Мисс Белман очень захотелось рассмеяться. Верхняя губа мистера Давера нависала над нижней, худое и морщинистое лицо делало его похожим на какой-то дурацкий шарж. Выпуклые, круглые карие глаза, наморщенный лоб, вертикально торчащий клок волос придавали хозяину замка сходство с домовым.

— Мисс Белман? — озабоченно спросил он, шепелявя и страстно сжимая руки, как бы стараясь угодить собеседнику. — Входите в мою конуру. — Мистер Давер так старательно выделил последнее слово, что Маргарет опять с трудом удержалась от смеха.

Конура оказалась удобно меблированным кабинетом, одна стена которого была занята книгами. Закрыв за девушкой дверь, Давер с нервным смехом подвинул стул.

— Я очень рад вашему приезду. Вы хорошо доехали? Уверен, что так. В Лондоне жарко и душно? Боюсь, что так. Хотите чаю? Конечно же хотите.

Он так быстро задавал вопросы и сам на них отвечал, что у Маргарет не было возможности вставить слово. Давер заказал чай по телефону прежде, чем девушка успела высказаться по этому поводу.

— Вы так молоды, очень молоды, — он печально покачал головой. — Двадцать четыре, да? Вы печатаете на машинке? Конечно же, это смешной вопрос!

— Вы очень добры, согласившись принять меня, мистер Давер, — сказала Маргарет, — я очень сомневаюсь, что соответствую должности. У меня нет опыта гостиничной работы, а размер зарплаты, вероятно, предполагает...

— Спокойно, — торжественно покачал головой мистер Давер. — Мне нужно именно это. Работы мало, но даже она мне мешает. Моя работа, — и он показал на письменный стол, заваленный бумагами, — колоссальна. Мне нужна помощница, чтобы заниматься счетами, следить за моими интересами, которой я мог бы доверять. Я читаю по лицам, а вы? Вижу, что вы тоже. А вы можете представить себе человека по почерку? Я даю объявление уже три месяца, сюда приходили тридцать пять кандидатов. Невозможно! Их голоса ужасны. Я

сужу о человеке по голосу, вы тоже? В понедельник, когда вы позвонили, я сказал себе: «Это тот голос!»

Давер так крепко сжимал руки, что суставы его пальцев побелели, и удержаться от смеха было невозможно.

— Но, мистер Давер, я ничего не знаю о гостиницах. Я буду учиться, мне нужна работа. Зарплата ужасно хорошая.

— «Ужасно хорошая!» Как странно звучит соединение этих слов вместе, — пробормотал он. — Моя экономка. Как хорошо, миссис Бертон, что вы принесли чай!

В открывшуюся дверь вошла женщина с серебряным подносом. Она была в аккуратном черном платье. Выцветшие глаза скользнули по Маргарет, терпеливо слушавшей мистера Давера.

— Миссис Бертон, это наша новая секретарша. У нее должен быть лучший номер в замке — Голубой номер. Но, может быть, вы не любите голубой цвет? — И он с беспокойством утикнул себя за губу.

Маргарет рассмеялась:

— Годится любой цвет. Но я ведь еще не решила...

— Пройдите с миссис Бертон, осмотрите дом, ваш кабинет, ваш номер! — И Давер указал на дверь. Девушка не успела опомниться, как уже шла за экономкой по узкому переходу, соединяющему личный кабинет мистера Давера с замком. Маргарет попала в большую комнату с высоким потолком, занимавшую почти весь первый этаж замка.

— Банкетный зал, — тонким монотонным голосом с лондонским акцентом проговорила миссис Бертон. — Служит комнатой отдыха. У нас всего три постояльца, мистер Давер очень разборчивый. Зимой гостей гораздо больше.

— На трех постояльцах много не заработаешь, — сказала девушка.

Миссис Бертон фыркнула:

— Мистеру Даверу не нужна прибыль. Ему нужна компания. Он превратил замок в пансионат, потому что любит, чтобы постоянно приезжали и уезжали люди. Это его нобби.

— Что? — удивилась девушка. — Вы имеете в виду хобби?

— Я и сказала нобби, — повторила миссис Бертон ровным бесстрастным голосом.

Рядом с комнатой отдыха находилась небольшая уютная гостиная с выходящими на газон окнами до пола. У окна пили чай трое постояльцев. Один был пожилой священник с решительным и жестким лицом. Не обращая внимания на окружающих, он ел хлеб с маслом и читал церковную газету. Второй была бледнолицая девушка примерно возраста Маргарет. Не-

смотря на бледность, она была исключительно красива. Большими темными глазами она взглянула на гостью, затем снова посмотрела на соседа, сорокалетнего мужчину с военной выправкой.

Миссис Бертон назвала постояльцев:

— Священник — преподобный отец Дин из Южной Африки, юная леди — мисс Ольга Крю, второй джентльмен — полковник Хотлинг. А вот и ваш номер.

Это была целая замечательная квартирка, о которой можно было только мечтать. Мебель была замечательная, и как во всех номерах замка (об этом Маргарет узнала позже), здесь имелась отдельная ванная. На стенах были деревянные панели, потолок поддерживали прочные балки. Маргарет догадалась, что под паркетом находился древний каменный пол.

Девушка вздохнула. Отказаться от предложения было трудно. И почему она подумала о возможности отказа, было совершенно непонятно.

— Замечательная комната, — сказала Маргарет.

Миссис Бертон сохраняла равнодушный вид.

— Дом старый, я не люблю старые дома. Когда-то я жила в Брикстоне... — Она резко замолчала, пошмыгала носом, побренчала ключами, которые не выпускала из рук. — Ну что, годится?

— Годится? Вы хотите сказать, согласна ли я на предложение? Я еще не решила.

Миссис Бертон рассеянно смотрела по сторонам. Было похоже, что она пытается сказать о замке что-либо похвальное, чтобы склонить Маргарет к согласию. Наконец экономка произнесла:

— Здесь хорошо готовят.

Маргарет улыбнулась.

На обратном пути через зал она снова увидела троих постояльцев: полковник гулял в одиночестве, священник и бледнолицая девушка шли по газону и беседовали.

Мистер Давер сидел в кабинете задумавшись и покусывая кончик ручки.

— Комната вам, естественно, понравилась. Когда вы приступаете, в следующий понедельник? Прекрасно! Вы видели миссис Бертон? — И он игриво погрозил пальцем. — Разве может она встретить графиню или проводить графа? Может ли она уладить мелкую ссору между жильцами? Вы правы, не может. Для этого нужна леди, только леди!

Мистер Давер энергично кивал, шаловливо смотрел на Маргарет, смешно морщил длинную верхнюю губу.

— Мое творчество страдает, вы видите — меня отвлекают такие мелочи, как сетка на теннисном корте! Это невыносимо!

— Вы много пишете? — сумела вставить вопрос Маргарет. Она пыталась отодвинуть момент принятия решения.

— Очень много. О преступлениях. О, вы заинтересованы! Я готовлю энциклопедию преступлений, — важно сказал Данвер.

— Преступлений?

Он кивнул.

— Это мое хобби. Я богат и могу позволить себе хобби. Весь этот замок — тоже хобби. Я несу убыток в четыре тысячи в год, но я испытываю чувство удовлетворения. Я сам выбираю постояльцев. Если кто-либо надоедает мне, я прощаюсь с ним, сказав, что его номер занят. Можно ли так поступать с друзьями? Конечно, нет. Гости мне интересны, они заполняют дом, они нужны мне для разговоров и развлечения. Когда вы придете?

Маргарет заколебалась.

— Я думаю...

— В следующий понедельник? Прекрасно! — И Данвер энергично потряс головой. — Вы не будете чувствовать себя одинокой. Если вам будет скучно с постояльцами, пригласите своих друзей, бесплатно. Итак, до понедельника!

Девушка возвращалась по той же дорожке с цветами к ожидающему ее извозчику. Она была немного растерянна и сомневалась.

— Получили место, мисс? — по-приятельски спросил извозчик.

— Похоже, что получила, — ответила Маргарет.

Она оглянулась на замок. На лужайке никого не было, но ближе к изгороди промелькнул силуэт женщины. Промелькнул всего на секунду и скрылся в зарослях лавра, расположенных параллельно изгороди. Наверное там, в кустах, была тропа, и миссис Бертон воспользовалась ею. Она закрывала лицо руками и задевала плечами кусты. Удивленная Маргарет услышала приглушенные рыдания.

— Это экономка, она немного сумасшедшая, — спокойно пояснил извозчик.

2

Внешность Джорджа Равини была не лишена приятности. С его личной точки зрения, естественно субъективной, он был весьма привлекателен — каштановые кудрявые волосы, сим-

патичные неаполитанские черты лица, рост, осанка. И если к этим естественным достоинствам добавить костюм от лучшего портного с улицы Свиль-Роу, серую шляпу, коричневую трость, на которую рука в замшевой перчатке опиралась, как на рукоять рапиры, сверкающие лаковые башмаки и тончайшие серые шелковые носки, картина становилась полной и великолепной. Величайшим украшением этой картины были кольца счастья. Джордж Равини был подвержен предрассудкам и верил в чары. На его правом мизинце красовались три золотых кольца, каждое с тремя большими бриллиантами. Эти кольца с бриллиантами стали достопримечательностью района Саф-фрон-Хил.

Как правило, на лице Равини была полунасмешливая, усталая улыбка человека, которого жизнь не могла ничем удивить или озадачить. И действительно, Джордж знал почти все о том, что происходило или должно было произойти в Лондоне. Он появился на свет в крохотном доме Саффрон-Хила, там же расширил свои умственные горизонты и превратился из отпрыска ниществующей семьи, вынужденного спать на одной кровати с дрессированной обезьяной отца, во владельца шикарной квартиры на Лунной улице и хозяина всего здания, в котором была расположена его квартира.

Равини держал значительные суммы в Континентальном банке, имел акции, приносившие доход, значительно превышавший его потребности, а также большую прибыль от двух ночных клубов и игорных домов, не говоря о дополнительных поступлениях из десятка других источников. Слово Равини было законом во всем районе, его указам подчинялись на территории радиусом в милю от площади Фитцрой, ни один главарь грабительской шайки в Лондоне не смел задирать нос без его разрешения — в противном случае смельчак рисковал оказаться в травматологическом отделении местной больницы с порезами.

Равини терпеливо ждал на вокзале Ватерлоо, иногда посматривая на свои золотые наручные часы и наблюдая за потоком пассажиров с видом добродушного хозяина всего окружающего.

На вокзальных часах было 6.15, Равини проверил время по своим часам и стал наблюдать за пассажирами, спешащими с седьмой платформы. Через несколько минут он заметил девушку, поправил галстук, сдвинул шляпу набекрень и поспешил ей навстречу.

Маргарет Белман была слишком погружена в свои мысли, чтобы думать о беззаботном молодом мужчине, пытавшем-

ся познакомиться с ней, используя обычный метод «Мы с вами где-то встречались». Сказать по правде, визит в замок Лармес взволновал ее настолько, что девушка забыла о существовании назойливого ухажера и о его намерении встретить ее на вокзале.

Джордж Равини остановился и с одобрительной улыбкой ждал ее приближения. Ему нравились похожие на Маргарет стройные девушки, — они носили строгие костюмы, симпатичные чулки и простые маленькие шляпки. Равини снял шляпу, при этом красиво сверкнули бриллианты на его кольцах.

— О! — сказала Маргарет и тоже остановилась.

— Добрый вечер, мисс Белман, — сказал Джордж, ослепительно улыбаясь. — Опять мы встречаемся случайно.

Маргарет пошла дальше, Равини последовал рядом.

— Жаль, что у меня нет здесь машины, я подвез бы вас до дому, — продолжал он. — Я купил новый Роллс, модель 20, замечательная машина. Я на ней мало езжу, предпочитаю ходить пешком от Лунной улицы.

— Сейчас вы идете на Лунную улицу? — спокойно спросила Маргарет.

Но Джордж был человек опытный.

— Мне по пути с вами.

Маргарет остановилась.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Смит, Андертон Смит, — быстро ответил он. — А почему вы спрашиваете?

— Потому что я хочу обратиться к первому встречному полицейскому.

Равини, знакомый с таким приемом, добродушно улыбнулся.

— Не будьте маленькой глупой девочкой, — сказал он. — Я не делаю ничего плохого, а вы не хотите, чтобы ваше имя оказалось в газетах. Кроме того, я могу сказать, что мы старые друзья и вы попросили меня проводить вас.

Девушка внимательно посмотрела на Равини.

— Меня скоро встретит друг, которого вам придется убедить, что все это именно так. Пожалуйста, уходите.

Джордж предпочел остаться, о чем и заявил.

— Какая вы глупая юная леди, — начал он. — Я просто выражаю свое почтение...

Кто-то крепко взял его за руку и повернул. И все это днем, на вокзале Ватерлоо, в присутствии по меньшей мере двоих телохранителей! В глазах Равини появился опасный блеск.

Однако его обидчик выглядел весьма мирно. Это был вы-

сокий меланхоличный мужчина в наглухо застегнутом сюртуке, в высокой фетровой шляпе с плоским верхом. На его крупном носу криво сидело пенсне в стальной оправе. Щеки его украшали жидкие бакенбарды песочного цвета, на руке висел закрытый зонтик. Джорджу не было необходимости рассматривать эти подробности, они были ему знакомы, поскольку он был знаком с Д.Г. Ридером, следователем прокуратуры. Опасный блеск в глазах Равини погас.

— А, мистер Ридер! — сказал он добродушно, что прозвучало почти искренне. — Какая приятная встреча. Познакомьтесь, моя приятельница мисс Белман, я ее провожаю...

— Надеюсь, не в клуб «Поплавок» на чашку чая? — огорченно пробормотал мистер Ридер. — И не в ресторан Харраби? Ради бога, только не это, Джордж! Каждое из этих мест по своему интересно.

И он улыбнулся хмурому итальянцу.

— В «Поплавке», — продолжал мистер Ридер, — вы могли бы показать, как ваши приятели обыграли молодого лорда Фалона на три тысячи, говорят, это было вчера. А в ресторане Харраби вы могли бы показать ей интересную маленькую комнатку, в которую через черный ход попадают полицейские каждый раз, когда вы хотите предать кого-либо из своих друзей. Это так интересно!

Улыбка Равини не соответствовала его бледности.

— Послушайте, мистер Ридер...

— Жаль, но не могу, Джордж, — печально покачал головой мистер Ридер. — Я спешу. Могу задержаться на минутку, чтобы сказать, что мисс Белман является моим близким другом. И если сегодняшний случай повторится, неизвестно, что может произойти, поскольку я, как вам известно, человек вредный. — Он задумчиво смотрел на итальянца. — Наверное, именно вредность удерживает меня от того, чтобы сделать весьма интересное сообщение. Человеческий ум, мистер Равини, это сложное и любопытное явление. Ну, мне пора. Передайте привет вашим уголовным приятелям и не сердитесь на джентльмена из Скотланд-Ярда, который следит за вами. Он на работе. И не предавайте забвению мое предупреждение гм... по поводу этой дамы.

— Я не сказал этой даме ничего плохого...

Мистер Ридер уставился на Равини.

— Если бы вы сказали ей нечто скверное, мы встретились бы сегодня же вечером, причем я пришел бы не один. Кстати, со мной могут быть достаточно крепкие ребята, чтобы отнять у вас ключи от сейфа в банке на Феттер-лейн.

На этом разговор закончился. Равини, покачнувшись от услышанной угрозы, не успел прийти в себя, как мистер Д.Г. Ридер и его спутница скрылись в толпе.

3

— Интересный человек, — заметил мистер Ридер, когда их такси пересекало Вестминстерский мост. — Это самый интересный человек из тех, с кем я имею дело в настоящий момент. Сама судьба свела нас сегодня. Но я не хотел бы, чтобы он носил бриллиантовые кольца!

Мистер Ридер искоса посмотрел на свою спутницу.

— Ну как, вам понравилось гм... место?

— Там красиво, — без энтузиазма ответила Маргарет, — но слишком далеко от Лондона.

У следователя вытянулось лицо.

— И вы отказались? — с беспокойством спросил он.

Девушка мельком посмотрела на него.

— Мистер Ридер, ей-Богу, мне кажется, что вы хотели бы увидеть мой отъезд!

К ее удивлению, мистер Ридер покраснел.

— Почему же... конечно, мне хотелось бы, то есть наоборот... Но это хорошая должность, даже если она окажется временной. — И он мигнул. — Я буду скучать без вас, правда, мисс... гм... Маргарет. Мы так подружились... но одно из дел, которыми я занимаюсь, меня весьма беспокоит.

Он выглянул в одно окно такси, потом в другое, как бы опасаясь подслушивания, затем понизил голос:

— Мы никогда не обсуждали, мисс... гм... Маргарет, весьма неприятные особенности моей работы. Есть, вернее, был джентльмен по имени Флак, Ф-Л-А-К, вы помните?

Маргарет отрицательно покачала головой.

— Надеюсь, вы о нем узнаете, о таких вещах сообщается в прессе. Пять лет назад, когда вы были совсем ребенком...

— Вы мне льстите, — улыбнулась мисс Белман, — я была взрослой девушкой восемнадцати лет.

— Неужели? — приглушенным голосом спросил мистер Ридер. — Странно... Этот Флак относится к числу тех, о ком газеты часто дают сенсационные материалы, в которых факты и их описание могут сильно различаться... Опытный уголовник, организатор... гм... объединения, или, выражаясь вульгарно, шайки.

Ридер вздохнул и закрыл глаза. Девушке показалось, что он мысленно молится о заблудшей душе уголовного.

— Замечательный преступник! Как ни ужасно это признать, но он вызывает у меня невольное восхищение. Я уже не раз говорил, что и мне Бог дал преступный ум. Но этот человек просто сумасшедший.

— Вы часто говорили, что все преступники сумасшедшие, — съязвила мисс Белман, раздосадованная тем, что разговор отошел от обсуждения ее дел.

— Но он действительно был сумасшедшим, — проникновенно сказал мистер Ридер и покрутил пальцем у виска. — Его безумие спасло его. С хитростью маньяка он совершил смелое преступление, среди бела дня хладнокровно застрелив двух полисменов, прямо на оживленной улице в Сити, и сумел скрыться. Мы, конечно, поймали его. В нашей стране такие люди всегда попадают. Я в этом... гм... участвовал. Да, участвовал. Вот поэтому я думаю про нашего друга Джорджа, ибо именно мистер Равини выдал нам его за две тысячи фунтов. Я участвовал в этой сделке. И поскольку он является преступником...

Маргарет слушала, открыв рот от удивления.

— Этот итальянец? Вы серьезно?

Мистер Ридер кивнул.

— Мистер Равини имел дело с шайкой Флака и случайно узнал, где скрывался старина Джон. Мы взяли бандита спящим. — Мистер Ридер снова вздохнул. — При аресте он нелестно высказался в мой адрес. Во время ареста люди склонны преувеличивать недостатки... гм... тех, кто их арестовывает.

— Его судили? — спросила Маргарет.

— Да, судили за умышленное убийство. Но он был сумасшедший «виновен, но невменяем», так решили присяжные, и его поместили в психиатрическую больницу для уголовных преступников в Бродмуре.

Следователь порывлся в карманах, достал измятую пачку сигарет, вынул одну и спросил разрешения закурить. Девушка смотрела на его сигарету, как замороженная. Ридер же смотрел в окно на зелень парка, по которому они проезжали; казалось, что ничто кроме природы не интересовало его.

— Но при чем здесь моя работа за городом?

Мистер Ридер внимательно посмотрел на Маргарет.

— Мистер Флак очень мстительный, — сказал он. — Замечательный человек, с неохотой, но я признаю это. У него личные... гм... претензии ко мне, и с его способностями он довольно быстро сможет установить, что я... гм... весьма привязан к вам, мисс Маргарет.

И тут мисс Белман все поняла. Схватив следователя за руку, она спросила:

— То есть вы хотите, чтобы меня на всякий случай не было в Лондоне? Но что может случиться? Он же в Бродмуре, не так ли?

Мистер Ридер поскреб подбородок, посмотрел на потолок такси.

— Неделю назад он сбежал. Я думаю... гм... он сейчас в Лондоне.

Маргарет ахнула:

— Этот итальянец, этот Равини... он знает?

— Нет, не знает, — отчетливо сказал мистер Ридер, — но, я думаю, он... что он узнает.

Спустя неделю, когда Маргарет Белман, мучимая некоторыми сомнениями, выехала к новому месту работы, все сомнения мистера Ридера по поводу местонахождения Флака рассеялись.

Во время обеда в день отъезда Маргарет Белман из Лондона у нее произошла легкая размолвка с мистером Ридером. Началось все с шутки (хотя следователь никогда не отличался игривостью), с небольшого замечания со стороны Маргарет. Мистер Ридер задумался. Непонятно, как девушка набралась храбрости назвать его старомодным, но, тем не менее, она позволила себе это.

— Конечно же, вы могли бы сбрить бакенбарды, — презрительно заметила Маргарет. — И вы сразу помолодеете лет на десять.

— Не думаю, дорогая мисс... гм... Маргарет, что я хочу выглядеть на десять лет моложе, — ответил следователь.

После этого в их отношениях наметилась небольшая напряженность, и мисс Белман отбыла в Силтбери с некоторым чувством вины. Но на душе у Маргарет стало теплее, когда она вспомнила, что желание мистера Ридера выпроводить бедняжку из Лондона было продиктовано заботой о ее безопасности. Уже подъезжая к своей станции, Маргарет поняла, что самому Ридеру угрожает большая опасность. Она должна написать ему и попросить прощения! Девушка попыталась вспомнить о семействе Флаков, фамилия была знакомой, но в пору их известности Маргарет мало или почти не интересовалась людьми такого сорта.

Мистер Давер, выглядевший еще более игривым, взял у

нее краткое интервью, затем лично проводил Маргарет в кабинет и рассказал о ее обязанностях. Они не были ни сложными, ни трудными, и к своему облегчению она узнала, что ей не придется заниматься делами пансионата, который был полностью в умелых руках миссис Бертон.

Персонал жил в двух небольших коттеджах на расстоянии примерно в четверть мили от замка, в пансионате проживала только экономка.

— Это значительно облегчает нашу жизнь, — пояснил Давер. — Прислуга ужасно надоедает. Вы согласны со мной? Думаю, что согласны. Если кто-то из прислуги понадобится ночью, можно позвонить в их коттеджи по телефону, у привратника есть ключ от входной двери. Так что все прекрасно, вы согласны? Я уверен, что согласны!

Разговор с мистером Давером, как всегда, протекал как монолог — он задавал вопросы и сам же отвечал на них.

Станный джентльмен уже выходил из кабинета, когда Маргарет вспомнила о его литературном творчестве.

— Мистер Давер, вы помните семейство Флаков?

Он нахмурился.

— Флекс? Подумаем, что такое Флекс...*

Маргарет назвала фамилию по буквам.

— Один из моих знакомых недавно напомнил мне о них, — сказала девушка, — я подумала, что это имя должно быть знакомо вам. Это была шайка преступников...

— Ах, Флак! Ну конечно же знаю! Как интересно! Джон, Джордж и Август Флак, — быстро проговорил мистер Давер, загибая длинные прокуренные пальцы. — Джон Флак находится в психиатрической больнице, два его брата сбежали в Аргентину. Ужасные, ужасные люди! Какая у нас прекрасная полиция! Как замечательно работает Скотланд-Ярд! Вы согласны? Уверен, что согласны. Флак! Я думал посвятить этому семейству небольшую монографию, но у меня маловато данных. Вы знакомы с ними?

Маргарет улыбнулась и покачала головой.

— Не имела чести.

— Ужасные создания, — продолжал мистер Давер, — удивительные создания. А кто ваш знакомый, мисс Белман? Я хотел бы увидеться с ним, возможно, он рассказал бы мне что-нибудь интересное об этой ужасной шайке.

Маргарет забеспокоилась.

— Не думаю, что вы можете встретиться с моим знакомым, — поспешно сказала она. — А если и встретитесь, он, пожалуй,

не станет обсуждать данную тему. Мне не следовало говорить, что у меня есть такой знакомый.

Давер, похоже, не забыл о разговоре, и когда вечером, уставшая, Маргарет собиралась отправиться в свой номер, он опять пришел в кабинет.

— Я просматривал архивные материалы о Флаках, — сказал он, — и удивился, насколько скудна информация о них. У меня есть газетная вырезка, согласно которой Джон Флак умер. Это тот, которого поместили в Бродмур. Он умер?

Покачивая головой, Маргарет солгала:

— Не знаю, я случайно услышала фамилию Флака.

Давер почесал круглый подбородок.

— Я подумал, что если известны какие-то факты, которые вам, непосвященной женщине, показались маловажными, но которые... — И он замолчал в ожидании продолжения разговора.

— Я сказала все, что мне известно, мистер Давер.

В ту ночь Маргарет спала крепким сном, убаюканная шелестом волн в заливе Силтбери.

Рабочий день Маргарет начался после принесенного в ее кабинет завтрака и был посвящен, в основном, проверке счетов. Текущими счетами ведала миссис Бертон, и только в конце месяца, при выписке итоговых счетов, нагрузка на Маргарет достигнет максимума. Пока что девушка занялась корреспонденцией. Надо было ответить ста сорока желающим занять ее должность, были письма от желающих приехать для отдыха в замок Лармес. Эти письма следовало отнести мистеру Даверу, который оказался очень привередливым хозяином. Вот его мнение по поводу некоторых из них:

— Преподобный Джон Квинтон? Нам хватит одного священника. Напишите, что мы очень сожалеем, но пансионат переполнен. Миссис Багли с дочерью? Ни в коем случае! Дети будут своим шумом отвлекать меня от работы. Вы согласны? Так, кто еще... «Женщина желает приехать для поправки здоровья», то есть она больна. Нет, замок Лармес не санаторий. Напишите, что мест не будет до Рождества. После Рождества пожалуйста, я как раз уеду за границу...

Вечерами Маргарет была свободна. Она могла пойти в Силтбери, где было два кинотеатра и устраивались танцы, мистер Давер разрешил ей пользоваться машиной.

Однако девушка предпочитала гулять вокруг замка. Территория оказалась больше, чем она думала. К югу владения мистера Давера простирались на полмили, на востоке они доходили до обрыва, огороженного каменной стеной. Обрыв

высотой в двести футов заканчивался грудой скал. В одном месте недавно произошел оползень, участок каменной стены рухнул, и вместо него был установлен деревянный забор. Были следы площадки для игры в гольф, но, вероятно, эта идея наскучила мистеру Даверу, и площадка заросла высокой густой травой.

У юго-западного угла дома на протяжении ста ярдов находились густые заросли рододендрона, в самую их гущу вела извилистая тропинка, неожиданно заканчивавшаяся у старого колодца. Колодец, кирпичная кладка которого совсем разрушилась, был окружен деревянным забором. К деревянному навесу над воротом была прибита дощечка, содержащая полезную информацию для гуляющих:

«Этим колодцем пользовались в 935—1794 гг. Засыпан нынешним владельцем замка в мае 1914 г., использовано сто тридцать пять тачек камня и щебня».

Маргарет стояла у древнего колодца и испытывала явное удовольствие, мысленно рисуя рабов в ошейниках и босоногих крестьян, приходивших сюда за водой. Выходя из кустов, она встретила бледнолицую Ольгу Крю.

До сих пор Маргарет не доводилось разговаривать с полковником и священником, она избегала их, а они — ее. Заметив Ольгу, девушка хотела свернуть в сторону, но та сама обратилась к Маргарет.

— Вы наш новый секретарь?

Голос был музыкальный и весьма приятный, Маргарет мысленно назвала его «медовым».

— Да, меня зовут Маргарет Белман.

— Мое имя, я надеюсь, вам известно? Вы скучаете здесь?

— Не думаю, здесь так красиво, — улыбнулась Маргарет.

Ольга критически осмотрела ландшафт.

— Да, пожалуй, красиво, но за несколько лет красота надоедает.

— Вы здесь так давно? — удивилась Маргарет.

— Я здесь почти всю жизнь с самого детства. Я думала, что Джо, этот старый сплетник, рассказал вам об этом.

— Кто это, Джо? — спросила Маргарет.

— Извозчик, собиратель и разносчик новостей.

Ольга посмотрела на замок и нахмурилась.

— А вы знаете, мисс Белман, почему это место называется замок Лармес — «Chateau des Larmes» — Замок Слез?

— Почему?

Ольга пожала плечами.

— По традиции, начиная с тех времен, когда здесь жил

барон Огернвер, построивший замок. Местные жители французское название переделали в замок Лармес. Вам надо посмотреть подземную тюрьму.

— Здесь есть темницы? — удивилась Маргарет. Ольга кивнула. Похоже было, что она впервые довольна.

— Когда вы увидите темницы, цепи и кольца в стенах, каменные полы, истертые босыми ногами узников, вы поймете, откуда у замка такое название.

Маргарет посмотрела на замок. На фоне заходящего солнца темная приземистая громада постройки выглядела мрачной и зловещей.

— Как это неприятно! — вздохнула она.

Ольга рассмеялась.

— Вы видели скалы? — спросила она, и девушки прошли к каменной стене и проговорили там минут пятнадцать, опершись на парапет и глядя на темное море.

— Как-нибудь прогуляйтесь по заливу на лодке, — сказала Ольга, — вы увидите, что скалы пронизаны пещерами, как пчелиный улей. Там есть пещера, которая переходит в тоннель, он ведет прямо под замок. При высоком приливе тоннель заливает вода. Давер мог бы написать книгу об этом.

Маргарет заметила, что Ольга упомянула имя Давера с легкой насмешкой.

— Похоже, что вон та воронка на поверхности воды показывает вход в тоннель, — заметила Маргарет.

Ольга кивнула.

— Во время прилива вход в тоннель не заметен. — И, резко повернувшись, спросила: — Вы видели бассейн?

Длинный бассейн, окруженный высоким кустарником и выложенный изнутри голубыми плитками, так и звал искупаться.

— Здесь никто не купается, кроме меня, — сказала Ольга. — Давер умер бы от одной мысли, что в бассейн надо прыгнуть.

Каждый раз при упоминании имени Давера в голосе Ольги было слышно презрение. Нельзя сказать, чтобы она тепло отзывалась о других постояльцах. Когда девушки подходили к замку, Ольга неожиданно сказала:

— На вашем месте я бы меньше говорила с Давером. Пусть сам говорит за двоих, он это любит.

— Что вы имеете в виду? — спросила Маргарет, но Ольга, не простившись, неожиданно покинула ее и направилась к полковнику, который курил сигару и смотрел в их сторону.

Замок слез! Перед сном Маргарет еще раз вспомнила это название и почему-то вздрогнула.

Полицейский на пересечении Беннет-стрит и Гайд-лейн был предоставлен сам себе. Время подходило к трем часам утра, стояла душная ночь. Где-то на юге бушевала гроза, сюда же доносились только слабые раскаты грома. Все — и добрые, и злые — спали, за исключением мистера Д.Г. Ридера, этого Друга Закона и Врага Преступников. Полицейский Дайер посмотрел на свет в окне Ридера и добродушно улыбнулся.

Было так тихо, что полицейский услышал скрежет ключа, поворачивающегося в замке. Дайер подумал, что звук донесся из ближайшего дома, но там дверь не открылась. Зато на ступеньках дома подальше появилась женщина в халате.

— Полицейский!

Голос низкий, интеллигентный, взволнованный. Дайер быстро подошел к женщине.

— В чем дело, мисс?

Глазом профессионала он заметил, что обилие румян и губной помады не совсем соответствовали ситуации. В нормальной обстановке женщину можно было бы назвать симпатичной, возраст же не поддавался определению. Ее халат был застегнут на все пуговицы, вцепившаяся в перила рука блестела в свете уличного фонаря.

— Мне не совсем понятно... Я одна в доме... Мне послышался шум...

Сказано на одном дыхании, видно, что женщина напугана.

— Разве в доме нет прислуги?

Констебль был удивлен и немного шокирован.

— Нет, я вернулась из Парижа в полночь, мы сняли дом с мебелью... наверное, нанятая нами прислуга перепутала день моего возвращения... Я миссис Гранвиль Форнез.

Дайер вроде бы слышал эту фамилию, но ему не хотелось в этом признаваться, тем более что он не был уверен... Фамилия звучала солидно, на Беннет-стрит жили именно солидные люди.

Полицейский заглянул в темную прихожую.

— Включите, пожалуйста, свет. Я проверю.

Миссис Форнез затрясла головой. Было заметно, что она дрожит.

— Света нет. Это меня и напугало. Все было в порядке, когда я заснула в час ночи. Что-то разбудило меня... Не знаю что... Я включила ночник, света не было. Я ношу в сумке фонарик, достала его и включила.

Миссис Форнез умолкла и испуганно улыбнулась. Полицейский заметил, что ее темные глаза были широко раскрыты.

— Я увидела... не знаю... темное пятно, как будто кто-то лежал на полу. Потом оно пропало. Дверь в спальню оказалась открытой, хотя перед сном я заперла ее на ключ.

Полицейский открыл входную дверь пошире и осветил прихожую. Там стоял небольшой столик с телефоном. Войдя внутрь, полицейский снял трубку. Телефон молчал.

— А это...

Он не закончил свой вопрос. Где-то наверху раздался тихий, но отчетливый скрип, как будто чья-то нога пробовала половицу. Миссис Форнез оставалась сзади, у двери. Полицейский подошел к ней.

— У вас есть ключ от этой двери?

— Нет.

Дайер исследовал замок, нашел защелку, потянул ее вверх.

— Мне надо позвонить. Вам лучше...

Что делать? Он простой констебль, а ситуация становилась деликатной.

— Вы могли бы поехать к кому-либо? К друзьям?

— Нет! — решительно сказала миссис Форнез. И добавила: — Рядом живет мистер Ридер. Мне кто-то говорил, что он...

В доме напротив горел свет. Констебль сомневался: там, в элегантной квартире, жил человек, намного старше его по званию. Дом номер 7 недавно был перестроен, в одну из его квартир переехал мистер Ридер. Никто не знал, почему он переехал именно в этот интересный изысканный район. В преступном мире считалось, что он сказочно богат и мог позволить себе такое.

Полицейский колебался, затем нашел в кармане мелкую монетку, перешел улицу и кинул ее в освещенное окно. Окно открылось почти сразу же.

— Извините, мистер Ридер, можно вас на секундочку?

Голова в окне пропала, и вскоре мистер Ридер появился на пороге. Он был полностью одет, будто ожидал вызова. Его куртка как всегда была наглухо застегнута, на голове неизменная фетровая шляпа, на носу пенсне, через которое он никогда не смотрел.

— Что-то случилось, констебль? — мягко спросил следователь.

— Можно от вас позвонить? Там дама, миссис Форнез... одна. Услышала шум в доме, я тоже слышал...

Раздался крик, хлопнула дверь. Полицейский подскочил. Вход в дом номер 4 был закрыт, миссис Форнез исчезла.

В шесть шагов мистер Ридер перескочил улицу и приблизился к двери. Пригнувшись, он приподнял крышку над щелью для почты, прислушался. Тишина, только тиканье часов...

— Гм, — сказал Ридер, почесывая длинный нос. — Гм... Не расскажете ли вы мне об этом происшествии подробнее.

На этот раз полицейский пересказал все более связно.

— Так вы поставили защелку, чтобы не закрылся замок? Уместная предосторожность.

Мистер Ридер нахмурился. Ничего не сказав, он вернулся к себе. В квартире следователь открыл небольшой ящик письменного стола, достал кожаную сумку, развернул ее и выбрал три странных стальных инструмента, по виду напоминающих крючки. Он вставил один из них в деревянную ручку и вернулся к полицейскому.

— Боюсь, что мои действия будут... их нельзя назвать незаконными, ибо в моей должности недопустимы незаконные действия... назовем их необычными...

Говоря это мягким, как бы извиняющимся тоном, следователь ковырялся крючками в замке. Раздался щелчок, и мистер Ридер распахнул дверь.

— Боюсь, мне придется одолжить ваш фонарик... спасибо.

Следователь взял у констебля фонарь и осветил прихожую. Никаких признаков жизни. Он направил луч света на лестницу, наклонил голову, прислушался. Не было слышно ни звука. Ридер бесшумно вошел в квартиру.

В конце холла, за лестницей, находилась дверь, ведущая, вероятнее всего, в служебные помещения. К удивлению полицейского, мистер Ридер исследовал именно ее. Он потрогал ручку, дверь не поддавалась; нагнувшись, следователь заглянул в замочную скважину.

— Кто-то был... наверху, — почтительно начал полицейский.

— Кто-то был наверху, — рассеянно повторил мистер Ридер. — Думаю, вы слышали скрип пола.

Следователь медленно подошел к лестнице и посмотрел вверх, затем осветил фонарем пол в холле.

— Опилок нет, — пробормотал он себе под нос, — значит, на этот раз что-то другое.

— Мне посмотреть наверху, сэр? — спросил полицейский, ступая на нижнюю ступеньку. И тут мистер Ридер с неожиданной для него живостью оттолкнул молодого человека.

— Пока не надо, констебль, — твердо сказал он. — Если

хозяйка наверху, она слышала наши голоса. Но хозяйки наверху нет.

— Вы думаете, она на кухне? — спросил удивленный полицейский.

Мистер Ридер печально покачал головой.

— Увы! Современные женщины проводят так мало времени на кухне. — И он пощелкал языком, не поясняя, выражал ли этим неодобрение по поводу невыполнения женщинами их домашних обязанностей или имел в виду что-то другое. Мысли следователя были явно заняты чем-то иным.

Ридер опять осветил пол.

— Я так и думал, — сказал он с чувством облегчения в голосе. — Там, у двери две трости. Констебль, не принесете ли вы мне одну из них?

Удивленный полицейский принес и подал трость вишневого дерева с кривой ручкой. Мистер Ридер осмотрел ее при свете фонарика.

— Так, покрыта пылью, оставлена предыдущим хозяином. Судя по наконечнику, куплена в Швейцарии. Может быть, вас не интересуют детективные истории и вы не читали о человеке, метод которого я копирую?

— Нет, сэр, — ответил сбитый с толку полицейский.

— Жаль, что это не удочка. Будьте добры, оставайтесь на месте и не двигайтесь.

И следователь на коленях пополз вверх по лестнице, самым невероятным образом размахивая при этом тростью: он поднимал ее вверх в вытянутой руке и размахивал по сторонам, как бы поражая невидимые преграды. Ридер полз все выше, отбрасывая большую тень в свете фонарика, который держал в руке. Констебль Дайер, раскрыв рот, следил за его манипуляциями.

— Не лучше ли...

Он не закончил фразы. Раздался оглушительный взрыв, воздух наполнился дымом и пылью, затрещало дерево, резко запахло паленым. Удивленный и оглушенный, полицейский следил за мистером Ридером, сидевшим на лестнице и отряхивавшим сюртук от древесных щепок.

— Можете подняться, опасности больше нет, — совершенно невозмутимо сказал мистер Ридер.

— А что... что это было?

Гроза Преступников заботливо чистил свою шляпу.

— Подойдите поближе.

Констебль Дайер взбежал по лестнице, вместе с мистером Ридером поднялся на площадку лестницы и при свете фона-

рика увидел странное самодельное ружье, ствол которого был укреплен между балясинами лестницы таким образом, что под обстрелом находилась вся верхняя часть лестницы.

— Поперек лестницы, — заботливо пояснил мистер Ридер, — была протянута черная нить, поэтому любой идущий по лестнице порвал бы или натянул ее, что заставило бы ружье выстрелить.

— Но... хозяйка?

Мистер Ридер кашлянул.

— Думаю, ее нет в доме, — мягко сказал он. — Вероятнее всего, миссис удалилась через кухню. Из кухни есть выход на конюшню, не правда ли? Я ей сочувствую, этот незначительный инцидент уже не успеет попасть в утренние газеты. Чтобы узнать о том, что я жив, ей придется подождать более поздних выпусков.

Полицейский глубоко вздохнул.

— Видимо, мне придется доложить об этом.

— Вы правы, — вздохнул мистер Ридер. — Будьте добры, позвоните старшему инспектору Симпсону и скажите, что я хотел бы его видеть, если он окажется в этих краях.

Полицейский снова заколебался.

— А может быть, нам обыскать дом? Они могли прикончить женщину...

Мистер Ридер покачал головой.

— Женщину никто не убивал, — убежденно сказал он. — Если они что-либо прикончили, так это одну из любимых теорий мистера Симпсона.

— Но, мистер Ридер, почему эта женщина выбежала на улицу?

Ридер ласково похлопал молодого человека по плечу, как добрая мать похлопывает ребенка, услышав от него глупый вопрос.

— Женщина стояла у двери полчаса, а может быть и целый час в надежде привлечь мое внимание. Но я следил за ней из комнаты, в которой... гм... не было света. Я не показывался, потому что гм... очень хочу жить!

И, сделав это удивительное заявление, мистер Ридер вернулся домой.

Мистер Ридер, в смешных бархатных шлепанцах и с сигаретой во рту, был свободен и раскован. Следовательно рассказы-

вал пришедшему к нему рано утром инспектору полиции, каким образом он пришел к некоторым выводам.

— Не думаю, что это был мой друг Равини. Он недостаточно умен и интеллигентен для этого. Вы убедитесь, что операция началась несколько месяцев назад, хотя проведена сегодня. Дом на Беннет-стрит принадлежит пожилому джентльмену, живущему в основном в Италии. Он и раньше сдавал его на год и более, дом освободился в прошлом месяце.

— Значит, — сказал озадаченный Симпсон, — эти люди, кто бы они ни были, сняли дом...

— Не думаю, — покачал головой мистер Ридер. — Они могли получить разрешение на осмотр дома или как-то избавились от сторожа. Они знали, что вечером я буду дома, поскольку я всегда по вечерам дома... — Ридер кашлянул, — поскольку моя юная подруга недавно выехала из Лондона... Я не люблю бывать на людях один.

К ужасу Симпсона, всегда невозмутимый следователь покраснел.

— Несколько недель назад, — продолжал мистер Ридер, пытаясь выглядеть беззаботным, — я ужинал вне дома, слушал оперу и смотрел столь любимые мной мелодрамы...

— Кого вы подозреваете? — прервал Симпсон, которого разбудили ночью не ради обсуждения достоинств мелодрамы. — Шайка Грегори или Донована? — Он назвал две группировки, у которых были поводы быть недовольными мистером Ридером и его методами работы.

Следователь отрицательно покачал головой.

— Ни тот, ни другой. Я думаю, нет, я уверен, что надо вернуться к истокам этого дела.

Симпсон широко раскрыл глаза.

— Вы о Флаке? — недоверчиво спросил он. — Но Флак залег, он не может начать действовать так быстро.

Мистер Ридер кивнул.

— Джон Флак. Кто еще мог спланировать подобную операцию? Это он! Мистер Симпсон, — следователь коснулся рукой груди инспектора, — в Лондоне после заключения Флака в Бродмур не было ни одного крупного ограбления. Но через неделю оно состоится! Величайшее ограбление! Его сумасшедший мозг готовит потрясающее мероприятие.

— С ним покончено, — нахмурился Симпсон.

Мистер Ридер устало улыбнулся.

— Посмотрим. Сегодняшний случай — пристрелка, пуш-так. Но я рад, что теперь я вечерами сижу дома. А наш друг

Джордж Равини, наоборот, любит погулять. Запросите полицейский участок по поводу последней сводки происшествий.

Полицейский участок, знавший о перемещении многих лиц, немедленно доложил, что Джордж Равини выехал, вероятнее всего в Париж.

— Боже мой! — слабо отреагировал мистер Ридер. — Джордж поступил правильно, еще лучше, если он там и останется!

Инспектор Симпсон встал и встряхнулся. У этого высокого сильного мужчины была такая привычка.

— Я еду в управление и доложу о происшествии, — сказал он. — Надеюсь, это все-таки не Флак. Он глава шайки, но без подчиненных он не опасен, а шайка давно разбежалась. Многие из них в Аргентине...

— Ха! — сказал мистер Ридер.

— Над чем вы смеетесь?

Ридер принял виноватый вид.

— Я назвал бы мой смех скептическим. Аргентина! Уголовники едут туда только в детективах, пригодных для чтения в поезде. Сомнение основано на том, что между нашими странами нет соглашения о выдаче преступников. Разогнаны? Мечтаю о том дне, когда соберу всех их под одной крышей. Это будет весьма приятный момент в моей жизни, мистер Симпсон, когда я смогу из коридора посмотреть через «волчок» на всю эту свору, занятую пошивом почтовых мешков. Лучшее средство для успокоения нервов — шитье! А пока что наблюдайте за банками! Старине Джону семьдесят лет, ему нельзя терять времени даром. В ближайшие дни в лондонском Сити произойдут великие события! Но где же найти мистера Равини?

Джордж Равини не принадлежал к числу людей, счастье которых зависит от доброго мнения окружающих. Если бы дело обстояло так, то ему пришлось бы большую часть жизни оставаться несчастным. А что касается мистера Ридера — то личность именно этого интересного сотрудника полиции обсуждал Равини в своей квартире, наслаждаясь бокалом хорошего вина и сигарой. Квартира была замечательная, прямо показательная, поскольку девизом Равини было «Самого лучшего, и как можно больше!» Гостиная походила на французские часы с излишествами, кругом позолота, бархат и гобелены. Равини делился мыслями с неким Лео Стейном:

— Если этот, такой-сякой, знает хотя бы половину того, о

чем говорит, мне придется смыться первым же поездом. Ридер блефует. Он до какой-то степени умен, но это можно сказать о любом пугале.

— Ты мог бы его кое-чему научить, — подхалимски заметил Лео.

Равини улыбнулся и погладил свои усы.

— Не удивлюсь, если узнаю, что старый дурень без ума от этой девицы. Май и декабрь!

— Как она выглядит? — спросил Лео — Я не рассмотрел ее лица.

Мистер Равини восхищенно поцеловал кончики пальцев и послал воздушный поцелуй вверх, к потолку.

— Но он не испугает меня, Лео, ты меня знаешь: если мне что-то нравится, я добьюсь своего. Я не встречал похожих на нее. У нее все есть. Не пойму, что она находит в таком-сяком Ридере!

— Женщины бывают странными, — размышлял Лео. — Трудно представить, чтобы машинистка пренебрегла таким парнем, как ты.

— Она не пренебрегла, — сухо заметил Равини, — просто мы не познакомились. Но знакомство состоится. Куда она отправилась?

— В Силтбери, — сказал Лео. Он достал из кармана лист бумаги и прочитал написанное карандашом. — Замок Лармес, станция Силтбери, на юге. Я проследил за ней до вокзала, ее провожал старик Ридер, вид у него был, как у мокрого кота.

— Пансионат, — размышлял Равини, — странное место для работы.

— Она работает секретарем, — доложил Лео (он говорил об этом уже раза четыре, но мистер Равини принадлежал к тем людям, которые воспринимают известные факты как сенсацию). — Место шикарное, это не простой пансионат, там только тузы. Дерут двадцать фунтов в неделю за номер, да еще принимают не каждого.

Равини размышлял, поглаживая подбородок.

— Мы живем в свободной стране, — сказал он. — Кто помешает мне пожить в этом... замке Лармес? Я не слышал «нет» ни от одной женщины. Даже говоря «нет», они наполовину согласны. Во всяком случае, мне дадут номер, если я могу оплатить его.

— А если она напишет Ридеру?

— Пусть пишет! — Тон Равини был вызывающим. — Что у него против меня? Проживание в пансионате не является преступлением.

— Предложи ей одно из своих колец, — ухмыльнулся Лео. Равини любовно посмотрел на кольцо.

— Они не снимаются. Я с ними не расстанусь, в них моя удача. Девица будет податливой, когда узнает меня поближе.

А на следующий день, выходя из дома на Лунной улице, Равини встретил именно того, кого ему меньше всего хотелось бы видеть. К счастью, Лео уехал на вокзал с чемоданом раньше, и во внешнем виде Равини не было ничего такого, что говорило бы о цели его путешествия.

Мистер Ридер посмотрел на сверкающие на солнце бриллианты. Казалось, они производили на следователя чарующее действие.

— Удача все еще с вами, Джордж? — спросил он самодовольно улыбающегося Равини. — И куда вы направляетесь в это прекрасное сентябрьское утро? Положить в банк нечистые доходы или получить визу?

— Гуляю, — небрежно ответил Равини, — моцион. Кстати, где тот сыщик, которого вы приставили ко мне? Что-то его не видно.

Мистер Ридер посмотрел вдаль.

— Он не расстается с вами, Джордж, — мягко сказал он. — Мой человек шел за вами от «Поплавка» до дома, где вчера была вечеринка, и он сопровождал вас домой сегодня в 2.15.

У Равини отвалилась челюсть.

— Вы хотите сказать... — Он оглянулся. Вблизи был только безобидный человек, сюртуком и шляпой напоминавший врача. — Это его?

— Он, — поправил мистер Ридер. — Ваш английский еще не безупречен.

Равини выехал в Силтбери не сразу. Он избавился от «хвоста» только к двум часам и вскоре уже сидел в Южном экспрессе. Все тот же извозчик, привезший сюда и Маргарет Белман, доставил его по длинной извилистой дороге к замку Лармес и оставил на крыльце. Пожилой привратник в аккуратной, хорошо сшитой форме встретил незнакомого господина.

— Мистер?..

— Равини, — ответил джентльмен, — я не заказывал номер.

Привратник покачал головой.

— Боюсь, у нас нет мест. Мистер Давер принимает только тех, кто заказывает номера заранее. Я доложу секретарю.

Равини последовал за ним в просторный холл и сел на один из красивых стульев. Да, это не походило на обычный пансионат, это было шикарнее отеля. Постояльцев не было видно.

Послышались шаги по каменному полу. Равини поднял глаза и увидел Маргарет Белман. Девушка никак не показала, что они встречались раньше, для нее Равини был самым обычным посетителем.

— Хозяин, как правило, принимает постояльцев только после предварительного согласования, — сказала мисс Белман. — Боюсь, что мы не сможем принять вас.

— Я писал вам, — ловко соврал Равини, — узнайте, юная леди, могу ли я получить номер.

Маргарет колебалась. Лично она хотела бы приказать выкинуть чемодан приезжего за порог, но девушка была на службе и была вынуждена отделять свои чувства от служебных обязанностей.

— Подождите, пожалуйста, — сказала мисс Белман и пошла искать мистера Давера.

Великий криминолог сидел над большой книгой. Он посмотрел поверх очков.

— Равини? Иностранный джентльмен? Конечно же. Странник у наших дверей, так сказать. Это против правил, но в данном случае — да, пожалуй.

— Это не самый лучший постоялец, мистер Давер, — твердо сказала Маргарет. — Мой знакомый, который знает подобных типов, утверждает, что он из уголовного мира.

Мистер Давер поднял брови.

— Из уголовного мира! Какая замечательная возможность получить информацию из первых рук! Вы согласны? Вижу, что согласны. Пусть поселяется. Если он надоест мне, я выгоню его.

Маргарет была обескуражена, если не сказать одурачена.

Равини ждал, поглаживая усы, слегка обеспокоенный.

— Мистер Давер приветствует вас. Экономка покажет вам номер.

И Маргарет пошла искать миссис Бертон, чтобы дать ей необходимые инструкции. Девушка сердилась на себя за то, что не высказала своего мнения мистеру Даверу. Она могла объяснить причину своей антипатии к итальянцу. Во всяком случае, у нее было преимущество — она обязана была встречаться с постояльцами только по их просьбе, а Равини был достаточно умен, чтобы понимать это.

Вечером того же дня Маргарет написала длинное письмо мистеру Ридеру, но затем передумала и порвала его. Не годилось беспокоить Д.Г. Ридера всякий раз, когда она была не в духе. У следователя хватает забот и без нее, решила девушка и была права. Именно в то время, когда Маргарет писала

письмо, мистер Ридер с большим интересом рассматривал то самое ружье.

6

Надо отдать должное Равини — он не пытался приставать к девушке, хотя они и периодически виделись. На следующий день после приезда Равини встретил Маргарет на лужайке, кивнул и улыбнулся. Было похоже, что у него появился новый интерес, вернее, новая цель, поскольку он почти не отходил от Ольги Крю. Маргарет видела их по вечерам, когда они любовались видами с берега, причем у Равини был очень довольный вид. Он демонстрировал Ольге свои знаменитые кольца. Девушка, осмотрев их, сделала какое-то замечание, вызвавшее у него припадок смеха.

Итальянец заговорил с Маргарет на третий день после приезда, когда они встретились в большом зале. Девушка хотела пройти мимо, но Равини преградил ей путь.

— Надеюсь, мы будем неплохими друзьями, мисс Белман, — сказал он. — Я не буду вас беспокоить и готов извиниться за прошлое. Я поступаю по-джентльменски, не так ли?

— Вам не за что извиняться, мистер Равини, — ответила Маргарет, довольная его тоном и немного склонная проявить любезность. — У вас появился новый интерес в жизни, и вы, наверное, довольны своим пребыванием у нас.

— Жизнь чрезвычайно замечательна, — сказал итальянец, проявляя склонность к превосходной степени. — Мисс Белман, кем является юная леди по имени мисс Ольга Крю?

— Она живет у нас, больше я ничего не знаю.

— Это не девушка, а персик! — воскликнул Равини, чем рассмешил Маргарет. — Она леди с головы до пят! Между прочим, в руках настоящей леди я становлюсь мягким как воск. В них есть что-то такое, что отличает их от продавщиц и машинисток. Я не к тому, что вы машинистка, — поспешно добавил он, — вы для меня тоже леди. Я хочу послать за моей машиной, чтобы покатать ее по окрестностям. Вы не будете ревновать?

Маргарет не знала, рассердиться ей или рассмеяться. Выручило чувство юмора, и всю дорогу до кабинета она веселилась про себя.

Вскоре после этого Равини и Ольга исчезли. Маргарет увидела их снова в холле около одиннадцати часов. Ольга была бледнее обычного, прошла мимо молча и скрылась у себя в

комнате. Маргарет с любопытством посмотрела на Равини. На его лице играл необычный румянец, глаза блестели.

— Завтра я еду в город, — сказал он, — утренним поездом. Мне не понадобится машина, я пойду пешком.

Он с трудом подбирал слова.

— Вам надоело в замке Лармес?

— Надоело? Что вы, нет! Мне здесь очень нравится!

Итальянец пригладил волосы, и Маргарет заметила, что рука его дрожит, от чего бриллианты так и горели огнем. Девушка подождала ухода Равини, поднялась вверх и постучала в дверь номера Ольги. Их комнаты находились рядом.

— Кто там? — резко спросила Ольга.

— Мисс Белман.

Ключ повернулся в замке, дверь открылась. В номере Ольги горела только одна лампа, поэтому ее лицо было в тени.

— Вам что-то нужно? — спросила девушка.

— Можно войти? Я хочу кое-что сказать вам.

Поколебавшись, Ольга сказала:

— Входите. Я здесь пустила слезу, надеюсь, вы меня извините.

Глаза ее были красными, на лице виднелись следы слез.

— Это чертовое место вызывает у меня депрессию, — пожаловалась мисс Крю, вытирая щеки платком. — Так что вы мне хотели сказать?

— О мистере Равини. Знаете ли вы, что он жулик?

В глазах Ольги мелькнули удивление и гнев.

— Не думаю, чтобы меня слишком интересовал мистер Равини, — медленно проговорила она. — А почему вы мне рассказываете об этом?

Маргарет была в затруднении.

— Не знаю... мне показалось, что вы слишком подружились с ним... с моей стороны это было нахальством.

— Да, именно нахальством, — холодно сказала Ольга, отчего лицо Маргарет запылало.

Вернувшись в свой номер, Маргарет была сердита на себя. Гнев, как известно, не способствует сну. Девушка ворочалась в постели, стараясь забыть об Ольге Крю и Джордже Равини, и всеми известными способами пыталась вызвать сон. Ей почти удалось это, но...

Она села на кровати. Кто-то царапался и стучал в ее дверь. Маргарет включила свет, прыгнула с постели, подошла к двери и прислушалась. За дверью кто-то был. Ручка замка повернулась...

— Кто там? — спросила Маргарет.

— Впустите меня, впустите!

Сказано было испуганным шепотом, но голос, несомненно, принадлежал Равини.

— Я не могу выпустить вас. Уходите, не то я позвоню...

Она услышала странный звук, непонятный приглушенный звук... кто-то заплакал... похоже, что мужчина... Потом все стихло. Сердце Маргарет, стоявшей у двери, бешено колотилось. Она приложила ухо к двери — тихо...

Остаток ночи Маргарет провела сидя, накрывшись одеялом и прислушиваясь.

Настало утро, взошло солнце. Она прилегла и заснула. Ее разбудила принесшая чай горничная. Открывая ей дверь, Маргарет заметила что-то на двери.

— Прекрасное утро, мисс, — заметила розовощекая горничная.

Маргарет кивнула. Когда горничная ушла, она снова открыла дверь и еще раз внимательно осмотрела то, что увидела на двери. Это был треугольный клочок материи с рваными краями, застрявший под отколовшейся щепкой старинной дубовой двери. Мисс Белман вытащила этот клочок и внимательно осмотрела его. Рванный треугольник розового шелка. Продолжая удивляться, Маргарет положила его на туалетный стол. Откуда мог взяться этот клочок? Если Равини сам не уедет сегодня или мистер Давер не выпроводит его, она сама немедленно уедет в Лондон.

Выходя из номера, Маргарет встретила другую горничную.

— Постоялец из номера 7 выехал, мисс, — доложила горничная, — но он забыл свою пижаму.

— Уже выехал?

— Вероятно, он выехал вчера вечером, поскольку не ночевал у себя в номере.

Маргарет вслед за горничной вошла в номер Равини. Чемодана не было, на подушке лежала аккуратно сложенная пижама розового шелка. Присмотревшись внимательно, Маргарет увидела, что на груди пижама была слегка повреждена. Из розовой шелковой пижамы был вырван клочок треугольной формы!

7

Когда проворный старик прыгнул в полночь с высокой стены, остановился на мгновение, чтобы стереть с рук кровь (во время бегства ему встретился сторож, совершавший ночной обход), и, всматриваясь во все переулки в поисках поджи-

дающего его маленького автомобиля, быстро зашагал в направлении Лондона, он осложнил жизнь многим людям, а троим, по меньшей мере, наметил сроки перехода в иной мир.

Управление полиции довольно быстро с помощью прессы известило публику о своем беспокойстве. Однако бегство из Бродмура склонного к убийству маньяка попало в прессу не слишком быстро. Уже несколько раз полиция напрасно обращалась к общественности за помощью, пытаясь поймать старого Джона Флака. Давалось описание его внешности, назывались возможные адреса его пребывания, но все было напрасно.

В Скотланд-Ярде проходило совещание с участием мистера Ридера. Вокруг стола начальника управления сидело пятеро серьезных мужчин, они вели разговор о золотых слитках и «носах», подразумевая под этим малоэлегантным термином неизбежных полицейских осведомителей.

В свое время Сумасшедший Джон был взят благодаря предательству единомышленника. Равини, самому способному главарю шайки, было поручено «прикрыть» ограбление банка в Леденхолле. Джон Флак специализировался на золотых слитках, мистер Равини тоже не был к ним равнодушен.

Ограбление прошло успешно. В воскресное утро две машины выехали из двора банка в Леденхолле. В каждой машине рядом с водителем сидел полицейский, сзади в машине был еще полицейский. Дежурный полицейский видел, как выезжали машины, но, успокоенный видом коллег по службе в форме, не потребовал у водителей документы. В перевозке слитков и ценных бумаг в воскресенье не было ничего необычного, такое случалось и раньше. Правда, городские власти заранее ставились в известность. Когда дежурный полицейский доложил на участок, Джон Флак был уже далеко.

Равини посчитал себя обделенным при дележе и выдал старика, но золото так и не нашли. Явки Джона Флака искали по всей стране — безуспешно. В каждый отель и пансионат были переданы фотографии главаря, но никто не опознал его.

Расследование после ареста Флака мало что дало. Установили, где проживал Флак (он несколько лет снимал меблированную комнату в Блумсбери), но при обыске не было найдено никаких документов о штабе шайки. Возможно, у Флака и не было штаба, он набирал или распускал шайку в зависимости от обстоятельств и возможностей. Однако было ясно, что для общего руководства у старика было что-то вроде генерального штаба.

— Во всяком случае, — говорил Билл Гордон, старший из

присутствующих на совещании, — он не организует похищение золота, ибо будет занят подготовкой к бегству за границу.

Мистер Ридер покачал головой.

— Преступники могут меняться, но тщеславие остается, — как всегда напыщенно сказал он. — Мистер Флак гордится не своими убийствами, а ограблениями, и его выход на свободу будет отмечен обычным способом.

— Мы разогнали его шайку... — начал Симпсон.

Д.Г. Ридер прервал его, улынувшись ласково и печально.

— Данные говорят о том, что шайка снова оформилась. Мне не нравится этот термин, но что делать! Бегство Флака из учреждения... гм... здравоохранения свидетельствует о деятельности группы. Веревка, нож, которым был убит несчастный сторож, набор инструментов, наверняка ожидающая машина — все это признаки групповой работы. К тому же мистер Флак...

— Ради бога, не называйте его мистером, — взорвался Билл Гордон.

Д.Г. Ридер поморгал глазами.

— Я испытываю неистребимое уважение к возрасту, — сказал он негромко, — но еще большее уважение к мертвым. Поэтому я надеюсь, что мое уважение к мистеру Флаку возрастет в следующем месяце.

— Если это шайка, — прервал его Симпсон, — то кто с ним? Старые сообщники либо сидят, либо за границей. Я знаю, о чем вы думаете, вспоминая вчерашнее, мистер Ридер. Я тоже думаю об этом. Почему мы думаем, что ловушку устроил именно Флак? Известно, что Донован вышел из Дартмура, у него нет повода любить вас.

Мистер Ридер протестующе поднял руку.

— Сегодня рано утром я видел Джо Донована, это миролюбивый и раскаявшийся человек, глубоко сожалеющий о том, что он сказал обо мне после суда. Он живет в Килберне, вчера ходил в кино с женой и дочерью. Нет, это не Донован. Он недостаточно умен для этого. Только Джон Флак с его театральными способностями мог устроить маленькую комедию, которая чуть было не превратилась в трагедию.

— Мне сказали, что вас едва не убило? — спросил Гордон.

Мистер Ридер покачал головой.

— Я думал не об этой трагедии. Я предполагал подобное, прежде чем пошел наверх, чтобы проникнуть на кухню. Если бы мне удалось подняться, я, пожалуй, застрелил бы мистера Флака, что положило бы конец нашим тревогам и рассуждениям.

Мистер Симпсон изучал лежавшие на столе бумаги.

— Если Флак охотится за золотом, то у него очень мало шансов. Планируется перевозка всего одной большой партии — сто двадцать тысяч соверенов* из Английского банка — завтра или послезавтра в порт Тилбери. Невозможно, чтобы Флак организовал ограбление так быстро.

Мистер Ридер оживился.

— Сто двадцать тысяч соверенов, — пробормотал он, потирая подбородок, — десять тонн. Транспортировка поездом?

— Грузовиком, десять человек вооруженной охраны, один человек на тонну, — пошутил Симпсон. — Не вижу причин для беспокойства.

Д.Г. Ридер сложил губы, чтобы свистнуть, но передумал.

— Флак был химиком, — медленно проговорил он, — в Англии нет лучшего уголовного-химика, чем Флак.

— Что вы имеете в виду? — нахмурился Симпсон.

Мистер Ридер пожал плечами.

— Мое шестое чувство, — сказал он извиняющимся тоном, — связывает любого человека, с которым я имел дело, с каким-либо качеством. Когда я вспоминаю вас, мистер Симпсон, я представляю себе ринг, у которого мы когда-то впервые встретились. (Симпсон, занимавшийся любительским боксом в ерднем весе, понимающе улыбнулся.) Мысленно я всегда вижу мистера Флака в лаборатории с пробирками и другими предметами для химических экспериментов. Что же касается вчерашней мелочи, то я был готов, я подозревал ловушку, именно ловушку. Когда-то один злодей пытался подловить меня, подпивив лестницу, чтобы я мог упасть на неприятные острые предметы. Вчера я искал опилки, их отсутствие навело меня на мысль о ружье.

— Но почему вы решили, что там ловушка? — с любопытством спросил Билл.

Мистер Ридер улыбнулся.

— У меня ум преступника.

Вернувшись домой на Беннет-стрит, мистер Ридер думал то о Маргарет Белман, находящейся вдали, в безопасности, то о грузовике, способном перевезти сто двадцать тысяч соверенов. Его интересовали и такие мелочи.

Из дома он навел справки в транспортной конторе о существовании грузовиков, способных перевозить такой груз. Следователь почему-то подозревал, что для шайки Флака, если она действительно охотится за этим золотом, предназначен-

* Соверен — золотая монета достоинством в один фунт стерлингов

ным для отправки в Австралию, будет важно, чтобы груз помешался в одном грузовике. Ривер не смог бы объяснить, почему он так думает. На любой вопрос он повторил бы, что у него ум преступника.

В тот вечер следователь занялся новым и приятным делом, а именно — написанием своего первого письма Маргарет Белман.

Письмо начиналось так: «Уважаемая мисс Белман! Надеюсь, мое письмо не побеспокоит Вас, однако досадные мелочи, омрачившие наше прощание, которые, как я думаю (я знаю Ваше доброе сердце), могут немного огорчить Вас, вынуждают меня обратиться к Вам с настоящим письмом...»

Мистер Ридер задумался. Как выразить сожаление по поводу того, что она далеко, не выдавая сокровенных мыслей? Ровно в пять часов, когда слуга принес чай, следователь все еще сидел над незаконченным письмом. Мистер Ридер взял чашку с чаем, вернулся к письменному столу и, в ожидании вдохновения, стал внимательно смотреть на свой чай.

И тут на поверхности жидкости он заметил какую-то пену в форме спирали, со странным металлическим блеском. Ридер потрогал пену кончиком пальца, попробовал ее на язык.

— Гм! — сказал он и позвонил.

Появился слуга.

— Чего изволите? — почтительно склонив голову, спросил тот. Некоторое время мистер Ридер молчал.

— Ну конечно же, молоко! — сказал он.

— Молоко, сэр? — удивился слуга. — Молоко свежее, его принесли сегодня.

— И естественно, оно было в бутылке за дверью?

Слуга кивнул головой.

— Да, сэр.

— Хорошо! — почти весело сказал мистер Ридер. — В будущем берите, пожалуйста, молоко прямо из рук молочника. Вы не пили это молоко?

— Нет, сэр. Я пил чай, но без молока, сэр, — сказал слуга.

Мистер Ридер одарил его одной из своих редких улыбок.

— Именно поэтому, Питерс, вы живы и здоровы. Принесите мне остаток молока и свежий чай. Я тоже буду пить чай без молока.

— Вы не любите молоко, сэр? — удивился слуга.

— Я люблю молоко, — мягко сказал мистер Ридер, — но предпочитаю его без стрихнина. Думаю, Питерс, у нас впереди очень интересная неделя. У вас есть иждивенцы?

— У меня старушка-мама, сэр, — ответил удивленный слуга.

— Ваша жизнь застрахована? — спросил мистер Ридер.

Питерс кивнул, все еще удивленный.

— В этом ваше преимущество по сравнению со мной, — сказал Д.Г. Ридер. — Да, на этой неделе нас ждут интересные события.

И его предсказание полностью подтвердилось.

8

Жители Лондона, узнав о бегстве Джона Флака, были напуганы или разгневаны, в зависимости от темперамента. Все говорили о склонном к убийству преступнике, не раз грабившем самые неприступные банки. Понятно, это было не слишком приятное известие для законопослушных граждан. Извещение о побеге опубликовали через неделю после того, и сразу возникли вопросы — почему Скотланд-Ярд держал общественность в неведении? Кто приказал задержать столь важное известие? Эти и другие аспекты подавались прессой как сенсации. Стало известно о происшествии на Беннет-стрит, и весьма смущенный мистер Ридер оказался Объектом Внимания Общественности.

Обычно мистер Ридер сидел в своем крохотном кабинете в прокуратуре, пребывая в глубокой задумчивости и рассеянно рассматривая девственно белый лист писчей бумаги.

Никому не было известно, о чем размышлял следователь в служебное время — об огромных состояниях и их переходе из рук в руки, о весьма милой бело-розовой юной леди, о чем-то ином, или вообще ни о чем не думал. Когда к нему обращались, Ридер виновато вздрагивал, но предмета своих размышлений не раскрывал.

В данный же момент его мысли были целиком и полностью посвящены его закадычному неприятелю.

В самом начале шайка Флаков состояла из трех человек: Джона, Джорджа и Августа, их деятельность началась во времена, когда операции по выжиганию замков из сейфов считались замечательными и научно обоснованными.

Август Флак был убит ночным сторожем банка на Ломбард-стрит при попытке ограбления хранилища, Джордж Флак, самый молодой из троицы, получил десять лет за ограбление на Бонд-стрит и умер в тюрьме. Оставался Джон, сумасшедший и по-своему самый одаренный член семьи. Он оторвался от преследования и избежал ареста.

Именно Джон привлек в шайку некоего О. Швайцера, «медвежатника» из Штатов, тот завербовал Адольфа Виктора. Эти двое, в свою очередь, привлекли к воровской деятельности других. В этом заключалась характерная особенность стиля работы Сумасшедшего Джона — он мог моментально собрать вокруг себя лучшие умы преступного мира. Хотя некоторые члены семейства Флаков умерли или отбывали срок, преступная организация была сильна как никогда, потому что где-то на заднем плане работал изощренный ум.

Именно такой была ситуация тогда, когда Д.Г. Ридер подключился к раскрытию дела — не потому, что лондонская полиция не справлялась, а потому, что прокурор понял, что для ликвидации шайки потребуется много времени и желательно иметь человека, посвящающего все свое время семейству Флаков.

Щупальцы шайки были отсечены сравнительно легко.

Мистер Ридер «взял» О.Швайцера, крепкого мужика американо-швейцарского происхождения, когда тот с подручными готовился в одно воскресное утро вывезти сейф из почтового отделения на Бедфорд-стрит. Швайцер был готов оказать сопротивление, но мистер Ридер опередил его.

— Отпусти меня, Ридер! — по-итальянски прошипел Швайцер. — Ты задушишь меня.

Мистер Ридер положил бандита лицом вниз, надел ему наручники, взял за шиворот и придал Швайцеру сидячее положение, после чего поспешил на помощь своим друзьям, которые возились с другими участниками ограбления.

Виктор был арестован в Картоне во время обеда с М. Денвером. Он не оказал сопротивления, поскольку повод для ареста был вздорный и весьма спорный.

— Уважаемый мистер Ридер, — сказал Виктор в своей обычной элегантной манере, — вы совершаете величайшую ошибку, но я не протестую. Я докажу, что в момент похищения этих жемчугов я был в Ницце.

В камере его обыскали и нашли некие смертоносные устройства, умело спрятанные на теле, но Виктор только улыбнулся. Он перестал улыбаться, когда его обвинили в ограблении банка, покушении на убийство ночного сторожа и ряде других нарушений закона.

Когда после оглашения приговора его, бешено сопротивляющегося, вели в камеру, мистер Ридер дал парню совет:

— Скажи, что ты был в Ницце.

Совет был с бешенством отвергнут.

Однажды полиция арестовала мужчину по прозаическому

обвинению «избиение жены в общественном месте». При обыске у него нашли обрывок письма, который был немедленно передан мистеру Ридеру. В письме говорилось:

«В любой вечер около одиннадцати на Уайтхолл-авеню. Ридер среднего роста, выглядит пожилым, волосы песочного цвета, носит бакенбарды, всегда с зонтиком. Советую быть в резиновых сапогах и использовать железный прут. Его легко опознать... Готовься... пятьдесят сразу... Остальное по завершении операции...»

Это было первое доказательство того, что таинственный Джон Флак крайне недоволен мистером Ридером.

Когда Сумасшедшего Флака направили в Бродмур, мистер Ридер был удовлетворен. Нельзя сказать, что он был счастлив или испытывал облегчение. Он чувствовал себя как бухгалтер, закончивший балансовый отчет, или строитель, созерцающий дело своих рук. Впереди были новые отчеты и новые стройки, разного размера и сложности.

Одно было бесспорным — что бы ни планировал Джон Флак, он наверняка много внимания уделял Д.Г. Ридеру. Трудно было определить, ставил ли Флак в вину Ридеру прошлое или хотел обезопасить себя на будущее. В главном же направлении планов Флака мистер Ридер не сомневался.

Резко зазвонил стоявший в углу комнаты телефон. Мистер Ридер с болезненным выражением лица поднял трубку. С коммутатора передали, что звонят из Хоршама. Следователь подвинул к себе лист бумаги и приготовился слушать. Раздался голос, который Д.Г. Ридер сразу узнал, у него была отличная слуховая память.

— Это ты, Ридер? Знаешь, кто тебе звонит?

Именно этот голос бормотал угрозы, прерываемые отрывистым смехом.

Мистер Ридер нажал кнопку звонка и начал быстро писать на листе бумаги.

— Ты меня знаешь, спорю, что знаешь! Думал, что избавились от меня, ничего не выйдет! Передай полиции, что я готовлю для них неслыханное дело. Думаете, я сумасшедший? Я вам покажу, какой я сумасшедший... Я доберусь до тебя, Ридер...

Вошедшему дежурному мистер Ридер передал записку, показав жестом, что дело срочное. Дежурный прочитал и выскочил из комнаты.

— Это мистер Флак? — вежливо спросил Ридер.

— Ты еще спрашиваешь, старый лицемер! Ты получил бандероль? Что ты о ней думаешь?

— Бандероль? — еще вежливее спросил Ридер и продолжил: — У вас могут быть неприятности за попытку помешать работе прокуратуры, мой друг. Вы не Сумасшедший Джон Флак. Я знаю его голос, у него лондонский акцент, который трудно имитировать. Кроме того, мистер Флак находится в полиции.

Он надеялся спровоцировать собеседника и не ошибся.

— Врешь! — заревел телефон. — Ты знаешь, что это я, Флак! Да, старый Сумасшедший Джон Флак... Ты загнал меня в это проклятое место, в этот ад на земле... я отомщу тебе более жестоко, чем проклятому итальяшке...

Разговор внезапно прервался, было слышно, как на том конце положили трубку. Ридер подождал, потом позвонил, вызывая дежурного.

— Да, сэр. Я немедленно известил полицию в Хоршаме, инспектор высылает на почту машину с тремя полицейскими.

Мистер Ридер посмотрел на потолок.

— Боюсь, что инспектор не слишком спешит. Уважаемый бандит успеет скрыться.

Через четверть часа его предположение подтвердилось. Полиция прибыла на почту, но птичка уже улетела. Почтовый служащий не видел никакого старика, разговор мог быть заказан через коммутатор из кабины, находящейся на некотором расстоянии от почтового отделения.

Мистер Ридер хотел доложить прокурору, но того не было на месте. Тогда он позвонил в Скотланд-Ярд, Симпсону.

— Предлагаю запросить французскую полицию о Равини. Боюсь, что он вовсе не в Париже.

— А где, по-вашему, он может быть?

— На этот вопрос у меня нет четкого ответа. Не думаю, что он на небесах. Не думаю, что его с его кольцами...

— Вы думаете, он мертв? — живо спросил Симпсон.

— Похоже, очень похоже, что дело обстоит именно так.

На другом конце провода помолчали.

— Вы получили бандероль?

— Ожидая ее с величайшим нетерпением, — ответил мистер Ридер и вернулся в свой кабинет, чтобы продолжить размышления.

Бандероль пришла в три часа, когда мистер Ридер вернулся после скудного обеда, съеденного, как обычно, в чайной на улице Уайтхолл. Бандероль была маленькая, квадрат со стороной в три дюйма, отправлена из Лондона. Следовательно взвесил бандероль в руке и потряс ее. Судя по маленькому весу под оберточной бумагой, не могло быть ничего, напоминающего

адскую машинку. Ридер разрезал бечевку, снял оберточную бумагу и увидел маленькую картонную коробочку, похожую на те, что используются ювелирами. Подняв крышку коробочки, он нашел клочок ваты, в который были завернуты три золотых кольца, каждое с тремя бриллиантами. Ридер разложил кольца на листе бумаги и долго смотрел на них.

Это были приносящие счастье кольца Джорджа Равини. Мистер Ридер продолжал размышлять в глубокой задумчивости. Он знал, что Джордж Равини мертв; и без приложенной к кольцам записки было ясно, кто так решительно и мрачно прервал жизнь их владельца.

Надпись на записке рукой мистера Флака гласила: «Ты следующий. Д.Ф.» Целью записки было не столько просветить, сколько запугать читающего.

Через полчаса мистер Ридер встретился в Скотланд-Ярде с инспектором Симпсоном, который с любопытством осмотрел кольца и заметил на одном из бриллиантов маленькое темнокоричневое пятнышко.

— Несомненно, Равини мертв, — сказал он. — Теперь надо узнать, куда он действительно выехал, когда говорил про Париж.

Получить ответ на этот вопрос оказалось легче, чем предполагалось. Вспомнили про Лео Стейна и его связь с итальянцем, с помощью местной полиции парня нашли через пять минут.

— Везите его сюда на такси, — приказал Симпсон. — Интересно, что замышляет Сумасшедший Флак? Крупномасштабное убийство или живописное ограбление?

— Думаю, что второе, — задумчиво сказал мистер Ридер. — Для мистера Флака убийство — мелочь в процессе... гм... в более важном процессе добывания денег.

И следователь задумчиво ущипнул себя за губу.

— Извините, что повторяюсь, но я вынужден еще раз напомнить, что мистер Флак предпочитает золото, если я не ошибаюсь. Это он «взял» сейф парохода «Мегатик»... Золото, гм... — И он посмотрел поверх пенсне на Симпсона.

Инспектор покачал головой.

— Хотел бы я, чтобы Сумасшедший Джон оказался настолько сумасшедшим, чтобы попытаться выехать за границу пароходом. Мы бы взяли его. Фокус с банком в Леденхолле сейчас не пройдет. Не вижу ни малейшего шанса для похищения золота.

Это не убедило мистера Ридера.

— Будьте добры, узнайте в Английском банке, отправлены ли деньги в Австралию? — умоляюще попросил он.

Симпсон позвонил. Минут пять его отсылали из одного отдела банка в другой, но потом соединили со знающим человеком. Мистер Ридер ждал, сложив руки на ручке зонтика и с утомленным видом закрыв глаза. Наконец Симпсон положил трубку.

— Отправка намечалась на сегодня, но выход парохода «Оламик» задерживается из-за забастовки грузчиков, отплытие завтра. Золото грузовиком с охраной будет доставлено в порт Тилбери, затем перенесено в сейф «Оламика», самый современный и надежный в настоящее время. Не думаю, что Джон пойдет на это ограбление.

— Почему бы и нет? — голос Д.Г. Ридера был спокойным, на лице его красовалось подобие улыбки. — Наоборот, как я уже сказал, мистер Флак может нацелиться именно на этот груз.

— Надеюсь, что ваше предсказание сбудется, — мрачно сказал Симпсон. — Для нас это было бы самым лучшим.

Они все еще говорили о мистере Флаке и его любви к золоту, когда в сопровождении детектива прибыл мистер Л. Стейн. Самый закоренелый преступник, попадая в мрачные коридоры Скотланд-Ярда, начинает нервничать. Не был исключением и Лео.

— В чем дело, мистер Симпсон? — обиженным тоном спросил он. — Я ничего не сделал.

Он мрачно посмотрел на мистера Ридера, совершенно справедливо угадав в нем причину своего появления в Скотланд-Ярде.

В ответ на вопрос Симпсона мистер Лео Стейн пожал плечами.

— Мистер Симпсон, я что, нянька для Равини? Ничего не знаю про шайку итальянцев, с Равини едва знаком.

Мистер Ридер покачал головой.

— В прошлый четверг вы провели вместе два часа.

Лео был неприятно удивлен.

— Мы говорили о делах, — признал он, — о доме, который я намерен снять...

Бегающий взгляд Лео внезапно остановился: раскрыв рот, он смотрел на хорошо известные ему кольца. Наконец Лео нахмурился и хрипло спросил:

— Что это? Кольца Джорджа?

Симпсон кивнул и подвинул кольца поближе к Лео.

— Они вам знакомы?

Лео взял одно из колец и стал осматривать его, вертя в руках.

— В чем дело? — с подозрением спросил он. — Равини говорил мне, что они не снимаются с пальца.

Когда до парня дошел смысл происходящего, он ахнул.

— Что с ним? Он...

— Боюсь, что именно так, — серьезно сказал мистер Ридер. — Боюсь, что Джорджа Равини больше нет с нами.

— Убит? — взвизгнул Лео. Его желтое лицо побелело. — Кто? Где?

— Именно это мы и хотели бы знать, — сказал Симпсон. — Ну, Лео, говори. Где Равини? Я знаю, он говорил про Париж. Куда он поехал на самом деле?

Взгляд жулика остановился на мистере Ридере.

— Джордж поехал к той «птичке», это все, что мне известно, — мрачно сказал он.

— Что за «птичка»? — спросил Симпсон, но мистеру Ридеру все стало понятно.

— Он поехал... за мисс Белман?

Лео кивнул.

— Да, это его знакомая, она выехала из города работать в отеле или что-то вроде этого... Кстати, я видел, как она уезжала. Равини хотел поближе познакомиться с девицей, поэтому поехал в тот же отель...

Лео еще не закончил говорить, когда мистер Равини потянулся к телефону, назвал какой-то код, что давало следовательно немедленный выход на нужного абонента.

Ему ответил визгливый голос.

— Да, я мистер Давер, владелец... Мисс Белман? Боюсь, она вышла, вернется через несколько минут. Кто говорит?

Мистер Ридер ответил дипломатично. Он хотел поговорить с Джорджем Равини и дал многословному мистеру Даверу две минуты на выражение его огорчения.

— Да, он выехал рано утром, не заплатив по счету...

— Я приеду и оплачу его счет, — сказал мистер Ридер.

9

— Самое главное, — сказал мистер Давер, — думаю, вы со мной согласитесь, самое главное, что нас интересует, так это то, что мистер Равини выехал, не заплатив по счету. Я так и сказал позвонившему сегодня утром другу мистера Равини. Самое непонятное во всей этой истории — почему он не заплатил?

Мистер Давер откинулся в кресле и посмотрел на девушку с выражением человека, поставившего перед собеседником неразрешимую проблему. Его поза со сложенными руками вызывала какие-то нечеткие ассоциации.

— То, что он оставил пижаму, кстати, не имеющую ценности, говорит о поспешном отъезде. Вы согласны? Уверен, что так. Не могу себе представить, почему такая спешка. Вы говорили, что он жулик, возможно, он узнал, что за ним следят.

— Но ему не звонили и он не получал писем, — возразила Маргарет.

Мистер Давер покачал головой.

— Это ничего не доказывает. У таких людей есть сообщники. Мне жаль, что он уехал, я надеялся изучить его как представителя определенной группы людей. Кстати, я кое-что узнал про Флака, знаменитого Джона Флака. Вы знаете, что он сбежал из психиатрической больницы? Ваша встревоженность свидетельствует о том, что вы не знали. Я наблюдателен, мисс Белман. Годы работы над предметом моих изысканий развили во мне шестое чувство — наблюдательность, чувство это атрофировано у обычных людей.

Мистер Давер достал из ящика стола длинный конверт и вынул из него несколько газетных вырезок. Разложив их на столе, он показал Маргарет газетный портрет пожилого человека.

— Флак, — коротко сказал он.

Девушку удивил возраст человека; тонкое лицо, седые усы и борода, глубоко сидящие умные глаза не говорили о том, что их владелец является опасным рецидивистом.

— Я заказываю вырезки в агентстве, — сказал мистер Давер. — Вот еще портрет, он может показаться вам интересным. Случилось так, что оба портрета попали ко мне одновременно. Вы согласитесь со мной, если я объясню вам почему. Это портрет человека по имени Ридер.

Мистер Давер был занят, поэтому не видел, что девушка покраснела.

— Умный старый джентльмен, работающий в прокуратуре...

— Он не очень старый, — холодно заметила Маргарет.

— Выглядит он старым, — сказал мистер Давер, и девушка вынуждена была согласиться, что газетный портрет не делал чести оригиналу.

— Этот джентльмен активно участвовал в аресте Флака, и

совпадение в том... Вы можете себе представить, в чем заключается совпадение?

Маргарет покачала головой.

— Сегодня он приезжает сюда!

Мисс Белман раскрыла рот от удивления.

— Мистер Ридер прислал сегодня телеграмму, приезжает вечером и просит разместить его. Не случись у нас странного происшествия, я не узнал бы ни имени, ни профессии этого джентльмена и, пожалуй, не дал бы ему комнаты.

Мистер Давер резко поднял голову.

— Вы сказали, что Ридер не очень старый, вы знаете его? Вижу, что знаете. Совпадение еще и в том, что я с нетерпением жду встречи с ним, чтобы поговорить о моем любимом предмете. Это будет праздник души.

— Не думаю, что мистер Ридер будет рассуждать о преступности. Он не любит обсуждать эту тему.

— Посмотрим, — сказал мистер Давер, своим видом давая понять, что он несколько не сомневается в том, что работник прокуратуры с удовольствием встретится с понимающей аудиторией.

Мистер Ридер прибыл около семи часов. К удивлению Маргарет, он расстался с сюртуком и смешной шляпой, его серый шерстяной костюм был почти щегольским. С мистером Ридером было два солидных, тяжелых на вид дорожных чемодана.

Во время встречи наблюдалось некоторое замешательство.

— Надеюсь, что вы, мисс... Маргарет, не подумаете, что я назойлив. Просто мне необходим... гм... небольшой отдых.

Мистер Ридер совсем не походил на человека, нуждающегося в отдыхе. Наоборот, в отличие от лондонского Ридера он выглядел деловитым.

— Пройдемте в мой кабинет, — неуверенно предложила девушка.

Мистер Ридер открыл дверь ее кабинета с величайшим уважением. Казалось, что он затаил дыхание, и Маргарет с трудом удержалась от смеха. Однако ей удалось справиться с собой. Когда они вошли в кабинет, Маргарет быстро заговорила:

— Я вела себя по-свински, я хотела написать вам... все получилось так глупо... Я имею в виду нашу ссору...

— Это было недоразумение, — пробормотал мистер Ридер, — я старомоден, вы правы, но старику...

— Сорок восемь лет еще не старость, — возразила Маргарет, — и почему бы вам не носить бакенбарды? Мое поведение

непростительно. Женское любопытство, захотелось знать, как вы выглядите без них.

Мистер Ридер поднял руку, он почти развеселился.

— Это моя вина, мисс Маргарет. Я действительно старомоден. Как вы думаете, мой визит в замок Лармес не выглядит нахальством?

Он обернулся на дверь и понизил голос:

— Когда выехал мистер Равини?

Маргарет удивилась.

— Так вы приехали из-за этого?

Мистер Ридер медленно кивнул.

— Я слышал от кого-то, что он был здесь. Когда он уехал?

Маргарет коротко рассказала следователю о ночных событиях, во время ее рассказа лицо Ридера все больше вытягивалось.

— Вы помните, что было до этого? Вы видели его вечером накануне отъезда?

Девушка попыталась припомнить.

— Да, — вдруг вспомнила она, — Равини гулял с мисс Крю, они вернулись довольно поздно...

— С мисс Крю? — быстро спросил Ридер. — Мисс Крю? Это та симпатичная леди, которая играла в крокет на лужайке со священником?

Маргарет удивленно посмотрела на следователя.

— Так вы подошли со стороны лужайки? Обычно гости подъезжают по дороге к парадному входу с портиком.

— Я вышел из машины на вершине холма, — поспешно объяснил мистер Ридер. — В моем возрасте прогулка крайне необходима. Окрестности замка очаровательны. Юная леди, лицо бледное, глаза темные...

Склонив голову немного набок, он внимательно смотрел на Маргарет.

— Так, мисс Крю прогуливалась с Равини... Они были знакомы?

— Не думаю, что Равини встречал ее до приезда сюда.

Девушка рассказала о взволнованном виде Равини, о том, что Ольга плакала.

— Плакала! — повторил мистер Ридер, поглаживая нос. — А после этого вы видели ее? На следующий день она встала поздно, может быть, головная боль?

Маргарет широко раскрыла глаза.

— Именно так. Откуда вы знаете?

Но мистер Ридер не спешил делиться информацией.

— Номер вашей комнаты?

— Четвертый, мисс Ольга живет в пятом.

— Так, а Равини в седьмом, через две комнаты. Куда вы меня поселили? — неожиданно спросил он.

Поколебавшись, Маргарет сказала:

— В седьмой, по приказу мистера Давера. Это один из лучших номеров. Учтите, мистер Ридер, владелец пансионата интересуется криминологией и жаждет поговорить на эту тему.

— Превосходно, — пробормотал мистер Ридер. Было видно, что мысли его заняты чем-то другим. — Я могу видеть мистера Давера?

Пробили часы. Оказалось, что они беседуют уже довольно долго. Маргарет проводила Ридера в кабинет кримиолога. Почему-то на столе в этот раз был полный порядок, сам мистер Давер сквозь очки в роговой оправе изучал бухгалтерскую книгу и вопросительно взглянул на Маргарет.

— Мистер Ридер, — представила она гостя и вышла.

Некоторое время детектив и владелец пансионата с лицом гнома смотрели друг на друга, затем мистер Давер царственным жестом предложил гостю стул.

— Я очень горд, мистер Ридер, — сказал он, низко поклонившись. — Скромный читатель трудов великих умов, которые вы, несомненно, знаете, я счастлив приветствовать того, кто, по моему мнению, является современным Ломброзо. Вы согласны со мной? Вижу, что согласны.

Мистер Ридер посмотрел на потолок.

— Ломброзо? Похоже, что итальянец. Фамилия мне о чем-то напоминает...

Мистер Давер захлопнул не до конца прикрытую ушедшей Маргарет дверь и вернулся на свое место.

— Я рад, что вы приехали, мистер Ридер. Ваш приезд избавляет меня от значительной неприятности. Со вчерашнего утра я все думаю, не следует ли мне обратиться в Скотланд-Ярд, это замечательное учреждение, с просьбой прислать специалиста и разобраться со странным и возмутительным случаем.

Мистер Давер внушительно помолчал.

— Я имею в виду исчезновение мистера Джорджа Равини, постояльца замка Лармес. Он выехал вчера в четыре сорок пять утра и направился в сторону Силтбери.

— Кто видел его?

— Житель Силтбери, фамилию его я забыл. Вообще-то я ее и не знал. Я встретил его случайно, когда ходил в город.

Мистер Давер наклонился вперед и по-совиному уставился на Ридера.

— Вы приехали из-за Равини, не так ли? Не надо отвечать, я вижу, что из-за него. Никто не в праве требовать от вас, чтобы вы открыто обсуждали свои дела. Я прав? Думаю, что так.

Мистер Ридер не поддержал высказанного заключения. Он был склонен слушать, что при обычных обстоятельствах вполне бы устроило мистера Давера.

— Вы понимаете, что я хочу избежать скандала, — сказал он. — Надеюсь на вашу сдержанность. Единственное, что волнует меня, так это неоплаченный счет. Это незначительная мелочь по сравнению с тем, во что может вылиться вся история. Вы согласны со мной? Уверен, что так.

Мистер Давер замолчал, и теперь заговорил мистер Ридер.

— Без четверти пять, — задумчиво сказал он, — еще темно, не правда ли?

— Заря могла всходить над морем, — поэтически выразился мистер Давер.

— Шел в сторону Силтбери? С чемоданом?

Мистер Давер кивнул.

— Могу я осмотреть его комнату?

— Я ожидал подобной просьбы, это обоснованная просьба. За мной, пожалуйста.

Они прошли через большой холл, в котором находился только джентльмен с внешностью отставного военного, он лишь мельком взглянул на проходящего мистера Ридера. Когда они подходили к широкой лестнице, следователь остановился.

— Очень интересно! — заметил он.

Внимание мистера Ридера могли привлечь самые неожиданные вещи. На этот раз следователь смотрел на огромный сейф, какого он еще не видел в частных домах. Сейф имел шесть футов в высоту и три в ширину, он был установлен под первым пролетом лестницы.

Мистер Давер улыбнулся, когда увидел, что привлекло внимание детектива.

— А, сейф. Я держу в нем свои редкие ценные документы. Он из Франции, великоват для моего скромного заведения, не правда ли? Согласен. Но иногда у нас бывают очень богатые постояльцы. Драгоценности и прочее... далеко не всякий взломщик откроет его, но я пользуюсь всего маленьким ключиком...

Мистер Давер вынул из кармана связку ключей на цепочке, выбрал один, вставил его в замок, повернул ручку и раскрыл тяжелую дверь.

Мистер Ридер с любопытством заглянул внутрь. В сейфе ничего не было, кроме трех маленьких жестяных коробок. Дверь была очень толстая, гладкая изнутри, со стальным брусом, вероятно, для укрепления замка. И еще — эмалированный пол сейфа отличался по цвету от стен. Только наблюдательный человек вроде мистера Ридера мог сразу заметить это. А все-таки для чего этот стальной брусок? Мистер Ридер неплохо разбирался в сейфах.

— Хранилище для сокровищ, — хихикнул мистер Давер, — глядя на него, я чувствую себя богаче. Вы почувствуете это психологически, мистер Ридер!

Наверху лестница переходила в широкий коридор. Мистер Давер открыл ключом дверь с номером 7.

— Это ваша комната, — пояснил он. — Мне кажется, я почти уверен, что ваш визит как-то связан с любопытным исчезновением мистера Равини, выехавшего, не оплатив счета. — Он хихикнул, затем извинился: — Простите, я слишком часто упоминаю о счете, это касается непосредственно меня.

Мистер Ридер вслед за владельцем вошел в большую комнату. Стены от пола до потолка были покрыты панелями, роскошь отделки просто поражала. Мебели было немного, но каждый предмет вызвал бы восхищение знатока. Кровать с балдахинном эпохи короля Якова, квадратный иранский ковер, туалетный стол со стулом тоже времен короля Якова...

— Он спал здесь, здесь же мы нашли его пижаму.

Мистер Давер сделал театральный жест, но мистер Ридер уже осматривал окна, одно из которых было приоткрыто. Он высунулся наружу и осмотрелся. Вдали, в тени холмов был виден Силтбери, в домах зажигались первые огни, вид на дорогу закрывал ряд елей. Слева виднелась часть дороги через холм, по которой следователь подъехал на такси.

Мистер Ридер вышел в коридор и осмотрел его.

— Прекрасный дом, мистер Давер, — сказал он.

— Вам нравится? Я так и думал! — с энтузиазмом воскликнул радушный хозяин. — Да, замечательный дом. Вам, возможно, покажется странным, что я использую его под пансионат, но, надеюсь, наша милая мисс Белман объяснила вам, что это мое хобби. Мне не нравится, что на приобретение друзей надо затрачивать усилия. Я живу по-иному: могу позволить себе выбирать постояльцев.

Мистер Ридер рассеянно смотрел на лестничную площадку.

— У вас был когда-нибудь постоялец по фамилии Холден? — спросил он.

Мистер Давер покачал головой.

— Или Веллингтон? Это мои друзья, они могли быть в этих краях лет восемь тому назад.

— Нет, — быстро сказал мистер Давер, — у меня отличная память на фамилии. Можете проверить книги регистрации постояльцев за последние двенадцать лет. У них был какой-то повод для приезда сюда под чужими фамилиями? Вижу, что нет.

В это время дверь в дальнем конце коридора приоткрылась и тут же закрылась. Мистер Ридер, который ничего не пропустил, успел кое-что увидеть.

— Чья это комната? — спросил он.

Мистер Давер был искренне озадачен.

— Это, — нервно откашлялся он, — мой номер. Вы видели миссис Бертон, мою экономку, спокойную, почтенную женщину, которой не очень повезло в жизни.

— Да, жизнь полна печали, — банально заметил мистер Ридер, и мистер Давер согласился с ним.

У Ридера было прекрасное зрение, и он, еще не зная экономки, был уверен, что замеченное им симпатичное лицо никак не могло принадлежать почтенной женщине, которой не повезло в жизни. Медленно переодеваясь к ужину, следовательно размышлял, почему мисс Ольга Крю не хотела, чтобы ее видели в номере Давера. Естественное и уместное чувство скромности, несомненно. В женщинах мистер Ридер превыше всего ценил скромность.

Он завязывал галстук, когда Давер, вероятно, решивший лично ухаживать за гостем, постучал в дверь и попросил разрешения войти. Он был взволнован и держал в руке газетные вырезки.

— Вы упомянули двоих джентльменов, Холдена и Веллингтона, — сказал он. — Фамилии мне о чем-то напомнили. У меня появилось чувство, что я не знаю их, но знаю о них, вы меня понимаете? И я вспомнил, — я встречал их фамилии в газетах. — И он помахал вырезками.

Мистер Ридер продолжал завязывать галстук перед зеркалом.

— В этих вырезках? — механически спросил он.

— Как вам, возможно, известно, мистер Ридер, я являюсь скромным учеником Ломброзо и других великих криминологов, превративших изучение ненормальностей в науку. Мисс Белман случайно направила мои мысли на организацию Флака, за последние день-два я раскопал несколько подробностей об этих злоумышленниках. Называются фамилии Холдена и

Веллингтона. Эти два детектива отправились на поиски Флака и пропали. Теперь я четко припоминаю подробности их исчезновения. Пропал еще один джентльмен.

Мистер Ридер кивнул.

— А, вы помните! — торжествующе воскликнул мистер Давер. — Конечно же. Адвокат Бигерхорп был вызван кем-то из конторы, и после этого его никто не видел. Могу добавить, — с намеком на юмор добавил он, — что мистер Бигерхорп никогда здесь не проживал. И зачем ему было приезжать сюда, мистер Ридер?

— Не представляю, — спокойно ответил Ридер. — Бигерхорп? Я забыл про него. Он был бы важным свидетелем на процессе Флака, если бы его удалось поймать, гм... Так вы изучаете криминологию, мистер Давер?

— Пытаюсь, — всем своим видом изображая скромность, ответил тот. Неожиданно он понизил голос до хриплого шепота: — Могу я поделиться с вами тайной, мистер Ридер?

— Вы можете говорить мне о чем угодно, — сказал следователь, застегивая жилет, — что угодно. Я готов слушать. В этой замечательной атмосфере, в прекрасном окружении я предпочел бы... гм... сказки или рассказы о привидениях. В вашем замке есть привидения? Привидения — моя специальность. Я арестовал больше привидений, чем любой другой представитель закона. Иногда мне хочется начать писать монументальный труд «Духи, которых я видел, или Путеводитель по миру привидений» в шестидесяти трех томах. Так вы говорили...

— Я хотел сказать, — сказал мистер Давер странным тоном, — что, по-моему, однажды здесь был сам Флак. Я не говорил об этом мисс Белман, но я уверен, что не ошибаюсь. Семь лет назад мужчина, очень представительный, с седой бородой, постучал в дверь около десяти часов вечера и попросился на ночлег. У него было много денег, но это для меня неважно. Обычно я прошу заполнить анкету, но тогда было поздно, холодно, шел снег, и я не мог прогнать путника.

— Как долго он пробыл, — спросил мистер Ридер, — и почему вы решили, что это Флак?

— Потому что он исчез так же, как и Равини, — почти простонал Давер, — рано утром, не заплатив. И он оставил свою пижаму!

Мистер Ридер медленно повернулся и посмотрел на владельца замка.

— Это уже из категории юмористических рассказов, а я

слишком голоден для того, чтобы смеяться, — спокойно сказал он. — Когда будет ужин?

В это время прозвучал гонг.

Маргарет Белман обычно ужинала вместе с постояльцами, но за отдельным столом. Она покраснела и почувствовала себя крайне неловко, когда мистер Ридер подошел к ее столу, придвинул стул и потребовал для себя прибор. Каждый из троих постояльцев ужинал за своим столом.

— Некомпанейская публика, — заметил Ридер, разворачивая салфетку и оглядывая зал.

— Как вам понравился мистер Давер?

Д.Г. Ридер мягко улыбнулся.

— Очень забавная личность, — ответил он и рассмеялся, но тут же принял серьезный вид.

— Что-нибудь новое о Равини?

Мистер Ридер покачал головой.

— Я поговорил с привратником, похоже, что это честный и прямой человек. Он сказал, что, придя утром того дня, когда исчез Равини, он нашел входную дверь незапертой. Это говорит о его наблюдательности. Кто такая миссис Бертон? — неожиданно спросил следователь.

— Наша экономка, — улыбнулась Маргарет. — Весьма унылая леди, постоянно намекает, что достойна другой, лучшей жизни, вместо того, чтобы быть заживо погребенной в Силтбери.

Мистер Ридер положил вилку.

— Боже мой! Так это именно та леди, которая знавала лучшие времена? — спросил он.

Маргарет рассмеялась.

— По-моему, она никогда не жила так хорошо, как сейчас. Вульгарна и крайне необразованна. Счета, которые проходят через ее руки, вызывают страх и удивление. Но если серьезно, миссис Бертон могла когда-то жить роскошнее. В первый же день моего пребывания здесь я вошла по какому-то делу в ее комнату (уже потом я поняла, что расспрашивать ее о делах бесполезно, она никогда не работала с бухгалтерскими книгами) и увидела, что миссис Бертон сидит за столом и любит-ся собственными руками.

— Руками? — спросил Ридер.

Маргарет кивнула.

— Пальцы ее были унижены замечательными кольцами, — сказала Маргарет, с удовольствием отметив, что ее рассказ произвел нужное впечатление на мистера Ридера, который с грохотом уронил нож с вилкой на тарелку.

— Кольца...

— Огромные бриллианты и изумруды. У меня захватило дух. Увидев меня, она спрятала руки за спину. А на следующий день рассказала, что получила кольца в подарок от жившей в пансионате актрисы и что они не имеют никакой ценности.

— То-есть, бижутерия, — сказал мистер Ридер.

— Бижутерия? — переспросила Маргарет, в ответ мистер Ридер покрутил головой, что, как она уже знала, означало прекрасное настроение и готовность пошутить.

После ужина мистер Ридер послал за владельцем, которому объяснил, что у него много работы и что ему в номере нужны письменный стол и бумага. Маргарет сначала удивилась, почему он не адресовал заказ ей, поскольку подобными делами ведала она, но потом решила, что следовательно просто не знал, кто чем занимается.

— Значит, вы много пишете? — с улыбкой спросил мистер Давер. — Я тоже пишу. Я чувствую себя счастливым, когда держу перо в руке. Когда вам лучше работается — утром или вечером? Что касается меня, то я до сих пор не смог найти ответ на этот вопрос.

— Я буду писать до двух ночи, — сказал мистер Ридер, посмотрев на часы. — Это уже давняя привычка. Я пишу с девяти до двух, потом выкуриваю сигарету, выпиваю стакан молока, кстати, распорядитесь, пожалуйста, чтобы мне в номер принесли молоко, и с двух до девяти крепко сплю.

Маргарет с некоторым удивлением выслушала сообщение о привычках мистера Ридера. Обычно он уклонялся от разговоров о себе лично и совершенно не рассказывал о своей работе. За всю свою жизнь Маргарет не встречала более сдержанного человека. «Возможно, Ридер разговорился оттого, что находится на отдыхе», — подумала Маргарет. И вообще в этот вечер он выглядел моложе обычного.

Девушка передала поручение постояльца миссис Бертон, но та начала ворчать.

— Молоко? Да, он похож на человека, который пьет молоко. Уж ЕМУ-ТО бояться нечего!

— А почему надо бояться? — резко спросила Маргарет, но ответа не последовало.

— Никто не любит детективов, рыскающих по чужому дому. Я представляла себе детективов другими.

— А кто сказал вам, что он детектив?

Миссис Бертон посмотрела на Маргарет, подумала и мотнула головой в направлении кабинета мистера Давера.

— Он сказал. А я вынуждена сидеть здесь, работать не покладая рук с утра до вечера, когда я могла бы роскошествовать в Париже или другом месте, приказывая слугам... Отвратительно!

За время пребывания Маргарет в замке Лармес это был уже второй припадок раздражительности. Девушке показалось, что в какой-то момент миссис Бертон хотела поделиться с ней своими сокровенными желаниями и воспоминаниями, но потом передумала. У Маргарет не было ничего общего с этой скучной и ужасно вульгарной дамой, у них не было общих интересов и тем для разговоров. Миссис Бертон была плаксивой, она в любой момент могла пустить слезу по поводу неких несправедливостей по отношению к ней...

— Об меня вытирают ноги, — дрожащим от бессильной злости голосом продолжала экономка, — а она относится ко мне хуже всех. Я как-то пригласила ее к себе на чашку чая, и вы знаете, что она мне ответила?

— О ком вы говорите? — спросила Маргарет с любопытством. Ей не пришло в голову, что упомянутая «она» — это Ольга Крю. Трудно было представить себе холодную, утонченную Ольгу ведущей пустой разговор с миссис Бертон за чашкой чая. Но тем не менее, миссис Бертон имела в виду именно Ольгу.

— Ни о ком... Молоко, вы сказали? Я сама отнесу молоко в номер.

Мистер Ридер переодевался в халат, когда прибыло молоко. Слуга уже принес в номер чернила, ручку и другие канцелярские принадлежности; на столе, на самом видном месте лежали две толстые тетради, при виде которых каждый входящий в номер догадался бы о готовности мистера Ридера заняться литературной деятельностью.

Следователь взял поднос из рук женщины и поставил его на стол.

— Замечательный пансионат, миссис Бертон, — начал он, приглашая даму к разговору. — Вы давно здесь?

— Несколько лет, — последовал короткий ответ.

Миссис Бертон подошла к двери и замялась. Мистер Ридер понял, что, несмотря на сдержанность, она готова посплетничать с новым человеком о пустяках.

— У нас не бывает много постояльцев, сэр. Мистер Давер очень разборчив.

— И правильно делает. Кстати, в каком номере живет мистер Давер?

Экономка вышла из комнаты и указала в конец коридора.

— Да, теперь я вспомнил, он мне говорил. Очень удобно. Я видел, как вы выходили из его номера.

— Вы ошибаетесь, я никогда не бываю в его номере, — резко возразила женщина. — Вы могли видеть...

Она остановилась, затем добавила:

— ...кого-то другого. Вы долго будете работать, сэр?

Мистер Ридер подробно повторил рассказ о своих планах на ночь.

— Будьте добры, передайте мистеру Даверу, чтобы меня не беспокоили. Я тугодум, и любое отвлечение прерывает ход... моих мыслей.

Убедившись, что миссис Бертон спустилась по лестнице, следователь запер дверь на замок и защелку.

Он подошел к открытому окну, задвинул тяжелые портьеры, придвинул письменный стол к окну так, чтобы прикрывать их, и поставил тетради таким образом, чтобы они закрывали свет настольной лампы. После этого следователь быстро переоделся в костюм, лег на кровать, накрылся покрывалом и крепко заснул.

Маргарет Белман подумала, не послать ли слугу в номер мистера Ридера часов в одиннадцать, чтобы узнать, не будет ли каких распоряжений, но потом передумала. И правильно сделала, ибо это нарушило бы его планы поспать до двух ночи и начать неофициальный осмотр здания, или просто быть полным сил для участия в возможных событиях.

Ровно в два часа следователь проснулся и сел на кровати. Из чемодана он достал спиртовку и необходимые принадлежности для приготовления чая. Пока крохотный жестяной чайник собирался закипеть, Ридер принял холодную ванну. К этому времени закипел чайник.

Мистер Ридер был аккуратным, более того, осторожным человеком. Он всегда с подозрением относился к молоку. Ему приходилось возвращаться домой со службы в ранние утренние часы и видеть, как молочники ставят бидоны и бутылки с молоком у дверей домов. Это навело его на мысль, что легкомысленная традиция могла дать злоумышленникам прекрасную возможность устроить массовое отравление населения. Следователь прикинул, что ловкий преступник в течение месяца мог бы значительно уменьшить население Лондона.

Ридер выпил чаю без молока, пожевал печенье, убрал чайные принадлежности. Достав из чемодана шлепанцы на толстой войлочной подошве, он натянул их поверх туфель. Затем достал резиновую дубинку, которая в умелых руках была опаснее ножа. Дубинка поместилась во внутренний карман пид-

жака. В чемодане оказался резиновый мешочек с двумя слюдяными окошечками и короткой трубкой. Повертев мешочек в руках, мистер Ридер положил его снова в чемодан. Следующим был тупорылый браунинг, на который следователь посмотрел неодобрительно, так как считал, что огнестрельным оружием следует пользоваться только при самых чрезвычайных обстоятельствах.

Затем из чемодана был извлечен кусок бамбука, внутри которого была более тонкая трубка. В принципе это было складывающееся удилище. К тонкому концу удилища Ридер прикрепил маленький электрический фонарик, выключатель его находился на толстом конце, за который обычно держится рыболов. Следователь проверил выключатель, все было исправно. Осмотрев комнату, он выключил настольную лампу.

При дневном свете мистер Ридер, сидящий, скрестив ноги, на кровати, с удилищем в руке, выглядел бы достаточно смешно, но сейчас он был настроен весьма серьезно. К тому же, следователь был один. Покачивая удочкой, он прислушивался к ночным звукам — шелесту листьев, посвистыванию ветра. Звуков, вызываемых деятельностью человека, пока не было.

Прошло примерно полчаса. Неожиданно от двери потянул холодный сквозняк. Было ясно, что дверь открыта, хотя никаких звуков, свидетельствующих о движении замка или задвижки, не было.

Ридер бесшумно протянул удочку в сторону двери, и опустил одну ногу на пол, готовый вскочить или упасть на пол в зависимости от обстоятельств.

Ничто не касалось конца удочки. Ридер затаил дыхание, прислушался... Он знал, что толстый ковер в коридоре поглощает звуки шагов. «Но человек дышит, — подумал мистер Ридер, — дышать бесшумно не всегда удается». Спohватившись, что он сидит слишком тихо, он изобразил легкий храп и бульканье, естественные для человека его возраста.

Что-то коснулось конца удочки. Мистер Ридер включил фонарик, яркий луч света осветил стену в коридоре. Дверь была открыта, но никого не было...

Ридер был закаленным человеком, но у него по спине побежали мурашки. Кто-то стоял в коридоре, ожидая, что из комнаты выйдет человек с фонарем.

Он выставил конец удочки с фонариком в коридор.

Трах! Что-то ударило по удочке, она переломилась. Фонарик упал на пол, светя вверх. Ридер бесшумно соскочил с кровати, пересек комнату и спрятался за открытой дверью. В щель он мог видеть часть коридора.

Полнейшая тишина. В холле внизу торжественно тикали часы, пробило четверть. Никакого движения, никто не пересекал луч света от фонарика. И вдруг...

Он представил себе: тонкое бледное лицо, ухмыляющийся рот, голова с грязными седыми волосами и лысиной, седая щетина на бороде, когтистая рука тянется к фонарику...

Пистолет или дубинка? Мистер Ридер предпочел дубинку. Когда чья-то рука протянулась к фонарику, он выскочил из-за двери и ударил. Раздался звук, похожий на рычание дикого зверя, хозяин руки попятился, провод порвался, фонарик погас.

В коридоре было темно. Ридер ударил еще раз, но промахнулся. Дубинка вылетела из его руки, и он упал на колено. Следователь кинулся вперед, схватил чужую руку, быстро втащил добычу в комнату и включил свет.

Мягкая округлая рука в шелковом рукаве...

В ярком свете Ридер увидел бледное лицо Ольги Крю!

10

Какое-то время они смотрели друг на друга — она со страхом, он с изумлением. Ольга Крю!

Ридер спохватился, что все еще крепко держал добычу, и выпустил ее руку. Рука заморозила мистера Ридера, он не замечал ничего другого.

— Извините, пожалуйста, — сказал мистер Ридер. — Откуда вы появились?

Ее губы дрожали, она пыталась заговорить, но безуспешно. Затем Ольга преодолела временный паралич и заговорила медленно, с трудом.

— Я услышала... шум в коридоре... и вышла... шум... я очень испугалась...

Она бессознательно растирала руку. От пальцев Ридера на ее руке были синяки. Удивительно, как это он не сломал ей руку!

— Что-то... случилось?

Каждое слово давалось Ольге с трудом. Казалось, она мучительно подбирала слова.

— Где выключатель в коридоре? — спросил мистер Ридер. Он уже потерял интерес к ее руке.

— Напротив моей комнаты.

— Включите свет, — приказал следователь.

Девушка робко повиновалась.

Ридер вышел в освещенный коридор, все еще сомневаясь, будет ли какая-нибудь польза от его браунинга.

— Что-нибудь случилось? — снова спросила Ольга. Она оправилась от испуга, лицо ее порозовело, но в глазах по-прежнему был ужас.

— Вы видели что-нибудь в коридоре? — спросил Ридер.

Девушка медленно покачала головой.

— Нет, я ничего не видела. Я вышла на шум.

Было ясно, что Ольга лгала. Она успела надеть шлепанцы и тонкий халат, хотя схватка продолжалась не более двух секунд. Более того, Ридер не слышал, чтобы открывалась ее дверь, — значит, она была открытой все время, и Ольга видела или слышала все, что произошло.

Следователь прошел по коридору, поднял свою дубинку и вернулся к Ольге. Девушка стояла, прислонившись к косяку, и потирала руку. Она так внимательно смотрела мимо Ридера, что он посмотрел в том же направлении. Ничего!

— Больно! — просто сказала Ольга.

— Да? Простите.

Пятна на руке посинели, мистер Ридер, естественно, был смущен. Но, сказать по правде, он не чувствовал вины в этот момент. Сожаление — да, но сожаление не было связано с ее синяками.

— Думаю, вам надо лечь спать, юная леди. Мой кошмар закончился, надеюсь, ваш кошмар тоже быстро кончится, хотя я сомневаюсь в этом. Мой кошмар временный, ваш, если я не ошибаюсь, тянется всю жизнь!

Ольга не отрываясь смотрела на следователя своими темными таинственными глазами.

— Наверное, это был кошмар, — сказала она. — Вы сказали, он на всю жизнь? Боюсь, что так.

Девушка кивнула и ушла к себе. Ридер слышал, как она закрыла дверь и щелкнула замком.

Мистер Ридер вернулся в номер и сел на стул. Он не закрыл дверь, при темной комнате и освещенном коридоре этот скверный сон не мог повториться.

«Да, с дубинкой я ошибся», — мысленно признался следователь. Жаль, что Ридер недолюбливал более шумное оружие. Пистолет лежал на кровати в готовности. Если сон повторится...

Послышались голоса.

Совещание шепотом нескольких людей, яростный хриплый шепот старшего... Звуки шли не из коридора, а снизу, из холла. Ридер на цыпочках подошел к двери и прислушался.

Кто-то тихо рассмеялся странным смехом, от которого кровь застыла в жилах. Где-то щелкнул замок, громкий голос спросил:

— Кто там?

Это был голос Маргарет, Ридер вспомнил, что ее комната была напротив лестницы. Положив пистолет в карман, он выбежал в коридор. Девушка стояла у перил и смотрела вниз, в темный холл. Шепот смолк. Краем глаза Маргарет увидела следователя и, вздрогнув, повернулась.

— Что случилось, мистер Ридер? Кто включил свет в коридоре? Я слышала голоса внизу.

— Это только я.

При других обстоятельствах его улыбка могла бы успокоить, но сейчас девушка была испугана, как ребенок. Ей почему-то захотелось прижаться к Ридеру и заплакать.

— Здесь что-то происходило, — сказала она. — Я лежала и слушала, не могла набраться храбрости и выйти. Я ужасно боюсь, мистер Ридер.

Он поманил Маргарет к себе и встал на ее место у перил. Перегнувшись, следователь осветил фонарем холл внизу.

— Никого нет, — небрежно сказал он.

Ридер никогда не видел ее такой бледной.

— Там кто-то есть, — настойчиво сказала девушка. — Я слышала шарканье ног по плиткам, когда вы включили фонарик.

— Может быть, это миссис Бертон, — предположил следователь, — кажется, я слышал ее голос...

На сцене появилось еще одно действующее лицо. В конце коридора возник мистер Давер в застегнутом на все пуговицы цветастом халате.

— Что случилось, мисс Белман? — спросил он. — Не говорите, что он пытался проникнуть через ваше окно! Боюсь, что вы скажете именно это! Не надо, пожалуйста! Боже мой, какая неприятность!

— В чем дело? — спросил мистер Ридер.

— Не знаю, но меня не покидает неприятная мысль, что кто-то пытался проникнуть в дом, — сказал мистер Давер.

Он был откровенно взволнован, казалось, можно услышать, как стучат его зубы.

— Я услышал, как кто-то трогал задвижку моего окна, я выглянул, клянусь! Я видел... что-то. Ужасно! Наверное, надо позвонить в полицию!

— Прекрасная мысль, — пробормотал мистер Ридер, снова

ставший покладистым и почтительным. — Думаю, вы спали, жогда раздался шум?

Мистер Давер заколебался.

— Не совсем спал, — сказал он. — Полусон. Сегодня я почему-то плохо спал.

Мистер Давер поднял руку, всего на секунду, отчего полы его халата распахнулись.

— Вы плохо спали, — мягко сказал мистер Ридер, — потому что забыли снять галстук. Какой же сон одетым и в галстуке!

Мистер Давер скривился.

— Я спешил одеться... — начал он.

— Лучше поспешите раздеться, — игриво заметил мистер Ридер. — Тот, кто ложится спать в жестком воротнике, может задохнуться до смерти, а это весьма огорчит лишившегося работы палача. Ваш взломщик спас вам жизнь.

Давер хотел что-то сказать, но передумал и вернулся к себе, громко хлопнув дверью.

Маргарет со страхом смотрела на мистера Ридера.

— В чем дело? Какой взломщик? Пожалуйста, скажите мне правду, или я устрою истерику!

— Правда, — играя глазами, сказал мистер Ридер, — близка к тому, что сказал этот странный человек, — кто-то был в доме, этот кто-то не имеет права находиться здесь. Я думаю, он ушел, и вы можете спокойно спать.

Девушка странно посмотрела на следователя.

— А вы тоже пойдете спать?

— Совсем скоро, — весело ответил мистер Ридер.

Маргарет взволнованно протянула руку, и он дружески пожал ее.

— Вы мой ангел-хранитель, — сдерживая слезы, улыбнулась девушка.

— Никогда не слышал об ангелах-хранителях с бакенбардами, — пошутил мистер Ридер.

Он поступил не слишком красиво, намекнув на ее замечание, но, вернувшись к себе в номер, все равно улыбался, мысленно повторяя свою остроту.

Мистер Ридер вошел в номер, включил свет и попытался поразмышлять над странным происшествием. Перед сном он точно запер дверь на замок и задвинул задвижку, ключ по-прежнему находился в замке изнутри. Ридер повернул ключ и

удивился, насколько легко и бесшумно работал замок и двигалась задвижка. И замок, и задвижку кто-то смазал маслом, и совсем недавно. Ридер начал внимательно осматривать дверь изнутри и установил, что загадка решается довольно просто.

В двери было восемь филенок, каждая в форме ромба. Филенка над замком при нажатии слегка подалась; немного повозившись, Ридер нашел удерживающую филенку пружину. Остальное было совсем просто — филенка открывалась, как маленькая дверца, через которую можно было просунуть руку и легко отодвинуть задвижку и отомкнуть замок.

Вообще-то в этом не было ничего необычного или пугающего, следовательно знал, что во многих отелях и пансионатах применялся этот способ открывания запертой изнутри двери — так, на всякий случай. Мистер Ридер подумал, нет ли подобным образом устроенной филенки в двери номера мисс Маргарет.

Когда он закончил осмотр двери, уже рассвело. Откинув портьеры, следователь подвинул стул к окну, уселся и начал обозревать пейзаж, открывающийся из его окна.

Ридера озадачивали два или три момента. Если замок Лармес был штаб-квартирой шайки Флака, то для чего и каким образом в преступную организацию была вовлечена Ольга Крю? Судя по внешнему виду, ей было около двадцати четырех лет, последние десять лет она регулярно гостила или постоянно проживала в замке Лармес, следовательно был знаком со многими способами действий преступного мира и точно знал, что бандиты не используют детей. Кроме того, какое-то время Ольга училась в школе, то есть от десяти лет надо от-нять года четыре. Совсем непонятно...

Ридер решил, что до следующего вечера ничего не должно произойти. Улегшись поудобнее, он укрылся покрывалом и крепко заснул. Его разбудил стук в дверь горничной, принесшей утренний чай.

Это была круглолицая женщина не первой молодости, с отвратительным акцентом и скверными манерами человека, ставшего неотъемлемой частью заведения. Мистер Ридер припомнил, что именно она подавала ему ужин.

— Сэр, вы спали одетым! — удивилась горничная.

— Я редко раздеваюсь, — ответил Ридер, садясь на кровати и принимая поднос с чаем. — Не хочется терять время. Только разденешься, как пора опять одеваться.

Горничная внимательно смотрела на него, но Ридер не улыбался.

— Вы сыщик, да? Вся прислуга знает, что вы сыщик. А зачем вы приехали?

Мистер Ридер загадочно улыбнулся. В голосе горничной он уловил беспокойство.

— Моя дорогая, я не имею права разглашать тайны о делах вашего хозяина.

— Так это он вас вызвал?

Мистер Ридер приложил палец к губам.

— Наверное, из-за тех подсвечников?

Следователь кивнул.

— Он все еще думает, что подсвечники украл кто-то из своих?

Горничная покраснела, глаза ее сверкали. Наружу выплескивался один из мелких скандалов, происходивших в пансионате.

Это следовало принять во внимание. Виновность горничной была явно написана на ее лице, в этом мистер Ридер не сомневался. И так, мелкое воровство в разумных пределах.

— Тогда скажите ему... — начала она визгливым тоном, но мистер Ридер предостерегающе поднял руку.

— Держите ваши проблемы при себе, — попросил он, — считайте, что я на вашей стороне.

Иногда на него находило игривое настроение, о чем мало кто из знающих Д.Г. Ридера мог догадываться. Кроме того, следователю был крайне необходим источник информации из числа работающих в пансионате, и он решил, что с грохотом захлопнувшая дверь разгневанная горничная может быть ему полезной. Конечно, Ридер ни на минуту не допускал, что именно в ее огрубелых руках находятся все секреты замка Лармес.

Следователь решил заглянуть к Даверу, чтобы узнать правдивую историю о пропавших подсвечниках. Он уже взялся за ручку двери кабинета, но кто-то изнутри приоткрыл дверь, и Ридер услышал визгливый голос горничной:

— Вы поступили со мной скверно, мистер Давер, других слов у меня нет! Я работаю у вас уже пять лет и никому не сказала ни слова о ваших делах! А вы нанимаете сыщика, который шпионит за мной. Я не позволю, чтобы со мной обращались, как с воровкой! Если вы думаете, что поступаете справедливо по отношению ко мне, работающей на вас и не вмешивающейся в ваши дела... Да, вы хорошо платите, но такие же деньги можно заработать и в другом месте... У меня есть своя гордость, как и у вас, мистер Давер. Вы поступаете

очень некрасиво по отношению ко мне... Я ухожу сегодня же, не беспокойтесь!

Дверь распахнулась, и раскрасневшаяся горничная выскочила из кабинета, в ярости не заметив, что за дверью находился посторонний, который мог слышать разговор. Дверь резко захлопнулась, что говорило о том, что мистер Давер также был рассержен. Все складывалось к лучшему, и мистер Ридер решил, что пока не следует показывать, что он подслушал разговор на повышенных тонах.

Он вышел на освещенную солнцем лужайку. Из всех постояльцев пансионата Ридер выглядел наиболее отдохнувшим и довольным. Он встретил преподобного Дина и полковника, который нес мешок с принадлежностями для игры в гольф. Оба мрачно поздоровались с ним. Было похоже, что полковник плохо спал ночь, преподобный отец злобно посмотрел на мистера Ридера.

Прогуливаясь по газону, следовательно критически осматривал фасад замка. Очертания сооружения были резкими и угловатыми, и даже окна, принадлежавшие периоду поздней готики, не могли оживить мрачную постройку.

Повернув за угол, Ридер оказался на газоне под окном своего номера. Газон заканчивался зарослями рододендрона, которые при определенных обстоятельствах могли быть полезными, но при других обстоятельствах представляли собой значительную угрозу.

Под номером следователя находилось одно из окон гостиной, и мистер Ридер мысленно отметил, что это тоже может оказаться полезным.

Он прошел к другому торцу здания. Три окна с яркими занавесками; очевидно, это личные апартаменты мистера Давера. Стена под окнами была черная, древние камни скрыты побегам плюща. Интересно, что там, за этой глухой стеной без окон?

Повернув за угол замка, следователь увидел Маргарет Белман. Она стояла на пороге, и, прикрыв рукой глаза от солнца, явно высматривала кого-то. Увидев мистера Ридера, она быстро направилась к нему.

— Наконец-то я вас нашла, — облегченно вздохнула она. — Я волновалась, ведь вы не завтракали.

Девушка выглядела неважно. Вероятно, она провела остаток ночи не столь спокойно, как следователь.

— После нашей встречи я не могла уснуть, — ответила она на немой вопрос Ридера. — Что это было? Неужели грабитель действительно пытался проникнуть в замок?

— Да, я думаю, они действительно пытались, и им это удалось, — осторожно сказал мистер Ридер. — Ограбления бывают даже в отелях, мисс... гм... Маргарет. Мистер Давер известил полицию?

Девшука покачала головой.

— Не знаю, он все утро звонил по телефону... Я ходила к нему, дверь закрыта, но внутри слышен его голос. Мистер Ридер, вы ничего не рассказали мне о том, что случилось с вами в Лондоне, в день, когда я уехала. Я обо всем прочитала в газетах.

— А что случилось?

Мистер Ридер был удивлен. Он почти совсем забыл о случае с ружьем.

— Ах, эта милая шутка!

— Шутка?! — Маргарет была поражена.

— У уголовников бывает извращенное чувство юмора, — пояснил мистер Ридер. — Все было старательно подстроено, чтобы испугать меня. К этому надо быть готовым. Это как экзамен на сообразительность.

— Но кто устроил его?

Мистер Ридер рассеянно рассматривал окрестности. Маргарет показалось, что ему совершенно не хочется возвращаться к такому пустяку из его полной приключений жизни.

— А вот и наша юная приятельница, — неожиданно сказал он. Маргарет оглянулась и увидела Ольгу Крю.

Она была в темно-сером трикотажном костюме и большой черной шляпе с широкими полями. Без малейшей тени смущения Ольга поздоровалась.

— Доброе утро, мистер Ридер. Мне кажется, этим утром мы уже виделись, — и она добродушно потеряла руку.

Мистер Ридер был само раскаяние.

— Я так ничего и не поняла, — сказала Ольга, и Маргарет впервые услышала о том, что произошло перед ее появлением в коридоре.

— Никогда не думала, что вы такой сильный, смотрите! — Ольга подняла рукав и, со смехом прерывая извинения Ридера, показала большой сине-черный синяк на руке.

— Вы показали мистеру Ридеру достопримечательности нашего замка? — немного саркастически спросила она у Маргарет. — В такое утро следует быть у бассейна.

— Я и не знал, что здесь имеется бассейн, — сказал мистер Ридер. — После сегодняшней ночи этот прекрасный замок становится таким страшным, что я могу представить себе только бассейн с кровью.

Шутка ей не понравилась. Ольга закрыла глаза и слегка вздрогнула.

— Какой мрачный юмор, мистер Ридер! Идемте, мисс Белман.

Маргарет обидел тон приглашения, но она все-таки пошла рядом с Ольгой. Отойдя немного, мисс Крю остановилась.

— Вы должны увидеть колодец. Вам нравятся древности? — спросила Ольга, направляясь к кустарнику.

— Я предпочитаю новое, особенно новые ощущения, — почти игриво ответил мистер Ридер. — И особенно люблю знакомиться с новыми людьми!

На лице Ольги снова мелькнула испуганная улыбка.

— Тогда вы должны наслаждаться здесь жизнью, мистер Ридер, поскольку вы встречаетесь с теми, кого вы раньше не видели.

Следователь слегка нахмурился.

— Да, двоих из проживающих в замке я раньше не встречал.

Ольга быстро взглянула на него.

— Только двоих? Меня-то вы раньше не встречали.

— Я видел вас, — сказал мистер Ридер, — но мы не были знакомы.

Они подошли к колодцу. Следователь медленно прочитал пояснительную надпись, ногой потрогал закрывающую колодец доску.

— Он заколочен давным-давно, — поспешно сказала де-вушка, — лучше ничего не трогать.

Ридер приподнял одну из досок, под которыми находилось овальное отверстие колодца.

Доска не скрипнула, поскольку была на хорошо смазанной петле, пыли между досками не было. Нагнувшись, мистер Ридер заглянул вниз, в темноту.

— Так сколько тачек камня и щебня пошло на засыпку колодца? — спросил он.

Маргарет прочитала цифры, указанные на табличке.

— Гм! — сказал мистер Ридер. Порывшись в карманах, он нашел монету в два шиллинга, поднял ее над колодцем и разжал пальцы.

Они долго ждали, пока раздалось слабое звяканье металла.

— Девять секунд! — Ридер посмотрел Ольге в лицо. — Берем скорость падающего тела, вычитаем время прохождения звука, получаем глубину колодца.

Следователь закрыл крышку и отряхнул брюки.

— Внутри есть камни, но нет воды, — сказал он. — Я

должен рассчитать количество щебня, необходимое для за-
сыпки колодца. Интересное утреннее упражнение для челове-
ка, бывшего в юности почти гением в математике.

Они молча прошли через кустарник по тропинке. Неожиданно Ольга сказала:

— Покажите мистеру Ридеру другие достопримечательности. Я что-то устала.

Кивнув им, она пошла к замку, мистер Ридер смотрел ей вслед почти с восхищением.

— Грим, конечно, сильно меняет внешность, — как бы про себя проговорил он, — но очень трудно изменить голос, это не удастся даже великим актерам.

Маргарет была поражена.

— Вы говорите это мне?

— Нет, себе, — скромно сказал мистер Ридер, — эта скверная привычка выдает, вероятно, мой возраст.

— Но мисс Ольга никогда не пользуется косметикой!

— Кому нужна косметика в сельской местности? — спросил следователь и указал тростью на стену перед обрывом. — Куда тянется эта стена? И что за ней?

— Смерть, — сказала Маргарет и рассмеялась.

Минут пятнадцать они стояли у каменной стены, глядя вниз, на песчаную полосу вдоль воды. Следователя заинтересовал канал от моря до пещеры в скале. Он спросил, глубока ли пещера. Девушка решила, что пещера мелкая, но Ридер не согласился с ней.

— Пещеры всегда связаны с романтикой, а канал выглядит довольно глубоким. Как попасть вниз?

Он посмотрел влево и вправо. Внизу был глубокий залив, ограниченный с одной стороны отвесной скалой и грядой уходящих в море скал, с другой. Мистер Ридер показал на горизонт.

— В шестидесяти милях отсюда находится Франция.

У него была привычка резко менять предмет разговора.

— Пожалуй, надо после обеда осмотреть окрестности. Прогулка пойдет мне на пользу.

Они уже возвращались в замок, когда следователь вспомнил про бассейн.

— Непонятно, почему мистер Давер не избавится от этого бассейна, — сказала Маргарет. — Буквально вчера я просматривала счета, местным властям причитается огромная сумма за пресную воду для бассейна.

— Когда он был построен?

— Самое странное в том, что его построили двенадцать лет

назад, когда в этих местах еще ничего не слышали о частных бассейнах.

Бассейн был удлиненным по форме, с одной стороны он был отделан плиткой и явно выглядел искусственным сооружением. Другой край был выдолблен в скале, огромный камень в форме купола служил трамплином для прыжков в воду. Мистер Ридер обошел бассейн, глядя в прозрачную воду. Наибольшая глубина была там, где находился трамплин. Именно здесь следователь простоял дольше всего, внимательно изучая сооружение. Было похоже, что между камнем, служившим трамплином, и дном бассейна имелся проход.

— Очень интересно, — наконец сказал мистер Ридер. — Я вернусь в замок и достану свой купальный костюм. К счастью, собираясь сюда, я захватил его с собой.

— Я не знала, что вы плаваете, — улыбнулась Маргарет.

— Во многих вещах я только любитель, — скромно сказал мистер Ридер.

Поднявшись к себе в номер, он переоделся в купальный костюм, а сверху надел пальто. Ольга и мистер Давер выехали в Силтбери, о чем свидетельствовало облако пыли, сопровождавшее их автомобиль.

Вид у мистера Ридера, скинувшего пальто и приготовившегося к купанию, был одновременно устрашающим и комичным: на поясе висели длинный охотничий нож в ножнах и водонепроницаемый мешок, в который следователь вложил один из своих электрических фонариков. Подготовка к погружению происходила самым обычным способом: ногой Ридер попробовал воду, сильно вздрогнул и, наконец, прыгнул. Не теряя времени, он поплыл под водой к тому месту, где надеялся найти проход под скалой.

Ридер действительно нашел его — проход высотой в два и длиной в восемь футов. Войдя в него, Ридер поплыл вперед, отталкиваясь руками от низкого потолка. Вскоре потолок кончился, и следователь рискнул всплыть. Держась за выступ скалы, мистер Ридер отвязал от пояса водонепроницаемый мешок, положил его на камень и достал электрический фонарик.

Следователь находился в естественной каменной пещере с куполообразным потолком. Она располагалась в скале, которая образовывала одну из сторон бассейна. В дальнем конце пещеры имелось отверстие высотой в четыре и шириной в два фута, от отверстия вниз шел проход в скале. Мистер Ридер двигался по нему примерно пятьдесят ярдов, отмечая про себя, что проход был естественного происхождения, возможно

промыт водой до того, как вулканические катаклизмы приподняли кусок суши над уровнем моря. В то же время проход свидетельствовал о деятельности человека — то следы зубила, то явные признаки взрывных работ. Ридер вернулся к воде, снова спрятал в мешок электрический фонарик, сделал глубокий вдох и протиснулся обратно в бассейн. Вынырнув, следователь встретился глазами с испуганным взглядом Маргарет Белман.

— О, мистер Ридер! — ахнула она. — Как вы меня напугали! Я слышала, как вы прыгнули в воду, но потом бассейн оказался пустым. Я уж подумала, что ошиблась... Где вы были? Вы не могли находиться под водой так долго.

— Не подадите ли вы мне пальто? — скромно попросил следователь. — Я убедился, что большие счета на пресную воду для бассейна вполне обоснованы.

Девушка была поражена.

— Вы, вероятно, знаете, уважаемая мисс... гм, Маргарет, в каждом театре существует несколько запасных выходов. Сегодня с утра я осмотрел уже два таких выхода, но самый важный из них я чуть было не выпустил из вида. Что за человек! Справедливо говорят, что сумасшествие находится рядом с гениальностью!

Мистер Ридер обедал в одиночестве и был похож на человека, меньше всего интересующегося своими соседями по пансионату. Двое любителей гольфа обедали за одним столом. Недавно вернувшаяся в замок мисс Крю приветствовала его улыбкой и села за стол лицом к следователю.

«Что-то с ней неладное, — подумал мистер Ридер. — Уже дважды она роняет вилку. Сейчас Ольга встанет и пересядет спиной ко мне. Интересно, каким будет повод?»

Повода не потребовалось. Девушка подозвала официантку, которая переставила прибор на другую сторону стола. Мистер Ридер угадал.

Когда следователь уже чистил себе на десерт яблоко, в столовую вошел Давер.

— Доброе утро, мистер Ридер. Как вы пережили ночной кошмар? Вижу, вижу. У вас железные нервы, я восхищен. Лично я отчаянный трус, простой намек на ограбление заставляет меня дрожать. Вы не поверите, но сегодня утром у меня был скандал с прислужгой, я весь дрожал! С вами такое бывает? Вижу, что нет. Мисс Белман сказала, что утром вы побывали в нашем плавательном бассейне. Вам понравилось? Думаю, что так!

— Присядьте, выпьем кофе, — вежливо предложил мистер Ридер, но Давер отказался от приглашения и раскланялся.

— Нет, не могу, ждет работа. У меня нет слов, чтобы выразить благодарность мисс Белман, которая обратила мое внимание на одного из самых необычных людей нашего времени. Что за человек! — повторил Давер похвалу, уже высказанную мистером Ридером. — Я пытался проследить начало его карьеры, нет, спасибо, я постою. Через минуту мне надо бежать дальше. Что-нибудь известно о его молодости? Он был женат?

Мистер Ридер кивнул. Он не имел ни малейшего представления о том, был ли женат Джон Флак, но момент требовал, чтобы его универсальные знания получили новое подтверждение. Следовательно никак не ожидал, что его ответ поразит желтолицего Давера, у которого отвалилась челюсть.

— Он был женат? — пропищал страстный исследователь. — Кто сказал вам, что он был женат? Где он был женат?

— Об этом я не могу говорить, — с серьезным видом сказал мистер Ридер.

— Женат! — раздраженно почесал свою круглую голову Давер, однако не стал развивать эту тему. Он сделал несколько неуклюжих замечаний по поводу погоды и выскочил из зала.

Мистер Ридер уселся в помещении, торжественно называемом банкетным залом, держа в руках иллюстрированную газету. Он решил дожидаться подходящего случая, который, как он знал, рано или поздно должен представиться. Слуг следовательно уже изучил; девушки, обслуживавшие столовую, жили в коттедже в некотором отдалении от замка; мужской персонал, включая привратника, сомнений не вызывал. Привратник был старым служакой, носившим свои медали на форменной тужурке, помощником у него был юноша без подбородка из Силтбери. Похоже, что только он один не жил в коттедже. Надежды на женщин было мало, за исключением разгневанной горничной, которая была склонна обсуждать только свои неприятности.

Через окно мистер Ридер видел лужайку перед входом. В три часа Ольга вместе с полковником и преподобным Дином прошли через главные ворота, вероятно, в Силтбери. Ридер позвонил, и к его удовольствию подошла и приняла заказ на чай именно огорченная горничная.

— Замечательное место, — заметил мистер Ридер, начиная разговор.

— Да, — резко ответила она.

— Работа здесь, наверное, предел мечтаний многих девушек, — глядя в окно, задумчиво сказал Ридер.

Но горничная не согласилась:

— Работа наверху нетрудная, — признала она, — в столовой тоже напрягаться не приходится. Но это все не по мне, до этого я работала в большом отеле. Скоро я сменю работу и чем быстрее, тем лучше.

Горничная согласилась, что платили неплохо, но ей не хватало того неосязаемого, что она называла жизнью. Она высказала предпочтение постояльцам мужского пола.

— Эта мисс Крю, как она себя называет, вреднее всех остальных постояльцев вместе взятых. Я не понимаю ее — требует одну комнату, потом другую. Непонятно, почему бы ей не жить вместе с мужем.

— Вместе с... — мистер Ридер был неприятно удивлен. — Может быть, она с ним не ладит?

— Раньше они прекрасно ладили. Можно было бы понять их игры в секрет, если бы они не были женаты, а то живут в разных номерах, ведут себя, словно чужие. Когда кругом такое притворство, вещи неизбежно начинают пропадать, — пришла горничная к неожиданному заключению.

— И давно это у них? — спросил Ридер.

— Примерно с неделю, — злобно сказала она. — Я-то знаю, что они женаты, я видела их брачное свидетельство... Они поженились шесть лет назад, свидетельство она держит в туалетном столе.

Неожиданно горничная посмотрела на мистера Ридера с подозрением.

— Я не должна была говорить вам об этом, я не хочу никому зла, я не сержусь на них, хотя они обошлись со мной хуже, чем с собакой, — сказала женщина. — Кроме меня в замке никто не знает о браке. Я была ее горничной в течение двух лет. Но если со мной поступают плохо, я отвечаю тем же.

— Боже мой, женаты уже шесть лет!

Неожиданно мистер Ридер посмотрел прямо на горничную.

— Хотите заработать пятьдесят фунтов? — спросил он. — Эту огромную сумму я дам вам, если смогу увидеть всего на одну минуту их свидетельство о браке.

Женщина покраснела.

— Вы пытаетесь подловить меня, — сказала она, явно колеблясь. — Я не хочу, чтобы у мисс Крю были неприятности.

— Я детектив, работаю по поручению Управления регистрации брака. У нас есть сомнения в законности этого брака. Я

мог бы устроить обыск в номере юной леди и найти свидетельство, но если вы поможете мне и если вас интересуют пятьдесят фунтов...

Горничная заколебалась, потом пообещала постараться. Через полчаса она вернулась и сказала, что поиски не дали результатов. Женщина нашла конверт от свидетельства, но документа внутри не оказалось.

Мистер Ридер не спрашивал фамилию мужа, даже не упомянул ее, так как был уверен, что знает счастливец. Он задал вопрос и получил нужный ответ.

— Меня интересует только одно: вы помните фамилию отца невесты?

— Джон Крю, купец, — быстро ответила она. — Мать — Ханна. Он заставил меня поклясться на Библии, что я никогда и никому не расскажу об их браке.

— Кто-нибудь еще знает? Вы ведь сказали, что никто?

Горничная колебалась.

— Знает еще миссис Бертон. Она все знает.

— Благодарю, — сказал мистер Ридер, раскрыл бумажник и достал две банкноты по двадцать пять фунтов. — А вы не помните профессию мужа?

Женщина презрительно скривилась.

— Секретарь. Почему именно секретарь, не знаю, ведь он джентльмен со средствами.

— Благодарю, — еще раз сказал Ридер.

Он позвонил в Силтбери и заказал такси.

— Вы уезжаете? — спросила Маргарет, увидев следователя под портиком парадного входа.

— Поеду, куплю подарки друзьям в Лондоне, — не задумываясь, сказал мистер Ридер. — Одну-две масленки с соответствующей надписью, это должно понравиться.

Но он направился не в Силтбери, а велел ехать по дороге параллельно берегу, дорога перешла в песчаный проселок, на котором старая машина едва не застряла.

— Я же говорил, сэр, что дорога никуда не ведет, — пробурчал недовольный водитель.

— Тогда мы приехали именно туда, куда надо, — сказал мистер Ридер, прикладывая свой вес к машине в качестве выталкивающей силы.

Силтбери не пользовался популярностью у лондонской публики, утверждал водитель, потому что пляжи были покрыты галькой, а все предпочитают песочек.

— Здесь есть прекрасные пляжи, — продолжал он, — но на них не попасть.

Машина свернула влево, на дорогу в Силтбери. Через пятнадцать минут езды сидевший рядом с водителем мистер Ридер обратил внимание на большую выемку на склоне одного из холмов.

— Местные каменоломни, — пояснил таксист, — сейчас заброшены, весь холм пронизан ходами.

— Ходами?

— Холмы похожи на губку, — сказал водитель. — В пещерах можно заблудиться. Там есть пещера, в которую может въехать карета, запряженная четверкой! Примерно двадцать лет назад трое исследователей ушли в пещеры и не вернулись.

— Кто владелец каменоломен?

Мистера Ридера рассказ не очень интересовал, но в моменты глубокой задумчивости он поддерживал разговор случайными вопросами, не слишком прислушиваясь к ответам. Казалось, голос собеседника оказывал на него снотворное действие.

— Сейчас ими владеет мистер Давер. Он купил их после того, как люди стали пропадать в пещерах, и заколотил вход. Мы скоро подъедем к нему.

Машина шла вверх. С вершины холма был виден аккуратный подъезд к находящемуся в двухстах ярдах большому отверстию в белой скале. Все отверстие, за исключением верхней части, было закрыто тяжелыми деревянными воротами.

— Отсюда не видно колючую проволоку, которой затянут верх входа, над воротами, — сказал таксист.

— Это забор или ворота?

— Ворота, сэр. Это все, вплоть до моря, владения мистера Давера. На сотне акров он пытался выращивать кое-что, но земля здесь бедная. В те времена он держал в пещере повозки.

— Когда мистер Давер бросил заниматься сельским хозяйством? — заинтересовался мистер Ридер.

— Примерно шесть лет назад, — последовал ответ; именно это и рассчитывал услышать мистер Ридер. — В те времена я часто встречал мистера Давера, у меня была лошадь и мне неоднократно доводилось возить его. Он работал как каторжный: с утра на ферме, после обеда в городе за покупками. Мистер Давер был больше похож на прислугу, чем на хозяина. Он сам встречал гостей на станции, тогда у него было много постояльцев, больше, чем теперь. Иногда он сам привозил гостей из Лондона, лично встречал мисс Крю, она тогда училась в школе.

— Вы знаете мисс Крю?

Таксист видел ее довольно часто.

Ридер вышел из машины и перелез через забор на частную дорогу. Было похоже, что ее недавно отремонтировали. Сообщив об этом таксисту, он узнал, что мистер Давер нанимает двух стариков, которые постоянно содержат дорогу в порядке, хотя видимого повода ухаживать за ней не было.

— Куда теперь, сэр?

— В спокойное место с телефоном, — сказал Ридер.

Таковы были факты, и факты оказались интересными. За последние шесть лет в жизни мистера Давера произошли значительные перемены, из загнанного труженика, «больше похожего на прислугу, чем на хозяина», он превратился в зажиточного джентльмена. Тайны замка Лармес больше не существовало.

Ридер связался с инспектором Симпсоном и пересказал ему суть своего открытия.

— Между прочим, — сказал Симпсон, — золото еще не ушло в Австралию, в порту беспорядки. Вы по-прежнему не исключаете «операции» со стороны Флака?

Мистер Ридер, почти забывший о перевозке золота, ответил осторожно и уклончиво.

Когда он вернулся в замок, все постояльцы были на месте. Привратник сказал, что на завтра намечается какое-то празднество, но мистер Ридер не воспринял информацию слишком серьезно. Он допускал, что привратник делился новостями искренне, но признаков повышенной активности в доме не замечалось, да и вообще замок не мог принять большое количество гостей.

Ридер поискал глазами рассерженную горничную, но не нашел, осторожными расспросами он установил, что женщина уже уволилась.

Мистер Ридер поднялся к себе, запер дверь и погрузился в чтение двух томов, которые он привез с собой. Это было дело Флака и его шайки. Слово «шайка» было не совсем подходящим, поскольку Флак как режиссер обновлял состав в зависимости от обстоятельств. Полиции был досконально известен десяток лиц, время от времени сотрудничавших с Джоном Флаком. Некоторые были в тюрьме, а по выходе из нее искали контактов с щедрым главарем. О некоторых было известно, что они живут в роскоши за границей.

Мистер Ридер просмотрел полные подробностей тома и прикинул стоимость добычи преступника за двадцать лет «работы». Сумма получилась астрономическая. Флак «работал» активно, и хотя платил хорошо, сам тратил мало. Где-то в Анг-

лии хранились его огромные сокровища, и Ридер чувствовал, что они могут быть рядом.

Ради чего трудился Флак? С какой целью он собирал деньги? Была ли это простая жадность вора или в действиях сумасшедшего не было никакой цели?

Жадность Флака вошла в поговорки, он не знал предела. За ограблением банка в Леденхолле последовало нападение на Лондонский синдикат, проведенное, по данным полиции, совершенно новым составом, собранным накануне события, но все было отретепетировано и выполнено блестяще.

Ридер спрятал дела и пошел вниз в поисках Маргарет. Кризис приближался, и он решил, что ему будет легче действовать, если девушка немедленно покинет замок Лармес.

На лестнице следователь встретил мистера Давера, и ему пришла в голову новая мысль.

— Я искал именно вас, — сказал Ридер. — Не окажете ли вы мне услугу?

Озабоченное лицо Давера искривилось в улыбке.

— Помочь вам, уважаемый мистер Ридер? Располагайте мной, — с энтузиазмом ответил он.

— Я раздумывал о вчерашнем происшествии и о своем участии в нем.

— Вы имеете в виду попытку ограбления? — подхватил Давер.

— Да, грабителя, — согласился мистер Ридер. — Он внушает мне опасения, и я не намерен бездействовать. К счастью, преступник оставил отпечатки пальцев на моей двери.

Выражение на лице Давера изменилось.

— Говоря об отпечатках пальцев, я имею в виду нечто похожее на отпечатки; чтобы быть уверенным, мне нужен дактилоскоп. Я не думал, что он может понадобиться. Нельзя ли послать кого-нибудь в Лондон за прибором?

— С величайшим удовольствием, — сказал Давер без особого восторга. — Кто-нибудь из слуг...

— Я подумал о мисс Белман, — прервал его Д.Г. Ридер, — она мой друг и будет обращаться с прибором с величайшей деликатностью.

Давер помолчал, обдумывая услышанное.

— А не лучше ли мужчине... вечерним поездом...

— Я договорюсь, за ней придет машина. Или лучше вызвать парочку специалистов из Скотланд-Ярда?

— Не надо, — быстро сказал Давер, — поедет мисс Белман, никаких возражений. Я передам ей.

Мистер Ридер посмотрел на часы.

— Следующий поезд в восемь тридцать пять, это последний. Она успеет поужинать до отъезда.

Следователь сам пришел к удивленной Маргарет с поручением.

— Ну конечно же я съезжу. А может быть, кто-нибудь другой? Или пусть пришлют прибор из Лондона...

Тут девушка заметила взгляд Ридера и остановилась.

— В чем дело? — понизив голос, спросила она.

— Вы сделаете это для меня, мисс... Маргарет? — почти робко попросил следователь.

Он написал записку, Маргарет заказала такси. Темнело, когда закрытая машина подошла к замку. Ридер проводил девушку до машины и негромко сказал:

— Человек в машине — полицейский. Он проводит вас до Лондона.

— Но... — пробормотала Маргарет.

— И вы останетесь в Лондоне до завтра, — сказал мистер Ридер. — Я приеду туда утром... если мне не помешают.

12

Мистер Ридер находился у себя в номере и готовил к употреблению свои скромные туалетные принадлежности. Он размышлял о напрасной трате времени при стремлении следовать моде (он переодевался к ужину), когда раздался стук в дверь. Следователь замер, держа в руке щетку для волос, затем повернулся к двери.

— Войдите, — сказал он, и, подумав, добавил: — Пожалуйста.

Показалась круглая голова мистера Давера, на его лице было написано смущение и беспокойство.

— Надеюсь, я не мешаю вам? — спросил он. — Прошу прощения за беспокойство, но мисс Белман уехала... Вы понимаете?... Уверен, что так.

Мистер Ридер был сама вежливость.

— Входите, сэр — сказал он. — Вот, видите ли, готовлюсь к ужину. Я очень устал, морской воздух, вы знаете...

Лицо владельца вытянулось.

— Тогда я напрасно вас беспокою, мистер Ридер. — Он проскользнул в номер и прикрыл дверь, будто готовясь произнести нечто очень важное, о чем не должны слышать посторонние. — Трое моих гостей намерены сыграть в бридж, поэтому они отправили меня с поручением пригласить вас...

— С величайшим удовольствием, — ответил мистер Ридер. —

Я неважный игрок, но если они смирятся с этим, то буду готов через несколько минут.

Мистер Давер удалился, рассыпаясь в извинениях и благодарностях. Когда он вышел, мистер Ридер запер дверь на замок. Затем он открыл один из своих чемоданов, вытащил длинную веревочную лестницу, привязал один ее конец к кровати, а другой выбросил в темноту через открытое окно. Высунувшись из окна, он негромко сказал что-то и, крепко упираясь в пол и удерживая лестницу, помог человеку влезть в комнату. Завершив операцию, Ридер вернул лестницу в чемодан и запер его. Затем он подошел к панели в углу комнаты, служившей дверцей глубокого шкафа, и открыл ее.

— Вот ваше место, Брилл, — сказал Ридер. — Извините, но я должен покинуть вас на два часа. Думаю, никто вас здесь не побеспокоит, оставляю лампу включенной, чтобы вам было светло.

— Хорошо, сэр, — ответил полицейский из Скотланд-Ярда и занял свое место.

Через пять минут мистер Ридер запер номер и пошел вниз, к ожидающим его гостям.

Озабоченное и молчаливое трио сидело в большом зале, с приходом Ридера они слегка оживились, и начался легкий разговор. В зале была еще женщина в черном платье, с приходом мистера Ридера она незаметно вышла из зала. Следовательно решил, что это была меланхоличная миссис Бертон. Двое мужчин стоя приветствовали подошедшего мистера Ридера, после обычных вступительных слов игроки разделились на пары. В партнеры мистеру Ридеру достался обладатель военной выправки полковник Хотлинг. Слева от него сидела бледная девушка, справа — преподобный Дин с жестким лицом.

— Какие будут ставки? — проворчал полковник, поглаживая усы и в упор глядя на Ридера глазами стального цвета.

— Давайте по мелочи, — попросил Ридер. — Я играю неважно.

— Предлагаю шесть пенсов за сотню, — сказал преподобный отец. — Большого бедный священник не может себе позволить.

— Так же как и живущий на пенсию офицер, — проворчал полковник.

Сошлись на шести пенсах.

Игра началась в полном молчании. Ридер чувствовал какую-то напряженность, но ничего не делал для того, чтобы разрядить ее. Его партнер нервничал, что не шло человеку, прослужившему всю жизнь в армии.

— Жизнь прекрасна, — приветливо заметил мистер Ридер.

Он обратил внимание на то, что рука девушки, держащая карты, слегка дрожала. Только священник был совершенно невозмутим и играл без ошибок.

После недопустимого ренонса* по вине полковника, в результате которого он и Ридер проиграли роббер и всю игру, мистер Ридер откинулся на стуле и начал философствовать.

— Как странен мир, — глубокомысленно заметил он. — Жизнь — это игра в карты.

Тот, кто был хорошо знаком с мистером Ридером, знал, что философствующий Ридер был наиболее опасным. Но сидящим за карточным столом сказанное показалось банальностью, вполне допустимой для туповатого человека, каким им казался мистер Ридер.

— Некоторые, — продолжал размышлять следовательно, глядя в потолок, — видят счастье в том, чтобы иметь всех тузов в колоде. Я же нахожу удовлетворение в том, чтобы держать в руках всех валетов**.

— Вы хорошо играете, мистер Ридер.

Это произнесла Ольга, голос ее был хриловатым и неровным, будто она говорила с некоторым усилением.

— Я очень неплохо знаю одну-две игры, и все потому, что у меня исключительная память, я никогда не забываю жуликов.

Трио сохраняло молчание, хотя намек мистера Ридера был совершенно понятен.

— В мои молодые годы я знал одного жулика, — продолжал мистер Ридер, не адресуясь ни к кому в частности, — который пошел по пути совершенствования своих жульнических способностей. Он начал свой профессиональный путь с... гм, двоеженства, дальше перешел на романтическую и интересную роль зазывалы игорного дома, потом участвовал в ограблении банка в Денвере. Я не встречался с ним несколько лет, сообщники называют его «полковником» за военную выправку, внушительную внешность и ловко подвешенный язык.

Ридер не смотрел на Хотлинга и поэтому не видел его бледности.

— Раньше он не носил усы, но все равно я узнаю его по особенному цвету глаз и по шраму на затылке, который он

* Неправильный ход при наличии требуемой масти.

** Здесь игра слов, кпаче по-английски означает: 1) валет в картах, 2) жулик. Кстати, в словаре Брокгауза и Ефрона также даются два подобных значения слова «валет».

получил в какой-то драке. Говорят, что жулик стал экспертом в области метания ножей, вероятно, это результат пребывания в Латинской Америке. Вот такой жулик!

Полковник сидел спокойно, ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Можно предположить, — продолжал мистер Ридер, глядя на Ольгу, — что к настоящему времени он приобрел хорошие манеры и может проживать в лучших отелях, не боясь быть опознанным полицией.

Темные глаза Ольги не сходили с лица мистера Ридера. Ее полные губы и челюсти были крепко сжаты.

— Какой вы интересный человек, мистер Ридер! — протянула она. — Мистер Давер прав, говоря, что вы связаны с полицией?

— Весьма отдаленно, весьма, — ответил мистер Ридер.

— Знаете ли вы других жуликов, мистер Ридер? — спросил священник, и Ридер с улыбкой посмотрел на него.

— Знаю еще одного, он в течение пяти лет занимался незаконной скупкой алмазов в Южной Африке, за что провел еще пять лет в кейп-таунской тюрьме, где приобрел весьма близкое знакомство с такими полезными домашними предметами, как лопата и кирка. Насколько я помню, его выпороли за возмутительное нападение на надсмотрщика. После выхода из тюрьмы он был замешан в ограблении в Иоханнесбурге, не припоминаю, сидел ли он в тюрьме Претории или сумел сбежать. Дальше парень проходил по делу о банкнотах, я немного занимался этим делом. Как же его звали?

И мистер Ридер задумчиво посмотрел на священника.

— Грегори Доунс, именно так! Начинаю припоминать. У него татуировка на левой руке — ангел. Можно было предположить, что подобное украшение поможет ему удержаться на узкой тропе добродетели и даже вернет в лоно церкви.

Преподобный Дин встал из-за стола, достал из кармана мелочь.

— Вы проиграли роббер, но набираете очки, — сказал он. — Сколько я вам должен, мистер Ридер?

— Вы никогда не расплатитесь со мной, — покачал головой мистер Ридер. — Поверь мне, Грегори, счет нашей с тобой встречи никогда не будет в твою пользу.

Улыбнувшись и пожав плечами, священник с жестким лицом отошел от стола. Наблюдая за ним краем глаза, Ридер видел, что жулик вышел в прихожую.

— Все ваши жулики мужского пола? — спросила Ольга.

— Будем надеяться, что так, мисс Крю.

— Другими словами, вы меня не знаете? — с вызовом спросила она в упор, и с неожиданной яростью проговорила: — Ей-Богу, жаль, что вы не знаете меня! — и выбежала из зала.

Мистер Ридер остался стоять у стола, стараясь держать в поле зрения весь зал. В слабоосвещенном конце помещения, казавшегося еще темнее от тяжелых темных портьер, он неясно различил силуэт человека, он промелькнул буквально за долю секунды и исчез.

«Наверное, миссис Бертон», — подумал Ридер.

Пора было возвращаться в номер. Следователь сделал не более двух шагов, как свет в зале неожиданно погас. В подобные моменты мистер Ридер действовал очень быстро. Он ментально приблизился к ближайшей стене и стал ждать, стоя спиной к панели. Раздался жалобный голос мистера Давера:

— Кто выключил свет? Мистер Ридер, где вы?

— Здесь! — громко сказал мистер Ридер и быстро опустился на пол. Оказалось, что он поступил правильно — что-то просвистело в воздухе над его головой и ударилось о стену.

Мистер Ридер издал громкий стон и быстро и бесшумно пополз по полу.

Снова раздался голос Давера:

— В чем дело? Что-то случилось, мистер Ридер?

Следователь промолчал, подползая к тому месту, где стоял Давер. И тут зажегся свет, так же неожиданно, как и погас. Давер стоял перед портьерой, лицо его при виде поднимающегося с пола мистера Ридера выразило откровенное сожаление.

Он отпрянул назад и, испуганно улыбаясь, пытался заговорить, беззвучно открывая и закрывая рот. При этом Давер перевел глаза с мистера Ридера на стену, но тот уже заметил торчащий в деревянной панели нож.

— Так, подумаем, — мягко произнес следователь. — Чья это работа — полковника или высокообразованного представителя церкви?

Он подошел к стене и с трудом вытащил орудие убийства из дерева. Нож был длинный и широкий.

— Смертоносное орудие, — заметил мистер Ридер.

К Даверу вернулся голос.

— Смертоносное орудие... — повторил он. — Его что, метнули в вас, мистер Ридер? Какой ужас!

Мистер Ридер мрачно смотрел на владельца замка.

— Ваша идея? — спросил он, но Давер не мог произнести ни звука.

Ридер оставил потрясенного владельца замка безвольно лежащим в кресле и пошел вверх по покрытой ковром лест-

нице. На фоне его черного костюма пистолет, который он держал в руке, был почти незаметен.

Он широко открыл дверь в номер. Лампа на прикроватном столике все еще горела. Мистер Ридер дотянулся до выключателя на стене, включил верхний свет и осмотрел комнату. Только после этого он вошел.

Закрыв дверь на замок, следователь приблизился к шкафу.

— Можно выходить, Брилл — сказал он. — Надеюсь, здесь никого не было?

Не услышав ответа, мистер Ридер быстро открыл шкаф.

Пусто!

— Ну, ладно, — пробормотал мистер Ридер, имея в виду, что дела обстояли совсем неладно.

Не было заметно никаких признаков борьбы, получалось, что детектив Брилл совершенно добровольно вылез из шкафа и покинул комнату через открытое окно.

Мистер Ридер на цыпочках подошел к выключателю, выключил все лампы в номере, подкрался к окну и осторожно выглянул. Было очень темно и различить что-либо на земле было невозможно.

События развивались быстрее, чем он предполагал, и частично это ускорение произошло по его вине. Мистер Ридер вынудил шайку начать действовать, и действовали они умело.

Следователь взялся было за чемодан, когда услышал царапанье металла о металл. Кто-то вставлял ключ в замок его двери. Ридер ждал, направив пистолет в сторону непрошенного гостя. Царапанье прекратилось. С помощью электрического фонарика мистер Ридер определил, что кто-то вставил снаружи ключ в замок и повернул его, тем самым открыть замок изнутри оказалось невозможно.

— Хорошо еще, что мисс Маргарет в данный момент находится на пути в Лондон, — вслух подумал мистер Ридер и задумался. Если бы его спросили, хотел ли он сам в это время находиться по дороге в Лондон, он не смог бы немедленно дать ответ.

В одном мистер Ридер был уверен полностью — люди Флака решили действовать быстро, и это означало, что ему тоже не следовало терять время.

В чемоданы, похоже, не лазили. Мистер Ридер вытащил длинный картонный цилиндр белого цвета, подполз к окну и осторожно воткнул его в один из стоявших на подоконнике фаянсовых цветочных горшков. Закончив предварительную подготовку, он зажег спичку и поднес ее к бумажной ленте на другом конце цилиндра. Все это было сделано очень быстро,

и как оказалось, мистер Ридер поступил правильно. Что-то со свистом влетело в номер и глухо ударилось в противоположную стену. Отсутствие звука выстрела говорило о том, что использовался воздушный пистолет. В комнату одна за другой влетали пули, но цилиндр уже загорелся, сигнальная ракета взлетела вверх и залила замок ослепительным красным светом, заметным на расстоянии нескольких миль.

Внизу кто-то пробежал, но следователь не осмелился взглянуть. Когда в замок примчалась машина с полицейскими, на лужайке уже никого не было.

Полиция приступила к обыску. Кроме слуг, в замке Лармес находились только мистер Давер и полинявшая миссис Бертон. «Полковник» Хотлинг и «преподобный» Дин исчезли, не оставив никаких следов.

Билл Гордон начал допрос владельца замка:

— Замок служит штабом организации Флака, и вам это известно. Советую отвечать на вопросы, это, может быть, облегчит вашу участь, — сказал он Даверу.

— Но я не знаю Флака, я никогда не видел его! — заныл Давер. — Это самое ужасное из всего, что когда-либо происходило со мной! Я же не могу отвечать за поведение моих постояльцев, вы согласны? Вы же разумный человек, неправда ли? Если эти люди и сообщники Флака, я ничего не знал. Обещайте замок от подвала до чердака, и если будет найдено хоть что-нибудь, свидетельствующее против меня, арестуйте меня. Я прошу об этом. Я говорю как честный человек. Кажется, я убедил вас?

Ни Давер, ни миссис Бертон с допрошенными ранним утром слугами не сообщили ничего интересного об исчезнувших постояльцах. Мисс Крю ежегодно приезжала в замок и каждый раз проживала здесь по четыре-пять месяцев. Хотлинг прибыл недавно, как и священник. В ответ на телефонный запрос полицейский участок в Силтбери подтвердил, что мистер Давер владеет замком Лармес уже двадцать пять лет и что его поведение безупречно. Мистер Давер показал купчую на замок, просмотр бумаг в его кабинете и в жестяных коробках в сейфе ничего не дал, кроме доказательств его невиновности.

В три часа утра Билл Гордон и мистер Ридер беседовали за чашкой кофе.

— Нет никаких сомнений, что все эти люди — сообщники Флака, они собрались здесь накануне его бегства. Одному господу Богу известно, как они сумели скрыться, — сказал Билл Гордон. — На дороге с вечера дежурят шесть полицей-

ских, но из замка никто не выходил, ни женщины, ни мужчины.

— Вы видели Брилла? — спросил Ридер, неожиданно вспомнив о пропавшем детективе.

— Брилла? — удивился Гордон. — Он же с вами, не так ли? По вашей просьбе он находился под окном...

Мистер Ридер коротко рассказал о случившемся, и они вместе поднялись в его номер. Не было ни малейшего намека на причину исчезновения Брилла. Детективы простучали все панели, но доказательств существования потайной двери (чего не исключал мистер Ридер) не было.

Двоих полицейских отправили на поиски пропавшего Брилла на территории замка, после этого Ридер и начальник полиции вернулись к своему кофе.

— Ваши предположения оказались верными, но пока что нет ничего против Давера.

— Давер явно замешан в это дело, — сказал мистер Ридер. — Он не метал нож, ему было поручено определить мое местонахождение для полковника. Но именно Давер сделал так, что накануне бегства Флака мисс Белман поступила на работу в замок.

Билл кивнул.

— Она была бы заложницей, чтобы вы вели себя правильно, — сказал он, раздраженно почесав в голове. — Это одна из задумок Сумасшедшего Флака. Но почему он стрелял в вас? Ему было достаточно того, что мисс Белман находилась в замке Лармес.

Мистер Ридер не мог ничего ответить. Они имели дело с подверженным настроению сумасшедшим. В действиях Флака не следовало ожидать последовательности.

Взъерошив свои редкие волосы, мистер Ридер сказал:

— Все это странно и необъяснимо. Думаю, мне надо поспать.

Он спал крепко, без сновидений, охраняемый детективом из Скотланд-Ярда, когда в номер ворвался Билл Гордон.

— Вставайте, Ридер! — грубо сказал он.

Мистер Ридер моментально проснулся.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Случилось! Сегодня в пять утра грузовик с золотом вышел из Английского банка и направился в Тилбери. Вышел и пропал!

В последний момент руководство банка изменило свои планы и отправило в порт груз золота стоимостью в пятьдесят три тысячи фунтов стерлингов. Как неоднократно бывало и раньше, для этой цели в расквартированной в Вулвиче армейской части был нанят грузовик.

Машину сопровождали восемь детективов, водитель-солдат был вооружен. К половине двенадцатого ночи грузовик разгрузили в порту Тилбери, и он вернулся в Лондон, где снова был нагружен золотом во дворе Английского банка, за погрузкой наблюдали офицер, сержант и охранники банка, несущие службу от захода до восхода солнца. Новая группа отборных, вооруженных автоматическими пистолетами детективов из Скотланд-Ярда загрузили грузовик для второго рейса золотом на сумму в семьдесят три тысячи фунтов стерлингов. Погрузив ящики с золотом, детективы влезли в кузов, и машина покинула территорию банка. Каждого из восьми полицейских охраны второго рейса лично знал и рекомендовал представитель руководства Скотланд-Ярда. Выезд грузовика из города видел специальный дежурный детектив, полицейский патруль на мотоциклах доложил о прохождении грузовиком перекрестка дорог на Риппл и Баркинг.

Главная дорога в порт Тилбери проходит на расстоянии нескольких сот ярдов от деревни Рейнхам. Именно здесь, в нескольких милях от Тилбери, видели грузовик в последний раз. Двое полицейских на мотоциклах, получив сообщение о прохождении грузовиком перекрестка дорог, выехали ему навстречу из Тилбери. Продав понапрасну некоторое время, они забеспокоились и доложили в порт.

Было душное утро, в низинах клубился туман. Некоторые участки дороги, особенно вдоль реки, были покрыты белым туманом; он рассеялся к восьми часам. Остатки тумана еще цеплялись за траву, когда поисковая партия из Тилбери обнаружила первое свидетельство происшедшей трагедии. Был найден старенький автомобиль марки «форд», который, очевидно, свернул с дороги, чудом не врезался в телеграфный столб и остановился в канаве. Машина не перевернулась, повреждений на ней не было, однако водитель был мертв, даже успел окоченеть. Немедленный медицинский осмотр не выявил никаких следов насилия на теле мелкого фермера из деревни Рейнхам, внешне все выглядело так, будто он скоропостижно скончался за рулем от разрыва сердца.

«Форд» был найден на выезде из глубокой впадины, над

которой проходил узкий мост. К моменту прибытия на место происшествия Ридера и главы Скотланд-Ярда «форд» и его мертвый водитель были уже убраны. О грузовике ничего не было известно, но приступившая к расследованию местная полиция обнаружила две вещи. Было установлено, что проезжая впадину грузовик передними колесами ударился о ее глинистую стенку и оставил в ней глубокий след.

— Похоже, что грузовик взял в сторону, чтобы избежать столкновения с «фордом» фермера, — сказал Симпсон, которому было поручено провести расследование. — Передние колеса «форда», судя по следам, виляли. Возможно, его водитель был уже мертв.

— Есть ли следы грузовика после впадины? — спросил Ридер.

Симпсон кивнул и подозвал сержанта, исследовавшего отпечатки колес.

— Похоже, что он повернул на север, на Беконтри, — сказал тот. — Кстати, полицейский в Беконтри сообщил, что мимо него в тумане прошел большой грузовик с тентом и направился в сторону Лондона. Грузовик армейский, за рулем был солдат.

Мистер Ридер прикурил сигарету и торжественно посмотрел на горящую спичку.

— Боже мой! — сказал он и уронил спичку на землю.

После этого следователь приступил к непонятному исследованию грунта с помощью зажженных спичек.

— Вам что, мало света, мистер Ридер? — раздраженно спросил Симпсон.

Следователь выпрямился и улыбнулся, однако улыбка тотчас же погасла и его длинное лицо вытянулось еще больше.

— Бедняга! — сказал он негромко. — Как жалко!

— О ком вы говорите? — спросил Симпсон, но мистер Ридер не отвечал. Он показал на мост, в центре которого находилась старая ржавая цистерна для воды, одна из тех, что до сих пор используются в некоторых графствах. Мистер Ридер выбрался из впадины и исследовал цистерну, заглянув ей внутрь через открытый люк.

— Пустая? — спросил Симпсон.

— К сожалению, пустая, — ответил мистер Ридер, осматривая старый шланг цистерны. Он спустился во впадину еще более меланхоличным, чем прежде.

— Вы когда-нибудь задумывались над тем, как можно быстро замаскировать обычный армейский грузовик? — спросил он. — Как сказал сержант? Тент и направление на Лондон...

— Вы думаете, это грузовик с золотом?

Мистер Ридер кивнул.

— Уверен, — сказал он.

— Где на него напали?

Мистер Ридер показал на след от наезда грузовика на стенку выемки.

— Здесь, — коротко сказал он сосредоточенному Симпсону.

— Ерунда! Выстрелов не было, наши люди не сдались бы без сопротивления. Каждый из них стоит пятерых, а на этой дороге никто не видел чужих.

Мистер Ридер согласно кивнул.

— И тем не менее именно здесь грузовик был атакован и захвачен. Думаю, вам следует искать грузовик с тентом, поэтому надо поговорить с сержантом из Беконтри, пусть подробнее опишет машину.

Через четверть часа они уже были в маленькой деревушке и расспрашивали полицейского, видевшего грузовик. Встреча с грузовиком произошла незадолго до окончания его дежурства, был густой туман, поэтому он раньше услышал грузовик, чем увидел его. Обычный армейский грузовик, серый, с черным тентом с буквами МО и широкой стрелой на кабине. МО означает Министерство обороны, стрела — собственность правительства. Полицейский видел одного солдата за рулем и еще одного в кабине. Тент был зашнурован, поэтому о содержимом кузова он не мог ничего сказать. Водитель помахал полицейскому рукой. Парень сразу же забыл о грузовике и не вспомнил о нем до того момента, как узнал об ограблении.

— Да, грузовик был тяжелый, наверное, с грузом, — сказал он. — У нас часто проходят такие машины.

Симпсон позвонил в полицейский участок в Баркинге, там тоже видели грузовик, но не обратили на него особого внимания, поскольку в портовом районе бывает много машин. Какой-то грузовик прошел по тоннелю под рекой, но в Гринвиче, на другом берегу реки, о машине не могли сказать ничего конкретного. Здесь след подозрительного грузовика был полностью утерян.

— Похоже, что мы гоняемся за тенью, — сказал Симпсон. — Мы следуем вашей теории, Ридер, но это явно ложная теория! Они не могли захватить наших людей врасплох да еще и так, чтобы ни один из них не успел выстрелить. Стрельбы-то не было!

— Да, стрельбы не было, — согласился Ридер.

— Тогда где наши люди? — спросил Симпсон.

— Убиты, — спокойно ответил Ридер.

Позже, в Скотланд-Ярде начальник полиции с недоверием и страхом выслушал версию Д.Г. Ридера о том, как было совершено преступление.

— Я уже говорил, что Флак был химиком. Вы помните, Симпсон, цистерну для воды на мосту над выемкой? Вы же установили, что цистерна не принадлежит фермеру, по участку которого проходит дорога, он и раньше ее не видел. Надо выяснить, где она была куплена. Весьма возможно, что ее купили несколько дней назад на распродаже муниципальной собственности. Я припоминаю объявление в «Таймс» о подобной распродаже. Вы допускаете, что в цистерне можно было получить или хранить под давлением большое количество какого-то смертоносного газа, в состав которого входит окись углерода? Допустим, что цистерна содержит окись углерода или другой более сильный газ, вполне можно представить себе, что этот газ одним тихим, безветренным утром через шланг выпускается во впадину на дороге. Я уверен, что так оно и было. Не знаю состава газа, но в нем точно была окись углерода, помните, как гасли мои спички, когда я держал их над землей? Если бы грузовик успел выскочить из впадины, водитель и детективы могли бы остаться в живых. Однако, на мгновение потеряв сознание, водитель повернул руль и наехал на стенку выемки. Грузовик остановился. Думаю, все уже были мертвы, когда люди Флака в противогазах прыгнули во впадину, перенесли мертвого водителя в кузов и поехали дальше.

— Ну а фермер... — начал было комиссар.

— Он умер, пожалуй, после прохода грузовика. Он также съехал в смертоносную выемку, запаса скорости хватило на то, чтобы «форд» вместе с задохнувшимся водителем выскочил из выемки.

Ридер встал и устало потянулся.

— А сейчас я, пожалуй, пойду и успокою мисс Белман, — сказал он. — Вы отослали ее в отель, как я просил, мистер Симпсон?

Симпсон был несказанно удивлен.

— Мисс Белман? — спросил он. — Но я не видел мисс Белман!

Почти ничего не понимая, Маргарет Белман села в машину, ждавшую ее у входа в замок Лармес. Дверца хлопнула.

лась, машина отъехала. Сидевший в углу спутник Маргарет смущенно улыбнулся. Он молчал, пока такси не отъехало от замка.

— Меня зовут Грей, — сказал он. — Мистер Ридер не успел представить меня. Сержант Грей, из уголовного розыска.

— Что все это значит, мистер Грей? Этот прибор, который я должна привезти...

Грей кашлянул. Он ничего не знал о приборе, пояснил он, ему приказано сопровождать ее до машины, ожидающей их на указанной дороге.

— Мистер Ридер решил отправить вас машиной. Вы видели Брилла?

— Брилла? — нахмурилась Маргарет. — Кто такой Брилл?

Грей пояснил, что в замке находятся двое полицейских: он и вышеупомянутый Брилл.

— Но что происходит? Какие-то неприятности в замке Лармес? — попыталась выяснить Маргарет.

Подобный вопрос можно было и не задавать. Девушка вспомнила взгляд Д.Г. Ридера, свидетельствующий о серьезных событиях.

— Не знаю, — дипломатично ответил Грей. — Знаю только, что главный инспектор с дюжиной ребят находятся здесь, похоже, что для них есть работа. Видимо, мистер Ридер решил отослать вас подальше.

Теперь Маргарет все поняла, и сердце ее сильно забилося.

Какие тайны окружали замок Лармес? Было ли это связано с исчезновением Равини? Девушка пыталась размышлять спокойно и логически, но мысли разбегались в разные стороны.

Такси остановилось у холма, Грей выскочил из машины. Впереди были видны огни другой машины, она стояла у обочины дороги.

— Письмо с вами, мисс? Машина отвезет вас прямо в Скотланд-Ярд, там о вас позаботится мистер Симпсон.

Грей проводил девушку до машины, открыл ей дверцу и стоял на дороге, пока машина не пропала за поворотом.

В кабине было уютно, Маргарет устроилась поудобнее, накрыла колени ковриком и приготовилась к двухчасовому путешествию. Стало душновато, она попыталась открыть окно, оно не поддавалось, второе окно тоже не открылось. Оказалось, что дверцы были сплошными, без стекол. Что-то оцарапало ее пальцы. Маргарет ощупала дверцу — шурупы, деревянные рамки, зазубрины...

Немного обеспокоенная, она стала на ощупь искать ручку дверцы — ничего нет! То же самое и на другой дверце.

Ее поиски привлекли внимание водителя, стекло, отделяющее его от пассажиров, опустилось и раздался хриплый голос:

— Сиди и не шевелись! Это не та машина, которую заказал Ридер, я отослал ее!

Голос перешел в пугающее хихиканье:

— Ты поедешь со мной... увидишь настоящую жизнь. Ридер будет плакать кровавыми слезами. Ты знаешь меня? Ридер знает... Сегодня я хотел прикончить его, но ничего, ты сойдешь, дорогая...

Стекло закрылось, машина свернула с главной дороги и пошла по проселку, поскольку, как поняла Маргарет, водитель не хотел проезжать через городки и поселки. Девушка ощупала стенки машины — все закрыто, кожаный верх.

Маргарет подумала и тихонько ахнула: она нащупала замок, удерживающий верх в закрытом положении, с усилием откинула его и, изо всех упираясь в пол, потянула кожаный верх назад. Верх начал складываться, и поток холодного воздуха ворвался в открывшуюся машину. Нельзя было терять ни секунды. Машина шла со скоростью тридцать миль в час, но приходилось рисковать. Девушка перелезла через задний борт и упала на дорогу.

Тело ее по инерции сделало полный оборот, но к счастью обошлось без серьезных ушибов. Маргарет встала и огляделась по сторонам. Живая изгородь слева была сплошной и слишком высокой, справа тянулся деревянный забор. Девушка перелезла через него и услышала, как заскрипели тормоза машины.

Она побежала по полю: оно было не вспахано и, судя по высокой траве и колючкам, скорее походило на выгон. Сзади послышались крики, но Маргарет продолжала изо всех сил бежать в темноте.

Где-то рядом было море, в грудь девушки бил соленый воздух. В какой-то момент она услышала плеск набегавших на невидимый берег волн.

— Где ты? Вернись, дура...

Голос был недалеко, не более чем в двенадцати ярдах она заметила силуэт человека и с трудом удержала крик ужаса. Она спряталась за кустом, увидела луч электрического фонарика и испугалась еще больше. Ее искали!

Встреча с преследователем казалась неизбежной, поэтому Маргарет вскочила на ноги и побежала зигзагами, надеясь сбить его с толку. Земля пошла слегка вниз, это прибавило девушке скорости. Преследователь увидел ее на фоне неба,

яростно вскрикнул и побежал быстрее. Все ближе и ближе... Маргарет прыгнула в сторону, стараясь увернуться от его протянутой руки, и вдруг почувствовала, что опоры под ногами нет... Ее падение было прервано сильным ударом о куст, от боли девушка едва не потеряла сознание. Она катилась по крутому склону, тщетно пытаясь ухватиться рукой за какое-нибудь дерево или куст. Наконец склон перешел в ровную площадку, Маргарет остановилась. Одна ее нога повисла над пропастью, но к счастью из-за темноты девушка не видела этого и поэтому не испугалась еще больше.

Всю опасность мисс Белман поняла только тогда, когда наступил рассвет. Внизу было море и узкая полоска пляжа. Она находилась над маленьким заливом, нигде не было видно человеческого жилья. Ничего странного, на пляж можно было попасть только со стороны моря. Где-то за скалой находился городок Силтбери. Под ногами у Маргарет был обрыв высотой почти в двести футов, выше — крутой подъем, который она должна попытаться преодолеть.

С левой ноги Маргарет свалился туфель. Он лежал у самого обрыва, и девушка с трудом дотянулась до него.

Площадка длиной в пятьдесят ярдов напоминала по форме полумесяц, она вся была покрыта кустами дрока. На земле было много гнезд, что явно свидетельствовало о девственности этой территории. Теперь Маргарет поняла, для чего вдоль берега был поставлен деревянный забор длиной в несколько миль. «Далеко ли до замка Лармес?» — подумала Маргарет, но тотчас же отогнала эту абсурдную мысль. Надо было решить вопрос о том, как избежать голода и смерти.

Прежде всего необходимо выбраться наверх. Была слабая надежда на то, что ее заметят с моря. Подумав, Маргарет отказалась от такой перспективы, так как знала, что экскурсионные пароходы и рыбацкие лодки не заходят в эти места. Она посмотрела с обрыва вниз и убедилась, что никакой тропы не видно. Почувствовав голод, девушка стала проверять гнезда, но все они были пустые.

Оставалось только исследовать площадку. С одной стороны был склон, по которому можно было попытаться перебраться на другую, более низкую площадку.

Надо было как-то притормозить скорость, чтобы во время спуска не проскочить ее. С большим трудом Маргарет отломала от куста две ветки, она собиралась использовать их как лыжные палки. Спуск по заросшему травой и кустами участку почти не представлял труда, но на голой скале палки

были бесполезны, и скорость скольжения здесь достигала опасного предела.

И вдруг Маргарет с ужасом заметила, что не может управлять своим спуском, что ее несет мимо намеченной площадки. В одном месте девушка попала на участок, где недавно был небольшой оползень. Здесь не было кустов, концы палок расщепились и стали бесполезными.

Желанная площадка оказалась в стороне. Склон, по которому катилась Маргарет, круто шел к морю, в конце спуска был обрыв. Своим падением девушка вызвала новый оползень, теперь она катилась в туче песка и глины, мимо нее пролетали крупные камни, один из которых едва не ударил Маргарет по голове.

И вдруг все кончилось — Маргарет падала отвесно вниз, в зеленую воду. Громкий всплеск, и она идет ко дну, изо всех сил пытаясь остановиться и вынырнуть.

Наконец девушка вынырнула. К счастью, Маргарет хорошо плавала, она тут же направилась к желтому песчаному пляжу, до которого было ярдов пятьдесят, не больше. Плыть пришлось против вызванного отливом течения, расстояние в пятьдесят ярдов далось девушке с большим трудом.

Все ее тело, от головы до пят, болело, руки и ноги были расцарапаны. У Маргарет было такое ощущение, будто все тело представляет собой один большой синяк. Отдышавшись, девушка услышала громкий плеск: под обрывом бил небольшой ключ пресной воды. Маргарет долго пила, подставляя под струю сложенные ковшом ладони. Она знала, что ей предстоит переносить голод и жажду в течение нескольких дней, раньше ее не найдут.

В конце пляжа Маргарет увидела отверстие в скале, через которое можно было попасть на соседний пляж. Однообразный пейзаж не позволял определить, какое расстояние отделяло девушку от цивилизации.

Напившись, Маргарет сняла чулки и туфли и направилась в сторону соседнего пляжа.

Второй залив был побольше, пляж длиннее, из песка торчали обломки скал. К сожалению, он был также замкнут, обрыв над головой казался еще выше. Увидев на песке остов сгнившей лодки, Маргарет немного приободрилась — она решила, что от залива вверх может вести пешеходная тропа.

Теплое сентябрьское солнце высушило платье Маргарет, вернее те лохмотья, в которые превратилось ее платье. Тишина и полное отсутствие признаков человека вызывали ощущение, какое бывает у попавшего на необитаемый остров.

Надо было перебираться в следующий залив. Для этого следовало вплавь обогнуть гряды скал, выступающих в море. Для удобства можно было расстаться с остатками платья, но Маргарет не хотела остаться без одежды. Она чулками привязала туфли к поясу и поплыла, огибая гряды скал. Когда девушка перебиралась через низкие камни в конце гряды, она увидела вдали белые дома Силтбери и настроение ее улучшилось.

В очередном заливе обрыв был еще круче, начались муки голода. Но надо было идти еще дальше и преодолеть скалы, преграждавшие путь к Силтбери. Бредя по пляжу, Маргарет наткнулась на неожиданное препятствие — глубокий проток, начинающийся от моря и другим концом уходящий под скалы. Место показалось ей знакомым. Когда она могла его видеть? И вдруг девушка вспомнила!

Проток вел в пещеру, которая, как говорила Ольга, находится под замком. Маргарет посмотрела вверх. Да, знакомый оползень с остатками каменной стены!

Неожиданно у Маргарет перехватило дыхание — на песчаном берегу она увидела отчетливый след сапога, большого резинового сапога. Девушка посмотрела дальше и увидела, что следы ведут в пещеру. «В пещере кто-то есть!» — подумала она. Скоро он выйдет, Маргарет объяснит ему свое приключение, хотя по ее внешнему виду и так все станет ясно.

Девушка подождала, но из пещеры никто не выходил. Она заглянула внутрь, в темноте ничего не было видно. Пожалуй, лучше войти, глаза привыкнут к темноте, можно будет что-то различить.

Маргарет осторожно вошла в пещеру, и в этот момент кто-то схватил ее сзади за плечо, и большая ладонь закрыла ей рот. В ужасе она отчаянно сопротивлялась, но мужчина держал крепко, как в железных тисках. Тут Маргарет потеряла сознание и рухнула на песок.

15

Мистер Ридер был человеком сдержанным. Впервые в жизни инспектор Симпсон убедился, что главный следователь прокуратуры, обычно спокойный и невозмутимый, способен так энергично выражаться. Отвечая на его молниеносный вопрос, Симпсон сказал:

— Да, машина вернулась. Водитель доложил, что ему приказали вернуться в Лондон. Я подумал, что ваши планы из-

менились. Так вы продолжаете заниматься пропавшим золотом?

Мистер Ридер ответил таким взглядом, что даже закаленный Симпсон поморщился.

— К чертовой матери ваше золото! — прошипел Ридер.

Удивлению Симпсона не было предела.

— Я возвращаюсь для допроса этого обезьяноподобного криминалиста, — сказал Ридер. — Придется применить к нему методы, которые не использовались со времен инквизиции.

Прежде чем Симпсон что-либо успел сказать, мистер Ридер выскочил из кабинета и помчался вниз по лестнице.

Обед уже закончился, и мистер Давер сидел в своем кабинете, предаваясь размышлениям, когда мистер Ридер бесцеремонно вломился в комнату. Давер не сразу узнал гостя, поскольку внешность человека, расставшегося с бакенбардами, резко меняется. С исчезновением этих украшений сильно изменилось и поведение мистера Ридера. Не стало бесполезного пенсне, завораживавшего целое поколение преступников, не стало мягкого стеснительного голоса и скромных манер.

— Я к вам, Давер!

— Мистер Ридер! — ахнул желтолицый криминалист и побледнел.

Ридер захлопнул входную дверь, с грохотом переставил стул и уселся напротив владельца замка.

— Где мисс Белман?

— Мисс Белман?

На лице Давера отразилось глубочайшее изумление.

— Боже мой! Мистер Ридер, вы же знаете, что она поехала за вашим дактилоскопом или как вы его называете... Я думал попросить вашего разрешения взглянуть на этот инстру...

— Г-Д-Е М-И-С-С Б-Е-Л-М-А-Н? — отчетливо спросил Ридер. — Говорите, этим вы облегчите свою участь!

— Клянусь, мистер Ридер...

Ридер перегнулся через стол и нажал кнопку звонка.

— Вы хотите что-нибудь заказать? — заикаясь, спросил Давер.

— Мне нужна миссис Флак, которую вы называете миссис Бертон. Будем называть ее правильно — миссис Флак.

Лицо Давера изменилось до неузнаваемости. Он неожиданно скукожился и постарел.

— Я один из немногих, знающих о том, что Джон Флак женат, — сказал Ридер, — и о том, что у него есть дочь. Вопрос в том, знает ли Флак, что я об этом знаю?

Он испепелял взглядом съжившегося собеседника.

— Знает ли Флак, что после того как он попал в Бродмур, его секретарь, раб, паразит и холуй решил продолжить традицию семейства Флаков и употребил свои знания и влияние на то, чтобы вынудить несчастную дочь сумасшедшего Джона Флака на брак?

Давер занял испуганным, невнятным голосом:

— Ради Бога, говорите потише...

Но мистер Ридер продолжал:

— Перед тем как попасть в тюрьму, Флак доверил дочери свою знаменитую энциклопедию преступлений. Он доверял только ей, жену свою он всегда презирал. Через год мистер Давер заполучил энциклопедию и организовал новую шайку. Ее базой стал замок, формальным владельцем которого он является. Потом вы узнали, что Флак готовит побег, которому вы содействовали, и с тех пор вы живете в постоянном страхе, что Флак узнает о вашем предательстве. Скажите, что я вру, и я оторву вашу проклятую маленькую голову. Где Маргарет Белман?

— Не знаю, — угрюмо сказал Давер. — Знаю только, что Флак с машиной ждал ее.

Его лживый тон, бегавшие глаза почему-то вывели Ридера из себя. Следователь схватил Давера за ворот и дернул так, что тот оказался на столе. С точки зрения физики это действие было исключительным, но психологический эффект оказался совершенно неожиданным. Безвольный Давер резким движением вырвался из рук Ридера и выбежал из кабинета, захлопнув за собой дверь. Пока Ридер огибал упавший стул и открывал дверь, Давер исчез.

В прихожей внизу никого не было. Слуг тоже не было видно (как оказалось, их рассчитали еще утром, выдав на руки месячную зарплату). На лужайке перед входом опять никого не было. Один из дежуривших на территории пансионата детективов подбежал к мистеру Ридеру и доложил, что из замка никто не выходил.

— Сколько вас здесь? Четверо? Собрать всех в замке, запечатать все входы, найди мне лом. Я проведу осмотр помещений, и за это мне, возможно, придется дорого заплатить. Брилл нашелся?

— Нет, сэр, — печально сказал детектив. — Наверное, они прикончили беднягу Брилла. Юная леди доехала до Лондона благополучно?

— Юная леди? Откуда ты знаешь о ней? — сердито спросил мистер Ридер.

— Я проводил ее до машины, — ответил детектив.

Ридер схватил его за пиджак и почти втащил в вестибюль замка.

— Расскажи быстренько, какая была машина?

— Не знаю, мистер Ридер, — удивленно ответил детектив. — Обычная машина. Да, окна были зашторены, но я подумал, что вы распорядились об этом.

— Какой кузов у машины?

Детектив рассказал все, что успел заметить за короткое время пересадки Маргарет во вторую машину. Полученные скудные сведения несколько не уменьшили беспокойства Ридера.

Когда сержант Грей собрал детективов и запер двери, мистер Ридер с лестницы позвал их на второй этаж. Полицейские утром уже обыскали комнаты Давера, но обыск был не слишком тщательный. Номер находился в конце коридора и оказался на замке. Менее чем за две минуты дверь была открыта, и группа детективов во главе с Ридером приступила к работе.

Номер Давера состоял из гостиной, спальни и хорошо оборудованной ванной. В гостиной находилось много книг, маленький столик в стиле «ампир» с аккуратно сложенными стопками счетов. Не было документов, доказывающих связь владельца пансионата с Флаком.

В красиво обставленной спальне также не оказалось ничего интересного.

Закончив обыск, Ридер перед выходом еще раз бегло осмотрел комнаты. Ему показалось немного странным положение обитой коричневой кожей тахты в углу комнаты. Следователь попытался подвинуть ее, но она не поддавалась. Рассердившись, Ридер пнул боковину тахты и в ответ услышал глухой звук, свидетельствующий о пустоте.

— Интересно, что внутри тахты? — спросил он.

Поискав, Грей нашел потайной замок. Верх тахты откинулся, как крышка сундука, внутри было пусто.

Они спустились на первый этаж.

— В этом здании все необычно, — сказал Грей. — Кажется, что-то нащупываешь, вот-вот сделаешь открытие, но в результате в руках ничего нет.

Погруженный в свои невеселые мысли Ридер промолчал, но потом заговорил:

— В этом доме есть много странного...

Раздался крик, страшный пронзительный крик человека, попавшего в смертельную опасность.

— Помогите! На помощь, Ридер!

Крик шел со стороны номера Давера, который они только что покинули.

Хлопнула дверь. Ридер помчался вверх, перепрыгивая через три ступеньки, детективы следовали за ним. После обыска дверь в номер Давера была оставлена приоткрытой, но за то время, пока они спускались вниз, кто-то ее запер.

— Лом, быстро!

Грей кинулся вниз и вернулся с ломом.

В номере было тихо. С помощью лома, вставленного между дверью и косяком рядом с замком, Ридер быстро взломал дверь. С порога им открылось ужасное зрелище.

На шелковом покрывале в неопишуемой позе лицом вверх лежал Давер. Все говорило о том, что он мертв: из ужасной раны в боку торчал нож с коричневой ручкой.

Ридер послушал сердце, поискал пульс на еще теплом запястье. Все было бесполезно. Он быстро обыскал карманы убитого и в жилете нашел внутренний карман с толстой пачкой банкнот.

— Тысячи, — сказал Ридер, — девяносто пять штук. А это что за пакет?

В картонной обложке находился билет на пароход, рейс в Нью-Йорк, на имя Стургена; в кармане пиджака был паспорт на то же имя с отметкой американского посольства.

— Да, он приготовился смыться, но слишком задержался, — сказал Ридер. — Не повезло бедняге.

— Как он попал сюда, сэр? — спросил Грей. — Неужели они втащили его...

— Когда Давер кричал, он был еще жив, — пояснил Ридер. — Его убили именно тогда, когда он звал на помощь. Значит, есть вход, который мы еще не нашли. А это что?

Послышался глухой звук, как будто где-то рядом закрылась тяжелая дверь. Ридер ломом разворотил панель рядом с тахтой, но за панелью была каменная стена. За соседней панелью оказалось то же самое. Снова открыли тахту, низ которой был сделан из дубовой доски, под которой оказался каменный пол. Разломали всю тахту, внимательно исследовали пол под ней...

— Ничего нет, — сказал Ридер. — Внизу есть телефон, надо сообщить о случившемся мистеру Симпсону.

Мистер Ридер решил еще раз обыскать тело. На одной из брючных пуговиц он нашел обрывок золотой цепочки, которую, судя по порванным звеньям, оторвали сильным рывком. По ходу обыска следователь наткнулся на пухлую кожаную папку, набитую записками, накорябанными трудночитаемым почерком карандашом, крупными неровными буквами. Записки были на бумаге различных сортов. Так, одна из записок содержала химическую формулу, на другой можно было прочесть: «Дом рядом с квартирой Ридера сдается. Снять или достать ключ. Связь как всегда».

Смысл некоторых записок был понятен, некоторые не поддавались расшифровке. Наконец, Ридер наткнулся на записку, прочитав которую, он сильно побледнел. На мятom куске газеты все тем же трудночитаемым почерком было написано: «Белман упала в море в шести милях от Лармес. Послать людей за телом».

Мистер Ридер дочитал записку, и у него закружилась голова.

16

Когда Маргарет Белман пришла в себя, она лежала в неглубокой выемке в скале, рядом со входом в пещеру. Над ней склонился мужчина в рваной рубашке и испачканных брюках. Когда девушка открыла глаза, он приложил палец к губам, призывая к молчанию. Волосы его были в беспорядке, на лице видны засохшие пятна крови. И все-таки его лицо внушало доверие. Опустившись рядом с Маргарет на колени, мужчина прошептал:

— Спокойно! Извините, что напугал вас, но я не хотел, чтобы вы закричали, увидев меня. Я знаю, вид у меня ужасный... — И он ободряюще улыбнулся Маргарет.

— Кто вы? — так же шепотом спросила она.

— Брилл, я из уголовного розыска.

— А как вы сюда попали?

— Я сам хотел бы знать, как это произошло, — мрачно сказал сыщик. — А вы мисс Белман?

Она кивнула головой. Брилл предостерегающе поднял руку, прижался к скале, затем осторожно выглянул. Он оставался в таком положении примерно минут пять. Маргарет с трудом поднялась и почувствовала слабость в ногах, тошноту и сильную жажду.

Удовлетворенный результатами наблюдений, Брилл повернулся к девушке.

— Я дежурил в номере Ридера. Мне показалось, что он зовет меня через окно, ведь трудно различить голоса, когда говорят шепотом. Я решил, что мне надо быстро спуститься вниз, чтобы помочь ему. Как только я оказался на земле, меня... — и он поморщился, потрогав свой затылок. — Я пришел в себя в воде и чуть не захлебнулся. Поэтому с самого утра я, естественно, в пещере.

— Почему естественно? — удивилась Маргарет.

— Потому что во время прилива весь пляж находится под водой, приходится спасаться в сухой пещере. Правда, сейчас в ней слишком много людей.

Маргарет удивилась:

— Каких людей?

— Тише! — предупредил он. — Хотел бы я знать, как сюда спустились Давер и этот старый черт.

Маргарет почувствовала, что бледнеет.

— Вы говорите о... Флаке?

Он кивнул.

— Флак появился здесь примерно час назад. Непонятно, как он спустился, ведь наши дежурят в замке и вокруг него.

— Вы имеете в виду полицию?

— В замке центр организации Флака, разве вы не знали? Хотя откуда вам знать... Я подумал, что Ридер, то есть мистер Ридер кое-что рассказал вам.

Этот молодой человек слишком разговорился. Вероятно, от радости, что остался жив.

— Все утро я прячусь в пещере и около нее, у них там наблюдатель, — он кивнул в сторону Силтбери, — у них все прекрасно организовано. Сегодня ночью они похитили грузовик с золотом и спрятали его, я сам слышал, как старик рассказывал своей дочери. Получается, что старик лично не участвовал в операции, он только организовал ее, и все у них прошло успешно. Самое интересное в том, что любой преступник охотно подчиняется Флаку, он всегда находит нужных людей. Равини был единственным, кто продал старика.

— Вы можете мне сказать, что произошло с Равини? — спросила Маргарет.

В ответ Брилл только покачал головой.

— Боюсь, что он мертв. В этой пещере много интересного. У них здесь, внутри, моторная лодка. Даже не лодка, а целый катер. Тише!

Послышались голоса, они приближались. Звуки отража-

лись от сводов пещеры, усиливались, и казалось, что говорившие были совсем рядом. Брилл узнал пронзительный хриплый голос старика и улыбнулся нехорошей улыбкой.

— Что-то не так, что-то мешает нашим планам. Что случилось, Ольга?

— Все в порядке, отец.

Маргарет узнала голос Ольги Крю.

— Ты вела себя очень хорошо и терпеливо ждала, дорогая. Я сбежал, чтобы обеспечить тебя на всю жизнь. У меня большие планы, Ольга.

Через некоторое время послышался ответ:

— Да, отец.

Судя по голосу, Ольга была в подавленном настроении, но старик не замечал этого.

— У тебя будет самый лучший муж, дорогая, твоему дому будут завидовать принцессы... Из белого мрамора, с золотыми куполами. Ты будешь самой богатой женщиной в Англии, Ольга. Я давно планировал это... Каждую ночь, находясь в этой ужасной больнице, я говорил себе: «Я должен сбежать и устроить будущее моей дочери». Поэтому я здесь, и это единственная причина... Всю жизнь я работал для тебя...

— А мать говорит... — начала было Ольга.

— Ха! — Старый Джон Флак почти выплюнул это слово. — Вульгарная, ограниченная женщина с кругозором экономки! Она хорошо ухаживала за тобой? Ладно, тем лучше для нее. Я бы ни за что не простил ей... А Давер? Он держал себя почти-тельно? Выдавал ли он тебе деньги по первому требованию?

— Да, отец.

Маргарет показалось, что в голосе Ольги было сомнение.

— Давер хороший слуга, я щедро награжу его. Вообще-то он подонок, но верный слуга. Я велел ему быть твоей сторожевой собакой, теперь я доволен. Потерпи еще немного, скоро все мои мечты осуществляются.

Голос сумасшедшего был ласковый, чувство любви и гордости превратили его в другого человека. И вдруг Флак заговорил совсем по-иному:

— Полковник должен вернуться сегодня, надежный человек... Грегори тоже. Я хорошо заплачу им. Тебе придется еще немного потерпеть мое общество, Ольга. Со всеми неприятностями скоро будет покончено, Ридера мы уберем. Сегодня, когда начнется прилив, мы отплываем...

Голоса удалились, перешли в неразличимый шепот, стали совсем неслышными. Брилл посмотрел на Маргарет и улыбнулся.

— Каков, а? — с восхищением сказал он. — Чокнутый! Но в своем деле самый светлый ум во всем Лондоне, даже Ридер признает это. Отдаю денежное содержание за десять лет и повышение в звании за пистолет!

— Что будем делать? — после долгого молчания спросила Маргарет.

— Подождем до отлива, тогда попытаем счастья в пещере. Оставаться снаружи нельзя, там большие волны.

— Нет ли дороги вверх, по скалам?

Сыщик покачал головой.

— Выход только через пещеру, но его надо найти, — сказал Брилл. — Причем выход не один, их здесь целая дюжина! Скала как пчелиный улей, вся в дырах. Когда-нибудь все осядет, как пена на пиве. Я слышал об этом от Давера, и наш сумасшедший сказал то же самое. Сумасшедший? Его бы мозги да на доброе дело. Он собирается разделаться с Ридером! На кладбищах полно тех, кто пытался разделаться с Ридером!

17

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем начался прилив и волны стали заливать пляж. Большую часть времени Маргарет оставалась одна, поскольку Брилл уходил на разведку в глубь пещеры. Маргарет хотела сопровождать его, но он отсоветовал, сказав:

— В пещере темно, лучше подождем до прилива, от отраженного от воды света станет светлее, и вам будет легче передвигаться.

— Внутри кто-то есть?

Брилл кивнул.

— Двое копаются в лодке, она пока что находится на песке, но с приливом лодка всплывет.

Вода начала подступать к ногам, и снова появился Брилл.

— Прижимайтесь к стене и держитесь за мой рукав, — прошептал он.

Осторожно свернув влево, они пошли по сравнительно ровной тропинке. Перед этим Брилл предупредил, что внутри пещеры ни в коем случае нельзя разговаривать, при крайней необходимости следует шептать в ухо собеседнику, сложив ладони трубкой. И все это потому, что звук в пещере, отражаясь от стен, усиливается.

Они долго шли влево, только спустя некоторое время Маргарет смогла представить себе истинные размеры огромной подземной полости, выдолбленной водой. Время от времени

Брилл оборачивался и касался правой руки Маргарет, что означало поворот вправо. До начала их путешествия сыщик начертил на песке примерный план пещеры и сказал, что они пойдут по прочному карнизу. В одном месте Брилл остановился — оказалось, что здесь он еще раньше спрятал свои башмаки.

Они поднимались все выше, появился рассеянный свет, хотя в пещере царил полумрак, трудно было точно определить расстояние до видимых предметов. Рука Брилла направила девушку в какую-то нишу, похлопывание по плечу означало, что можно присесть.

Они подождали примерно час, пока в пещере не прибавилось воды, тогда все в пещере осветилось призрачным зеленым светом. С того места, где они сидели, потолка пещеры не было видно, смотреть вверх мешал выступ скалы. Противоположная стена пещеры, находившаяся на расстоянии пятидесяти ярдов, отвесно шла вниз, до песчаного пола. Именно под отвесной стеной находилась моторная лодка, длинная, рубки на ней не было. Лодка, слегка накренившись, лежала на песке. По наклонной палубе прошел человек и исчез в люке.

С подъемом воды в пещере становилось светлее. Брилл приблизил рот к уху Маргарет и прошептал:

— Будем сидеть или поищем выхода?

— Давайте искать, — чуть слышно ответила девушка.

Сыщик кивнул, и они пошли дальше. Тропа была явно обработана человеком, примерно через каждые двенадцать ярдов была ступенька из грубо отесанного камня. Они медленно шли вверх, от бандитов их скрывали камни, громоздившиеся по правой стороне тропы.

Примерно через сотню ярдов пошли сплошные обломки скалы, стало темно. Брилл был здесь раньше, он взял девушку за руку и пошел впереди. Острые камни мешали идти, резали ноги. Маргарет почти обессилела, но тут вдалеке показалось светлое пятно неправильной формы. Вероятно, галерея, по которой они шли, снова возвращалась к краю пещеры. Брилл сделал знак остановиться.

— Сядьте, передохните. Можно обуться, — прошептал он.

Хотя чулки и туфли Маргарет были мокрыми, они все же защищали ноги от острых камней. Пока девушка обувалась, Брилл пополз вперед, чтобы узнать, откуда идет свет.

До морской воды было примерно пятьдесят футов, на небольшом расстоянии от них находился большой карниз, служивший естественной площадкой для лестницы, шедшей от воды вверх, к невидимому в темноте потолку пещеры. Сту-

пени лестницы шириной в два фута были выбиты в скале. Перила отсутствовали. Брилл понял, что подъем по лестнице может оказаться Маргарет не под силу. Он догадывался, что лестница ведет к выходу из пещеры, поскольку видел, как по ней поднимались и исчезали в темноте под потолком пещеры люди. Возможно, там, повыше, лестница становилась более удобной, но здесь она казалась непреодолимой, тем более что Маргарет обессилела от голода и была на грани истерики. Да и в себе Брилл был не слишком уверен — он опасался, что там, наверху, у него начнется головокружение.

У подножья лестницы была выемка, и Брилл решил направиться именно туда. Люди в лодке были далеко, к тому же они казались целиком поглощенными своей работой.

Взглянув на лестницу снизу, Маргарет содрогнулась.

— Я ни за что не смогу подняться по ней, — прошептала она.

— По-моему, вокруг пещеры идет выступ вроде балкона. Думаю, что меня сбросили в воду именно с него.

— Интересно, есть здесь другой выход? — спросила Маргарет.

— Я сам хотел бы знать. У меня не было возможности осмотреться, но, по-моему, в дальнем конце пещеры есть какой-то тоннель. Давайте попытаемся исследовать его, пока никого нет, те двое в лодке заняты своим делом.

Они подождали немного, прислушались, затем обошли подножье лестницы и ступили на каменную тропу, которая вскоре начала расширяться.

Маргарет никогда не забудет этого кошмарного путешествия: справа был отвесный обрыв, а внизу грозно шумел прилив.

В стене пещеры показалось четыре отверстия, войти можно было только в два. Оставив Маргарет на месте, Брилл отправился в ближайшее отверстие. Он вернулся примерно через полчаса и сказал, что дальше идти невозможно, поскольку скала пронизана бесчисленными ходами, передвигаться в которых можно только при свете фонаря.

Они решили войти во второе отверстие. Пол оказался ровным проход был прямо напротив входа в пещеру и поэтому сюда проникал свет.

— Что ж, попытаемся? — предложил Брилл.

Маргарет молча кивнула.

Вскоре сыщик сделал открытие. Оказалось, что через равные расстояния в стене были выбиты ниши, а входы в них были засыпаны обломками камня. Брилл решил войти в одну

из ниш, вход в нее был сравнительно свободен. Ниша оказалась квадратным помещением, ровные стены говорили о том, что их обработали люди. Брилл решил исследовать еще несколько доступных ниш.

— Думаю, что ниши выдолблены с какой-то целью, — предположил он, в его голосе послышалось волнение.

По мере их продвижения свет становился слабее. Очередную нишу они нашли почти на ощупь. Вход в нее оказался заложенным плоскими обломками скалы, сдвинуть которые было очень непросто. Обессиленная Маргарет привалилась к стене и задремала. Голод почти не чувствовался, но мучила жажда.

Проснувшись Маргарет от того, что Брилл тряс ее за плечо.

— Я был внутри, — взволнованно прошептал он, — подставляйте руки!

В ладони полилось что-то холодное. Жидкость, которую попробовала Маргарет, оказалась вином.

— Шампанское, — прошептал Брилл. — Не пейте слишком много, чтобы не захмелеть.

Маргарет отпила еще немного. Никогда вино не казалось ей таким вкусным.

— Здесь целый продуктовый склад, — шептал Брилл. — Ящики с продуктами, сотни бутылок вина. Подождите, я схожу туда еще раз.

Сыщик исчез и не появлялся примерно четверть часа. Наконец, там, куда он ушел, показался устойчивый луч света. Маргарет услышала треск дерева, словно открывали ящик. Появился Брилл.

— Печенье. Хорошо, что на ящике была надпись.

— А откуда взялся свет? — спросила Маргарет, жуя печенье.

— Электрический фонарик, я наткнулся на него случайно. Ниша просто забита продуктами! Выпейте это.

Он дал девушке круглую плоскую банку, ткнув ее палец в пробитое им отверстие.

— Консервированное молоко, немецкое. Хорошая штука.

Маргарет выпила всю банку.

— Похоже, что это запасы для парохода, — сказал Брилл. — Но самое полезное — это фонарик, пойду поищу запасные батарейки.

Пока он искал, свет его фонарика слабел и почти пропал, но потом луч света стал ровным и ярким, это свидетельствовало о найденных батарейках. Вернувшись, Брилл сунул в руку Маргарет что-то тяжелое.

— Запасной фонарь, там их целая дюжина и много батареек. И еще я нашел гвоздодер, при необходимости послужит оружием. Хорошо бы найти пистолет.

Теперь они могли спокойно продолжать путешествие. Фонарь понадобился сразу же, поскольку проход свернул в сторону и пол стал неровным, потом они повернули еще раз.

— Смотрите, какие гладкие стены, — показал Брилл. — Это работа подземной реки.

Они шли по проходу, который поворачивал в разные стороны, вел то вверх, то вниз. Казалось, ему не будет конца.

Шедший впереди с фонарем сыщик неожиданно остановился и поднял что-то с земли.

— Как это попало сюда? — удивился Брилл.

Он держал на ладони монету в два шиллинга, с одной стороны край монеты был слегка поврежден.

— Значит, кто-то уже был здесь... — начал он, но Маргарет прервала его.

— Монету бросил мистер Ридер! — воскликнула она.

И девушка рассказала о разговоре у колодца, о том, как мистер Ридер бросил монету, чтобы исследовать его глубину. Брилл направил луч фонаря вверх, где оказалось большое круглое отверстие.

— Это колодец, который в действительности не был колодцем, — мрачно сказал он, и замолчал, увидев стальные скобы в стенке колодца. — Лестница! Как вам это нравится?

Он попытался дотянуться до первой скобы, но она была высоко. Брилл стал искать камни, чтобы сложить их кучей и с них попытаться достать до скобы. К сожалению, пол оказался ровным, нигде не было видно обломков скал.

Но тут Брилл вспомнил про свой гвоздодер, который с одного конца оканчивался крючком. Сыщик подпрыгнул и зацепился крючком за скобу, но гвоздодер тут же выскользнул из его влажных рук. Брилл потерял ладони пылью, подпрыгнул и все-таки удержался. Затем он с большим трудом дотянулся до первой скобы, изогнулся и зацепился за нее ногами. Утвердившись на лестнице, Брилл обернулся к Маргарет.

— Вы сможете полезть вверх, если я втащу вас сюда? — спросил он.

Маргарет покачала головой.

— Нет, не смогу. Вы полезайте, я буду ждать здесь.

— Тогда отойдите от отверстия, сверху могут упасть камни.

Предупреждение оказалось весьма своевременным, пос-

кольку камни падали сверху непрерывно. Брилл поднимался, останавливаясь иногда, чтобы отдышаться. Однажды он что-то крикнул, вероятно, предупреждение, потому что сразу же сверху грохнулся большой камень величиной с человеческую голову.

Свет от лампы Брилла становился все слабее. Чтобы не было страшно, Маргарет включила свой фонарь. И тут она страшно испугалась — слышались шаги, кто-то шел в ее сторону.

Девушка выключила фонарь и прислушалась. Несомненно! Из прохода слышался голос старика, который разговаривал сам с собой, его ворчание становилось все отчетливее. Показался слабый свет.

Сняв туфли, Маргарет побежала в темноту. Когда она остановилась и оглянулась, света уже не было. Собравшись с духом, девушка решила вернуться назад. Из боязни быть уиденной она не включала свой фонарь, поэтому в темноте она явно прошла мимо того места, где ее оставил Брилл. Но куда девался Флак? От прохода ответвлений не было...

Маргарет остановилась в какой-то нише и оперлась на невысокую каменную стенку. Неожиданно эта стенка вздрогнула и поползла в сторону, показалась полоска света... Это была дверь!

— Сегодня, милая, сегодня вечером... Мне надо поговорить с Давером, что-то он мне не нравится. Ты уверена, что ему можно доверять?

— Конечно, отец. Ничего не случилось.

Это был голос Ольги Крю, которая сказала еще что-то, но Маргарет не расслышала. Послышался голос и хихиканье старика:

— Ридер? Он в Лондоне, но сегодня он вернется...

Вопрос Ольги был непонятен.

— Нет, тело не нашли. Я не хотел ей зла, просто она могла быть мне полезной... мой главный козырь... с его помощью я поймал бы Ридера.

Опять вопрос.

— Думаю, что так. Был прилив, она упала...

Маргарет поняла, что говорят про нее. В страхе быть замеченной, девушка тихонько попятилась, надеясь найти какую-нибудь нишу, чтобы спрятаться.

Флак вышел уже в проход и говорил, обращаясь в комнату:

— Хорошо, оставляю дверь открытой... тебе кажется. Воздуха достаточно, он поступает через колодец. Я скоро вернусь.

Маргарет съежилась, прислушиваясь к его удаляющимся шагам. В двери появилась тень, на пороге стояла Ольга; она вздохнула и вернулась в комнату. Маргарет, не дыша, поползла вперед, к открытой двери.

Снаружи дверь была обработана обломками камней, благодаря чему она не выделялась на фоне стен прохода.

Несмотря на опасность своего положения, Маргарет решила удовлетворить свое любопытство и заглянуть в подземное убежище семейства Флаков. Девушка выглянула из-за двери и удивилась большому размеру помещения, но мебель в нем ей не понравилась. Маргарет представляла себе роскошные ковры и великолепную мебель, gobelены на стенах. Вместо всего этого она увидела простой стол с зажженной лампой, потертый ковер, два плетеных стула и походную кровать. Ольга стояла у стола спиной к двери и читала газету. Невдалеке виднелись три или четыре упакованные чемодана. Брошенная на походную кровать шуба была единственным заметным предметом роскоши. В комнате была еще одна женщина, по сутулой фигуре Маргарет узнала миссис Бертон.

Девушка сделала шаг вперед, наступила на гладкий камень и поскользнулась. Падая, она толкнула дверь, которая почти закрылась.

— Кто там? Это ты, отец?

Маргарет замерла на мгновение, затем повернулась и побежала по проходу, сжимая в руке фонарь. Казалось, Ольга позвала ее, но Маргарет продолжала бежать. Проход становился шире, и она с испугом поняла, что побежала в обратную сторону, туда, откуда мог вернуться сумасшедший старик.

Девушка слышала шаги преследователя... Впереди показался свет, это была пещера. По знакомой тропе Маргарет добежала до лестницы. И тут раздался крик, свидетельствующий о том, что ее увидели с лодки. В проходе, соединяющем пещеру с заливом, появился Флак. Секунду он смотрел на Маргарет, не веря своим глазам, затем с ревом бросился к ней.

Не колеблясь ни секунды, Маргарет помчалась вверх по крутой лестнице, не замечая обрыва справа и помня только о страшном преследователе. У нее не было времени подумать или оглянуться, надо было спешить, вверх по этой лестнице Якова, которая вела вверх, в темноту. Сердце ее вырывалось из груди, девушка задыхалась. Ее преследовал старик! В обычной обстановке он ни за что не догнал бы ее. Но этот старик был сумасшедшим — он не уступал Маргарет в скорости. Обесилевшая девушка почти перестала бояться. Когда ей показа-

лось, что сил совсем нет, она выбежала на ровную площадку, потолок которой почему-то подпирался бетонными колоннами. Их было много, как в том испанском соборе в Кордове, который она когда-то видела... Впереди оказалась ровная стена. Пробежав вдоль нее, Маргарет увидела узкий проход со ступеньками вверх. Включив фонарь, она увидела стальную дверь с огромной ручкой, дверь была приоткрыта.

Маргарет потянула ручку на себя, вбежала внутрь, закрыла тяжелую дверь. Изнутри у двери была стальная полоска. В противоположной стене оказалась другая дверь, она не поддавалась. Комнатка была белая, небольшая, три фута в ширину и примерно столько же в длину. Времени на размышления не было, кто-то пытался открыть дверь снаружи. В страхе Маргарет схватилась за стальную полку, которая пошла в сторону. Девушка не знала, как ей повезло — нечаянно она закрыла дверь на дополнительный замок. Кто-то продолжал возиться с замком снаружи, но дверь не поддавалась.

И тут Маргарет Белман упала в спасительный обморок.

18

Д.Г. Ридер спустился вниз с побледневшим и осунувшимся лицом. Присутствующие догадались, что эта перемена была вызвана не только что разыгравшейся трагедией, а чем-то другим.

Грей находился в кабинете Давера и ждал звонка из Лондона. Телефон зазвонил, Ридер взял трубку и кратко доложил о смерти хозяина замка, затем добавил:

— Симпсон, мне нужны все полицейские, которых можно собрать немедленно, а еще лучше вызвать солдат из местного гарнизона, он в пяти милях отсюда. Надо обыскать побережье и проверить пещеры, желательно вызвать эсминец, чтобы он патрулировал в море напротив замка. Я уверен, что у Флака есть моторная лодка, она могла войти в пещеру по глубокому каналу. Эта пещера, похоже, тянется до самого замка... Мисс Белман? Не знаю. Это главное, что меня волнует.

Симпсон сообщил, что грузовик с золотом был замечен в Севеноуксе. Ридер почти забыл про золото и с трудом вспомнил эту мелочь.

— Пожалуй, военные предпочтительнее, — сказал он. — Пусть выставят усиленный караул около каменоломни, там есть пещера, в которой Давер когда-то держал свои повозки. Мне кажется, что вы уже сегодня найдете золото. Напомните

про него начальству, это ускорит отправку солдат в наше распоряжение.

Отослав машину «скорой помощи» с бренными останками Давера, мистер Ридер с группой каменщиков вернулся в кабинет покойного. Они приехали из Силтбери. Подняв крышку тахты, следователь указал на каменный пол и сказал:

— Одна из плит поворачивается на оси, где-то здесь должен быть замок или рычаг. Разберите все, но найдите вход.

Через четверть часа в каменном полу показалась узкая лестница, ведущая в подземный зал. Ничто не изменилось здесь за последние шесть столетий. Голые пыльные стены не сообщили Ридеру ничего нового. Из зала узкая лесенка и проход, по которому с трудом мог пройти рослый человек, вели к стене кабинета Давера. Мистер Ридер понял, что отсюда можно было слышать все разговоры в кабинете. Стало ясно, почему Давер умолял Ридера не говорить громко о браке. Находившийся здесь Джон Флак услышал о замужестве своей дочери, и это решило печальную судьбу Давера.

Но как сумел скрыться сам сумасшедший? Это удалось установить с помощью надписи на стене, оставшейся еще с тех времен, когда по замку водили экскурсантов. Надпись гласила, что найденный под полом зал служил камерой пыток, еще ниже находились темницы для заключенных. В темницы можно было попасть через потайную дверь, которую детективы нашли довольно быстро.

В ходе экспедиции по подземелью Ридер установил, что убийца мог сбежать по меньшей мере тремя маршрутами, которые начинались от замка и вели вглубь скалы и дальше, в пещеру.

— Мы не нашли еще одного выхода, — коротко сказал Ридер.

Его нервы были на пределе. Он осматривал комнату за комнатой, переворачивал мебель, взламывал шкафы. Единственной находкой оказалось свидетельство о браке Ольги Крю, обнаруженное под подкладкой одной из шкатулок.

К семи часам прибыло первое подразделение. Полицейские доложили, что не удалось найти никаких следов похищения Маргарет Белман. Было установлено, что в момент ее отъезда из замка начинался прилив, и она могла упасть в воду, это давало небольшую надежду на то, что девушка могла доплыть до берега. Надежда была очень слабая, но Ридер продолжал верить в чудо.

Нашелся повар, который приготовил для сыщиков ужин.

Ридер смог выпить только чашку крепкого кофе, есть он не мог.

Следователь проверил караул у каменоломни, вернулся в замок и стал обдумывать следующие действия. В этот момент к нему ворвался Грей.

— Брилл нашелся! — выкрикнул он.

Д.Г. Ридер подпрыгнул на стуле.

— Брилл? — повторил он. — Где он?

Грей не успел ответить, как в комнату вошел оборванный Брилл, его поддерживал полицейский.

— Откуда вы? — спросил Ридер.

Брилл не смог сразу ответить. Он показал на пол, затем хрипло проговорил:

— Из колодца... Мисс Белман осталась внизу.

Стакан бренди взбудрил Брилла, и он смог членораздельно рассказать о своих приключениях. Ридер в сопровождении полицейских немедленно отправился к колодцу.

Ворот колодца не внушал доверия. Грей попробовал его на прочность и решил, что он не выдержит веса человека.

Кто-то вспомнил, что в кухне были пояса монтажников с крюками, используемые при мытье окон. В ожидании поясов мистер Ридер снял пиджак и жилет.

— Помните, примерно в середине пути стенки колодца слабые, каменная кладка шатается, — предупредил Брилл.

Ридер повесил фонарь на шею и приготовился к спуску. К счастью, прибывшие солдаты оказались саперами, у них нашлись веревки и лебедка, которую они установили над колодцем.

Первым начал спускаться Грей, поскольку он был легче Ридера. Спускались они молча, пользы от фонаря почти не было, поскольку освещалась только стенка колодца. Стальные скобы в стене колодца приходилось находить на ощупь. Прошли опасное место, где скобы шатались, а кладка при малейшем усилии сыпалась вниз. Спускающимся повезло, они отделались легкими ушибами.

Путь был долгим, и Ридер начал уставать. Но вот шедший первым Грей осветил фонарем вниз и увидел дно колодца. Они благополучно спустились на каменный пол.

— Маргарет! — шепотом позвал Ридер.

Ответа не последовало. Ридер снова почувствовал беспокойство.

— Проверим проход, — шепотом сказал он Грею. — Иди в один конец, я проверю другой.

Света себе под ноги, Ридер почти бежал по галерее. Впереди послышался неясный шум, следовательно погасил фонарь и прислушался. Галерея свернула в сторону, и в ее конце показался дневной свет. На его фоне впереди был заметен силуэт человека. Ридер лег на пол и пополз вперед, на этот раз он решил обойтись без резиновой дубинки. Следовательно спустил пистолет с предохранителя и продолжал ползти на свет.

— Ольга, куда ушел твой отец? — послышался голос миссис Бертон. Ридер невольно усмехнулся.

Ответа на вопрос он не расслышал, Ольга находилась в какой-то нише и ее слова прозвучали неразборчиво.

— Они нашли девочку? — последовал новый вопрос.

Ридер затаил дыхание и услышал почти отчетливо ответ «нет».

Ольга проговорила что-то невнятное, миссис Бертон заняла:

— Чего мы ждем? Ты всегда так относишься ко мне... Я все-таки твоя мать... Запомни мои слова, он когда-нибудь убьет меня...

Невидимая Ольга энергично возразила.

— Тебе это надоело, а каково тогда мне? — визгливо спросила миссис Бертон. — Где Давер? Странно, что отец ничего не сказал про Давера. С ним что-то случилось?

— К черту Давера!

Голос Ольги стал разборчивым. В другое время Ридер мог бы посочувствовать ей, ведь девушке так не повезло с родителями. Но сейчас все мысли Ридера, вся его способность сочувствовать были адресованы Маргарет Белман.

Было ясно: Ольга еще не знала, что недавно овдовела.

— Где он теперь, твой отец?

Опять ответ был неразборчивым.

— На катере? Мы не одолеем пролив. Я боюсь пароходов, а этот маленький катер... Почему мы не уехали сразу после того, как он сбежал? Мы бы уже были в Венеции или в другом роскошном месте...

Сердитый голос Ольги прервал причитания миссис Бертон.

Звук закрываемой двери не последовало, и мистер Ридер решил подобраться поближе. Он подполз к самой двери и стал слушать. Голоса стали внятными, говорила, в основном, миссис Бертон.

— Ты думаешь, отец узнал про Давера? — взволнованно спросила она. — Не говори отцу сама, он убьет меня. У него такие странные идеи на твой счет — принцы, графы и прочие

глупости. Давно надо было выйти из этой игры, но он же у нас сумасшедший, меня он и слушать не хотел...

— А кто тебя вообще слушал? — устало спросила Ольга. — Я предлагала отцу отпустить тебя, я знала, что в трудный момент от тебя толку не будет.

Послышались всхлипывания. Миссис Бертон всегда была плаксивой.

— Отец сказал, что разделается с Ридером, — хныкала она. — Дурацкая идея! Я сама давно могла бы с ним разделаться...

В проходе послышались быстрые шаги.

— Вот и твой отец, — сказала миссис Бертон.

Ридер передернул затвор браунинга. Он решил пожертвовать патроном, который уже был в стволе, но действовать наверняка и не ошибиться.

Шаги затихли, о чем-то громко спросили. Похоже, что Флак повернул назад. Мистер Ридер с горечью подумал, что опять ему не повезло.

Лежа на земле, следовательно ясно увидел силуэт Флака. Оставалось только нажать курок, чтобы навсегда решить проблему бандита. Палец Ридера начал давить на курок, но убеждения не позволяли ему совершить хладнокровное убийство.

Послышались шаги человека, идущего по проходу с другой стороны.

«Грей,» — решил Ридер, и поспешил навстречу, чтобы тот не заговорил. Но случилось худшее, чего так опасался мистер Ридер.

— Там никого нет, мистер Ридер! — громко доложил Грей, увидев идущего навстречу ему детектива.

— Заткнись, дурень! — зарычал Ридер, но было уже поздно.

Ридер обернулся и увидел, что Флак по-прежнему стоит в конце прохода. Услышав голос Грея, миссис Бертон с визгом, побежала к Флаку, за ней следовала Ольга. Женщины прикрыли убийцу, и Ридер не мог воспользоваться пистолетом.

Он кинулся по проходу к преступной семейке, но вся троица куда-то скрылась. Хорошее зрение позволило Ридеру быстро разобраться в обстановке. Он увидел катер, который покачивался на воде, и три бегущие к нему фигуры: они уже спустились по лестнице на служившую причалом площадку.

Что-то ударилось о камень над головой Ридера, посыпались осколки. Эхо многократно усилило звук выстрела.

— Стреляют с катера, — спокойно заметил Ридер. — Ло-

жись, Грей. Жалко будет, если они навсегда лишат тебя возможности шуметь.

— Извините, мистер Ридер, — виновато сказал детектив, — я не подумал...

— Совсем не подумал! — поправил его Ридер.

Бум! Бум!

Пуля прошла рядом. Ридер и Грей лежали на камнях и прятались за скалы.

«Нет ли в катере Маргарет?» — с беспокойством подумал мистер Ридер. Он выстрелил и с удовлетворением отметил, что попал в судно.

Семейство Флаков вбежало на палубу катера, его двигатель чихнул и заработал. Судно начало разворачиваться носом к выходу. И тут пещера ярко осветилась, стали отчетливо видны скалы, лестница и весь катер.

Эсминец!

— Слава богу, наконец! — взволнованно сказал Ридер.

На катере поняли, что путь в море отрезан и развернулись носом к карнизу, на котором находились Ридер и Грей. Раздался оглушительный грохот. Обвал чуть не похоронил обоих детективов.

Грей первым пришел в себя.

— У них скорострельная пушка! — крикнул он, пытаясь оттащить Ридера назад, в спасительный проход.

Ридер молча, как зачарованный, смотрел вниз, в воду. Она кипела, выбрасывая вверх фонтаны брызг. Следователь сразу сообразил, что это всплески от камней, падающих с потолка пещеры. Камнепад был вызван взрывом снаряда, выпущенного из пушки на катере.

Ридер увидел, что катер сделал крутой разворот и направился в море. Он был уже примерно в двенадцати ярдах от выхода, когда раздался страшный, оглушительный грохот, от которого Ридер и Грей замерли на месте.

Вход в пещеру исчез!

19

Воздух наполнился удушливой пылью. Камни сыпались вниз, грохот не смолкал.

— Вход в пещеру рухнул! — прокричал Ридер в ухо Грею. — Осадка грунта еще не закончилась!

Инстинкт самосохранения подсказывал, что надо бежать назад, в проход, но там, внизу были две женщины. Ридер

включил фонарь и начал пробираться к пристани. Луч фонаря не проникал далее нескольких ярдов. Со всех сторон, сверху и снизу с грохотом падали камни. Казалось, сама земля корчилась от боли.

— Ради Бога, мистер Ридер, уходите! — прокричал Грей.

Но Ридер продолжал пробираться вниз, к причалу, катер должен был вернуться. Дышать стало трудно, пыль ела глаза, забивала рот и нос.

Усилия Ридера были вознаграждены. Из пыли показалась бредущая на ощупь фигура. Это была Ольга Крю.

Следователь схватил ее за руку и толкнул под прикрытие нависающей скалы.

— Где ваша мать? — прокричал он.

Девушка покачала головой, шевеля губами. Ридер наклонился к ней и с трудом расслышал:

— Катер... большая скала... убита...

— Ваша мать?

Ольга кивнула. Держа девушку за руку, Ридер потащил ее вверх по ступеням. Грей ждал наверху, на площадке. Взяв Ольгу на руки как ребенка, мистер Ридер понес ее к проходу.

Камнепад продолжался, клубилась пыль. Фонарь Грея погас, фонарь Ридера давал мало света. С трудом они нашли вход в подземный коридор и пошли вперед. Стало тише, грохот падающих камней отдалялся.

— Отпустите меня, я пойду сама, — хрипло сказала Ольга.

Ридер опустил ее на землю, девушка шаталась, но с помощью спутников побрела дальше. Они подошли к подземной комнате, взяли там новый фонарь и освежились водой.

Глоток холодной воды сразу оживил Ольгу.

— Не знаю, как все произошло, — сказала она. — Когда рухнул вход в пещеру, катер понесло назад. От страха я выпрыгнула на причал, и тут же каменная стена обрушилась на палубу. Я кричала, но не слышала собственного голоса... Это наказание, я знаю, наказание...

Ольга закрыла лицо руками и зарыдала.

— Не надо плакать, — резко сказал мистер Ридер. — Где мисс Белман?

Ольга покачала головой.

— Куда она ушла?

— Она бежала вверх по лестнице. Отец сказал, что она сбежала. Разве вы не видели ее? — спросила девушка, поднимая заплаканное лицо. Она начала догадываться, почему Ридер так упорно расспрашивал ее о Маргарет.

Внимательно глядя на девушку, мистер Ридер покачал головой.

— Скажите правду, Ольга Крю. Мисс Белман действительно убежала, или ваш отец ее...

Ольга энергично покачала головой, но не смогла ничего сказать. Если бы Грей не подхватил ее, она упала бы на пол.

— Придется отложить вопрос, — сказал он.

Мистер Ридер схватил фонарь со стола и направился в сторону колодца. Сзади в проходе раздался грохот, шум из пещеры прекратился. Ридер понял, что произошло.

— Земля продолжает оседать, — сказал он. — Надо выбираться отсюда.

Они поспешили к колодцу, у которого с радостью заметили висящую веревку со спасательным поясом. Рядом с веревкой на проводе висела телефонная трубка. На «алло!» Ридера медленно последовал ответ сверху.

— Как вы там, внизу? У нас все шатается, как во время землетрясения.

Грей застегнул спасательный пояс вокруг талии девушки и сказал:

— Не падайте в обморок в колодце, понятно? Они будут поднимать вас медленно, старайтесь не зацепиться за стенку колодца.

Девушка кивнула, мистер Ридер подал сигнал. Веревка натянулась, и Ольга пошла вверх.

— Теперь ты, Грей, — сказал мистер Ридер.

Тот заколебался.

— А вы, сэр?

Вместо ответа Ридер указал на нижнюю скобу, схватил Грея за ногу и с неожиданной силой поднял его вверх. Грей ухватился за железку.

— Держись за скобу и опусти мне конец ремня, я поднимаюсь и перелезу через тебя, — сказал Ридер.

Ридер, любивший говорить о своем преклонном возрасте, поднялся вверх с ловкостью акробата. Надо было спешить, каменная кладка колодца и стальные скобы вздрагивали, непрерывно падали камни. Некоторые скобы выдергивались из стенки при малейшем усилии. Когда они были в середине пути, противоположная стенка колодца начала выгибаться, сужая проход.

— Почему вы остановились? — с беспокойством спросил Грей.

— Почесать голову! — огрызнулся Ридер. — Быстрей!

Они поднялись на сорок—пятьдесят футов, когда внизу под ними посыпались камни, колодец задрожал.

Вверху были видны ночные звезды и лица солдат, с беспокойством смотревшие в колодец.

— Быстрее! — прохрипел Ридер, стараясь двигаться так же быстро, как и более молодой Грей.

Внизу опять грохнуло. Ридер стиснул зубы.

— Боже, помоги Маргарет выбраться оттуда или сделай ее смерть быстрой!

Они поднимались все выше, дыхание Грея стало неровным.

— Больше не могу! Нет сил, — простонал он.

— Шевелись... сын! — крикнул Ридер. Неизвестно, что помогло Грею — или энергичное выражение из уст выдержанного Ридера, или близость спасения, но он двинулся быстрее, и скоро оказался в крепких руках солдат.

Мистер Ридер, покачиваясь, смотрел на окружавших колодец солдат. Ему казалось, или действительно земля под ногами качалась?

— Больше никого нет, мистер Ридер? — спросил офицер-сапер.

Мистер Ридер покачал головой.

— Все свободны! — приказал офицер. — Бегом к дому и дальше, на дорогу в Силтбери. Берег продолжает оседать.

Факел был затушен, и солдаты побежали к замку.

— А где эта девушка, мисс Крю? — вспомнил Ридер.

— Она уже в замке, — сказал Билл Гордон, появляясь из темноты. — Кстати, Ридер, мы захватили грузовик с золотом, в нем было двое — некие Хотлинг и Дин. Думаю, вам известны их настоящие имена. Мы взяли их, когда они хотели загнать грузовик в пещеру в каменоломнях. За успех операции вы кое-что получите.

— К черту вас и ваше поощрение! — выкрикнул Ридер. — Что все это в сравнении с тем, чего я лишился?

Промолчав, Билл Гордон поступил мудро.

На первом этаже замка было полно солдат, детективов и полицейских. Ольга находилась в кабинете Давера, вокруг нее хлопотали три служанки. Хотя девушка умылась и была в сознании, ее состояние нельзя было назвать нормальным.

Она долго смотрела, не узнавая мистера Ридера и пытаясь вспомнить, где она с ним встречалась. Наконец, Ольга заговорила:

— Что-нибудь известно об отце?

— Нет, — ответил Ридер, и добавил жестко: — Думаю, для вас будет лучше, если его уже нет в живых.

Ольга кивнула.

— Он мертв, — уверенно сказала она, с трудом села и посмотрела на прислугу. Мистер Ридер понял, что Ольга хочет что-то сказать и велел женщинам выйти.

— Не знаю, что будет со мной, — сказала она, — вероятно, меня арестуют, меня надо арестовать, ведь я знала обо всем и пыталась заманить вас в ловушку.

— На Беннет-стрит, — сказал мистер Ридер. — Я узнал вас еще когда приехал сюда. Вы — та женщина, только вы были в гриме.

Ольга снова кивнула и продолжала:

— Прежде чем меня увезут, разрешите взять некоторые бумаги из сейфа. Они никому не нужны, кроме меня.

Любопытный Ридер спросил, что это за бумаги.

— Письма... в большой плоской коробке... даже Давер не осмеливался трогать их. Видите ли, мистер Ридер, до замужества у меня был небольшой роман, как у всех молодых невинных девушек, верящих в Бога... Мой муж убит?

Мистер Ридер ответил не сразу. Потом он решил, что рано или поздно Ольга все равно узнает правду, и сказал:

— Ваш муж мертв.

— Мой отец?..

— Думаю, что ваш отец убил его. И боюсь, что по моей вине. Я искал Маргарет и сказал Даверу, что знаю о его браке, а ваш отец был за стеной и подслушал.

— Понятно, — просто сказала Ольга. — Конечно же, это отец убил Давера. Это должно было случиться. Я рада, что все кончилось. Вы не считаете меня жестокой? Я не то чтобы рада, просто я почувствовала облегчение. Так вы достанете мои письма?

Ольга вытянула из-под блузки золотую цепочку с двумя ключами.

— Один из них от сейфа. Если хотите, вы можете просмотреть письма, но лучше не надо.

В комнату поспешно вошел молодой сапер.

— Извините, сэр, но капитан Мерриман считает, что лучше выйти из замка. Все слуги собраны и выезжают в Силт-бери.

Ридер помог девушке подняться на ноги.

— Возьмите эту леди с собой, — сказал он, и добавил,

повернувшись к Ольге: — Я постараюсь достать ваши письма, возможно попрошу вас показать их мне.

Когда офицер вышел, Ридер вздохнул:

— Почему-то мне хочется быть добрым по отношению к молодым влюбленным. Считайте это признанием влюбленного старика...

Его голос стал хриплым, в лице было что-то, от чего Ольга едва не заплакала.

— Маргарет Белман? — тихо спросила она и угадала ответ, хотя мистер Ридер ничего не сказал.

Пережитая трагедия изменила этого странного человека не первой молодости, сумевшего сохранить в сердце юность. Он мягко коснулся плеча девушки.

— Идите, дорогая. Я сделаю для вас все, что смогу.

Он подождал, пока Ольга вышла, затем прошел в опустевшую гостиную. Казалось, минула целая вечность с тех пор, как Ридер сидел здесь с чашкой чая и печеньем.

Полутемный зал был полон призраков прошлого. Замок Слез! Эти стены видели много горя...

Ридер подошел к деревянной панели, потрогал след от ножа и улыбнулся. Какая мелочь!

Неожиданно пол под ним вздрогнул, часть ламп погасла. Следователь понял, что движение грунта нарушило проводку. Он поспешил в прихожую и выбежал на улицу, но потом вспомнил о просьбе Ольги.

Фонарь по-прежнему висел у него на шее. Ридер включил его, подошел к сейфу и вставил ключ. Дом снова вздрогнул и закачался, как пьяный. Послышался звон стекла, треск дерева. Следователь заколебался и хотел выбежать, но вспомнил о своем обещании. Д.Г. Ридер всегда выполнял обещания. Он снова вставил ключ в замок, повернул его, потянул огромную дверь на себя — и Маргарет Белман упала ему в объятия!

Ридер держал на руках девушку, находившуюся в полуобморочном состоянии и глядел ей в слабо освещенное отраженным светом фонаря лицо. Неожиданно сейф, из которого выпала Маргарет, качнулся и провалился в подземелье.

Ридер подхватил девушку на руки и через вестибюль выбежал на улицу. Кто-то позвал его по имени, и следователь побежал на голос. В одном месте он чуть не упал, споткнувшись о небольшую трещину в земле.

Маргарет была жива, Ридер чувствовал ее дыхание на щеке, и это придавало ему силы.

Сзади раздавался треск падающих стен, грохот оседающей земли, шум рушившихся меловых скал. Но Ридер слышал только дыхание любимой женщины и чувствовал биение ее сердца.

— Наконец-то! — крикнул кто-то, принимая Маргарет Белман из рук Ридера. Рослый солдат почти втолкнул следователя в санитарную машину, и Ридер упал, вытянувшись во весь рост и переводя дух, рядом с Маргарет. Машина рывком тронулась с места и помчалась по дороге, прочь от опасного места. Позади них, в темноте с грохотом и треском раскалывался на части Замок Слез, результат труда древних каменщиков по частям сползал в пропасть, чтобы навсегда исчезнуть с лица земли.

На следующий день взору любопытных туристов, прибывших поездами и автомашинами на место чудовищного оползня, предстала единственная уцелевшая стена замка. Она стояла над самым обрывом, из нее торчали остатки пола с кроватью, залитой кровью убитого стариком Флаком Давера...

По просьбе мистера Ридера Ольга Флак пришла в его квартиру на Беннет-стрит, чтобы рассказать действительную историю о событиях, имевших место в замке в последние дни. Ее рассказ несколько отличался от ее официальных показаний, сделанных для полиции и опубликованных в прессе.

Мистер Ридер без привычного пенсне и ранее сбритых бакенбардов выглядел менее официально.

— Боюсь, что Равини был убит, — сказала она. — Но вы ошибаетесь, если думаете, что я заманила его в свой номер по поручению отца. Равини был очень сообразительным, он сразу же узнал меня. Он приехал в замок Лармес ... — тут Ольга запнулась, — ну, ему очень нравилась мисс Белман. Он сам сказал мне об этом, меня это немного позабавило. Я тогда еще не знала фамилии Равини и тем более не имела представления о его причастности к аресту отца. Но мой муж знал обо всем. Равини назвал себя, и что-то в моем поведении или в сказанном мною напомнило ему о школьнице, которую он знал раньше. Как только Равини узнал, что я дочь Джона Флака, он сразу же понял, что попал в самый центр шайки моего отца.

Тогда итальянец начал расспрашивать меня, где спрятаны так называемые миллионы Флака. Я поняла, почему Давер принял Равини в пансионат, и ужаснулась.

Мой отец недавно сбежал из Бродмура, и меня беспокоило,

не участвует ли он в грязной проделке Давера. Я разволновалась и почти выдала своего отца, рассказав Равини о его бегстве. Равини отнесся к услышанному спокойнее, чем я предполагала, он переоценил свои силы и был слишком самоуверенным. Итальянец не мог знать, что отец практически находится рядом, что он каждый вечер приходит в замок из пещеры...

— Удобный выход в пещеру был через сейф, — сказал мистер Ридер. — Очень остроумное решение. Признаюсь, что я бы не скоро догадался о настоящей роли сейфа.

— Сейф был установлен моим отцом лет двадцать тому назад, — продолжала Ольга. — Из замка всегда были ходы в пещеру, которая использовалась древними владельцами как темница и место для захоронения.

— Но почему Равини пошел к вам в номер? — спросил мистер Ридер. — Извините за нескромность, но мне хотелось бы знать правду...

Ольга кивнула.

— Это была моя последняя попытка убедить Равини покинуть замок. Не забывайте, что за мной непрерывно следили, Давер и мать постоянно были рядом. Я не могла допустить, чтобы через них отец узнал о том, что я предупредила Равини об опасности. Но вы знаете Равини, он усмотрел другую причину в приглашении. Он вынудил меня рассказать ему обо всем, я просила его покинуть замок первым утренним поездом...

— И что конкретно вы сказали ему? — спросил Ридер.

Ольга не ответила, и мистер Ридер повторил свой вопрос.

— Я сказала, что мой отец поклялся убить его...

Мистер Ридер прикрыл глаза.

— Вы говорите правду, Ольга? — мягко спросил он, и девушка сильно покраснела.

— Вы мне не верите? — почти с вызовом спросила она. — Тогда слушайте. Я знаю Равини еще с тех пор, когда я была совсем маленькой. Он значил для меня... очень многое. Он навещал меня в школе...

— Он мертв?

Ольга только кивнула, губы ее задрожали.

— Да, — наконец сказала она. — Самое ужасное в том, что он не сразу узнал меня, он совершенно забыл обо мне и вспомнил только тогда, когда я сама напомнила ему о прошлом...

— Он мертв? — повторил свой вопрос мистер Ридер.

— Да, — ответила Ольга. — Они убили его, когда Равини

вышел из моего номера... Не знаю, что они сделали с телом. Думаю, как обычно, через сейф...

Она вздрогнула.

Мистер Ридер дотронулся до ее руки.

— У вас остаются воспоминания и письма, — сказал он плачущей девушке.

Когда Ольга ушла, мистер Ридер подумал, что Равини, наверное, писал очень любопытные письма.

21

Маргарет Белман решила устроить себе отпуск и провести его в приличном месте. Свои соображения по этому поводу она изложила в письме мистеру Ридеру:

«В мире есть только два места, где я могу чувствовать себя счастливой и в безопасности, — написала она. — Первое — Лондон и второе — Нью-Йорк, там на каждом углу стоит полицейский и собраны вместе все развлечения. Поэтому я прошу Вас найти время и побывать со мной в театрах, перечисленных в конце моего письма, а также в Национальной галерее, в Британском музее, в Лондонском Тауэре (хотя нет, подумав, я исключаю из списка Тауэр, он такой средневековый и страшный), в Кенсингтонском саду и в других местах, где очень весело. А если серьезно, дорогой Д. Г. (я знаю, Вы поморщитесь от моей фамильярности, но я решила отбросить всякий стыд), я хочу стать частью большой, здоровой толпы, мне так надоело быть одинокой истеричной женщиной».

И письмо продолжалось в подобном духе. Мистер Ридер достал записную книжку, с помощью синего карандаша прошелся по списку ожидающих его дел и написал ответное письмо, такое осторожное и напыщенное, что читая его, Маргарет смеялась про себя.

Она не упомянула Ричмонд-парк и хорошо сделала, поскольку поздней осенью, когда его продувают холодные ветры и олени уходят на зимние квартиры (если существуют зимние квартиры для оленей), этот парк может доставить эстетическое удовольствие только взору тех, кто защитил свое тело теплым шерстяным нижним бельем.

И все-таки в один скверный пасмурный день мистер Ридер заказал такси и торжественно уселся рядом с мисс Маргарет Белман в машине, которая по скверной ухабистой дороге добралась до парка и въехала на его территорию через чугунные ворота.

Они вышли на заросшую травой и кустами лужайку, где летом цветут рододендроны. Тропинка привела их к склону, там они сели, постелив коврик, причем мистер Ридер пробормотал что-то о ревматизме.

— Но почему Ричмонд-парк? — спросила Маргарет.

Мистер Ридер прокашлялся.

— С Ричмонд-парком у меня связаны... гм, романтические воспоминания. Он напоминает мне о первом аресте, произведенном мною...

— Хватит о мрачных делах, — предупредила Маргарет. — Не вижу ничего романтического в воспоминаниях об аресте. Поговорим о чем-нибудь более веселом.

— Тогда будем говорить о вас, — осмелел мистер Ридер. — И именно намерение поговорить о вас, моя дорогая... гм, мисс Маргарет, привело нас в Ричмонд-парк.

Он взял руку девушки так бережно, как будто это было бесценное произведение искусства, и неуклюже стал перебирать ее пальцы.

— Дело в том, моя дорогая...

— Не говорите «мисс», — попросила Маргарет.

— Моя дорога Маргарет, — с трудом продолжал мистер Ридер, — я пришел к выводу, что жизнь слишком коротка и нелзя больше откладывать осуществление моего намерения, которое... — И он безнадежно застрял в бесчисленных «гм», иногда переходящих в «э-э».

Следователь сделал новую попытку:

— Человеку моего возраста и с моими особенностями следует быть более серьезным, но как ни странно, суть заключается в том...

Суть, какой бы она ни была, не находила выражения в словах.

— Суть в том, — спокойно сказала Маргарет, — что вам кажется, что вы влюблены.

Мистер Ридер согласно кивнул, но затем энергично затряс головой.

— Мне не кажется, я уже прошел этап предположений. Я уже не слишком молод... я превратился в закоренелого... нет, не в закоренелого...

— Вы считаете себя закоренелым холостяком, — подсказала Маргарет.

— Нет, не закоренелым, — твердо сказал он.

Маргарет повернулась, положила руки на плечи мистеру Ридеру и посмотрела прямо ему в глаза.

— Дорогой мой, — сказала она, — вы надумали жениться, и вы хотите, чтобы кто-то вышел за вас замуж. Но вы считаете себя слишком старым и не хотите испортить ее молодую жизнь.

Мистер Ридер молча кивнул.

— Речь идет о моей молодой жизни, дорогой? Если так, то...

— Да, о вашей, — голос Д.Г. Ридера совсем охрип.

— Пожалуйста, испорти мою молодую жизнь, — сказала Маргарет Белман.

И впервые мистера Ридера, видевшего в жизни так много и, в основном, мрачного, поцеловала женщина.

— Боже мой, — переведа дух, сказал мистер Ридер. — Как хорошо!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Брэм Стокер. Навеки ваш, Дракула...</i>	3
<i>Брайан Элдиот. Чалдеронские монахи</i>	161
<i>Фрэнк де Лорка. Кровавая обитель</i>	249
<i>Эдгар Уоллес. Замок ужаса</i>	325

Выпуск издания
осуществлен фирмой
“Интерпракс”

КРОВАВАЯ ОБИТЕЛЬ
Повести и романы ужасов

Подготовка оригинал-макета, перевод
и составление серии ИПП «AMEXLTD»

Редактор Л. Моргун
Корректоры Г. Шаровка, О. Кириллова

Сдано в набор 25.08.92 г. Подписано в печать 29.09.1992 г.
Бумага офсетная. Формат 84х108 1/32. Гарнитура “Таймс”.

Печать офсетная. Усл.печ.л.21.3. Уч.изд.л.22,9.

С —48 Тираж 100 000 экз. Заказ №3387

А/о “Вече”
103030, Москва, Суцеская, 21

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме
“Красный пролетарий”
РГИИЦ “Республика”

103473, Москва, Краснопролетарская, 162

